

Колдовские

Миры

РИДЖИЙСКИЙ ГАМБИТ ИНТЕГРИРОВАТЬ СВЕТ

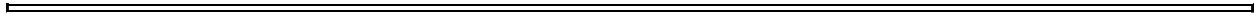
ЕВГЕНИЯ САФОНОВА

Annotation

Шахматная партия между Темными и Светлыми продолжается. Семена зла, посеянные таинственным кукловодом восемнадцать лет назад, проросли в настоящем. Еще немного, и мир людей, дроу и эльфов будет сметен войной. Уже не рабыня, но признанный стратег и тактик, Снежка готова помериться силами с неведомым противником. И пусть у нее нет магии, но волшебной силой обладает тот, кто рядом. Колдун, которому так хочется доверять. Которого так трудно любить. Который принадлежит не ей. Или... правильно разыгранная партия способна изменить судьбу? Пришла пора проверить!

- [Евгения Сафонова](#)
 -
 -
 -
 -
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвёртая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Эпилог](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)

- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)

Евгения Сафонова

Интегрировать свет

© Сафонова Е., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

*Выражаю сердечную благодарность семье, поддерживавшей меня во всём, читателям, ждавшим продолжения,
Ришику – за песню Лода,
Снежке Ю. и Жанне К. – за игры подсознания и образ Белой Ведьмы,
Наде Р. и Володе К. – за посиделки на кухне и вы-знаете-какую-сцену,
Илье М. – за критику шахматных косяков,
Red[A]ctors Team и Ире В. – за всё хорошее,
Анне Неустроевой – за бережную редактуру,
а также нашей Банде и отдельно Дане Арнаутовой – за то, что когда-то замотивировали меня продолжить ту историю, которая теперь заканчивается.*

*Посвящается по-прежнему славному дому Альянс,
а также благородному Джонатану из рода Берг
и его леди Келли из рода Онг.*

*Still dedicated to the glorious House Alliance
as well as the noble Jonathan of House Berg
and his lady Kelly of House Ong.
Long Live [A]lliance!*

ИНТЕГРИРОВАТЬ – объединить какие-либо части в единое целое (книжн.); сплотить, объединить политические, экономические, государственные и общественные структуры в рамках региона, страны, мира (полит.); сохранив культурные индивидуальности, присущие разным группам, объединить их в одно

общество на иных основаниях (этнолог.); найти интеграл (матем.).

Перефразируя словари

*...ни во что не веря и никому,
И, случайных встречных огнём слепя,
Догореть дотла и упасть во тьму
До того, как тьма упадёт в тебя...*

Светлана Ос

Иногда почти невозможно заметить, как твоё запястье обвивает нить кукловода. Распознать момент, когда твоя жизнь перестаёт принадлежать тебе и решения, которые ты считаешь своими, оказываются давно придуманными за тебя.

Чаще всего в роли кукловодов выступают боги. Если смотреть на то, что творится вокруг, боги очень любят поиграть. Разыгрывать кровавые представления, мучая своих марионеток. Ведь трагедии наблюдать куда интереснее, чем светлые и добрые истории со счастливым концом. Без драм, без конфликтов. Боги всемогущи – и, будь на то их воля, наверняка бы не допустили, чтобы в мире появилось зло. Чтобы в нём лилась кровь. Чтобы в нём случались убийства, эпидемии, катастрофы... и войны.

И виноваты ли тогда те, кто в этих представлениях выступает на стороне зла? Если таким образом они развлекают богов? Ведь в хороших трагедиях без злодеев никак не обойтись.

Вот о чём думал тэлья Фрайндин из рода Бьортреас, младший брат Повелителя эльфов, когда устал от долгого ожидания и присел на камень, покрытый бархатом зелёного мха.

Лучи ясного дня, просачиваясь сквозь кружево золотой кроны дерева-дворца, заливали цветочные поляны солнечной карамелью. Дворцовый сад эльфов окончательно пробудился ото сна, и птички трели вплетались в журчание фонтанов. Синие, как зимняя полночь, глаза эльфа задумчиво скользили по яркой зелени кустов и деревьев, окружавших тенистую мраморную дорожку, но мысли его были далеко.

Посланцы тёмных. Как давно они с братом не видели Детей Луны... Наследница Тэйранта приходила только сегодня утром, а кажется, будто

уже месяц миновал.

Взгляд Фрайна застыл на самом обычном древесном листе, ничем не отличающемся от прочих; и видел он вовсе не то, на что смотрел.

Память. Забавная штука. И со временем начинает выкидывать странные вещи. То, что было очень давно, не оставляет в покое, будто случилось вчера, зато многое из того, что произошло совсем недавно, отступает на второй план. Все века твоей долгой жизни... нет, они не давили непосильным грузом, как почему-то считали люди. После первой сотни лет, откровенно говоря, жить становится всё легче и легче. В какой-то момент ты просто перестаёшь замечать, как с молниеносной быстротой мелькают дни, сменяя друг друга, – и вот для тебя уже не имеет значения, пять лет прошло или пятьдесят. Вещи, казавшиеся такими важными в юности, с годами совершенно перестают волновать, а отмеренную тебе роль играешь, уже не замечая. Все они здесь, при дворе, играют свои роли, и ему досталась далеко не худшая. Всем им – трём эльфийским принцам, сынам рода Бьортреас – пришлось нелегко. Каждому по-своему.

Фрайн подумал о братьях. Сперва о старшем, затем – о среднем, которого защитила от гнева Хьовфина вечная тьма под горами дреу.

Помрачнел.

Война неизбежна. Очередное кровавое представление на потеху богам, которое, должно быть, сорвет у них бурю рукоплесканий. Как бы ни старался Эсфор, что бы ни пытался сделать, войну не предотвратить. Уже нет.

Но...

– Заскучал?

Мелодичный голосок вплёлся в переливы птичьего пения, и эльф перевёл взгляд на девушку, стоявшую рядом с камнем.

Длинные кудри струились по её спине шёлковым плащом цвета осени и огня. Глаза сияли летней зеленью, яркой и тёплой, как листва деревьев в эльфийском саду. Она сменила платье – должно быть, на это и потребовался час. Лучший эфнийский шёлк, тонкий и прочный, облегал её как вторая кожа: казалось, девушка облачена в наряд из искристой воды, непрозрачной и зеленоватой, и целомудренный закрытый покррой не делал наряд менее откровенным.

Впрочем, Мэрис любила откровенные наряды. Как и шокировать ими окружающих.

Ещё одна черта, разительно отличающая её от уроженок Риджии.

– Ты на меня так пялишься, что паника-паника, – хмыкнула девушка, когда Фрайн помедлил с ответом; на риджийском она говорила

безупречно. – На мне вроде комиксов не нарисовано.

Эльф поднялся с камня:

– От подобной красоты трудно оторвать глаз.

– Нет уж, не надо от меня ничего отрывать. Мне оба глаза дороги как память.

Пару секунд Фрайн просто смотрел на её улыбку, буквально истекающую иронией.

Следом улыбнулся в ответ.

– Ха, – произнёс он. – У тебя блестящее чувство юмора.

Та, которую здесь называли Мэрис, лишь качнула головой с лёгким пренебрежением и, когда Фрайн попытался обнять девушку за плечи, шлёпнула его по рукам.

– Ты в порядке?

– Конечно, в порядке! У меня нервы как у Терминатора. А уж из-за Белоснежки я психовать тем более не собираюсь. – Она погрозила эльфу тонким пальчиком. – И это ещё не повод меня лапать!

Его губы тронула лёгкая усмешка.

– Я так тебе противен, Мэрисуэль?

Волосы эльфа – прямые, свободно опущенные до плеч, – казалось, мерцали лёгким золотым сиянием. Дневной свет, соскальзывая с королевского венца, скатывался по высокому чистому лбу и тонул в тёмной глубине глаз, выделявшихся на бледном лице, молодом и прекрасном.

В синих с серебром одеждах, расшитых лиственными узорами, Фрайн зачаровывал и очаровывал, как солнечный, кристально ясный день на поляне в зимнем лесу, где каждая снежинка искрится крохотным бриллиантом.

– Я же сказала, мне нужно ещё разобраться, что я чувствую! – она заговорила, пожалуй, слишком торопливо. – Мы с тобой меньше двух недель знакомы. Я, может, до сих пор в другого влюблена. А один поцелуй по пьяни ещё ничего не значит!

– Я представил тебя брату. Как свою невесту. И ты согласилась на...

– Это ещё не значит, что я немедленно прыгну к тебе в постель! Я понимаю, конечно, что ты к этому привык, прекрасный эльфийский принц и всё такое, но не на ту напал! Русские девушки так просто не сдаются! – Мэрис горделиво потрянула головой. – Давай-ка ещё раз проясним ситуацию. Вернуть меня в Россию невозможно. Жить мне негде. Я хочу и могу помочь эльфам победить дроу. Я нужна тебе, ты нужен мне. И только поэтому – только! – мы разыгрываем влюблённую парочку. Чтобы у других эльфов вопросов не возникало, что я делаю во дворце. А вздумаешь руки

тянуть куда не надо, ночью отправлю в твои покои Лапочку! Вот с ней и будешь спать.

Фрайн долго разглядывал её. Просто разглядывал, не моргая, лишь чуть сощутив тёмные ресницы.

Затем задумчиво склонил голову.

– Ты очень необычная девушка, Мэрисуэль, – изрёк он.

– Капитан Очевидность спешит на помощь, – саркастично пропела та. – Если б я делала зарубку на стене каждый раз, когда местные мне это говорят...

– Нет. Не из-за твоего исключительного Дара. И не потому, что на тебя не действуют эльфийские чары. И не потому, что тебя слушаются демонические кони. Просто для тебя мой титул, мой возраст, моё положение... лишь пустой звук. И для меня это очень необычно. – Фрайн отступил на шаг. – Хотя бы в прогулке по саду мне не откажешь?

Мэрис – бывшая Машка – милостиво кивнула.

– И не зови меня «Мэрисуэль», сколько можно говорить? – фыркнула девушка, когда они бок о бок направились в глубь сада, неторопливо вышагивая по мраморным дорожкам. – На «Мэрис» я ещё согласна, ладно, но «Мэрисуэль»... Почему местные вообще придумали мне эту дурацкую кличку?!

– Это имя. Женское, в Риджии одно из самых распространённых. И, как ты могла заметить, оно замечательно складывается из твоего собственного имени и первых букв имени твоего рода.

– Сулова – это не «имя моего рода», а фамилия! Фа-ми-ли-я! Тебя вроде в детстве из люльки не роняли, неужели так сложно семь буквочек запомнить?

– В переводе с гамалльского «Мэрисуэль» означает «особенная и загадочная». – Фрайн, казалось, не обратил на её слова особого внимания. – И тебе подходит как нельзя лучше. Отчего же тебе не нравится?

– Так... напоминает кое-что. В нашем мире не слишком лестное.

Навстречу им прошла, ступая легко и неслышно, одна из бывших фрейлин покойной Повелительницы – хрупкая, тоненькая эльфийка в зелёном с золотом платье. Длинная юбка и рукава, расшитые лилиями, шелестели по светлому мрамору следом за ней. Увидев Фрайна, она замерла и отступила в сторону, склонив голову; солнечные, слегка вьющиеся волосы скрыли юное лицо и глаза, смеющиеся небесной лазурью. Брат Повелителя эльфов кивнул ей в знак приветствия.

– Как твои уроки магии? – поинтересовался Фрайн, вновь

повернувшись к своей избраннице.

– Кроук нарадоваться не может. Вчера работали над защитными чарами. – Мэрис самодовольно улыбнулась, удостоив эльфийку разве что беглым взглядом. – Я его попросила показать мне разные проклятия, и у меня пока все с первого раза получались! Мы, правда, только начали, но вот когда я снова встречу с дроу...

Парочка удалялась в глубь сада, пёстро и безмятежного, и эльфийка в платье, расшитом золотыми лилиями, следила, как они уходят. Выпрямившись, цепко и пристально. Следила, пока звонкий голосок Мэрис не стих вдаль, вконец смешавшись с птичьими трелями и журчанием фонтанов.

Лишь тогда бывшая фрейлина развернулась и продолжила путь к высоким двустворчатым дверям, служившим входом во дворец.

Стражи учтиво поприветствовали её, и она улыбнулась им в ответ. Ступила в древесный дворец, сплетённый из сонма тонких золотых лоз; кивая встречным, начала восхождение по паутине дворцовых лестниц до своих покоев, расположенных почти под самой крышей-кроной.

Дорога заняла у неё немало времени. Человек после такого подъёма был бы изнурён, но не одна из Детей Солнца, быстрых и легконогих. Впрочем, войдя в комнату, обставленную простой деревянной мебелью, эльфийка всё же предпочла присесть в кресло у окна, за которым шелестела листва.

Комната была небольшой, с высоким потолком, выдержанной в тех же солнечных тонах, что и весь дворец. Какое-то время её владелица смотрела на осколки ясного неба, видневшиеся в просветах золотой кроны и напоминавшие о витражах. Затем, не вставая, взяла с туалетного столика маленькую костяную шкатулку и положила на колени.

Когда она откинула резную крышку, украшения отразили свет тысячью драгоценных граней, разбив на разноцветные переливы.

Эльфийка задумчиво перебирала ценные безделушки, пока не нашла то, что искала: тяжёлый серебряный перстень с малахитом. Камень был крупный, круглой огранки, с бирюзовыми разводами. Красивый. Хозяйка комнаты долго рассматривала кольцо, положив на ладонь; потом надела на палец, коснулась камня другой рукой, надавила – и тот повернулся.

На обратной стороне его была короткая игла.

Эльфийка дотронулась до неё. Легко, почти нежно. Без опаски. Теперь-то на ней не осталось ни капли яда: уж об этом она позаботилась. Откровенно сказать, от перстня тоже следовало избавиться, но она не смогла. Ей так нравилось иногда смотреть на него... вспоминая застывший

взгляд зарвавшейся смертной девки, посмевшей отобрать у неё Хьовфина.

Простительная слабость. Что значит одна-единственная улика в идеальном преступлении, которое никто не собирается расследовать? Всё и так было ясно, и все в итоге получили то, что хотели. Она – вакантное место рядом с возлюбленным Повелителем. Её народ – ту войну, на которую им давно следовало решиться. Как ни крути, она сделала благое дело, и ради этого стоило пожертвовать одной ничтожной человечкой, которая всё равно умерла бы каких-то пятьдесят-шестьдесят лет спустя. Правда, за восемнадцать лет Хьовфин так и не решился избрать новую Повелительницу, но теперь, когда оба его сына наверняка уже мертвы... Их гибель должна подтолкнуть события в нужном направлении.

А ведь их лица были так похожи на то, другое, которое она ненавидела...

Фрейлина покойной Повелительницы эльфов вновь повернула камень, скрыв иглу, призванную нести смерть. Стащив перстень с пальца, сжала в кулаке маленькую вещичку, почти уже развязавшую большую войну.

Улыбнулась.

Свет одолеет тьму. И Хьовфин из рода Бьортреас будет принадлежать ей. Рано или поздно. А теперь торопить события она не собиралась.

Ведь она ждала этого очень-очень долго.

И ещё подождёт – столько, сколько потребуется.

Глава первая

Шах Кристаэль ^[1]

Всё получилось, пожалуй, даже слишком просто. И началось с того, что милая светловолосая девушка, рыдая от ужаса, забарабанила кулачками в дверь: самую обычную деревянную дверь самого обычного домика, невысокого и бёленого, что приткнулся в одном из переулочков Тьядри.

– Откройте! – громко всхлипнув, тоненько взмолилась девушка. – Откройте, пожалуйста, кто-нибудь! Где я? Как я тут оказалась?

Внимать её отчаянным призывам было некому. Местное время давно перевалило за час, и на Земле это равнялось бы трём ночи. Маленький городок, похожий на ожившую иллюстрацию из книги сказок, спал, и улицы его пустовали. Особенно здесь, на окраине, в тёмном переулке, далеко от таверн, борделей и других мест для ночных развлечений.

Обитатели этого дома, однако, не спали – свет пробивался даже сквозь плотные портьеры, которыми занавесили окна. А за окном, ближайшим к двери, портьеры и вовсе странно подрагивали: будто кто-то, стоя за ними, сквозь незаметную щёлочку вглядывался в незваную гостью, плакавшую на крыльце.

Однако за дверью молчали.

– Пожалуйста, – девушка медленно сползла на колени, скользя ладонями по тёмному дереву, царапая его ногтями, – это всё сон, страшный сон, это ненастоящий город, такого не бывает, я... я домой хочу-у...

Когда девушка, согнувшись пополам, закрыла лицо руками, дверь всё же приоткрылась.

– Что стряслось, девочка? – спросил мужчина, застывший за порогом.

Он был рослым, подтянутым, черноволосым. В простых тёмных штанах и рубашке – тоже тёмной. Голос его звучал ласково, но взгляд сверху вниз, которым он изучал незваную гостью, колот холодом.

Девушка с надеждой вскинула голову, и свет влажными отблесками заплясал в её наивных голубых глазах.

– Я... где я? Что произошло? Вы поможете мне? – она молитвенно сложила ладошки. – Я просто возвращалась домой, а потом вдруг оказалась тут, но... это не мой дом, не мой город, таких городов не бывает, они же есть только в книжках! Вы знаете, что со мной случилось? Как мне вернуться обратно?

Взгляд мужчины скользнул по её нежному сердцевидному личику, обрамлённому каскадом светлых локонов. Потом ниже: по шелковому шарфу, плотно обмотавшему тонкую шейку, чёрной футболке с ярким рисунком, туго обтянувшей пышную грудь, и джинсам, которые пачкались о гранитное крыльцо.

Оглянувшись через плечо, он вполголоса бросил: «Да, она из другого мира», явно обращаясь к другим обитателям дома, которые предпочли следить за происходящим издали. Ответом ему послужил приглушённый смешок.

А ещё фраза «пригласи её».

– Ты в Риджии. В королевстве людей. – Мужчина распахнул дверь шире. – Ты попала в другой мир.

– В другой мир?! Но... этого не может...

– Нет, это *может* быть. И ты не первая в это вляпалась. Но на пороге такие разговоры не ведут. – Хозяин дома протянул девушке руку. – Мы с друзьями будем рады помочь. Остайся у нас до утра, выпишись и отдохни. А утром, значит, расскажем тебе всё, что захочешь узнать.

– Правда? – облегчённо выдохнув, та радостно приняла ладонь гостеприимного незнакомца. – Спасибо!

Мужчина саркастично улыбнулся.

– Не стоит. Ты можешь войти.

Дверной порог полыхнул мгновенным, почти незаметным серебристым сиянием, и девушка настороженно замерла.

– Что это было?

– А, не обращай внимания. Охранная магия.

– Магия? Здесь существует магия?

– Здесь много чего существует. Так ты идёшь или нет?

Смиренно кивнув, девушка переступила порог.

Дверь закрылась.

В щель между этой самой дверью и косяком вдруг прорезался розовый, ослепительный яркий свет, послышался отзвук короткого, тут же оборвавшегося вопля – и свет померк.

Дверь открылась.

– Чисто, – выкрикнула Криста, сжимая в руках цветочный лук, глядя на крышу соседнего дома, прямо туда, где скрывалась наша троица. – Быстрее, пожалуйста!

Как я и думала, представление увенчалось успехом.

Я ощутила движение, совсем рядом с моим лицом: Лод махнул рукой, снимая чары невидимости, и взял меня за руку ещё прежде, чем его

очертания проявились из ясного ночного воздуха.

Дэнимон спрыгнул первым – легко и непринуждённо, приземлившись на обе ноги, мигом выпрямившись, – и тут же рванул к невесте. Лод шагнул вниз следом, увлекая меня за собой, и спустя мгновения мягкого неторопливого полёта мы коснулись ногами брусчатки.

Криста, стоявшая за порогом чужого дома, тем временем уже протягивала руку эльфийскому принцу.

– Ты можешь войти, – молвила она на риджийском, когда их пальцы соприкоснулись.

Дверной косяк вновь полыхнул серебристой вспышкой, защитные чары приняли нового гостя – и Дэнимон шагнул внутрь, чтобы одарить невесту торопливым поцелуем.

– Ты вроде говорила, что в институт не поступила? – поинтересовалась я у бывшей сокамерницы, следом за Лодом взбегая на гранитное крыльцо. – Ты явно выбрала не тот профиль. Театралки в твоём лице точно многое потеряли.

Криста фыркнула, скрывая смущение. Лук в её руке светился мягким зеленоватым сиянием: длинная изогнутая древесная ветвь, живая, с нежной корой цвета корицы, на обоих концах пушившаяся листьями. Тетивой служил тончайший лучик зеленоватого света, древко обвивала розовая лоза, усыпанная мелкими цветами.

Убийственная красота.

Лод протянул руку, ожидая приглашения.

– Ты можешь войти, – повторила Криста, сжав ладонь колдуна в своей. Моя одежда бывшей сокамернице была не совсем по размеру: футболка едва прикрывала живот, пуговица на джинсах грозилась отскочить в любой момент. Серебряный ошейник надежно спрятался под шарфом.

Я приняла приглашение последней, перешагнув порог, когда Лод уже защёлкивал серебряные кольца на шеях обитателей дома. Трое наёмников лежали ничком, сладко похрапывая, щедро осыпанные розовыми лепестками, мерцавшими в полутьме широкого коридора.

Лук Кристи не убивал, а усыплял. Нет, убить тоже мог, как сказал Лод – при должном желании и концентрации, – но Криста до этого пока не доросла. И я сомневалась, что когда-нибудь дорастёт.

Наверное, оно и к лучшему. В этом мире должны жить не только тёмные драконы, но и невинные цветочные феи.

Я долго вглядывалась в лицо красномордого усатого толстяка, мучительно пытаюсь понять, откуда я его знаю. Потом с удивлением осознала: это его мы с Лодом встретили в дверях гостевого дома «Чёрная

кошка» в день, когда пленили Навинию. Значит, клещи вокруг принцессы и её спутников смыкались уже тогда...

Что ж, закономерно.

Дэнимон стремительно прошёл в глубь дома, обнажив меч, держа его в опущенной руке. Искал того, за кем мы сюда пришли. Криста побежала следом, но я подозревала, что их поиски не увенчаются успехом – вряд ли всё могло быть так просто.

Впрочем, мешать парочке я не собиралась.

– Вот так. – Замкнув последний ошейник, Лод посмотрел на меня, и улыбка в его глазах послужила мне даже большей наградой, чем последующие слова. – Спасибо за прекрасный план.

Всё же эффект неожиданности – великая вещь. Да, Криста невероятно сильная магичка, а волшебный лук перезаряжался сам, позволяя стрелять почти с быстротой пистолета; но, будь наёмники готовы к нападению, схватка не была бы настолько лёгкой.

– Не за что. – Я посмотрела на лица похитителей принца Фаника, такие безмятежные во сне. – Теперь давай выясним, где принц.

И память снова вернула меня в сегодняшнее утро, казавшееся таким далёким, будто переговоры со светлыми состоялись минимум месяц назад.

...крепко сжав руку Лода, я поднялась на ноги. Оглядела гостиную, всё ещё представлявшую собой немую сцену: Криста, Дэнимон и Навиния растерянно переглядываются, Алья, нехорошо щурясь, созерцает стену напротив, Морти и Восхт смотрят на нас с Лодом, точно ожидая руководства к действию.

Как выяснилось, ожидания их были ненапрасными.

– Принц, – мягко произнёс Лод, разорвав рукопожатие и повернувшись к столу, за которым сидели пленники, – я понимаю, что меньше всего на свете вы хотите сотрудничать с нами. Но сейчас помочь мне в ваших интересах.

Дэнимон вскинул голову:

– Помочь вам?..

– Ваш брат. Принц Фаникэйл. Я хочу найти его не меньше, чем вы.

– Фаник... – Дэнимон моргнул. Потом вскочил – видимо, лишь сейчас осознав всё, что услышал за время переговоров. – Фаник! Что с ним? Где он?

– Мы знаем не больше вашего. Наши посланцы сказали правду, последний раз мы видели его в Тьядри. Как и принцесса. – Лод перевёл взгляд на Навинию. – Когда вы погнались за мной, вы оставили Фаникэйла

в гостевом доме, велев ждать вашего возвращения. Верно?

Та только кивнула.

– Я надеялся, принц довольно быстро поймёт, что вы не вернётесь. Или и вовсе сразу найдёт возможность связаться с отцом, дабы позвать на помощь и заодно передать моё послание. Он ведь благоразумный юноша.

В паузе, последовавшей за этими словами, прозвучало немое «в отличие от вас». И, похоже, Навиния расслышала это не хуже меня; во всяком случае, иной причины высокомерно вздергивать носик у неё вроде не было.

– И куда он пропал? – продолжил Лод. – Наши шпионы не могли присматривать за ним постоянно, и с того дня они его не видели. Я предположил, что Фаник поспешил отправиться домой: скорее всего, прибег к услугам колдуна, чтобы переместиться туда мгновенно. Однако он просто исчез. Эльфы искали его и не нашли, а ведь на обоих принцев наложены следящие чары, которые не рассеются даже с их смертью. Верно?

Дэнимон кивнул, и я вспомнила фразу, некогда брошенную Навинией. Про некий «маячок» принца. Видимо, Повелитель Хьовфин позаботился о том, чтобы он мог разыскать сыновей всегда и везде – эдакий местный аналог чипирования. Но, как когда-то мне любезно сообщила Криста, горы дреу зачарованы, и наверняка пресекали сигналы «маячка» так же, как не давали Кристе ментально связаться с Дэнимоном. А когда маячок Фаника, как и Дэна, оказался «вне зоны действия сети», со стороны эльфов вполне логично было предположить, что обоих принцев пленили тёмные.

Значит, Фаник не просто свалился больным на каком-нибудь постоялом дворе. И даже не попался разбойникам с большой дороги, если таковые ещё не совсем перевелись стараниями Навинии. Нет, принца похитили, и сделал это кто-то, в чьей власти скрыть его мощной магией. Такой же мощной, как та, что охраняла подгорное королевство Детей Луны.

И тогда...

– Мы обязаны разыскать вашего брата, – сказал Лод. – И как можно скорее.

– А вам-то это зачем? – презрительно бросила Навиния. – Вам ведь на руку, что одним светлым принцем стало меньше, и теперь осталось только Дэна убить.

Лод с интересом сощурился.

– Убить?..

– Ваша затея провалилась. Светлые отказались выполнять ваши требования. В таком случае от заложников, знаете ли, принято избавляться. – Навиния выпрямилась, царственная и холодная. – Казните нас сразу? Или воспользуетесь любезной подсказкой Хьовфина и пришлётё нашим подданным по кусочкам?

А ведь она не боится. Ни капельки. В каждом её жесте, в каждом её слове сквозило высокомерие, презрение, но только не страх.

В этот миг я ощутила к принцессе некое подобие уважения. Мало кто не почувствует страха, озвучивая свой смертный приговор.

– Принцесса, если бы мы собирались вас убить, мы бы уже сделали это. Десять раз, – устало изрёк Алья. Навиния оглянулась на него, но Повелитель дроу смотрел на Лода. – Мальчишку надо найти. Кто бы ни был виновен в его пропаже, он обладает невероятной силой, раз смог спрятаться от светлых. И явно хотел подставить дроу. И тогда...

– ...он мог стоять за тем, что случилось восемнадцать лет назад.

Я выпалила это, не задумываясь, – и, лишь закончив фразу, осознала, что мы с Лодом произнесли её вместе.

Да. Всё вставало на свои места. Восемнадцать лет назад загадочный некто отравил Повелительницу эльфов, помешав светлым и тёмным заключить мир. Теперь загадочный некто заставил исчезнуть принца, который нёс светлым весть о новых переговорах – сведя успех этих самых переговоров к нулю. Это не могло быть простым совпадением.

Мы с Лодом не ошиблись. Таинственный кукловод, настойчиво пытающийся развязать новую войну, существует, и теперь он снова заявил о себе.

Надеюсь, это станет его ошибкой.

Я поймала взгляд Лода, в котором сиял тот же азарт, что захлёстывал меня. Моё отражение из зазеркалья, с которым мы даже думаем в унисон...

А потом я заметила, что на нас смотрит Морти, – и торопливо опустила глаза.

Я не отступила подальше от Лода лишь потому, что понимала: это будет выглядеть куда подозрительнее, чем невинный обмен взглядами.

– Вы не сможете его найти, – тихо и безнадежно произнёс Дэнимон. – Если его маячок... и даже отец...

Он осёкся. Видимо, слишком большого труда стоило выговорить последнее слово. Бедный, бедный принц... Кажется, в ближайшее время не только мне предстоит переосмыслить своё видение мира. Навиния вон и вовсе сидит, забыв сомкнуть губы. Впрочем, ей это даже идёт – многие

девушки с открытым ртом смотрелись бы глупо, но не Повелительница людей.

Или стоит называть её «бывшей Повелительницей»?..

– О, принц. – Лод улыбнулся широкой белозубой улыбкой. – Есть некоторые преимущества в том, чтобы быть тёмным... и наследником Ильхта Миркрихэйра. – Протянув руку в сторону, колдун извлёк из воздуха до боли знакомый кинжал с костяной рукояткой. – Единокровный брат? Проще было бы найти лишь вашего близнеца. Но мне потребуется немного вашей крови.

Дэнимон безропотно протянул руку:

– Если это поможет отыскать Фаника, берите, сколько нужно.

– Кровавая магия? – брезгливо осведомился Восхт, когда Лод надрезал принцу внутреннюю сторону ладони.

– Как я понимаю, у светлых она не в чести? – иронично откликнулся придворный колдун тёмных.

– Если бы кто-то из моих одноклассников по Форсивской школе попытался достать хоть один трактат по ней, он бы вылетел в тот же день, как учителя прознали об этом.

– Должно быть, это славно приучало учеников к скрытности и осторожности. – Повернув кинжал лезвием плашмя, Лод провёл им по ране, так, чтобы вся стальная поверхность окрасилась кровавым багрянцем. – Это могущественная магия.

– И опасная.

– Лишь для тех, кто не в силах с ней совладать. Не наследнику Ильхта бояться её. – Лод поднял кинжал на уровень глаз, и на сей раз он помянул своего предка без стыда или горечи. – А теперь попрошу тишины.

Я, как и все, следила за движениями его пальцев, выверенными и изящными, размашисто и уверенно плетущими рунные кружева. Сощуриив ресницы, Лод всматривался в окровавленный металл, словно в зеркало, и я знала – он видит в стальной глади что-то, доступное ему одному.

Затем колдун резко опустил руки.

– Фаникэйл в Тъядри.

– В Тъядри? – недоверчиво переспросила Навиния. – Всё ещё?

– Он жив? – порывисто подался вперёд Дэнимон.

– Да, жив. Ничего точнее сказать не могу. Но теперь я знаю, где его держат, – отложив кинжал на край стола, Лод посмотрел на Морти. – Меняемся кольцами.

Принцесса расширила глаза:

– Сейчас? Ты что, собрался...

– ...в Тьядри, разведать обстановку. Если всё так, как я думаю, у нас каждый час на счету. – Стянув с пальца управляющее кольцо, колдун протянул его возлюбленной. – И я надеюсь, что вы с Алей меня подстрахуете.

Морти безмолвно сняла украшение со своей руки. Вложив кольцо в ладонь Лода, сопроводила коротким поцелуем следовавшие за этим слова.

– Будь осторожен.

– Я всегда осторожен. – Колдун оглядел четвёрку пленников. – Пока мы не решили, что делать дальше, советую вернуться в свои покои. Вам есть что обсудить в приватной обстановке.

Дэн без лишних слов взял за руку Кристу, всё это время сидевшую тихой мышкой, и повёл к двери. Восхт заторопился следом. Последней совету последовала Навиния – неторопливо поднялась и, придерживая длинную юбку смуглыми пальчиками, прошествовала к двери.

Я подозревала, что за маской невозмутимости принцесса прячет бесконечную озадаченность. Я бы на её месте точно недоумевала, почему до сих пор жива.

– Ты уверен, что справишься один? – спросил Аля, когда щелчок замка оповестил, что в гостиной мы остались вчетвером.

– Для разведки вполне достаточно. – Скинув мантию, Лод повесил её на спинку стула. – Чем больше отряд, тем больше вероятность, что его заметят. Тебе ли не знать.

Я следила, как Лод взмахом руки заставляет исчезнуть тёмное знамя – оно так и лежало на полу там, где я его выронила; достаёт из воздуха потрёпанную кожаную куртку и знакомый дорожный плащ; одевшись, призывает в ладонь маленькие костяные ножны, чтобы убрать кинжал.

И осознание того, что произошло, подкатило к щекам волной горечи и стыда.

– Простите меня, – едва слышно произнесла я.

Трое тёмных посмотрели на меня долгими недоумёнными взглядами.

– Если бы Машка не увидела меня... и так не взбесилась...

Я опустила глаза, уставившись на ковёр: от моей крови, заливавшей его вчера, теперь не осталось и следа.

Если честно, я сама не ожидала такой агрессии со стороны Сусликовой. Знала, что она способна на мелкие пакости, но испепелить меня? С ходу, при всех? Хотя да, светлые Машке только «спасибо» сказали бы. За то, что убила мерзких посланцев тёмных сил, исполнив

святой долг Избранной.

Кто бы мог подумать, что Сусликова так сильно меня ненавидит? Что без сомнений, без раздумий попытается меня убить? Кто может предположить, на что способны люди, которых мы вроде бы хорошо знаем, если всего-навсего дать им средства и возможность для того, чтобы удовлетворить свои тёмные желания, оставшись безнаказанным...

– Если бы не я... может, вам бы ещё удалось договориться с эльфами. Но эта девушка... которая была с братом Хьовфина, которая напала на нас – она моя... знакомая, мы с ней не ладили, и...

– ...она упала в реку вместе с тобой, и помимо собственных сил ей достались те силы, что предназначались тебе. А теперь она хочет отомстить тебе за былые обиды, – закончил Лод, сунув кинжал в задний карман брюк. – Знаю. И я рад, что головоломка наконец сошлась.

Я невольно вскинула голову.

– Ты... знал?

– Я же говорил, что у меня есть догадки, почему ты отличаешься от других людей из вашего мира. Я просматривал твои воспоминания. О том, как ты попала в Риджию. И видел вашу ссору. – Лод покрутил на пальце кольцо: почти точная копия того, что украшало мою руку. – Я предполагал, что ты попала сюда не одна, и поручил иллюранди узнать что-нибудь о второй девушке. Но, видимо, Фрайндин слишком быстро её нашёл и слишком хорошо спрятал. Потому я и не мог с уверенностью сказать, верна моя догадка или нет.

– Не вини себя. – Я вздрогнула, когда Морти легко и ободряюще коснулась моего плеча. – Ты тут ни при чём. Повелителя было не переубедить, ты сама видела это. Трудно договориться с тем, кто считает вас убийцами его жены и сына.

– А потому мальчишка нужен нам живым, – подвёл черту Алья. – И здоровым. По возможности.

– Сделаю всё, что в моих силах. – Склонив голову, Лод отвернулся. – Возвращайся в лабораторию, Снезжана. Еду тебе принесут.

Я проследила, как колдун в сопровождении двух дроу идёт к лестнице, ведущей вниз, и покорно направилась к той, что вела наверх.

Следующие часы прошли в бесцельных, сиюминутных занятиях. Я играла сама с собой в скаук, я пыталась изучать магические ловушки, но мысли непременно возвращались к одному и тому же. И в конце концов я просто устроилась в кресле Лода, поджав ноги под себя, тупо глядя на Бульдога, невозмутимо дрыхнущего под столом: в его-то маленьком

мирке ничего не изменилось.

Сусликова. Головная боль, начавшаяся ещё в родном мире, перекочевавшая за мной в этот. Воровка, заполучившая то, что должно было принадлежать мне.

Почему, почему мне не повезло даже в этом? Почему у меня отобрали даже то, что предназначалось мне по праву? Если б я стала такой же, как Машка или Криста... нет, лучше, ведь в моём случае к сногшибательной красоте и суперсилам прилагались бы мозги...

Если бы я стала такой, то, может быть, Лод...

Я стукнула кулаком по ручке кресла – от отвращения к собственным мыслям. И ещё раз. Сильно, до боли в отбитом мизинце.

Нет. Нет никакого «может-быть-Лод». Тебе никогда, ни за что, ни при каких обстоятельствах не соперничать с Морти. Заруби это на своем приплюснутом носу, заносчивая зараза: то, что у тебя нет никакого права даже думать об этом. И хватит себя жалеть. Упиваться собственными страдашками – самое контрпродуктивное занятие из всех возможных.

А раз так...

Высчитав девятую степень шестёрки, я усмехнулась.

Мне не нужны чит-коды^[2] в виде неземной красоты и магических плюшек. До сего дня прекрасно обходилась без них, значит, обойдусь и дальше. И сильный противник лишь придаёт игре интереса. Но аномальный дар Сусликовой может доставить нам серьёзные неприятности; а значит, нужно придумать способ, как вывести её из этой игры.

К счастью, мне как раз были известны занятные серебряные безделушки, являющиеся достойным украшением для нежных шеек строптивых девочек-волшебниц.

Я посмотрела на стол, где на доске для скаука замерли чёрно-белые фигуры, ожидая продолжения заброшенной партии. Взяв в руки белую принцессу, задумчиво повертела её в пальцах, вглядываясь в крохотное деревянное личико.

Судя по всему, моя теория, что попаданцев одаривают ещё и сверхъестественной удачей, всё же верна. А ведь, помнится, мы с Сашкой смеялись над теми книжками, где лихие русские девицы, угодив в другой мир, всегда оказываются в нужном месте в нужное время. Например, совершенно случайно подсматривают за убийством какого-нибудь крутого мага, чтобы тот перед смертью успел передать им свои суперсилы. Или заходят в тёмный переулок ровно тогда, когда нехорошие люди собираются убить там редкого демонического щеночка, который

будет бесконечно предан своей спасительнице и бесконечно опасен для всех, кто косо на неё посмотрит...

Какова была вероятность того, что из всех обитателей Риджии на Сусликову положит глаз брат Повелителя эльфов? Такая же, как у Кристи – что от насильников её спасёт эльфийский принц. Такая же, как у меня – что Алья и Лод пойдут мимо дворцового пруда именно в тот момент, когда там всплывёт моё тело. И что незадолго до моего прибытия Криту понесёт в горы дробу.

Да, мне повезло меньше других. Весьма специфическим образом. Но всё же повезло.

А, значит, повода для страдашек у меня ещё меньше, чем кажется.

Повеселев, я подкинула фигурку на ладони.

Одного только не пойму. Как трёхсотлетний эльф мог влюбиться в двадцатилетнюю девчонку из другого мира? Дэнимона я ещё могу оправдать: он молод, да и Криста, при всех её недостатках, всё же милая девочка. А вот Сусликова... Я знала её достаточно хорошо, чтобы понимать – эпитет «милая» к ней абсолютно не применим.

Зато «вульгарная» – вполне.

Нет, в тех же книжках, над которыми мы смеялись, такое случалось сплошь и рядом. Стоило прекрасным эльфам, драконам и демонам, разменявшим уже не первую сотню лет, завидеть лихую русскую девицу, как они мгновенно проникались к ней вечной пламенной любовью. Ну ладно, иногда всё предварялось стадией ледяных колкостей или обжигающей ненависти, но финал был заведомо известен. И меня всегда интересовало, что прекрасные эльфы, драконы и демоны находили в тех девицах, как на подбор глупых, наглых и хамоватых. Исключительно исследовательский – или гастрономический – интерес выглядел бы куда правдоподобнее.

В книжках всё легко объяснялось тем, что авторы редко озадачивались такой ерундой, как правдоподобность. Их куда больше интересовало воплощение своих розовых и зачастую влажных фантазий. Но это – жизнь. И с чего тогда Фрайндину приглянулась Сусликова?

Может, в действительности это просто я ни черта не смыслю в мужской психологии?..

– Интересный расклад.

Я повернула голову, посмотрев на Лода: он умудрился войти неслышно и теперь стоял за высокой спинкой кресла, опершись на неё ладонями, глядя на доску.

– Я вижу, у светлых преимущество, – заметил колдун.

– Как и в жизни. – Я сжала деревянную фигурку в пальцах. – Что

удалось разузнать?

– Принца держат в обычном жилом доме. Правда, защита на нём необычная. Честные люди на свои жилища такую не накладывают. – Лод заправил за ухо длинную русую прядь, выбившуюся из узла, в который он завязывал волосы. – Она не самая сильная, но довольно эффективная. В дом может войти лишь тот, кого пригласил один из находящихся внутри.

– Что-то вроде тех чар, которые ты наложил на дворец?

– Не совсем. Чтобы преодолеть мои, достаточно добиться устного приглашения. Здесь же требуется, чтобы тот, кто находится в доме, протянул тебе руку, и уже после добавил необходимую словесную формулу. – Лод задумчиво поднял глаза к потолку. – С другой стороны, моя защита хороша тем, что всё завязано на хозяев дома. Приглашение возымеет силу, лишь если его произнесу я или Алья. А там... тот, кто уже попал в дом, имеет полное право пригласить кого-то ещё.

– То есть один гость, попавший внутрь, может пригласить другого гостя?

– Да. Но только пока находится в доме.

– А кто похитители? Тебе удалось их увидеть?

– Одного. Они осторожны, окна занавесили, наружу не выходят. При мне прибежала девушка, видимо, от зеленщика. Приносила им еду. Они даже её внутрь не пустили: деньги отдали, не выходя на крыльцо, пакет с едой забрали так же. Хотя, как мне показалось, пустить девушку они бы не отказались... если б знали, что её никто не будет искать. – Губы колдуна исказила кривая усмешка. – Я видел того, кто её встречал.

Лод махнул рукой, и в воздухе возникло нечто вроде голограммы – полупрозрачное мужское лицо, смуглое и весёлое, с тонкими чёрными усиками и паскудной улыбкой. Красивое, пожалуй.

– Он известен в народе как Весельчак Тэм, – сказал Лод. – Когда-то был правой рукой разбойника по кличке Кровавый Роб. Известный убийца, садист и насильник, предпочитает светловолосых девушек-полукровок.

Лицо Весельчака Тэма резко утратило для меня какую-либо привлекательность.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Показал его лицо Навинии. Подумал, вдруг принцесса его узнает – она же у нас практиковала охоту на разбойников. И не ошибся. – Лод сжал кулак, и волшебная голограмма исчезла. – Навиния разбила шайку Кровавого Роба пару лет назад. Сам Роб отправился на виселицу, но Весельчаку удалось бежать и залечь на дно. Видимо, тогда он и решил не возвращаться на большую дорогу, а податься в наёмники.

– Должно быть, в очень крутые наёмники. Кому попало похитить принца не поручат.

– С такой-то славой, думаю, у него не было проблем с тем, чтобы построить успешную карьеру в определённой области. Он отпустил волосы и отрастил усы, обычно его не узнают. Но Навиния его милое личико запомнила хорошо. – Лод потёр подбородок; его щетина грозила через недельку-другую перерасти в полноценную бороду. – Я узнал, кто находится в доме. Есть особое заклятие, позволяет понять, сколько в здании живых существ и кто они. Некоторые защитные чары блокируют его, но не эти. Помимо папеев, я обнаружил внутри двух обычных людей, одного мага и одного эльфа.

– С эльфом всё понятно. А остальные, значит, пособники Весельчака?

– Да. Подозреваю, что они ждут... сигнала. Который вот-вот получат.

– И который будет означать, что пора убить принца, а потом бросить тело так, чтобы все подумали на дроу.

– Что должно выглядеть мстью за несговорчивость Хьовфина. Поэтому Фаник до сих пор жив: его хотели убить уже после неудавшихся переговоров.

– Но зачем бы нам врать, что Фаник не у нас, а потом тут же демонстративно подбрасывать светлым его труп? – я раздражённо провела пальцем по переносице, поправляя очки. – Неужели эльфы не подумают, что это глупо?

– Нет. Так же как они не подумали, что глупо убивать Повелительницу эльфов на пиру в честь заключения мира. – Голос Лода горчил иронией. – Мы тёмные, Снезжана. Лживые подлые твари. Нашим словам не поверят, ни за что и никогда. Зато трупу светлого принца, на котором напишут, что это сделали мы, – ещё как.

Он смотрел на меня, внимательно и неотрывно. И я понимала: вернувшись из Тядри, он пришёл ко мне не просто так. Ему снова нужна моя помощь, ведь у нас осталось всего несколько часов, чтобы попасть в дом, в который попасть очень трудно.

Я задумалась, вспоминая всё, что недавно услышала.

Убийца, садист и насильник... любит девушек-полукровок...

Светловолосых девушек, похожих на эльфов...

– Ты ведь уже думал о том, что Весельчака можно поймать на живца, верно?

– Ты бы видела, как он смотрел на ту девушку, которая принесла им еду. Весельчак явно скушает. Ему надоело сидеть в четырёх стенах, не

имея никакой возможности развлечься, – Лод кивнул. – Да, я думал о Кристе. С её силами справиться с этой троицей не составит труда – когда дроу поймали её в горах, она подстрелила половину отряда. Она достаточно бесстрашна, чтобы пойти на риск и не сплеховать, и она сделает то, что мы скажем. Добровольно, учитывая, чья жизнь стоит на кону. – Он опустил взгляд на свои пальцы, сжимавшие кожаную спинку кресла. – Но Весельчак слишком осторожен, чтобы пустить её в дом.

– Ты сам сказал: он бы пустил ту девушку, если б знал, что её никто не будет искать. Но если к нему в дверь вдруг постучится девочка, которую и правда никто не будет искать? – шурясь, я смотрела на него снизу вверх. – Девочка, у которой нет ни дома, ни семьи. До которой никому нет дела, которой в Риджии не хватится ни одна живая душа. Милая, наивная, потерянная... и как раз в его вкусе. Разве Весельчак Тэм не воспримет её как подарок судьбы?

Лод улыбнулся ещё прежде, чем я договорила.

– Да, – сказал он. – Думаю, воспримет.

– Вот и я так думаю. – Потянувшись от предвкушения славной игры, я решительно поставила фигурку светлой принцессы обратно на доску. – Ты ведь не выбросил ту одежду, в которой я прибыла в Риджию, правда?..

– Очнись, – негромко велел Лод, глядя на Весельчака, сопроводив слово лёгким движением руки, на которой блеснуло управляющее кольцо.

Наёмник открыл глаза так резко, словно только этого и ждал. Ошалело посмотрел на Лода. Дёрнулся, явно пытаясь вскочить, но ошейник держал его надёжнее, чем любые кандалы.

А потом увидел напарников, которые похрапывали рядом, – и понял, что ему никто и ничто не поможет.

– Значит, эту сигинг ты подослал. – Признав поражение, Весельчак быстро взял себя в руки. Улыбнулся Лоду, нагло и гадко. – Хитро. Чего надо?

– Мы пришли за принцем. Говори, где он.

– Экий ты быстрый, парень. Сразу к делу. Может, познакомимся для начала?

– Твоё имя мне известно. А моё, если хочешь знать, – колдун скрестил руки на груди, – Лодберг из рода Миркрихэйр.

Забавно было видеть, как глаза законченного головореза ширятся от ужаса, когда он осознал: перед ним наследник Ильхта Злобного.

– Так это ты, – хрипло выдохнул Весельчак.

– Да, это я. – Лод вскинул ладонь с кольцом к потолку. – А теперь

говори. Правду.

– В гостиной. Это первая дверь справа, – послушно откликнулся наёмник. Лишь паника в его лице выдавала, что говорит он не по своей воле. – Под ковром люк, он ведёт в подпол. Малец там.

Криста с Дэнимоном как раз бежали к нам с дальнего конца коридора – их поиски ожидаемо не увенчались успехом.

– Ваш брат за той дверью, – сказал Лод, когда парочка приблизилась. – Люк под ковром. Действуйте.

Криста кивнула, разжав пальцы, заставляя волшебный лук исчезнуть. Дэнимон, прежде чем отвернуться, одарил Весельчака ненавидящим взглядом.

– В ваших же интересах, мерзавцы, – бросил принц, – чтобы Фаник оказался целым и невредимым, а не то...

– Я с ним ничего не делал! – внезапно заорал наёмник. – Я к нему и пальцем не притронулся! Это всё Рэйв! – Весельчак отчаянно мотнул головой в сторону: там лежал не знакомый мне толстяк, а белобрысый бугай с обвислыми, как у шарпея, щеками. – Вот он! Богами клянусь!

На миг в коридоре воцарилась тишина.

– Не делал с ним *чего?* – негромко и медленно поинтересовался Лод.

Дэн метнулся к нужной двери так быстро, что я не различила его движений. Криста рванула следом, я после секундного колебания – тоже. Когда мы вбежали в комнату, просторную и полупустую, где весело и уютно трещало пламя в камине, принц уже расшвырял стулья, мирно окружавшие деревянный стол. На тряпичной скатерти стояли три глиняные кружки и мерцала металлическая масляная лампа; последнюю Дэнимон всучил Кристе, после чего бесцеремонно пихнул стол так, что опрокинул его. Кружки раскололись с глухим звуком, забрызгав пол недопитым пивом, и в воздухе встал стойкий запах хмеля, но грубый джутовый ковер теперь можно было беспрепятственно оттащить в сторону. Что Дэнимон и сделал.

Медное кольцо на дощатом квадратном люке эльф дёрнул так резко, что тот едва не сорвало с петель.

Первое, что я ощутила, когда взгляду открылась узкая деревянная лестница, уводившая в крошечную подпольную тьму, – запах, от которого к горлу моментально подкатила волна тошноты. Сладкий, тяжёлый, удушливый. Отобрав у Кристи лампу, Дэнимон ломанулся вниз, и на сей раз я последовала за ним первой, дыша ртом, прикрыв нос рукой. Подпольное помещение оказалось крохотным. В длину и ширину – тут бы и кровать не поместилась, в высоту – Дэнимон даже выпрямиться

нормально не мог.

Сначала я почему-то заметила деревянную миску на полу. Пустую. Стоявшую на чёрном пятне, отчётливо выделявшемся на сером полу. Миг спустя я сообразила, что пятно – высохшая лужа... чего-то. Наверное, лучше не знать чего.

Перевела взгляд туда, где на последней ступеньке неподвижно застыл Дэнимон, мешая мне увидеть, на что же он смотрит.

Эльф медленно, медленно, словно во сне, сделал последний шаг вниз. Опустился на колени. Отставил лампу в сторону, на пол, выпачканный в неведомой мерзости.

Наконец получив возможность спуститься, я встала сбоку от старшего эльфийского принца, чтобы увидеть младшего.

Фаникэйл лежал, скрючившись, всё в той же вонючей чёрной луже: под ним она ещё не высохла. Голый, худой, неподвижный. Даже сейчас алебастровая кожа эльфа, казалось, тихо светилась в окружающем мраке... те немногие её места, которые не раскрасили багрянец открытых ран, синева гематом или бурые пятна ожогов. Лицо в грязи, ссадинах и засохшей крови, на разбитых губах запеклась корка, один глаз заплыл, второй просто закрыт.

От красивого мальчика, которого я видела неделю назад в гостевом доме «Чёрная кошка», осталась лишь тень. Ещё дышавшая: редко, тяжело, с нехорошими хрипами.

– Фаник, – голос Дэнимона дрожал, когда он протянул руку к лицу брата, но так и не решился коснуться. – Фан...

Боль и ужас захлестнули меня с головой – дрожью во вдруг ослабевших ногах, комом в желудке, сухостью в горле.

– Он ведь жив? – тоненько спросила Криста из-за моей спины. – Его ведь можно...

И ойкнула – за секунду до того, как кто-то бесцеремонно отпихнул меня к стене.

Толкнув Дэнимона, Лод занял его место. Быстрыми, сдержанными движениями достал из внутреннего кармана куртки ещё один ошейник и, бережно повернув голову принца, застегнул украшение на его шею.

– Алья, – тихо вымолвил Лод, – призывай его к себе. Немедленно. Пусть Морти с Эсфором сделают всё, что могут, пока я не приду.

Спустя пару томительных секунд тело Фаника исчезло.

Я очень надеялась, что в таком состоянии он переживёт перемещение.

– Видимо, пленника велено было держать живым, но совсем необязательно здоровым. – Лод неторопливо поднялся с колен. – Его ведь

хотели выставить несчастной замученной жертвой дроу. Чем заметнее были бы следы жестоких пыток...

Дэн, внезапно сорвавшись с места, побежал вверх по лестнице, прыгая через три ступеньки зараз. Лод не стал его останавливать.

Но следом всё же поторопился.

Когда мы вышли в коридор, принц уже упирал в горло Весельчака кончик своего клинка: длинного, изящно изогнутого, с рукоятью красного дерева и листовенной гравировкой на лезвии. Как будто, чтобы разговорить наёмника, одного ошейника не хватило бы.

Впрочем, в этот миг я прекрасно понимала Дэнимона.

– Кто вас нанял? – обезумевший эльф почти рычал. – Кто?! Отвечай, сигсонур!^[3]

– Да не знаю я! – сейчас в лице Весельчака не было ровно ничего весёлого. – Думаешь, парень, с нами прям так напрямую и связываются?

– Рассказывай всё, что знаешь, – велел Лод. – С самого начала. Когда вас наняли?

– Десять дней назад. Сказали, значит, проследить за этой... принцесской и её дружками. Мы, значит, у них на хвосте повисли, как только они из Солэна выехали. – Весельчак с опаской смотрел на сверкающую кромку эльфийского клинка. – Я б к этой сигинг за всё золото Риджии не полез, ей меня убить – что подтереться. Один раз от неё ноги унёс, больше встречаться не хотелось. Но мне сказали, что к ней лезть и не придётся. Велели, значит, пока сидеть тихо и докладывать о каждом их чихе.

О значении многих слов мне приходилось догадываться по общему смыслу фразы: Весельчак явно употреблял местный сленг, а Лод как-то не удосужился завести в своём шкафу словарь с переводом бандитского диалекта на нормальный риджийский. Так что многие словечки при переводе я интуитивно заменяла более приличными, но добавление рассказу Весельчака литературной ценности не умаляло ценности основной.

Насколько я помню, Солэн – эльфийская столица. Интересно... значит, за Навинией и компанией стали следить, как только они отправились вдогонку за Дэнимоном; и раз наниматель так быстро оказался в курсе событий, он имеет непосредственное отношение к эльфийскому двору.

– Как отчитываться? – спросил Лод.

– Мы держим связь через табличку. – Наёмник скосил глаза куда-то на свой живот. Правильно истолковав этот жест, Лод присел на корточки и

вытащил из нагрудного кармана Весельчака небольшой, с ладонь, грифельный прямоугольник. – Старшак пишет послание на своей, оно вылезает на нашей. И наоборот.

– Старшак – это главный? Тот, кто даёт вам задание?

– Не, старшак – это *самый* главный. Он с заказчиком напрямую общается. А нам задание через десятые руки дают. Мы старшака и в глаза не видели, только табличка и есть. Чтоб, значит, быстрее приказ дошёл. А то через посредников нас нанять – одно, а если обстоятельства меняются и шустро надо всё делать? Пока весточка через десять табличек пройдёт...

– Значит, вы через табличку держите связь со «старшаком», а тот передаёт вам приказы заказчика. – Лод сунул грифельный прямоугольник в карман куртки. – Вы следили за принцессой и её друзьями. Вы были в курсе, кто её сопровождает?

– Я что, рожи всех её мужиков знать обязан? Да в её щели больше народу побывало, чем в этом городишке живёт.

Рука Дэнимона дёрнулась:

– Придержи свой грязный язык.

По шее наёмника поползла кровавая капля, и Весельчак послушно заткнулся.

– Никогда не поверю, – сказал Лод, соединив ладони и сплетя пальцы вместе, – что вы не понимали, кого вам велели пленить.

– Ну, потом-то мы смекнули, что Фаник – это, наверное, принц эльфийский. Да только нам разницы особо не было: нам сразу столько деньжищ отвалили, что за эти деньги я б хоть ещё трёх принцев повязал, да в придачу сапоги заказчику вылизал. Мы после этого дела завязывать собирались, все трое. Сами б не хуже принцев жили... а, так ты, наверное, брат его? – Весельчак взглянул на Дэнимона с издевательским любопытством. – Интересный ты малый! Тёмные, значит, веками твой народ вырезали, мамашу твою убили, тебя с невестой схватили, а ты с ними милуешься?

– Нет. Не милуюсь, – ровно проговорил эльф. – Но в данном случае наши цели совпадают.

А мне отчётливо вспомнилось, как несколько часов назад мы с Лодом пришли в комнату пленных.

...когда дверь открылась, все четверо светлых сидели на кровати, но Дэнимон при нашем появлении встал.

– Ну что? – отрывисто произнёс он. – У вас есть план?

– Да, есть. Однако потребуются ваша помощь. Ваша и вашей невесты. – Лод склонил голову, глядя на Кресту. – Предупреждаю: то,

что я попрошу сделать, довольно опасно. Это потребует от тебя недюжинной смелости, быстрой реакции и много актёрского мастерства. Но иначе никак.

– Я согласна, – без колебаний откликнулась бывшая сокамерница.

– Я ведь даже не сказал, о чём собираюсь просить.

– Если дело касается жизни Фаника, я согласна на всё.

Глядя в чистые незабудковые глаза Кристины, я поняла, что немножко ей завидую. Хотела бы иногда и я быть такой... неразумно хорошей.

– Вы в своём уме?! – Навиния вскочила так резко, будто её ошпарили. – Вы что, серьёзно собрались помогать им? Им?! Чтобы они заполучили в заложников обоих наследников эльфийского престола?

Этого я и ожидала. Гордых воплей «нет, мы ни за что не будем действовать заодно с вами, мерзкие гнусные тёмные». Или хотя бы презрительных – «ладно уж, мы сделаем, что скажете, но знайте, что вы мерзкие гнусные тёмные». Поэтому реакция принцессы для меня была куда более предсказуемой, чем ответ Кристины и её жениха.

И то, что со стороны последних я не увидела ни гордости, ни презрения – даже если эти чувства лишь тщательно скрыли для пользы дела, – однозначно возвысило эту парочку в моих глазах.

– Уже не наследников, Вини, – смешок Дэнимона прозвучал бесконечно горько. – Но если отцу плевать на наши жизни, то мне нет.

– Да нас же всё равно убьют! Как ты не понимаешь? – принцесса сверлила Лода взглядом, исполненным бесконечной ненависти. – Мы живы лишь потому, что тёмные ещё на что-то надеются! Думают, если найдут Фаника и докажут, что он жив, ваш отец станет более сговорчивым! А как только поймут, что Хьовфин действительно не намерен отступить...

– Принц, я готов принести клятву Эйф, – негромко произнёс Лод, глядя Дэнимону в глаза, – что, как только мы найдём вашего брата, я отпущу и его, и вас. Если на то будет ваша воля.

Навиния осеклась – и, наверное, секунд на десять в комнате воцарилась немая сцена.

– Вы что, серьёзно? – Восхт отмер первым.

– Абсолютно. Сейчас мы можем рассчитывать лишь на то, что Хьовфин поверит: мы не бессердечные порождения зла, каковыми он нас считает. Подобный жест доброй воли с нашей стороны докажет это как нельзя лучше. А ваш брат послужит живым свидетельством того, что не одни лишь тёмные могут желать зла вашему семейству. – Лод протянул принцу руку. – Вы помогаете нам, мы отпускаем вас. Согласны?

Какое-то время Дэнимон молча изучал взглядом пальцы колдуна, точно не верил, что они настоящие.

– А Вини и Криста? – спросил эльф затем, не поднимая глаз. – И Восхт?

– О, их мы, пожалуй, придержим у себя. Мы всё же воюем, сами понимаете. Рычаги давления на светлых будут не лишними. Но за вашу невесту можете не волноваться: с ритуалом Фьелаг не шутят. Да и, как видите, с пленниками мы обращаемся вполне достойно... если они сами не нарываються на неприятности. – Лод слегка пожал плечами. – Так как?

Дэнимон, колеблясь, оглянулся. Обвёл взглядом товарищей по несчастью. Задержал этот взгляд на лице Кристы; та, едва заметно кивнув, шепнула ему что-то одними губами.

Тогда, так же молча, эльфийский принц пожал ладонь тёмного колдуна.

– Клянитесь, – сказал Дэнимон, и это прозвучало приказом.

Уже второй раз я наблюдала, как Лод, вскинув свободную руку, вычерчивает в воздухе руны, вспыхивающие нежной сиренью: «Тьма», «Воздух», «Связь», «Слово»...

– Я, Лодберг из рода Миркрихэйр, клянусь, – Лод говорил размеренно и твёрдо, – как только мы отыщем принца Фаникэйла из рода Бьортреас, ни я, ни иллюранди, ни дроу не будут насильно удерживать его ни словом, ни делом. И после этого, если принц Дэнимон из рода Бьортреас изъявит на то свою волю, я сниму с него ошейник и позволю ему с братом уйти на все четыре стороны. Клянусь.

Даже когда погасло фиалковое сияние, просветившее ладони обоих, подтверждающее, что клятва принята к учёту, эльф не разорвал рукопожатие. Он смотрел в спокойное лицо Лода, и я знала, что принц пытается найти в клятве лазейки, неточности формулировки, которые позволят колдуну не сдержать слова.

И не находил.

– Хорошо, – наконец вымолвил Дэнимон, опустив руку. – Я вам верю.

Навиния, кажется, лишилась дара речи. Как и сил.

Во всяком случае, она просто села обратно на постель, безмолвно и беспомощно.

– Я рад. – Лод явно скрыл усмешку. – Держите. – Он вытащил из воздуха знакомые ножны с мечом, богато отделанные золотом, и протянул принцу деревянной рукоятью вперёд. – Мы отобрали его у вас, когда пленили. Пришла пора его вернуть. В Тьядри он может вам понадобиться... хотя я надеюсь, что до этого дело не дойдёт.

Дэнимон осторожно взял свой меч. Провёл ладонью по потрёпанной коже ножен – почти нежно. Взявшись за рукоять, обнажил клинок на палец, любовавшись блеском стали, и резко задвинул обратно.

Встреча со старым другом закончилась.

– А вот теперь, пожалуй, я действительно вам верю. – Дэнимон посмотрел Лоду в глаза: без презрения, без недоверия, без неприязни. Как партнёр на партнёра. – Так что от нас требуется?..

– Мы здесь не для того, чтобы дискутировать о сотрудничестве представителей враждующих сторон, – мягко произнёс Лод. – Так что вернёмся к теме разговора. Когда вам поступил приказ захватить Фаника?

– Да сразу после того, как ты к принцессе приходил, – неожиданно усмехнулся наёмник. – Мы прослушивали всё, что у них в комнате происходит. И ваши... переговоры услышали.

А, так недаром меня царапнула его фраза «так это ты». Выходит, она относилась не только к тому, что перед наёмником предстал наследник Ильхта.

Что ж, это тоже было вполне закономерно.

– Когда принцесска с дружкой за тобой в погоню ломанулась, они эльфа одного оставили, – продолжил Весельчак. – Ну, мы сразу всё доложили старшаку, ясно дело. Что услышали, то и доложили. И про принца похищенного, и про то, что через семь дней, значит, дроу мирную делегацию к эльфам зашлют. Снова. А нам почти сразу ответ – пока мальчишка один, схватить. И Гарса тут же прислали... это тот, кто нам задание дал. Он нам браслет передал, велел побрякушку надеть на мальчика, чтоб того не нашли. Мол, следящие чары на нём, а браслет их перебьёт.

– И перебил, – пробормотал Лод. – Итак, вы пленили принца и притащили к себе в дом. Какие ещё указания вам дали?

– Да это... сказали, чтоб мы опять сидели тихо. И теперь вообще никуда не вылезали, только мальчика стерегли. А то, мол, даже с браслетом искать его будут. Правду сказали, мы в окно раз или два отряды эльфов видели, рыскали на улицах... а самого мальчишку велели пока живым держать, но, – Весельчак покосился на Дэнимона, – не жалеть. Мордовать, голодом морить. Чтоб, значит, выглядело так, будто пытали его.

– И вы с энтузиазмом взялись исполнять это поручение.

– Я? Я ж не зверь, просто так людей мучить не люблю! Мальцов, по крайней мере. – Весельчак, казалось, оскорбился до глубины души. – Я ж говорю, Рэйв это! Вон тот здоровяк. Честное слово, мне самому мальчонку жалко было, если б не приказ, я б Рэйва близко к нему не подпустил!

Прирезал бы тихо, быстро, он бы и почувствовать ничего не успел...

– А ты был уверен, что в конце концов потребуется его прирезать.

– Нам так и сказали: ждите, мол, отмашки, тогда и добивайте. А пока пусть живёт. Но Рэйв тут пару дней назад перестарался, так что малец явно уже на последнем издыхании был. Я доложил, а мне и отвечают, что его со дня на день всё равно убивать. Только, значит, пока понежнее с ним, чтоб раньше-таки не помер.

Лод задумчиво почесал себя за ухом.

– Если ещё чем помочь могу, вы спрашивайте. Сами ж понимаете, ничего личного, работа такая. – Весельчак улыбнулся даже несколько заискивающе. – И если память мне сотрёте, ничего. Оно понятно, вам не надо, чтоб я трепался, кто принца вытащил. А то, может, вы это... к себе меня возьмёте? Мы поладим, отвечаю! Я против тёмных ничего не имею, я всегда...

Я поняла, зачем Лод выплывает в воздухе рунную паутинку, куда раньше, чем сам Весельчак. Впрочем, не уверена, что тот вообще что-либо понял.

Наёмник осёкся. Медленно завалился на пол – казалось, в воздухе ещё слышен отзвук его речи, оборвавшейся на полуслове.

– Нет. Не поладим. – Лод спокойно снял с мёртвого мужчины ошейник. – Но ты нам очень помог, так что заработал быструю смерть. Которой, откровенно говоря, не заслужил.

– Вы что... убили его? – пискнула Криста.

– Он был прав. Нам не надо, чтобы он... *трепался*.

– А вдруг он рассказал бы ещё что-нибудь полезное? – хмуро осведомилась я.

Меня несколько пугало, что я снова не испытала ничего особенного, когда на моих глазах кого-то убили. Вот уже второй раз за последние сутки. Хорошо хоть на труп смотреть не хотелось.

– Всё, что нам может пригодиться, он уже рассказал. А главное – отдал. – Лод хлопнул себя по карману, куда он спрятал грифельную табличку. – Магия всегда оставляет следы, теперь выйти на «старшака» особого труда не составит.

– Наёмников надо отдать Хьовфину! Живыми! – настаивала Криста. – Как доказательство, что это не дроу...

– А смысл? Они не знают, кто заказчик. Ни допросы, ни пытки ничего не дадут. И доказательств, что заказчик не дроу, в их памяти не найти, – неохотно пояснила я. Мне бы тоже хотелось, чтобы наше расследование завершилось на этой троице, но увы. – Повелителю эльфов надо отдавать

того, кто их нанимал.

– Верно, – кивнул Лод. – Пользы от них не будет. Осталось свести к минимуму вред. Для нас... и кого-либо ещё.

Вторая рунная паутинка оборвала дыхание толстяка. Так же быстро, как до того – Весельчака. Но когда Лод вскинул руку в третий раз, нацелившись на белобрысого садиста, Дэнимон внезапно перехватил его ладонь.

– Нет.

Колдун вскинул брови:

– Вы не желаете смерти тому, кто желал её вашему брату?

– Я хочу, чтобы прежде вы разбудили его. Ненадолго. – Эльф в нитку сжал губы. – Прошу.

После секундного размышления Лод повернулся к последнему живому наёмнику.

– Очнись, – велел колдун, легонько изогнув ладонь с кольцом.

Белобрысый тоже пришёл в себя быстро. Уставился на нашу разномастную компанию.

Перевёл взгляд вбок, туда, где лежали тела его товарищей.

– Прежде чем ты умрёшь, – сказал Дэнимон, – я хочу задать тебе всего один вопрос. – Эльфийский принц держал меч в опущенной руке. – Почему ты делал с моим братом это? За что?

В ответ наёмник взревел что-то неразборчивое, отчаянно дёрнулся, пытаясь освободиться – но, повинувшись движению руки Лода, тут же затих.

– У нас мало времени, – колдун говорил устало. – Отвечай.

Белобрысый одарил Дэнимона взглядом красных, налитых кровью глаз: тяжёлым взглядом зверя, загнанного в угол. Потом губы его разомкнулись, словно у механической куклы.

– Потому что мне было скучно. Потому что мне нравилось слушать его крики. Потому что его мучения веселили меня, потому что я наслаждался его болью. – Голос его был хриплым, точно прокуренным, и при каждом слове обвислые щёки наёмника тряслись, как желе. – Вот и всё.

Когда он замолчал, пару томительных мгновений Дэнимон смотрел на него. Просто смотрел.

Серебристой вспышкой метнулось лезвие меча – и голова наёмника покатилась по полу, оставляя красную дорожку на светлых досках. Криста закричала, я отшатнулась и отвернулась, жадно глотая воздуха, забывая тошноту.

Это тоже была быстрая смерть. И тоже незаслуженно быстрая.

Но куда более кровавая.

Принц провернул меч в руке, стряхивая багряные капли; плечи эльфа вздымались в такт его тяжёлому дыханию.

– Отправляйте нас обратно. – Одним движением Дэнимон вогнал клинок в ножны. Голос его звучал глуше, чем свист стали о кожу. – Скорее.

Я поняла, что меня трясёт. Мелко, почти незаметно. Под рёбрами, в районе живота, притаился какой-то мерзкий ледяной ком: тело реагировало на всё произошедшее быстрее, чем сознание и душа.

Слишком. Слишком много. Слишком много событий для одного треклятого дня.

Лод спокойно бросил в пространство:

– Алья, ты слышал.

Криста и Дэнимон исчезли моментально и бесследно. Только что стояли рядом, а в следующий миг вместо них осталась пустота. Я безропотно позволила Лоду себя обнять – на нём ведь не было кольца, которое помогло бы вернуть колдуна под горы вместе с остальными, и обратно он вынужден был перемещаться, держась за кого-то. Когда я уткнулась в его плечо, вдохнув запах кожи с примесью знакомых ноток снега и книг, мне стало немного легче.

Я не сразу поняла, почему Лод не зовёт Алью, а вместо этого, не отстраняя меня, запускает руку в карман куртки. Поняла, лишь когда скосила глаза и увидела в его пальцах грифельный прямоугольник. На чёрной поверхности появилось короткое послание, будто написанное мелом: чётким, некрупным, аккуратным почерком.

«Пора. Что делать с телом, скажу чуть позже».

Жуть заныла холодом в крови, когда я осознала – ещё бы чуть-чуть...

– Вовремя, – отстранённо заметил Лод, убирая табличку обратно в карман. Прижал меня к себе. – Алья, давай.

Прежде, чем у меня заломило в висках, жуть уступила место облегчению.

Успели.

Рывок. Пол, растворившийся в небытии. Карусель преломляющегося пространства. Затем я снова ощутила под ногами твёрдую поверхность – и отступила на шаг почти одновременно с тем, как Лод разжал руки.

Мы переместились в гостиную. Алья даже не взглянул на нас. Повелитель дроу стоял у открытой двери в комнату пленных, прислонившись к косяку, и сосредоточенно наблюдал за тем, что происходит внутри.

Эсфориэль сидел на коленях у кровати, спиной ко мне, тихо напевая что-то. Морти – подле него, держа в руках знакомый ларец с лекарствами.

Они заслоняли от моего взгляда пациента, которого лечили, но по лицам светлой четвёрки, столпившейся по другую сторону постели, я поняла: всё очень-очень плохо.

Мы с Лодом, не стовариваясь, поторопились внутрь.

– Как он? – с порога спросил колдун.

Эсфориэль, прервав песню, обернулся.

– Лод, – Морти беспомощно вскинула голову, – мы сделали что могли, но...

– Слишком много внутренних повреждений. Потеряно слишком много крови. – Лицо брата Повелителя эльфов не выражало ровно ничего. – Если его можно исцелить, это подвластно лишь тебе.

Лод скинул плащ и куртку – на ходу, прямо на пол – и подошёл к кровати, где лежал Фаник.

– Я вызывалась помочь, – Навиния в холодном бешенстве сжимала кулаки, – но никто не соизволил снять с меня этот дурацкий ошейник!

– Если снять с вас ошейник, с вас станется наделать глупостей. И такое важное дело я вам доверить никак не могу, – безэмоционально откликнулся Алья. – Навыки Лода в исцелении мне известны, ваши – нет. В подобной ситуации одна ошибка будет стоить мальчишке жизни.

– Слишком опасно, – прошептал Восхт. – Если сделать хоть немного хуже...

Привстав на цыпочки, я робко взглянула из-за плеча Лода на умирающего принца. По-прежнему обнажённого, но теперь – чистого: кровь и грязь исчезли без следа. Вместе с ожогами и порезами. Там, где совсем недавно кровоточили жуткие раны, стараниями Морти виднелась нежная розовая кожа. А вот гематомы остались, и ещё заметнее стала нехорошая, синюшная бледность мальчишки и то, как туго кожа его обтягивает кости. И то, что целых костей у него осталось не так уж много. И то, что дышал он в странном ритме: несколько редких, неглубоких вдохов, которые потом становились чаще и глубже – и вдруг, на несколько томительных мгновений, затихали вовсе, прежде чем цикл повторялся. И грудная клетка странно просела... ему что, не только рёбра переломали, но и позвоночник?

Взгляд зацепился за серебряный браслет на одной руке: дутую серебряную полоску с рунами. Скользнул чуть ниже, к пальцам. Распухшим, неестественно выгнутым, изломанным, без пары ногтей...

Меня тряхнула дрожь ужаса и отвращения – и я поспешно отвернулась.

– Акке, ты мне нужен. Морти, Эсфор, останьтесь, мне понадобится ваша помощь. Остальные уходят. – Лод за моей спиной отдавал указания

сухо и деловито, как хирург перед операцией; и я не видела появления иллюранди, но знала, что он пришёл. – Акке, принеси кристаллы, которые лежат в ящике моего стола. Все, что там есть.

Я не оглядывалась. Я смотрела только на Алью, холодного и невозмутимого. По крайней мере, внешне.

Спокойствие Повелителя дроу почему-то успокаивало и меня.

– Он ведь выживет, правда? – в голосе Дэнимона было столько надежды, что мне стало почти больно.

– Я сделаю всё, что в моих силах, – ответ Лода был негромким и непреклонным. – А теперь уходите.

Я вышла из комнаты первой. Прошла в другой конец гостиной, к книжному шкафу, и позволила себе оглянуться, лишь чтобы привалиться к нему спиной. Все четверо светлых уже вернулись к столу, за которым утром наблюдали за переговорами; Навиния и Восхт опустились на стулья, но Дэнимон просто замер рядом, глядя перед собой невидящим взглядом. Прильнув к спине принца, Криста молча обняла его сзади, и трудно было понять – она ищет утешения или хочет утешить сама.

Дверь в покои пленников закрылась, и для полноты картины не хватило только красной лампочки «Идёт операция».

Алья не стал садиться. Он ходил по гостиной от одной лестницы до другой, заложив руки за спину, чеканя неторопливый мерный шаг. Тоже ждал результата, того или иного. Для Повелителя дроу выживание Фаника было так же важно, как и для светлой четвёрки, пусть и по совершенно иным причинам.

Когда Дэнимон встал у дроу на пути, тот вежливо изогнул бровь. И когда эльф упал на колени, на миг я решила, что это Алья отдал ему такой приказ.

Потом заметила безмерное удивление, расширившее глаза Повелителя, и с не меньшим удивлением поняла: Дэнимон сделал это сам.

– Я знаю, что подобное не искупить просто так. Я знаю, что я твой враг и моё слово для тебя ничто. Но пока слова – всё, что у меня есть. И я прошу у тебя прощения, – тихо проговорил светлый принц. – За твою сестру. За то, что с ней сделали.

Алья молча смотрел на него сверху вниз. Недоумённо, вопрошающе, пристально.

– Теперь я знаю, что ты чувствовал. И я не могу оправдать то, что ты делал с девушками из моего народа, но я... я понимаю тебя. – Дэнимон издал смешок, короткий и безумный. – Сегодня я впервые убил человека. Беззащитного, безоружного. Я никогда не думал, что способен на такое, и

никогда не найду оправдания тому, что сделал. Но если бы я мог – за то, что он сотворил с моим братом, я бы воскресил его и убил снова. И снова. И ещё тысячу раз. А когда я найду того, кто за этим стоял...

Он замолчал на пару мгновений. И даже коленопреклонённым умудрялся выглядеть гордо: привычка, которая вошла ему в кровь и кости, давая о себе знать даже в такой момент – когда Дэнимон наплевал на всю свою гордость.

– Я прошу прощения за то, что сделал мой отец. Этим ничего не изменишь, но пока это всё, что я могу. – Эльф смотрел Алье прямо в глаза. – Я не могу обещать, что отдам тебе того, кто отдал приказ. Но я клянусь: когда я вернусь в своё королевство, я сделаю всё, чтобы найти исполнителей. Чтобы твоя сестра наконец была отомщена.

Дроу качнул головой. Коротким, едва заметным движением.

– Это не приносит облегчения. То, что я делал с теми девочками. То, что я мечтал сделать с твоим отцом и вырожденками, исполнявшими его приказы. То, что я и сам не могу оправдать, – когда Алья заговорил, его голос шелестел, как колючий снег, гонимый ветром по льду. – Это приносит удовлетворение. На время. А потом тебя снова настигает пустота и боль, и ещё большая боль – иногда... когда приходит осознание, чем ты стал. Но ты отмахиваешься от этого, забываешься и снова ищешь удовлетворения. Да только каждый раз в тебе умирает что-то от тебя. И месть – это наркотик, которого лучше не пробовать.

Я думала, этим вечером меня уже ничего не удивит.

Но когда дроу протянул руку эльфу, поняла, что ошибалась.

– Встань, принц. Ты не враг мне. Мой враг – твой отец... который отрёкся от тебя. Ты свою цену уже заплатил сполна. – Алья посмотрел на дверь, за которой сейчас Лод пытался вытащить с того света брата Дэнимона. – Твой долг передо мной уплачен.

Приняв руку Повелителя дроу, эльфийский принц поднялся с колен. И несмотря на всё, что мне пришлось сегодня пережить, несмотря на то что ситуация совершенно не располагала к улыбке, я улыбнулась.

Только что на моих глазах треснул трёхсотлетний лёд.

– Я рад, – коротко сказал Дэнимон, когда коронованные особы разняли ладони.

Алья, не ответив, отвернулся, чтобы продолжить прерванное шествие к лестнице в лабораторию колдуна. Дэн, вернувшись к столу, опустил на один из стульев по соседству с Навинией: упершись локтями в колени, уткнув лицо в ладони.

Если б не ошарашенные лица его светлых товарищей, могло бы

показаться, что ничего не произошло.

Лод, какой же ты умница. Ты ведь планировал это с самого начала, верно? Если бы наши переговоры увенчались успехом – прекрасно. А когда не увенчались... для тебя – ожидаемо... мы всё равно остались в выигрыше. Ведь нужно не забывать о прошлом, но думать о будущем; и будущее светлых народов сейчас сидело в этой самой комнате. Я думала лишь о том, чтобы воспользоваться принцем как разменной монетой, но ты, как всегда, смотрел на шаг вперёд. И сделал ставку не только на Дэнимона, но на всю эту четвёрку. Чтобы они своими глазами увидели, против кого хотят воевать, чтобы растеряли свой чёрно-белый идеализм, рассмотрев вещи в истинном свете, чтобы абстрактный враг обрёл лицо, которое было куда великодушнее, человечнее и привлекательнее, чем они себе представляли... а порой – куда великодушнее, человечнее и привлекательнее, чем те, кому они привыкли доверять.

Я смотрела, как Криста, тихонько сев рядышком с Дэнимоном, обнимает его за плечи. Как постепенно выцветает изумление на лице Восхта, вновь уступая место угрюмости. Как Навиния откидывается на спинку стула, с каким-то кошачьим вниманием наблюдая за Альей. В конце концов позабытая была тревога добралась и до меня; а дверь в комнату пленных всё не открывалась, и время тянулось невероятно долго, и мы ждали, ждали...

В тишине, которую не нарушали невесомые шаги Повелителя дроу, щелчок замка прозвучал, как выстрел.

Лод в гостиную скорее вывалился, чем вышел. Пошатнувшись, привалился спиной к стене, давая дорогу Морти и Эсфору; кожа блее, чем батистовая рубашка, под глаза легли такие синяки, будто колдун не спал неделю.

Алья замер, где стоял. Дэнимон вскинул голову.

Наверное, в этот миг все присутствующие желали услышать вердикт ровно столь же, сколь и опасались.

– Он будет в порядке, – едва слышно бросил Лод. – Спит. Я подправил его воспоминания о последних событиях... он не вспомнит, что с ним делали. Завтра должен очнуться.

Мой облегчённый вздох смешался с шумным выдохом светлых.

Дэнимон, молча поднявшись на ноги, кинулся в спальню, как и его светлые друзья. Мы с Альей ограничились тем, что заглянули в комнату с порога. Фаника уложили, заботливо закутав в одеяло, не укрыв лишь лицо, умиротворённое сном. Жуткие хрипы исчезли без следа, дыхание выровнялось, и даже отсюда было видно, что синюшная белизна кожи

уступила место обычной бледности. Значит, Лод сделал ему переливание крови? А где же тогда оборудование и кто послужил донором? Видимо, Эсфор: то-то он тоже держится за стеночку... но вопрос об оборудовании оставался открытым.

Какое-то время Дэн просто стоял у кровати, глядя на спящего брата. Затем, развернувшись на пятках, вернулся к нам; я ожидала изъявлений признательности Лоду, но эльфийский принц меня удивил.

– Вы обещали снять с меня ошейник, – сказал он.

Лод слишком устал, чтобы удивляться подобной неблагодарности вместе со мной. Так что просто протянул руку и коснулся шеи эльфа дрожащими пальцами.

Дэн вскинул руки ещё до того, как услышал щелчок. Немедленно сдёрнув опостылевшее серебряное кольцо, покрутил его в пальцах.

Сжимая ошейник в ладони, опустил руку.

– А теперь примите мою благодарность. Не униженную благодарность пленника, но благодарность того, кто волен сам распоряжаться своими словами и поступками, – серьёзно молвил принц. – Я, Дэнимон из рода Бьортреас, освобождаю тебя, Лодберг из рода Миркрихэйр, от твоей клятвы.

Когда ладонь эльфа просветила вспышка сиреневого сияния, лицо Альи вытянулось в бескрайнем изумлении. Впрочем, как я заметила краем глаза, у светлых лица вытянулись не меньше.

А вот я этого ожидала. И не я одна.

– Я правильно понимаю, принц, что ты отказался от нашего щедрого предложения? – уточнил Повелитель дроу. – Не сбежал из моего королевства, прихватив брата, пока тебе давали шанс?

– Мой брат в ближайшие пару дней явно никуда бежать не сможет. Да и некуда нам бежать. – Эльф перевёл взгляд на Алью. – Я не могу вернуться к отцу. Не сейчас. Не так скоро после того, что он сделал. И там, куда я должен вернуться... там, среди моего народа, таится в тени мой враг. Тот, кто желал смерти моему брату, тот, кто убил мою мать. Я хочу вернуться, зная, кто он.

– Вот как, – улыбка Альи была ироничной до горечи. – Но здесь тебя тоже окружают враги. Неужели ты не боишься оставаться среди безжалостных порождений зла?

– Нет. – Дэнимон смотрел на него без улыбки. – Потому что теперь я видел тьму и видел зло, и наконец понял: это не одно и то же. Жаль, что я осознал это так поздно.

Я вдруг поняла, что Эсфориэль смотрит на племянника с...

гордостью?

Что ж, мне тоже радостно было осознавать, что наследник эльфийского престола не унаследовал от папочки редкостную твердолобость.

– Мы будем рады помочь вам отыскать истину, принц, – тихо вымолвил Лод, кое-как оттолкнувшись от стены. – Но теперь, если позволите, я удалюсь. Для одного дня, мне кажется, нам всем хватит событий, и серьёзные разговоры, которые нам определённно предстоят, лучше оставить на завтра.

Дэнимон только кивнул. Отвернулся, на миг встретившись взглядом с Эсфориэлем – и смутившись неведь чего, устремился обратно в комнату пленных. Даже дверь за собой прикрыл. Жаль: увлекшись передним планом, я не особо обращала внимание на реакцию остальных светлых, а мне было крайне интересно, как они всё это восприняли.

Забавно... должно быть, немое одобрение дяди-предателя напомнило принцу – теперь, играя заодно с тёмными, он стал таким же предателем. Пусть даже его предали первым. Видимо, умом Дэнимон пришёл к верным выводам, но вот сердце и душа их ещё не до конца приняли.

Ладно. Всему своё время, и это время не стоит торопить.

– Иди. И спасибо тебе за всё. – Алья благодарно хлопнул Лода по плечу. – Если позволишь, мою сестру я этой ночью придержу при себе. Понимаю, что тебе хотелось бы отдохнуть в её обществе, но мне нужно с ней многое обсудить.

Морти, которая уже шагнула следом за своим хальдсом, на этих словах замерла.

Ясно. Мне на месте Алья тоже хотелось бы обсудить всё, что произошло, с кем-то из «своих». Самых близких. А поскольку у Лода, похоже, сил хватит лишь на то, чтобы дойти до кровати, сохраняя более-менее вертикальное положение...

– Как скажешь. – Колдун посмотрел на принцессу. – Морти?

– Да, конечно, – улыбнувшись краешком губ, та поправила ларец с лекарствами, который она перекинула через плечо, и мне стало интересно, сколько чудодейственных пузырьков Морти извела сегодня на Фаника. – Совсем забыла, что мне ещё надо распорядиться о постелях для наших... гостей. Спи крепко.

Коротко поцеловав принцессу на прощание, Лод побрёл к лестнице наверх, и я сдержала желание увязаться следом.

Не сейчас. Чуть-чуть попозже. Чтобы это выглядело так, что я тоже пошла спать, и только. И вовсе не бегаю за колдуном.

И тем более не спешу занять место Морти.

– Если позволите, я тоже вас покину. Это был тяжёлый день, и я рад, что мы все его пережили. – Эсфориэль, сдержанно поклонившись, направился в другую сторону. Как выяснилось, пошатывало их с Лодом одинаково. – Быстрого вам дня и звёздной ночи.

Я задумчиво смотрела, как отблески свечей играют на волосах эльфа, ниспадавших до лопаток золотистым атласом.

– Тэлья Эсфориэль, вы ведь знали, чем закончатся переговоры? – не сдержав вопроса, который давно хотелось задать, негромко произнесла я. – Потому и не стали за ними следить?

Брат Повелителя эльфов замер, не повернув головы: застыл, как шёл, глядя прямо перед собой.

– Да. Знал, – наконец очень тихо произнёс он. – И не хотел видеть, как ещё один мой брат окончательно проигрывает своей одержимости.

Я не нашлась, что на это сказать. А ему, кажется, и не хотелось слышать ответ. Поэтому я, как и двое дроу подле меня, просто проводила эльфа взглядом, пока тот не скрылся за изгибом лестницы.

Лишь в этот момент я отчётливо ощутила бесконечную усталость.

– Иди к себе, девочка. Я понимаю, что тебе пришлось нелегко, – Алья произнёс это почти ласково. – Спасибо за помощь.

Так мой вклад оценили? Лестно.

– Рада помочь в том, что считаю нашим общим делом, Повелитель. – Я низко склонила голову, надеясь, что благодарность выйдет достаточно куртуазной, но дроу небрежно махнул рукой.

– Оставь церемонии. Не тебе мне кланяться. По крайней мере, когда мы одни.

Неужели я и от него получила признание моего особого положения? Ушам не верю.

Впрочем, голову охотно подняла.

– Благодарю за честь.

– Довольно обмена любезностями. Иди уже. – Морти велела это шутливо и тепло. – Присмотри за Лодом вместо меня, ладно? Побудь с ним. Сейчас ему это нужно.

Я посмотрела на неё, надеясь, что Морти не заметит недоверия в моём взгляде. И в прозрачных медовых глазах дроу прочла одну лишь доброжелательность.

Она ведь тоже слышала, как я звала Лода в бреду. Она знает, что я в него влюблена, и знает, что он тоже это знает. И не просто спокойно относится к тому, что девушка, которая любит её мужчину, постоянно

крутится подле него – подталкивает меня делать то, чего я так не хотела делать: занимать её место.

Сомневаюсь, что Морти бесконечно наивна. Неужели принцесса настолько уверена в своём избраннике? Лод ведь говорил, что Морти никогда не сомневается в тех, кого любит. Или как раз сомневается, и это проверка? Для Лода? Но если уж он не клюнул на Навинию...

Что за игру она ведёт?..

– Хорошо.

Больше слов не было. Морти взялась за ручку двери в комнату пленных, а я наконец прошла к лестнице в лабораторию колдуна, с отвращением отбросив мысль, что с официальным разрешением официальной девушки можно занимать её место, не мучаясь совестью.

И, поднявшись достаточно высоко, чтобы дроу меня не видели, побежала вверх через две ступеньки.

Когда я постучалась в спальню Лода, предварительно чудом умудрившись захлопнуть дверь в библиотеку перед носом Бульдога, норовившего проскочить со мной, – мне изнурённо ответили: «Войдите».

Комнату освещала пара свечей. Лод лежал на кровати поверх одеяла, подложив руки под голову: он лёг, не раздеваясь, только мокасины скинул. От его измученного вида у меня сжалось сердце.

– А, это ты. – Сил на улыбку у него тоже не нашлось. – Садись.

Я присела на край постели:

– Совсем тяжело пришлось?

– Как видишь. – Он прикрыл глаза. – Лучше тебе не знать, что мне пришлось лечить. Если б не те кристаллы... с силами, что я взял у Кристи... я бы умер вместе с ним.

– Ты перекачал Фанику кровь, которую взял у Эсфориэля?

Лод кивнул. Едва заметным движением, не глядя на меня.

– Но я не заметила у Эсфора никаких ран. И никакого оборудования, с помощью которого ты мог это... – я замолчала, осознав то, что должна была понять сразу. – А, ну да. Если магией можно перемещать объекты из одного места в другое, то ей же можно просто переместить кровь из одной вены в другую, верно? Или переместить в эту вену целебные зелья из склянки...

– Именно. Можно, пусть и довольно сложно.

– Как и всё, что ты сегодня делал.

Он промолчал, – а мне вспомнился наш разговор перед давешним визитом к пленным.

...думаешь, инфантильные светлые идеалисты согласятся с нами сотрудничать? – спросила я, пока мы с Лодом спускались по лестнице. – Я бы на их месте вообще подумала, что всё это спектакль, а на самом деле похищение Фаника тоже организовали мы.

– К счастью, они не так умны, как ты, – пожал плечами колдун. – Они согласятся, если у них будут гарантии. Я дам Дэнимону клятву Эйф, что сниму с него ошейник, как только мы найдём Фаника, и позволю им с братом уйти на все четыре стороны.

Я подозрительно сощурилась:

– И что за подвох будет крыться в формулировке?

– В формулировке – никакого.

– А в чём тогда?

– В том, что после фокуса, который выкинул его отец, Дэнимон вряд ли возжелает так скоро к нему возвратиться. В том, что Фаник едва ли способен будет сразу же куда-либо идти, потому что похитители наверняка обращаются с ним совсем не так, как мы с его братом. И в том, что когда Дэн осознает правду, ему понадобится время на переоценку ценностей. Его наверняка резко качнёт в другую сторону... возможно, даже чрезмерно. – Лод провёл пальцем по губам, стирая усмешку. – И когда он поймёт, на что способны его прекрасные светлые, я думаю, он предпочтёт провести это время в обществе тёмных.

– В итоге всё получилось, как ты и предполагал, – сказала я. – С Дэнимоном. Ты доволен?

Наверное, правильнее было бы просто оставить его в покое, дать уснуть, но я не могла. И знала: если б он хотел, чтобы я оставила его в покое, он бы прямо сказал мне об этом.

– Доволен – неправильное слово. Я просто знал, что так будет. Так что я...

– Удовлетворён?

– Да. Этим – да.

– А чем – нет?

– Тем, о чём сильно жалею. Даже сейчас. Что не взял ту троицу сюда, под горы. – Лод по-прежнему не открывал глаз. – Чтобы познакомить их с той болью, которую они так любили причинять другим.

Перед глазами вновь всплыла картинка кровавого фонтанчика над шейей обезглавленного наёмника. Вздрогнув, я заставила себя сфокусироваться на том, что вижу здесь и сейчас, но где-то под рёбрами опять заворочался мерзкий скользкий ком.

Я уже жалела, что попросила Лода взять меня в Тьядри. Просто после неудавшихся переговоров мне казалось невыносимым сидеть в четырёх стенах без дела.

В итоге для одного дня мне пришлось увидеть и пережить слишком многое.

– Ну и правильно, что не взяла. – Я за дужку подтянула очки обратно на переносицу. – Было бы время, ты бы на месте их уму-разуму поучил. Но времени у нас не было, а тащить такую пададь сюда, во дворец? Больно много чести.

– Да. Я тоже так подумал. – Лод повернул голову, отвернувшись от меня. – Однако мне очень хотелось проделать с ними всё то, что они творили с этим мальчиком. Мне и сейчас жаль, что не проделал.

Забавно. Он подарил наёмникам быструю смерть, потому что очень хотел другого. А это другое было из области тех чувств, которые он не собирался поощрять: пусть Лод и примирился со своим внутренним драконом, но не давал ему править бал. И когда он понял, что действительно жаждет чужой крови, жаждет, как никогда в жизни, он проявил милосердие, ведь это был один из тех поступков, который помогал тебе осознать – твоя тень всё ещё знает своё место.

Я поняла, зачем Морти попросила меня побыть с ним. Нехорошо было оставлять Лода наедине с драконом, который требовал жертву и был недоволен, что эта жертва ему не досталась; и теперь, раз ему не дали растерзать кого-то другого, терзал своего владельца. Но что бы на моём месте сейчас сказала принцесса? Что он не Ильхт, что ему не нравится пытать людей? Что он должен в очередной раз обуздать свою тёмную сторону?

Да, наверное, это было бы правильно. Но я – не Морти. И Лод действительно не Ильхт.

И при этом не тот, кем его хотела бы видеть принцесса.

– Ты подарил этой троице куда более лёгкую смерть, чем они заслуживали, – негромко произнесла я вместо всего, что было бы правильнее произнести. – Это было милосердием с твоей стороны. Правда. Я бы сама хотела, чтобы они испытали то же, на что обрекли Фаника. В десятикратном размере. Только, пожалуй, стоит приберечь это для того, кто их нанял.

А вот теперь Лод открыл глаза. Повернув голову в мою сторону, посмотрел на меня внимательным светлым взглядом, от которого мне мигом сделалось неловко.

Что я делаю? Вот потому рядом с ним и должна быть Морти. Не я. Её

пугает живущий в нём дракон, и она сможет держать этого дракона в узде. Меня не пугает – и я смогу лишь гладить его по головке, уговаривая потерпеть до следующей охоты.

– Как же ты теперь будешь восстанавливаться? – я решила сменить тему. – Если ты потратил так много сил...

– Попрошу кого-нибудь поделиться своими. – Лод слегка усмехнулся. – В такие минуты даже немного жаль, что теперь у нас с пленными другие отношения.

– И нельзя просто снова позаимствовать силы у Кристи, ну да. – Я коротко вздохнула. – Может, попросить у неё? Я думаю, раз ты спас Фаника...

– Я не буду просить у них подобного. Не теперь. Отныне они для нас почётные гости. И я... по крайней мере я... буду делать всё, чтобы они чувствовали себя именно так.

Он снова прикрыл глаза, и в моём сознании вдруг зазвенел паскудный тоненький голосок.

Тоненько и паскудно нашептывающий что-то про блестящие манипуляции.

...я бы на их месте вообще подумала, что всё это спектакль, а на самом деле похищение Фаника тоже организовали мы...

Я долго смотрела на бледное лицо Лода. Взвешивая всё, что узнала, и привычно складывая разрозненные кусочки в единый пазл.

Нет, Лод не нанимал ту троицу. Но если он следил за принцессой и компанией, он мог понять, что за ними следит кто-то ещё. И когда он заманил Навинию в ловушку, оставив принца без защиты, он мог предполагать, что Фаника схватят.

И позволить это сделать.

Если он делал ставку не на Хьовфина, а на Дэнимона... кто для него младший эльфийский принц? Если б он умер – у Дэнимона появилось бы ещё больше причин понять Алью и помогать нам в поисках заказчика. Раз выжил – наследник эльфийского престола будет по гроб жизни благодарен тем, кто спас его любимого братика. Тёмные в любом случае ничего не теряли, только приобретали. И то, что об этом Лод и словом не обмолвился мне, ничего не доказывает. Он и раньше часто говорил «пять», удерживая десять в уме: мастер стратегии, хозяин марионеток, дергающий за ниточки, умеющий использовать каждую свою куклу наилучшим образом. А его куклы – это мы. Все мы.

Включая меня.

Опустив глаза, я уставилась на бежевое стёганое одеяло.

Какие у меня есть доказательства, что вчера вечером в этой самой спальне он говорил мне правду? Какие гарантии, что за его признанием не стоит голый расчёт? Да и можно ли это считать признанием? Сколько женщин во все века слышали от мужчин прекрасную ложь о вечной любви – но, увы, прискорбные обстоятельства в виде законной супруги, которую эти мужчины по тем или иным причинам ну никак не могут оставить... Тему моих чувств я подняла сама, и вряд ли это вписывалось в его планы. Если б в ответ я услышала холодную отповедь, то сорвалась бы с его крючка, а правой руке Повелителя дроу определённо не хотелось потерять любимую куклу накануне переговоров. Но теперь я под его контролем, куда более надёжным, чем любые ошейники, ещё надёжнее, чем раньше, – и помогу ему всегда и во всём, добровольно и с радостью: что советом, что...

Когда я в бешенстве ударила ладонью по одеялу, Лод посмотрел на меня удивлённо.

– Что?

– Ничего. Мысли дурные лезут. – Я твёрдо встретила его взгляд. – Возьми мои силы.

Нет, я не буду в нём сомневаться. Я обещала, что всегда буду на его стороне. Обещала самой себе.

И нарушением этого обещания предам себя в той же мере, что и его.

– Не говори глупостей. – Лод сказал это так естественно и устало, что меня захлестнул жгучий стыд. – Ты сама ещё не оправилась после отравления.

– Те силы, которые я предлагаю, никак не помогут мне оправиться быстрее.

Он вскинул бровь:

– Амант?

– Ты сам говорил, что уж его у меня хватает. Ты ведь можешь поправить свой роборэ за его счёт?

Меня спасало только то, что мне и так было стыдно. И ещё постыднее стать не могло.

Наверное, поэтому я говорила об этом так спокойно.

– Конечно, я предпочла бы приберечь его на крайний случай, – добавила я. – Если мы попадём в серьёзную передрагу, а тебе срочно понадобится резервный источник энергии, чем моя не подойдёт? Но, наверное, это тоже вполне можно считать серьёзной передрагой.

– О крайнем случае беспокоиться не стоит. – Лод сел на постели. – Амант имеет свойство восстанавливаться. Если у девушки ещё не было

первого... удовольствия – куда быстрее, чем сидис и роборэ.

– Восстанавливаться? Хотя да, если он расходуется на... то, на что он расходуется... странно, если бы после первого раза никому и никогда больше не хотелось. – Научный интерес помогал не смущаться. Что ж, правильно: душевные и физические раны заживают далеко не так быстро, как растёт у среднестатистической юной представительницы женского пола желание очередного урока постельной гимнастики. Так что любовная энергия и правда должна возобновляться куда быстрее маны и здоровья. – А почему тогда невинность так важна?

– При её потере меняется тип энергии, наполняющей резерв. И для колдунов наибольшую ценность представляет именно тот, что дан девушкам при рождении. Он... как бы сказать... самый питательный. С магической точки зрения. – На переносице Лода прочертилась хмурая морщинка. – Ты уверена? Я вполне могу обойтись без этого.

Можешь, наверное. И крохотная часть меня сейчас хотела бы пойти на попятный, чтобы посмотреть на твою реакцию. Убедиться, что ты не планировал использовать меня в качестве подручного резервуара с энергией, который с радостью поделится этой энергией, если дёрнуть за нужные ниточки.

Но другая часть просто хочет тебе помочь. И мне самой важнее именно она.

– Я же не Криста, чтобы делать предложение прежде, чем думать. Раз говорю, значит, уверена. – Стянув с ног сапоги, я забралась на кровать с ногами. Сев поудобнее, протянула Лоду обе руки. – Бери.

Он тоже сел удобнее, ближе ко мне. Взял мои ладони в свои, сжимая их бережно, но крепко, и пальцы его просветило золотое сияние, окутав светлой дымкой наши соединённые руки.

Я не ощутила ничего, кроме того, как постепенно выравнивается сердцебиение, привычно сбившееся от его близости. И внезапного веселья.

Девушка отдаёт любимому мужчине свою любовную энергию. На кровати, в интимном полумраке. И всё абсолютно целомудренно.

Если б мне кто-нибудь такое сказал, я бы тоже посмеялась.

Когда колдовской свет померк, Лод опустил руки – и открыл глаза, заблестевшие живым блеском.

– Спасибо. Так гораздо лучше.

– Обращайся. – Я сложила ладони на коленях. – Всегда рада помочь.

Это не было пустой любезностью. В конце концов, эта энергия мне всё равно не пригодится. Не в ближайшее время. И кому ещё мне её отдавать, как не Лоду? Я ведь действительно рада была видеть, как его

щёки покидает полотняная бледность.

Внезапная мысль заставила всю радость исчезнуть, как воздух из проколотого шарика.

Лод сразу заметил перемену моего настроения.

– Скажи, о чём ты думаешь.

– Ни о чём. – Я опустила взгляд. – Ерунда.

Никогда не любила раскрывать кому-то душу и мысли. Во всяком случае, те их части, которые делали тебя уязвимой.

И почему тогда ему, вот уже второй раз, мне действительно *хочется* сказать?

– Снежана, я уже говорил: ты слишком многое держишь в себе. Скажи.

Я помолчала, считая стежки на одеяле. Мелкие, аккуратные штрихи, прочерченные белыми нитками.

Пять, десять, пятнадцать...

– Просто подумала... ты исцелил Фаника, а в моём мире он бы наверняка умер. Или остался калекой. А... моя мама – она ведь не мгновенно... не сразу, на месте...

Двадцать пять. Тридцать.

– Её довели до больницы, и она уже там, в реанимации...

Сорок.

– И если бы в нашем мире была магия... такие целители, как ты...

Я замолчала, поняв, что мне срочно нужно пробежаться по степеням девятки. Но добралась только до пятой, когда Лод накрыл мою ладонь своей.

В этот раз – без необходимости.

– Магия тоже не всесильна. И убивает так же легко, как и лечит. Взамен неизлечимых ран у нас появились неизлечимые проклятия. – Другой ладонью он коснулся моего подбородка, заставив вскинуть голову. – Плачь, если хочешь.

Я замерла, почему-то чувствуя себя пойманным в ловушку зверьком.

Сейчас его близость дарила лишь чувство уюта. Тепла. И ничего больше. Наконец-то – правильно.

Почему тогда мысли всё равно путаются?..

– С чего ты взял, что я хочу плакать?

– Потому что я знаю тебя. Потому что за последнее время ты увидела слишком многое и прошла через то, через что не должна была проходить. Потому что ты ребёнок, который потерял всё, что у него было, и пока не приобрёл чего-либо стоящего взамен. И ты должна научиться плакать. Со

слезами выходит боль, но ты никогда не даёшь ей выхода. Тем самым делая частью себя.

– Я не...

– Нет, ты ребёнок. – Даже сейчас он угадал, что именно я собираюсь возразить. – Да, в чём-то ты взрослее, чем все, кого я знаю. Зато в другом – маленькая девочка, которая слишком рано осталась одна. Ты привыкла всегда быть сильной, но теперь ты не одна и быть сильной нет нужды. Не всё время.

– Я не хочу привыкать к тому, что я не одна. – Я почувствовала улыбку, невольно кривящую мои губы. – Ты тоже уйдёшь из моей жизни. Рано или поздно. Как и все, кто у меня был.

– Это ты уйдёшь из моей. Потому что сама так решила. – Во взгляде Лода таяли осенние облака. – Сноуи, я не могу быть для тебя всем, чем ты хочешь. Союзником, учителем, другом, не больше. Но я никогда не предаю тебя. И никогда не брошу наедине с твоей болью. Обещаю.

Опять эта треклятая «снежинка»! На язык уже просился раздражённый ответ – но тяжесть, весь вечер давившая на сердце, шевельнулась вновь, и почему-то в памяти разом всплыло всё: отец, навсегда закрывающий за собой дверь; предсмертная агония бабушки; комья глины на крышке маминого гроба; мертвенная пустота и тишина квартиры, отныне принадлежащей мне одной, а потом – Сашка, который выбрасывает мои вещи; Навиния, наблюдающая, как я умираю; Хьярта, заваленная трупами; изломанное тело Фаника; огненный меч Сусликовой; стеклянные глаза Весельчака; откровение-приговор Лода; мёртвый Артэйз; темницы дроу; отрубленная голова...

Я плохо помню, что было потом. Кажется, очки куда-то делись с носа, а я лежала, уткнувшись Лоду в плечо. И, наверное, впервые в жизни плакала, не таясь, не сдерживаясь. До боли в горле, до хрипоты: за маму, за утраченный дом, за невозможность любви, за все предательства, страдания и смерти. И мерзкий ком под рёбрами исчезал, выкашливаясь с жадными всхлипами, растворяясь в тепле рук, которые обнимали меня так крепко и бережно, и в нежности пальцев, легонько гладивших мои волосы.

А в какой-то момент боль ушла. Вся, совсем. И прежде, чем утонуть в мягкой сонной темноте, я успела подумать, что Лод, как всегда, был прав.

И что я успела начисто забыть, как хорошо засыпается в чьих-то объятиях.

Глава вторая

Интриганы Круглого стола

Беломраморный Мьёркт, столица подгорного королевства дрео, пробуждался ото сна неторопливо и неохотно. Вечную темноту не рассеивал дневной свет, а даже если б он мог пробиться под каменную твердь, солнце всё равно уже заходило за горизонт. Но одно за другим, волной светящегося разноцветья вспыхивали окна в домах, и казалось, что вместо города раскинулся ночной океан, воды которого мягко фосфоресцируют во мраке мириадами радужных искр.

Впрочем, одно окно в башне королевского дворца сияло уже давным-давно.

Покои для пленников больше походили на элитную ночлежку: кровать занимал Фаник, на груди одеял у камина устроилась Навиния, а теперь на полу прибавилось ещё одно спальное место – у окна, рядом со столом. И на этом самом месте разместился Восхт, листая книгу в потёртом кожаном переплёте.

– Эти «Записки» действительно обрываются как раз накануне переговоров, – спустя некоторое время доложил он. – Словами «непонятно, на что способны эти светлые». – Колдун вскинул голову, оглядывая товарищей по несчастью. – Но это не может ни подтвердить, ни опровергнуть причастность тёмных к тому, что там случилось.

– Я же говорила, – проворчала Криста, примостившаяся на стуле рядышком. – Я эту книгу всю просмотрела, когда Снежка её читала.

Дэнимон сидел рядом с невестой, задумчиво наблюдая, как Навиния играет с папеем: поочерёдно подставляет ему ладони, позволяя зверьку перебегать с одной на другую. Впрочем, принцесса явно меняла руки скорее машинально, чем осознанно – она смотрела в пол застывшим взглядом, и мысли, которые её отвлекали, были не самыми весёлыми.

– А ведь сегодня у нас с Дэном была бы свадьба, – горестно вздохнула Криста. – Кто бы мог подумать...

– Наверное, тёмные ещё не проснулись? – спросил Дэнимон, переведя взгляд на брата. Тот по-прежнему спал, повернувшись на бок, дыша с мирным присвистом. – Поэтому и не заходят?

– Мы всегда встаём раньше них. Они-то привыкли пережидать весь день во сне. – Криста сжала пальцы принца в своих. – Так не терпится

сообщить им о твоих подозрениях?

– Если я правильно оценил ум Лодберга, они первыми сообщат мне о том же, – горько усмехнулся эльф.

– А вдруг ты всё-таки неправ?

– Я мечтаю о том, чтобы я оказался неправ. Но это первая кандидатура, которая приходит мне в голову, и самая логичная.

Криста ничего не сказала. Просто коснулась губами его щеки: раз, другой.

На третий хмурое лицо Дэнимона немножко посветлело.

– Мне жаль, что я не добился свободы для всех вас, – произнёс он.

– Ты был не в тех условиях, чтобы торговаться. И я радовалась, что хотя бы ты скоро будешь на свободе. – Криста укоризненно качнула головой. – И всё равно ты был неправ! С этой клятвой. Надо было дождаться, пока Фаник поправится, и вам с ним всё-таки...

– Уходить? И что бы тогда мы сделали там, наверху, одни? Против собственного отца и всего нашего народа? Я предпочёл, чтобы в этом деле у нас были союзники. Раз мы обрели их среди тёмных, значит, так тому и быть.

– Мы теперь сами тёмные. – Навиния подала голос неожиданно, и голос этот был неожиданно горьким. – Предатели своих народов. А я... подстилка их владыки. И больше, похоже, ни на что не годна.

– Не говори так, – поморщился принц. – Ничего ты не...

– Всё, что я делала... я хотела, чтобы родители могли мной гордиться. Не желала быть всего лишь чужой игрушкой на доске. Принцессой из набора фигурок для скаука. И оправдывала себя тем, что делаю это во благо своей страны. – Резким движением посадив паппея на плечо, Навиния опустила руки. – А теперь я не нужна этой стране.

– Хватит, Вيني, – горячо произнесла Криста. – Твой народ любит тебя, а заговорщики и придворные интриги были и будут всегда! Радуйся, что они проявили себя во всей красе. Теперь, как вернешься, без зазрения совести отправишь весь совет в отставку, и дело с концом. Ты и так не больно-то к нему прислушивалась. И правильно делала, – подумав, добавила девушка. – Советы предателей до добра не доведут.

Навиния промолчала. Восхт хмыкнул, но ничего не сказал. Дэнимон тоже не стал возражать – лишь покосился на невесту, однако по личику Кристи невозможно было определить, действительно ли она верит тому, что говорит, или просто понимает: сейчас Навинии нужно услышать именно это.

Криста всегда вела себя так непосредственно, что окружающие к

этому привыкали. И привыкали не сомневаться в искренности её реакций. Меж тем как Дэнимон знал – Криста предпочитала разыгрывать наивную доверчивость и любовь ко всем вокруг даже тогда, когда вовсе не склонна была доверять хоть кому-то. Она тонко чувствовала тех, с кем имеет дело, но при острой необходимости прекрасно умела не выдавать своих чувств. Просто чаще всего не считала это острой необходимостью.

Впрочем, теперь Дэнимон был даже рад тому, что иномирной девчонке с невозможным снежным именем удалось её обмануть.

Фаник проснулся резко, словно от кошмара. Рывком сел в постели, судорожно озираясь, явно не понимая, что происходит – и увидел брата.

– Дэн? – выдохнул он. – Тебя же...

– Да, меня похитили дроу. А тебя похитили люди. – Дэнимон встал, лишь сейчас позволив себе в полной мере ощутить облегчение. – Как ты?

– Я... не слишком хорошо. Будто меня долго били. – Фаник уставился на свои руки, лежавшие поверх одеяла. – Меня похитили? Последнее, что я помню, – люди... трое, и маг прочитал заклятие, а потом... наверняка слуги тёмных, чтоб их! – он бессильно упал обратно на подушку. – Где мы? Ты сбежал от дроу вместе с Кристой, да? И нашёл меня? Или Вини всё-таки поймала наследника Ильхта и спасла тебя?

Какое-то время Дэнимон соображал, как бы деликатнее преподнести братишке последние новости, но так и не сообразил.

– Вообще-то... мы у дроу, – мягко вымолвил принц. – И это они помогли мне найти и спасти тебя. А твоих похитителей нанял кто-то из эльфов. Во всяком случае, я в этом уверен.

Взгляд Фаника весьма красноречиво отразил сомнения в здравом уме старшего брата – или в том, что это не ещё один сон.

– Ты. Хочешь сказать. Что меня. Похитили. Светлые. А спасли. Тёмные?

Заговорил он после о-очень долгой паузы, явно не доверяя тому, что говорит. И вместо ответа Дэнимон, коротко выдохнув, прошёл к кровати, чтобы сесть рядом с братом.

Ибо прекрасно понимал: этот разговор выйдет куда дольше, чем пауза перед ним.

* * *

Я проснулась в своей постели у камина, рядом с Бульдогом, привычно пускавшим слюни на мою подушку. Почти сразу вспомнив, что засыпала

вовсе не в своей постели.

Нашарив очки, которые кто-то заботливо положил рядом, я нацепила их на нос, повернулась – и встретила взгляд Морти.

– С пробуждением.

Зрелище принцессы дроу, сидевшей в кресле с книгой, вынудило меня подскочить в постели, судорожно пытаюсь понять, чем я обязана её присутствию. Должно быть, когда я уснула, Лод перенёс меня сюда; но, может, Морти успела прийти и застать, как мы лежим в обнимку? И теперь хочет устроить мне...

– Спасибо, что помогла Лоду, – добродушно произнесла принцесса. – Во всех смыслах.

От тепла её улыбки торнадо лихорадочных мыслей мигом утих.

– А... не стоит благодарности. – Я растерянно моргнула. – Простите, но...

– Что я тут делаю? – понимающе закончила Морти. – Все заняты на совете, меня туда не пускают. Так что решила подождать здесь. Какая мне разница, где читать? Заодно смогу поблагодарить тебя, когда проснёшься, и передать слова Лода.

– Какие слова?

Морти кивнула на стол. Там лежало знакомое зеркальце с серебряной крышкой, которым я не пользовалась с достопамятного вечера, когда Алья развлёкся с Навинией.

– Лод немного его доработал. Решил, тебе полезно будет знать, о чём идёт речь на встрече с послем лепреконов. Если откроешь зеркало, оно покажет зал совета.

– О, здорово! – моя искренняя радость длилась всего миг. – А вы? Разве вам неинтересно?..

Морти усмехнулась.

– В детстве я вечно крутилась под дверьми. Пыталась шпионить. Потом привыкла, что Лод с Алей просто рассказывают мне то, что считают для меня нужным и допустимым. – Она слегка пожала плечами. – Женщинам дроу, даже из правящего дома, издавна не дозволяется следить за советами Повелителя. С помощью магии – в том числе. Это традиция, которую я не собираюсь нарушать. Подслушивать тайком недостойно принцессы из рода Бллойвуг.

– Тогда почему Лод дал зеркальце мне?

– Наверное, потому что ты не дроу? – весело заметила Морти. – За меня не беспокойся. В конце концов, там зачастую обсуждают такие вещи, в которых я ничего не соображаю.

– Вряд ли я соображаю больше вашего.

– Должно быть, больше.

Морти опустила взгляд в книгу, и я сочла, что спорить будет лишним. Встала, ожидаемо обнаружив себя полностью одетой, сунула ноги в мягкие туфли и побрела в ванную.

Забавно. Я уже имела возможность убедиться, что риджийские законы и обычаи сильно отличаются от законов и обычаев нашего мира: начиная с судебных тонкостей, которые я наблюдала на примере истории с Артэйзом, и заканчивая отношением к близости до брака. В отличие от нравов аналогичной эпохи нашего мира, похоже, в Риджии никому нет дела до девичьей невинности. Если сопоставить то, что Лод рассказывал мне о дроу, «предсвадебные путешествия» эльфов, о которых мельком упоминала Навиния, и бурную личную жизнь Повелительницы людей...

Всё это казалось мне куда более правильным, чем отвратительные интрижки, о которых я столько читала, изучая историю и литературу. Зацикленность на целомудрии несколько не способствовала искоренению измен – нет, она лишь приводила к тому, что измены старательно скрывали, тщательно заметая весь сор под ковёр. Отвратительное лживое лицемерие, которого я никогда не понимала; и тем более не понимала, почему даже в наше прогрессивное время многие придают огромное значение этой глупой традиции. Чистой условности. Какая разница, есть у твоей избранницы в определённом месте какая-то там перепонка или нет? Ты ведь не с перепонкой жить собираешься, тем более что её в любом случае придётся ликвидировать. А некоторые девушки, гордившиеся, что сохранили свою перепонку до свадьбы... с тем же успехом можно гордиться, что тебе посчастливилось ни разу не сломать ногу.

Нет, риджийские нравы мне импонировали куда больше. Действительно, если ты собираешься жить с кем-то долго и счастливо – прежде, чем давать брачные обеты, совсем не лишне проверить вашу совместимость во всех планах. Но, видимо, даже в Риджии есть место предрассудкам, так что женщин всеми силами стараются не допустить к правлению. Если не прямо, как Морти, то тихо, как Навинию. И при таком раскладе, если у меня не получится вернуться домой...

Ладно, думать о будущем пока рано. Для начала стоит выпутаться из настоящего.

Умывшись, я оперлась руками на край раковины. Вскинула голову, слушая ровный шум воды, глядя на своё отражение: к счастью, очки я сняла, так что вместо лица взору представало лишь бледное пятно с размытыми чертами.

И всё-таки. Почему в отношении меня Морти ведёт себя *так*?

Первый вариант: она бесконечно уверена в своём избраннике и знает, что он в любом случае сохранит ей верность.

Но... уверенность уверенностью, а я сомневаюсь, что при таком раскладе ты будешь не только не препятствовать сближению своего избранника с влюблённой в него девушкой, но и всячески обоих к этому подталкивать. Как говорится, на бога надейся, а сам не плошай. Не люблю эту поговорку по причине убеждённого атеизма, да и вряд ли в Риджии она есть, однако всякий умный человек прекрасно понимает этот принцип. А Морти бесспорно умна.

Второй вариант: она *не* уверена в своём избраннике и таким образом устраивает ему испытание, дабы проверить, сохранит ли он верность ей.

Но использовать в качестве объекта для подобного испытания меня, когда Лода не прельстила Навиния, лезшая к нему и так, и эдак, и косинусом вперёд?..

Третий вариант: Морти знает, что Лод ко мне ровным счётом ничего не испытывает. И поэтому так спокойна, и поэтому отправила меня к нему – чтобы любимый хальдс использовал живую куклу по назначению. И нет, вовсе не по тому, какое обычно уготовливают куклам в человеческий рост.

Уже больше похоже на правду. Но теперь вспоминаем, что я не сомневаюсь в Лоде, а ещё не замечала за Морти хотя бы намёка на цинизм, и ищем четвёртый вариант.

А четвёртый...

Я замерла, уставившись на текущую воду.

Ха. Ну конечно. И почему я не думала об этом раньше? Лод и Морти вместе уже не первый год, но он всего лишь её хальдс. Не супруг. Учитывая, что они прекрасная пара, и Алья явно не имеет ничего против их союза – если они до сих пор не узаконили отношения, значит, на то есть причина. И наверняка она кроется в том, что короли, как известно, могут всё, кроме одного.

«*Браки среди знати часто заключают по договору*», – говорил мне Лод. Скорее всего, принцессе уготована блестящая партия в виде какого-нибудь дроу из славного древнего дома... но, с другой стороны, чем плох Лод? Тем, что человек? Раз уж Алья сделал его своим Первым Советником? Непохоже, чтобы для Повелителя дроу это имело значение; а в конечном счёте, как я понимаю, судьбой сестры распоряжается именно он. Или одно дело – Советник, а другое – супруг принцессы? Знать бы, как у дроу тут всё заведено...

Впрочем, даже если моя догадка верна, это ничего не меняет. Насколько я помню, замужество вовсе не обязывает разрывать отношения с хальдсом, и ничто не мешает колдуну оставаться фаворитом принцессы, даже если она выйдет замуж не за него. Так что из всех найденных мною вариантов логичнее всего будет остановиться на третьем. А потом, вспомнив, что он мне не подходит, вернуться к волшебному зеркальцу и послу лепреконов.

В конце концов, это куда важнее и увлекательнее, чем мои домыслы по поводу чужой личной жизни.

По возвращении я обнаружила Морти на том же месте, увлечённо читающей. На столе перед ней, по соседству с зеркальцем, появился знакомый серебряный колпак – видимо, Акке успел принести мой завтрак.

Хм...

– Боюсь, пока я буду завтракать, совет уже закончится, – покосившись на Морти, невинно заметила я. – А если уйду с зеркалом в другую комнату, чтобы вы случайно не услышали, о чём говорится на совете, еда успеет безнадежно остыть. И что же нам делать?

Не отрывая взгляд от книги, принцесса улыбнулась – и хотя бы одна из причин, по которой она решила дождаться моего пробуждения, стала мне ясна.

– Принцессе из рода Бллойвуг не пристало подслушивать, – заметила Морти невзначай, – однако никто не в силах помешать ей спокойно читать, пока рядом подслушивает кто-то другой.

Как я и думала.

Понимающе хмыкнув, я села на табурет. Откинув серебряную крышку, коснулась кончиком пальца стеклянной поверхности и, положив зеркальце на столешницу, потянулась к колпаку, укрывавшему мою еду.

Наконец-то смогу, как дома, поесть за просмотром чего-нибудь интересного.

– ...самим не по душе вся эта ситуация, Повелитель, но вы же понимаете...

В зеркале отразился небольшой круглый зал, отделанный типичным для дворца дроу чёрным мрамором. За длинным прямоугольным столом спокойно разместились с десяток дроу, включая Алью, Лод и трою лепреконов: вылитых эльфов, только не выше восьмилетних детей, да волосы не золотые, а рыжие, как мандаринки. Один из них как раз вещал что-то низким размеренным голосом, который никак не мог принадлежать ребёнку.

– ...мы чужды предрассудков, вы знаете. Мы помогли вам по мере

своих скромных сил все эти триста лет. Мы не в обиде на призраков прошлого, и та история на пиру вызвала и у нас много вопросов, – рассудительно заметил лепрекон. – Откровенно говоря, наш народ вздохнул с облегчением, когда венценосный отец нашего Повелителя не вернулся в своё королевство. Но хоть нам и стоило бы сказать «спасибо» тому, кто прервал правление взбалмошного полудурка – в отличие от людей и эльфов мы пытались найти истинного виновника резни. Мы не хотим этой войны, мы не будем воевать с вами... но эльфы и люди хотят, и в открытом столкновении с ними – что мы можем? Нас, как и вас, ничтожно мало. После пропажи принцев эльфы возненавидели вас с новой силой, в армию людей, кажется, собрали всех мужчин от двадцати до пятидесяти. У светлых огромное войско. Сильное войско. И этому войску не терпится стереть вас с лица земли.

– Триста лет назад Тэйрант тоже был силён, – бесстрастно произнёс Алья. – Однако тогда вы примкнули к проигрывающей стороне.

– Триста лет назад войну выигрывал сумасшедший фанатик, который после уничтожения эльфов и людей переключился бы на нас. – Лепрекон пожал плечами. – Без обид.

– Что вы, какие обиды.

В зеркальце трудно было разглядеть лицо Повелителя дроу, но, откусывая очередной кусок тёплой румяной булочки с сыром, я услышала его усмешку.

– Сейчас место Тэйранта занял другой сумасшедший фанатик, – заметил Лод.

– Вы в выигрышном положении. У вас есть шансы победить в этой войне, просто отсидевшись под горами, и шансы эти...

– На сей раз светлые не отступят, – тихо проговорил дроу, сидевший по левую руку от Алья. – Ни за что.

Он был темноволосым – к моему удивлению. Черноту длинных прядей лишь подчёркивала белизна одежд, сдержанно расшитых алым шёлком. Белый и красный... цвета дома Рауфгата, вдруг вспомнила я.

Того же дома, к которому принадлежал едва не убивший меня Артэйз.

– Они задавят нас количеством, – продолжил дроу. – Им всё равно, сколько народу они потеряют в наших тоннелях. Потому и забирают в армию всех, кого могут. Тысячи умрут, чтобы остальные прошли по трупам и вырезали нас, как паппеев в норах. Но вам всё равно, верно? Вы ведь...

– Лу.

Алья сказал это без угрозы. Почти шёпотом. Всего одно короткое слово: видимо, имя того, кто говорил.

Однако дроу моментально смолк.

– Мы понимаем ваше тяжёлое положение. И, помимо информации, подсобим чем-то более существенным, – любезно произнёс лепрекон. – Мы дадим вам то, что поможет вам пережить осаду. И даже не возьмём за это платы. – Последнее он добавил весьма неохотно. Его товарищей на этом месте и вовсе передёрнуло. – Но это всё, чем мы можем помочь.

– Нет, не всё, – вежливо поправил Лод. – Вы могли бы отдать нам драконьи жемчужины.

Лепреконы уставились на колдуна долгим молчаливым взглядом, и я замерла, не донеся чашку с чаем до губ.

Что ещё за жемчужины?..

– И чем же они вам помогут? – наконец спросил один из посланцев маленького народца.

– Полно. – Лод улыбнулся: для переговоров он предпочёл снова натянуть маску плюшевого мишки. – Вам ли не понимать, насколько это полезные вещицы. Особенно в нашей ситуации.

– Большинство жемчужин хранится в сокровищнице нашего Повелителя и никогда не покидает дворца. Мы считаем их справедливой платой за всех, кого мы потеряли в Войне Пяти Народов.

– Вы же вроде не в обиде на призраков прошлого, – подметил кто-то из дроу, и по голосу я опознала эмера Айкатта, отца покойного Артэйза.

– И не отказываемся от своих слов. Но вы же понимаете... если вам всё же не удастся отсидеться под горами, жемчужины для нас будут потеряны безвозвратно – и если эльфы или люди найдут их... догадаются, что мы вам помогали...

– В общем, вы просто жалкие трусы, – негромко и устало констатировал тот же темноволосый дроу, – которые в своём паскудном лицемерии решили бросить целый народ подыхать.

Хоть отчасти я была с ним солидарна – осознание того, сколь неразумна подобная реплика, вызвало у меня глубочайший фейспалм.

– Лу!

Крик принадлежал эмеру Айкатту, но он опоздал: лепреконы уже вскочили с мест.

– Знаете ли, – уязвлённый до глубины души, начал один...

...и замолчал, когда их обидчик поднёс ладонь ко рту, зачем-то изумлённо ощупывая свои губы.

– Простите Лундвинэлу это ужасное и незаслуженное оскорбление. Он недавно потерял брата, а горе затмевает разум, – опустив руку, спокойно произнёс Лод. – Мы прекрасно понимаем вашу позицию. И будем

безмерно благодарны за любую помощь, которую вы сможете нам оказать.

– Мой Первый Советник, как обычно, выразил мои мысли лучше меня, – заметил Алья, прежде чем встать. – Предлагаю обсудить детали ваших щедрых даров с моим Советником по экономике, Советником по снабжению и Советником по военным делам... в приватной обстановке. Прошу за мной. – Повелитель дроу прошёл к двустворчатым дверям. – Первый Советник присоединится к нам, когда растолкует Лундвинэлу всю ошибочность его поведения. Лод, жду в моём кабинете.

Он вышел, и лепреконы поспешили следом. Один из них злорадно оглянулся на темноволосого дроу – тот так и сидел, прижимая руку ко рту. Трое Детей Луны тоже поднялись из-за стола, и одним из них был эмер Айкатт; но прежде, чем покинуть зал, он коснулся плеча Лундвинэла. Сдержанным, успокаивающим, отеческим жестом.

Похоже, не только младший его сын не умел держать себя в руках...

Когда в зале остались лишь шестеро дроу и один человек, Лод провёл пальцем в воздухе длинную горизонтальную черту.

– Для будущего главы великого дома Рауфгата ты демонстрируешь поразительную несдержанность.

В голосе колдуна не было ни осуждения, ни издёвки. Он просто констатировал факт.

– Зато ты, как всегда, само хладнокровие. – Лундвинэл убрал руку ото рта, и я поняла, что ему вернули способность говорить. – Эта их *помощь* ничего не даст. Нам нужны не припасы, а лишние руки, способные держать клинки.

– В нашей ситуации любая помощь даст многое.

– О, да. Конечно. Только другая помощь могла бы дать нам гораздо больше, – интонации дроу резали сарказмом не хуже тех самых клинков. – Где же был твой блестящий ум на этот раз, Первый Советник? Почему ты не убедил маленький народец присоединиться к нам?

– Я пытался, если ты слышал. Как и все мы.

– Но из всех нас, кажется, только тебя нисколько не волнует провал. Так сблизился со своими драгоценными пленниками, что в душе уже надеешься на победу светлых? Ты ведь должен быть рад, что наконец можешь поболтать с кем-то из соплеменников.

– Шансы на успех переговоров по этому вопросу изначально были нулевые. К сожалению, я ещё ни разу не ошибся в подобных расчётах.

– Расчёты. Шансы. В этом весь ты. – Лундвинэл резко, с невыносимым скрипучим звуком отодвинул свой стул. – Мне иногда хочется вскрыть тебе грудную клетку и посмотреть, есть ли в ней сердце. –

Он встал. – Тебе вообще известно, что такое чувства?

Лод неторопливо поднялся на ноги, и шестеро дроу, безмолвно следивших за перепалкой, последовали его примеру.

– Я всё понимаю, Лу, – проговорил колдун – действительно понимающе. – Но советую тебе брать пример с отца. В такое тяжёлое время позволить боли утраты взять над собой верх... нехорошо по отношению к нашему народу.

– Нашему, – повторил дроу.

«Но не твоему», – читалось в его словах.

Дроу с тревогой переглянулись, однако эти двое смотрели только друг на друга. Мужчина, потерявший брата, и мужчина, убивший этого брата.

Они просто стояли, разделённые столешницей тёмного дерева, – но я почти слышала, как звенят в воздухе невидимые клинки.

– Обвинение в измене, Лу, – серьёзное обвинение. Но если оно беспочвенно, это тяжкое оскорбление. – Голос Лода ласкал, как шёлк. – И поскольку я безмерно уважаю тебя, твоего отца и твой дом, я спрошу всего один раз: ты действительно хотел меня оскорбить?

Какое-то время его оппонент молчал. Потом, так же молча, приложил ладонь к сердцу, низко склонил голову и, стремительно развернувшись на каблуках, вышел из зала.

– Извинения приняты, – бросил Лод ему в спину. – Господа, наш совет окончен. Благодарю.

Прекрасный мужчина.

Дружно поклонившись, дроу поспешили покинуть поле моего зрения. Дождавшись, пока Лод тоже удалится, я захлопнула серебряную крышку. Отставив пустую чашку, посмотрела на Морти: взгляд принцессы был устремлён на зеркало, и во взгляде этом плескалась печаль.

– Что скажете? – осторожно осведомилась я. – Раз уж вы... случайно всё слышали.

– Лепреконы всегда были себе на уме. Они и в прошлый раз вмешались лишь потому, что понимали: от исхода войны зависит и их судьба. Если б им ничего не грозило, они бы бросили эльфов и людей так же, как теперь бросают нас. – Морти закрыла книгу. – Но Лод прав. Нас не спасут клинки. Наш единственный шанс – предотвратить войну. Выиграть её, с помощью лепреконов или без неё, шансов нет.

Я кивнула, прекрасно осознавая её правоту. Хотела было поподробнее расспросить об этом Лу, но передумала: вспомнила нечто поважнее, чем скорбящий брат моего неудавшегося убийцы.

– А что за драконьи жемчужины?

Принцесса печально улыбнулась.

– Величайшее сокровище нашего народа. Вернее, когда-то было им. Не задумывалась, откуда мы берём еду, которую под горами, как ты понимаешь, достать довольно трудно?

– Ну, скот может пастись в горах...

– А хлеб?

– От лепреконов.

– Одной помощью от лепреконов целый народ не прокормишь, – справедливо заметила Морти. – Драконьи жемчужины – камни, которые можно найти только в желудке дракона. И ценят их не столько за неоспоримую красоту, сколько за уникальные магические свойства: приумножать то, с чем они соприкасаются. Опустит жемчужину в горшок с двумя зёрнышками пшеницы, и через час он наполнится зерном до краёв.

Я невольно присвистнула, пусть и неумело.

Ничего себе артефактик.

– Да, это великая ценность. – Морти правильно истолковала мою реакцию. – И добывал её в основном наш народ. Мало кто может справиться с драконом, и тут недостаточно одной эльфийской ловкости. Пока жемчужина пребывает в желудке дракона, она даёт ему недюжинную силу, здоровье, а также способность почти мгновенно заживлять любые раны.

– Я думала, драконы сами по себе такие сильные.

– Мы тоже так думали. Но опытным путём выяснили, что нет.

– А если жемчужину проглотит человек или дроу? – я с энтузиазмом прикидывала потрясающие возможности подобного имплантата.

– Что нормально для драконов, смертельно для нас. Человек, эльф, дроу или лепреконт – кто бы из них ни проглотил жемчужину, он умрёт.

– Жаль, жаль. – Я разочарованно покачала головой. – Но вещь всё равно прекрасная. И как давно стараниями охотников за жемчужинами перевелись драконы?

– Дракон, который когда-то пообедал отцом Тэйранта, был одним из последних представителей своего вида, так что... лет триста назад.

– Логично.

– Увы. – Морти провела серым пальцем по корешку книги, так и лежавшей у неё на коленях. – Жемчужины бывают разных видов, и один вид работает с определённым... типом вещей. Те жемчужины, что приумножают зерно, не приумножат вина в кувшине, и наоборот. Виды различаются цветом: золотые – для зерна и муки, белые – для молока, мёда и воска, розовые – для спиртного и масла... Все они довольно

распространены, и даже сейчас штук десять таких есть в каждом городе дроу. – Голос принцессы окрасила горечь. – Их всего-то три, и Мьёркт – самый большой.

– А каких нет? – задала я напрашивавшийся вопрос.

– Редких. Тех, что находились в одном драконе из ста. Тех, что наш народ оставил в наших городах, когда дроу бежали под горы. Тех, что потом достались светлым в качестве военных трофеев. – Морти отстранённо смотрела прямо перед собой. – Зелёные жемчужины, которые делают несказанно плодородной почву, если их туда закопать, а любой водоём – источником чистой питьевой воды. Серые, которые можно опустить в жидкий металл – и неважно, золото это, серебро или сталь, но жемчужина приумножит его. – Хм, а это отчасти объяснило бы волшебные горшочки с золотом, которые в легендах приписывают лепреконам. – И чёрные, которые взаимодействуют с магическими веществами. Такими, как зелья...

– Или волшебная пыльца, – закончила я.

– Именно.

И впрямь полезные вещицы.

– И что, их совсем-совсем?..

– Пара зелёных у нас осталась. Одна серая, благодаря которой мы и можем расплачиваться с лепреконами. Ведь цены они обычно объявляют... если б не думали, что мы располагаем исключительно тем золотом, что можем вручную добыть под горами, объявляли бы ещё в три раза больше. Мы пытались заполучить редкие жемчужины обратно, но светлые слишком хорошо их охраняют. А все чёрные и вовсе достались лепреконам.

– И почему это так страшно?

– У лепреконов невозможно ничего украсть. Это знают все испокон веков. – Морти, нагнувшись, почесала за ухом Бульдога: пёс грустно смотрел на нас, сидя у ножки кресла. – У лепреконов своя, особая магия, которая позволяет надёжно защитить то, что принадлежит им. К примеру, та сокровищница Повелителя, которую упоминал посол... Оттуда нельзя вынести ни один предмет, если ты не лепрекон. Сокровищница просто не даст тебе выйти.

– А что мешает захватить какого-нибудь лепрекона в заложники, надеть на него ошейник и приказать вынести жемчужины?

– Если лепрекон понимает, что выносит предмет из сокровищницы незаконно, его тоже не выпустит.

Да уж. И впрямь интересная магия.

– А снять чары, наложенные на сокровищницу, никак нельзя?

– Многие пытались. Ни у кого не вышло. Даже у самых

могущественных магов в истории Риджии. Надёжная защита от расхищения, согласись.

Я нехотя кивнула. Хотя сдаваться не собиралась. Может, местные и верят в непреложность закона «У лепреконов невозможно ничего украсть», но я не склонна принимать что-либо на веру. Гипотезу Пуанкаре тоже когда-то внесли в список задач тысячелетия^[4], и прежде чем признать задачку с жемчужинами неразрешимой, я хотя бы попытаюсь поискать решение.

На досуге.

– Я знаю Лода. Он не рассчитывал, что лепреконы согласятся отдать жемчужины. Да они и не нужны нам... не для того, чтобы предотвратить войну, по крайней мере. – Морти поднялась на ноги, и Бульдог радостно вскочил вместе с ней. – Проведаешь Фаника со мной?

Предложение было неожиданным – и настойчивое дружелюбие со стороны принцессы настораживало меня всё больше и больше.

– А разве не разумнее будет дождаться Лода?

– Нет нужды. – Принцесса вскинула руку, и на пальце её блеснуло управляющее кольцо. – Взяла у Альи до совета. Не думаю, что в нём возникнет нужда, но осторожность не помешает.

Поразмыслив, я всё-таки встала:

– С радостью составлю вам компанию.

Как справедливо заметил Пьюзо, друзей надо держать близко, а врагов – ещё ближе. И пока я не знаю, к какой категории относить Морти, отдаляться от неё определённо не стоит.

Мы спустились в гостиную, сопровождаемые цокотом когтей Бульдога, и там нас ждал сюрприз – в лице Навинии, сидевшей в кресле с отсутствующим видом. Паппей деловито умывался у неё на плече; я покосилась на пса, но тот, к счастью, прямоком посеменил под *тот самый* стол. Видимо, не заметил грызуна.

– Приветствую, принцесса, – любезно произнесла Морти.

Навиния покосилась на неё. Молча опустила взгляд, вновь уставившись в пол.

– Я понимаю, вам пришлось нелегко. И понимаю, как вся эта ситуация вас печалит. – Морти говорила с неудавшейся соблазнительницей Лода так мягко, так дружелюбно, с таким искренним желанием подбодрить, что я в очередной раз устыдилась своих подозрений – и в очередной раз захотела подрисовать над её головой нимб. – Но вам не стоит сидеть здесь в одиночестве, избегая общества ваших друзей. Если хотите...

– Давай, издевайся, – когда Навиния резко повернула голову, Морти

растерянно смолкла. – Мало тебе того, что меня и так смешали с грязью? Ещё решила добавить?

Ресницы принцессы дроу дрогнули крыльями чёрных бабочек.

– Давай, наслаждайся. Торжествуй, – издёвка в улыбке Навинии чудесно гармонировала со злой напевностью её голоса. – Да, я уничтожена. Твоим братцем и своими людьми. Мне показали моё истинное место. Тебе ведь это по нраву, правда? Унижение твоего врага, унижение той, кто посягала на твоего любовничка. Ты считаешь, что я получила по заслугам. – Она окинула меня взглядом, презрительность которого почти кристаллизовалась в воздухе. – Вы обе считаете.

Только тут я вспомнила, что Морти до сих пор не знает о происшествии в гостиной. И мне почему-то не хотелось, чтобы это изменилось.

Наверное, потому что Лод тоже явно этого не хотел.

– Видимо, лучшее, что я теперь могу сделать, – умереть. Жить мне отныне незачем, а смерть моя хоть кого-то порадует. – Вдруг растеряв всю злобу, Навиния ссадила паппея на столешницу и обречённо подпёрла голову рукой: печальная и прекрасная дева, готовая к встрече с голодным драконом. – Заколоть себя мне не дадут, но, может, смогу улучшить момент и выброситься из окна. Надеюсь, эта башня достаточно высока, чтобы от моего тела мало что осталось, ведь ждать достойных похорон от тёмных...

Я смотрела на паппея, осторожно обследовавшего стол.

Пытаясь понять, на кого рассчитан весь этот театральный пафос.

Не могу отделаться от смутного ощущения, что всё это – спектакль. Только вот для кого? С чего Навинии хочется предстать в наших глазах трагической героиней? Хотя... роль можно играть не только для публики. Иногда мы играем их для самих себя, и многие обманывают себя куда чаще и успешнее, чем других.

Кажется, принцессе не так просто смириться с тем, что страшное унижение не сильно-то её унизило. Судя по взглядам, которые она бросала на Алью... да только это неправильно, и Навиния прекрасно это понимает. Поэтому присовокупила к истинной печали по поводу предательства советников мнимую печаль по другому поводу – и предстала «правильной» даже в собственных глазах. А играть роль куда приятнее и проще, если у тебя есть зрители. В данном случае мы.

Только вот в любую игру можно играть вдвоём.

– Боюсь вас разочаровать, принцесса, но после падения от вашего тела останется очень даже много всего. Хотя состояние у него будет... хм, а любопытная задачка выходит. – Я заинтересованно провела пальцем по

переносице, поправляя очки; мысли на автомате складывали формулы, а губы – слова. – Нам нужно найти силу удара вашего тела о землю. Масса тела... думаю, килограммов шестьдесят. Сопротивление воздуха не учитываем, в данном случае оно ничтожно. Притяжение в Риджии явно соответствует земному, тогда ускорение свободного падения тоже. Высота башни, насколько я помню, около тридцати метров... и итоговая скорость тела перед столкновением будет примерно двадцать четыре метра в секунду.

На самом деле приблизительно 24,259. Я вопиюще округляла тысячные, которые вычисляла в уме, – но по многим причинам расчёту всё равно суждено было вый-ти весьма приблизительным, так что я решила оперировать целыми числами.

Решать задачу на риджийском было любопытной языковой практикой. Пусть даже некоторые слова приходилось проговаривать на русском, потому что вряд ли в риджийском для них имелся перевод.

Но даже с переводом принцессам моя речь наверняка не стала бы яснее.

– Время удара рассчитаем, поделив высоту тела на скорость перед ударом. Предположим, вы падаете плашмя, и с вашими объёмами максимальная высота... примерно 0,3 метра. Получаем где-то 0,012 секунды...

По-хорошему время удара требовалось вычислять экспериментально. И хотя за время моего обучения из окна прыгал даже не один студент – то любовь несчастная, то сессия заваленная, – я ни разу не наблюдала за этим лично. Наверное, к счастью, пусть с научной точки зрения это определённо был бы ценный опыт.

Однако придётся работать с тем, что есть.

– ...а дальше всё элементарно: сила удара составит 115 200 ньютонов, и в весовом эквиваленте это 11,5 тонны. Значит, в итоге ваше тело будет в таком же состоянии, как если бы его на долю секунды придавило небольшим автобусом. Это такие металлические кареты в нашем мире, большие и о-очень тяжёлые. Но даже при подобном раскладе просто смуть ваши останки с брусчатки не получится, зато ваша голова... хм... малоприятное выйдет зрелище. – Конечно, я не была экспертом в подобных вопросах. Тушки и разбившихся, и раздавленных людей я имела счастье лицезреть только в кино, а киношникам свойственно искажать действительность в угоду эффектности. Но не суть. – В общем, подобным образом сводить счёты с жизнью решительно не советую. Для конца красивой легенды о несчастной светлой деве, замученной злым владыкой

ужасных тёмных... конец весьма некрасивый. И грязный. В самом прямом смысле.

Наконец посмотрела в лицо Навинии – и то ли от того, что она честно пыталась вникнуть в смысл моих слов, то ли от того, что честно представила описанную мной картину, но с каждым мигом это лицо вытягивалось всё больше.

Бедняжка.

– Наука. – Я слегка пожала плечами. – Ничего личного.

Немую сцену прервал чей-то деликатный кашель, и когда я повернула голову, меня наградили усмешка Лода и ухмылка Альи.

Чёртова защита колдуна, скрывавшая все звуки с обеих лестниц! И как давно эти двое стоят у самого входа?

– Видимо, переговоры вышли короткими, – лукаво произнесла Морти, глядя на брата: похоже, она заметила парочку куда раньше меня.

– Ты же знаешь лепреконов, – скучающе откликнулся Повелитель дроу. – С ними особо не переговоришь.

– Но они любезно предложили нам помощь, – произнёс Лод. – Подробности расскажу потом.

«Если вы вдруг по каким-то причинам не воспользовались зеркальцем», – молча добавил его выразительный взгляд.

«И ты ещё в этом сомневаешься?» – ответила ему укоризна в глазах Морти.

– Приветствую, принцесса. – Колдун слегка поклонился Навинии. – Надеюсь, вы и ваш питомец пребываете в добром здравии. И всё же не собираетесь в ближайшее время менять это здравие к худшему.

Та кинула на него холодный взгляд, ясно выражавший глубочайшее презрение, но в ответ встретила непроницаемую улыбчивость. Попыталась проделать тот же фокус с Альей – и, не выдержав даже пары секунд, потупилась.

Ну да, если б на меня смотрели с заинтересованным вниманием хищника, прагматично прикидывающего из засады расстояние до жертвы, я бы тоже проиграла битву в гляделки. И если накануне во взгляде Альи, обращённом на принцессу, я читала немой вопрос – больше никаких вопросов в нём не было.

– Акке! Увы, но я не успела им воспользоваться, – без перерыва добавила Морти, обращаясь к брату, стягивая с пальца кольцо. – Вы тоже к светлым шли? Тогда возвращаю это тебе... Акке, будь добр, принеси мой ларец с лекарствами.

Последнее она вновь адресовала иллюранди, выступившему из теней в

углу.

– А потом сделай так, чтобы здесь можно было сидеть вдесятером, – добавил Лод, кивнув на *тот самый* стол; и когда иллюранди поклонился и исчез вновь, колдун направился к дверям в комнату пленных. – Что ж, один совет мы провели. Настало время для другого.

Чуть позже я стояла, прислонившись к стене по соседству с Альей, и почти с умилением наблюдала, как Морти с ложечки поит Фаника лекарствами из пяти разных склянок. У самого принца руки дрожали так, что содержимое первой ложки, которую он гордо попытался принять сам, в итоге оказалось на подушке. Хорошо хоть не попало ни на батистовую рубашку, ни на штаны, в которых принц теперь сидел поверх одеяла.

Лицо Фаника утратило ту детскую припухлость, что я заметила неделю назад, и теперь он ещё больше походил на Дэнимона. Босоногий, худой, белокожий почти до фарфоровой прозрачности, прямые волосы укрывают острые уши непослушными тёмными вихрами – типичный эльф, если не считать непривычной масти.

– Ничего, зато через пару дней будете в полном порядке, – успокаивала пациента Морти, отмеряя очередную порцию лекарства из очередной бутылочки. Лод, который после осмотра нашёл состояние принца «сносным», кивнул в знак подтверждения. – Впрочем, если вы находите унизительным принимать лекарство из рук врага, могу поручить это кому-то из ваших друзей.

Фаник в ответ слабо улыбнулся, а я подумала, что тёмным можно выставлять Морти в качестве тяжёлой артиллерии. Трудно представить существо, которое, познакомившись с принцессой дроу, не проникнется к ней тёплыми чувствами.

Нет, одно такое, конечно, сидело сейчас в гостиной; но, в конце концов, для всякого правила обязано существовать подтверждающее исключение.

– Принцесса, тот, кто спас мне жизнь, мне если не друг, то точно не враг. И если вы считаете, что я унаследовал от отца исключительную гибкость взглядов, то ошибаетесь. – Фаник посмотрел на Лода. – К слову, примите мои извинения, что при нашем знакомстве желал вам издохнуть на месте.

– При тех обстоятельствах, в которых мы познакомились, это было вполне естественное пожелание, – любезно откликнулся тот.

– Да, но как было бы забавно, если б моё желание сбылось. – Принц покорно открыл рот, чтобы принять вот уже четвёртое зелье. – Кхм... Ведь в таком случае сейчас мой изуродованный труп лежал бы где-нибудь в

Тьядри. Или где-нибудь здесь, не столь изуродованный, но, боюсь, меня бы это мало утешило.

И в такой ситуации он даже чувство юмора сохраняет? Надо же.

Его спокойствие оказалось для меня приятной неожиданностью. По рассказам Кристи почему-то складывалось впечатление, что Фаникэйл – мягкотелый инфантильный мальчик, тщетно пытающийся подражать сильному старшему брату. То, что его вслед за Дэнимоном угораздило влюбиться в Кристу, для меня лично служило свидетельством редкостной глупости.

Однако в том, как он вёл себя сейчас – во власти тех, кого всю жизнь считал врагами, когда весь его мир полетел к чертям, – не было ни глупости, ни инфантильности.

С другой стороны, что я слышала о нём до этого дня? Что он «слишком мягкий» – от Кристи. Что Хьовфин не слишком-то его любит – от неё же. Что он не больно хорош в бою – от неё и от Лода. Что он «благоразумный юноша» – от Лода, суждению которого я однозначно доверяла больше. Если поразмыслить, из всего этого вырисовывается типичная история о двух сыновьях, из которых один сильный, а другой умный. Однако отцы-короли частенько хотят видеть своих сыновей рыцарями без страха и упрёка, но не тихими книжными червями; и очень похоже, что для Хьовфина ум не являлся тем качеством, которое ценят превыше всего. Как, собственно, и для Кристи.

Но почему Фаник смутно напоминает мне кого-то знакомого?..

Словно почувствовав мой пытливый взгляд, младший принц посмотрел на меня. Я уже хотела отвести глаза, когда Фаник вдруг с усмешкой оглянулся на Восхта:

– А мы ведь говорили Вيني, что твоя белая ведьма служит дроу.

Тот, устроившись на стуле у окна, лишь руками развёл. Словно извиняясь за принцессу, которая сейчас сидела в гостиной.

Белая ведьма?..

– Прошу прощения? – вежливо осведомилась я.

– Так тебя Восхт прозвал. Когда рассказывал нам с Вيني, как ты похитила Дэна. – Фаник снова посмотрел на меня. Надо же, правильно истолковал мой вопрос. – Имя своё ты ведь ни ему, ни мне сообщить не удосужилась. А даже если бы сообщила, о ваши иномирные имена язык сломаешь.

– Понимаю. Можете звать меня «эй ты», я не обижусь.

Он не удивился. Лишь улыбнулся, как хорошей шутке.

– Неужели?

– В этом дворце меня называли и похуже.

– Может, хозяйева дворца считают, что имеют на это право, но я здесь лишь вынужденный гость. – Фаник сощурился, и цвет его карей радужки вдруг напомнил мне о корице. – Предлагаю сойтись на Сноуи. Если верить Кристе, это близкий перевод твоего имени, верно?

Далась им эта «снежинка»!

– По-моему, «белая ведьма» подходит больше, – едко заметила бывшая сокамерница.

– Да какая из неё ведьма? – удивился Дэнимон. – При полном отсутствии Дара...

– Зато характер – ведьма ведьмой.

В ответ я прохладно усмехнулась.

– Зовите меня, как угодно, – и скрестила руки на груди. – А теперь предлагаю поговорить о том, что действительно важно.

– Ничего, девочка, – скучаяще протянул Алья, – пускай детишки наговорятся. Они ведь давно не виделись.

Однако под внимательным взглядом Повелителя дроу «детишки» как-то разом посерьёзтели и притихли.

– Наговорились, – заключила я. – Тогда можно переходить к тому, кто всё-таки нанял ту троицу головорезов.

Светлые переглянулись. Так мрачно, что стало ясно: они не только обсуждали этот вопрос, но и пришли к каким-то выводам.

– Предлагаю переместиться в гостиную. Беседовать за столом будет однозначно удобнее. – Лод жестом пригласил всех выйти. – Принц Фаникэйл, ваше самочувствие...

– Если рассчитываете, что я это пропущу, можете не рассчитывать. – Эльф немедленно встал и, хоть его повело в сторону, легко и непринуждённо удержался на ногах. – Криста, позволишь тебя сопроводить?

Прежде, чем девушка успела ответить, Фаник подхватил невесту брата под руку – и, перенеся на эту самую руку большую часть своего веса, мигом перестал пошатываться.

– А... да, конечно. – Криста нежно улыbnулась. – Позволю.

Глядя, как они степенно идут к двери, я гадала, хватило ли у бывшей сокамерницы ума сообразить, что к чему, или для неё это явилось очередным проявлением безответной влюблённости «принца из френдзоны». В которой я, к слову, вдруг сильно засомневалась.

Вокруг *того самого* стола уже ждали трёхногие табуреты. Кресла Акке убрал к дальней стене, дабы освободить место, оставив лишь одно,

которое занимала Навиния. Принцесса взирала, как мы рассаживаемся, с надменным спокойствием сфинкса. Бульдог благополучно исчез – видимо, предпочёл вернуться в лабораторию, – а паппей безмятежно спал, свернувшись клубочком на коленях принцессы. Когда незанятым остался лишь один табурет, каждый собравшийся за столом молча обвёл взглядом «сообщников». Четырёх тёмных, занявших одну половину, и пятерых светлых – на другой: Морти села по левую руку от Альи, Лод устроился справа, я примостилась рядышком – между ним и Фаником. Обычная смертная девчонка в обществе двух Повелителей, двух принцев, принцессы и трёх колдунов...

Забавно, что ни говори.

– Вы тоже думаете, что это был тэлья Фрайндин? – плохо скрывая волнение, внезапно поинтересовался Восхт.

Ага. Значит, светлые смогли сложить те же кусочки мозаики, что бросились в глаза нам с Лодом. Похвально.

Но именно потому, что они так сильно бросались в глаза, я и сомневалась, что эта догадка верна.

– Не ожидал, что вы примете этот ответ, – тихий голос Эсфориэля раздался прежде, чем я увидела, как эльф подходит к столу. – Здравствуй, Фаник. Рад, что тебе лучше.

– Принадлежность к твоей семье – не повод снимать подозрения. Особенно после событий, которые заставляют сильно переосмыслить отношение к некоторым членам семьи. – Принц широко улыбнулся. – Я скучал, дядя.

Эсфор сел по соседству с Морти, и впервые я наяву увидела на его губах по-настоящему тёплую улыбку.

– Не ожидал, что кто-то будет скучать по предателю и изменнику.

– Мы тут все теперь предатели и изменники, – безмятежно отозвался Фаник. – Правда, для светлых мы пока мученики, но только потому, что они сейчас нас не видят. Если б отец узрел нашу мирную беседу... Насчёт Дэна не знаю, а меня бы он точно прикончил на месте.

В его словах не было ни сожаления, ни горечи. Судя по всему, Фаник не особо страдал из-за отсутствия отцовской любви: просто взаимно не питал к дорогому папе тёплых чувств.

– Не преувеличивай, – поморщился Дэнимон. – Отец...

– Предпочёл бы видеть меня мёртвым, но не живым стараниями тёмных. Взгляни правде в глаза, Дэн. Возможно, я бы единственный раз в жизни заслужил родительское одобрение – если б очнулся в том подвале прежде, чем вы меня вытащили, и убил себя, дабы не попасть в лапы

наследника Ильхта. – Младший принц непринуждённо прилёг на стол, положив подбородок на руки. – Всё ещё ищешь отцу оправдания? То, что он сделал с нами, ожидаемо, но никаких оправданий этому быть не может.

– Он сделал то, что должен был сделать хороший правитель, – в голосе наследника эльфийского престола прорезались непреклонные стальные нотки. – И если однажды, пощади Пресветлый, передо мной встанет подобный выбор – я надеюсь, что у меня хватит сил поступить так же.

– Он был бы хорошим правителем, если б не собирался отправить своих подданных на смерть в напрасной войне. Теперь, когда ты здесь – неужели ты не видишь, как отец заблуждался? Нет никакой страшной угрозы для всех светлых. Он сражается против врага, которого сам придумал. Против врага из собственной памяти. А настоящий враг, пользуясь его слепотой, все эти годы прятался у него под носом.

Восхт прокашлялся, явно решив замять разговор, пока братья не передрались.

– Мы не приняли этот ответ, тэлья Эсфориэль, – изрёк светлый колдун, – но он самый очевидный.

– Самый очевидный ответ редко бывает правильным, – заметил Лод. – Однако зачастую злоумышленники тоже это знают. И замечают следы, пользуясь этим.

– Изложи всё, что нам известно, – велел ему Алья.

В ответ колдун достал из воздуха дутое серебряное кольцо – то самое, что я видела вчера на запястье Фаника.

– Наёмники были осторожны, и в воспоминаниях Фаникэйла... к счастью, большую часть своего заключения он провёл без сознания, и воспоминаний этих было немного... я не обнаружил ничего, что могло бы навести на заказчика. Браслет тоже не поможет: он лишь служит доказательством, что на стороне заказчика исключительно сильный маг.

– Такое могущественное колдовство оставляет мощный след ойры. Всегда, – резко произнесла Навиния. – Его не замаскируешь обычными скрывающими чарами. И при должном мастерстве...

– Можно по ойре выйти на мага, который это колдовство сотворил. Да, я пробовал это сделать. Но на браслет явно наложили Лейндармальский заговор.

Судя по всему, принцессе это ничего не говорило. Мне тоже, но я мигом сообразила, что речь о каких-то чарах, маскирующих следы других чар.

Зато Восхт прекрасно всё понял – и недоверчиво расширил глаза:

– Лейндармаль? Но тогда этот маг должен обладать такой силой...

– Как наша милая принцесса. – Лод кивнул на Навинию. – По меньшей мере.

– Я? Если вы намекаете, что я...

– Вيني, ну при чём тут ты? – раздражённо всплеснула руками Криста. – У Фрайндина как раз под рукой есть магичка, которая по силе наверняка превосходит даже тебя. Спасибо нашей белой ведьме, протащившей в Риджию эту рыжую... проблему.

– Всегда рада помочь.

– Насчёт «превосходит» мы ещё посмотрим, – нехорошо щурясь, пообещала Навиния. – При личной встрече.

Хм... если до этой встречи когда-нибудь дойдёт дело, впору запастись попкорном. А лучше – принимать ставки и организовывать продажу билетов.

– Далее. – Лод непреклонно вернул нас к теме разговора. – Правду о том, что внезапное исчезновение принца и его невесты не является предсвадебным путешествием, среди светлых знали только Фрайндин и Фаник. Принц, вы ведь никому не говорили?..

– Чтобы отец меня уничтожил? – уточнил Фаник. – За то, что не помог брату усмотреть за невестой, за то, что не доложил о погоне брата за этой невестой, и за то, что малодушно отпустил брата одного? Даже несмотря на чётко выраженное пожелание, чтобы я тихо сидел в своей любимой библиотеке, ибо в погоне буду только обузой?

– Видимо, нет.

– Это был не первый побег Кристи. Если б я мог хоть на миг предположить, чем всё обернётся, то пренебрёг бы всеми просьбами Дэна и сразу побежал к отцу. Но я не предположил. И прислушался к просьбам, и нашёл правдоподобное объяснение про предсвадебное путешествие, и про то, что Восхту тоже потребовалось уехать по делам, и ему было с ними по пути... – уголок губ Фаника досадливо дрогнул. – Я и Вيني долго пытался убедить, что ничего страшного тут нет. Найдутся, помирятся. Всё как обычно.

И было бы, как обычно, если б Кристу не понесло в горы дреу. И тогда бы все вы сейчас здесь не сидели – как и я.

Одна маленькая деталька, с лёгкостью порушившая карточный домик.

– А свой отъезд вы в итоге объяснили...

– Тем, что заскучал без друзей и в преддверии Солирдага решил развеяться вместе с Вيني.

Солирдаг... насколько помню из местных книг, день прощания с летом, один из главных риджийских праздников.

– Но дядя вы, как и Дэн, сказали правду?

– Да.

– Это ещё ничего не значит, – робко возразила Криста. – Да, наёмники явно стали следить за вами с Вини, как только вы выехали из Солэна, но весь наш двор знал...

– Но дядя знал, что происходит на самом деле. И, зная это, ничего не сказал отцу. А он один из тех, кому открыт доступ к моему маячку, и обещал, что будет постоянно его проверять, раз уж речь идёт не о счастливом предсвадебном путешествии, – хмуро ответил Дэнимон. – Потому я и сказал ему правду. Рассчитывал, что в случае опасности дядя поднимет тревогу, и как только я пропал из виду... если б дядя сразу пошёл к отцу, наши гвардейцы были бы в Тьядри в тот же день. И нашли бы Фаника прежде, чем до него добрались наёмники, и прежде, чем Восхт и Вини попались в вашу ловушку.

– А я нахожу ситуацию ещё более интересной. – Фаник задумчиво стучал кончиком указательного пальца по столешнице: к счастью, стараниями Лода ногти у него уже отросли заново. – Если наёмники столь стремительно сели на хвост нам с Вини – с ними связались заранее. Каким-то образом их наниматель понял, что вскоре мы отправимся в Тьядри. И из этого можно сделать неутешительный вывод о том, что он прекрасно знал нас. Всех нас. Он шпионил за Кристой, узнал, что она у дроу... или хотя бы то, что она пропала в их горах, но выводы сделать нетрудно... а дальше понял, что Дэн отправится её выручать – и тоже попадётся. Он знал, что Вини неожиданно покинула своё королевство, и понял, зачем она сделала это. Он понял даже то, что я поддамся на её уговоры. И из всех эльфов мне известны лишь двое, которые могли предсказать всё это. – Он поднял взгляд, посмотрев на Эсфора. – Первый сейчас сидит за этим столом. Второй – тот, о ком мы говорим.

Умненький мальчик, ничего не скажешь.

Я вдруг поняла, кого он мне напоминает. Даже внешне, но в первую очередь – манерами, повадками, неизменной смешинкой в голосе и в глазах. Сашку, только повзрослевшего лет на пять-семь. Влюблённость не мешала мне замечать, что Сашка довольно инфантилен: излишняя забота со стороны разведённой мамы, помноженная на возможность вместо самостоятельной учёбы уютно устроиться на моей шее, нещадно его избаловала. А вот Фаника, который вряд ли старше меня, явно особо не баловали.

Судя по братцу, это пошло ему на пользу.

– Доводы убедительные. – Лод тоже смотрел на мальчишку с явным

одобрением – чувство, крайне редко проявлявшееся в его взглядах на светлых. – Однако доказательств, что всё затеял именно тэлья Фрайндин, у нас нет. Это мог быть любой другой высокородный эльф, который хорошо вас изучил. И всё усложняет отсутствие мотива.

– Фрайну незачем так поступать, – тихо проговорил Эсфор. – Он всегда был лучшим из нас троих. И никогда не хотел править.

– Если бы хотел – убрал бы Хьовфина, а не его наследников, – кивнул Алья. – И он мог сделать это давным-давно. Но мы исходим из того, что злодеем двигала в первую очередь ненависть к нам, а не стремление получить личную выгоду. И всё, что он сделал – что сейчас, что восемнадцать лет назад, – он делал, чтобы спровоцировать светлых на новую войну.

– А брат мужа – один из тех, от кого Повелительница эльфов никак не ожидала бы отравленного ножа в спину, – негромко добавила Морти.

Фаник удивлённо вскинул брови:

– Вы думаете, что резню восемнадцать лет назад и моё похищение организовал один и тот же эльф?

Интересно. Так он тоже считает, что резню кто-то «организовал». Впрочем, если и Восхт понимал, что в официальной версии светлых есть сомнительные пункты...

Я рассматривала несколько вариантов. Начиная с того, что несостоявшийся убийца Фаника и состоявшийся убийца его матери – действительно разные лица, и заканчивая тем, что не совпадают даже личности организатора и исполнителя того старого убийства. Последний вполне мог оказаться лишь марионеткой в руках сильных мира сего.

Но некоторые штрихи заставляли меня склоняться к определённым выводам.

– Мы можем ошибаться, – легко признал Лод. – Вполне возможно, что вашу мать устранили по другим причинам. Личным причинам. Кажется, многие считали, что человеческая девушка – не самая подходящая партия для Повелителя эльфов.

Внезапно. Значит, Дэн и Фаник – полукровки?.. Впрочем, это объясняет необычную для эльфов масть.

– Эльфам чужды предрассудки, – отрезал Дэн. Фаник скептически хмыкнул, но его вряд ли услышал кто-то, кроме меня. – Мама была из знатного рода, троюродной сестрой матери Вини, и все считали, что в ней возродилась прекрасная Льомдэлль, которую отец потерял в войне с...

– Многие были не в восторге от выбора брата, – устало бросил Эсфор, оборвав жаркую речь племянника на полуслове, и я поставила мысленную

галочку «не забыть узнать, что это за прекрасная Льомдэлль». – Да, после войны никто не смеет открыто показывать пренебрежительное отношение к людям. Иначе заклеят последователем Тэйранта. Но в высших кругах это пренебрежение всегда было и, боюсь, ещё долго будет.

Не выдержав, я кашлянула, и все светлейшие особы, собравшиеся за столом, посмотрели на меня.

От такой концентрации сиятельного внимания даже становилось слегка не по себе.

– Мне кажется, тут виден один и тот же почерк, – справившись с мгновенной робостью, заговорила я. – Убирают кого-то из семьи Повелителя, когда светлые и тёмные близки к примирению, и при этом подставляют дроу. Вряд ли это простое совпадение. Кто-то не хочет, чтобы вы примирились... но личный мотив тоже имеет право на существование. Заметим, никто не покушался ни на самого Повелителя, ни на его братьев, однако удар наносили так, чтобы у Хьовфина появилось ещё больше причин возненавидеть тёмных. В первом случае по его жене, во втором – по детям, которые внешне пошли в мать. – Я взглянула на Эсфоризэля. – Как Фрайндин относился к жене брата?

– Фрайн ко всем относился тепло. С самого детства. Я говорил: он лучший из нас троих. – Эльф смотрел на моё лицо, но создавалось впечатление, что видит он нечто совсем иное. – Когда война закончилась, ему было всего одиннадцать. Мы с Фином вернулись домой, наши родители – нет. Фин занял место отца, и на его плечи легла задача возродить из пепла наше королевство. Я отдалился от всего и всех, коротая дни наедине со своей печалью. Но Фрайн был всего лишь ребёнком, который неожиданно остался совсем один. Он потерял родителей, а братьям было не до него. Лишь много позже я с содроганием понял, как легко он мог озлобиться на весь мир. Однако он остался тем же светлым маленьким мальчиком, что ещё до войны кидался мне на шею во время моих редких визитов домой. – Эсфор моргнул, и взгляд его сделался более осмысленным. – Да, он не любил дроу. Но людей он всегда считал равными эльфам – один из немногих. Когда Фин объявил, что избрал будущей Повелительницей человеческую деву, мы с Фрайном первыми поддержали его.

На этом месте я с усмешкой подумала, что вырисовывается прямо-таки портрет ангела во плоти. Которых не существует.

И пусть рядом со мной живой пример в лице Морти, я не могу поверить даже в её искренность.

– Но он не любил дроу, – цепко повторил Алья.

– Он не знал их так, как я. Когда-то они разрушили всю его жизнь. Жизнь его семьи и его народа. Конечно, у него были причины их не любить.

– Значит, у него были и причины не желать примирения с ними.

– Были. Но не ценой жизни племянников. Не ценой жизни их матери. Дэн и Фаник... мы с Фрайном всегда любили их, как собственных сыновей. Порой мне казалось, что мы куда ближе к ним, чем сам Фин. В своей одержимости будущей войной он нечасто находил время на детей.

Я покосилась на Дэнимона, но тот ничего не сказал: видимо, тут даже любящему сыну нечего было возразить.

– Да, многое указывает на Фрайна. Но я готов поклясться, что это не он. Я знаю своего брата. Я верю в него.

Решимостью Эсфора можно было бы резать алмазы. Он говорил это так же твёрдо, как когда-то уверял свою возлюбленную принцессу, что сердце её брата исполнено добра... брата, который потом развязал войну, уничтожившую их всех.

Тебе так легче, тэлья Эсфориэль? Безоговорочно верить в тех, кого любишь, – даже несмотря на то что твоя долгая жизнь уже смеялась над тобой, растапывая эту веру? Ты предпочтёшь снова пережить боль предательства, снова выдернуть нож из спины, но не оскорбить любимых недоверием? Как прекрасно... и глупо.

А ведь мне, похоже, придётся брать с тебя пример.

– В нашем мире говорят, что яд – оружие женщин, – осторожно сказала я. – Настоящий злодей мог лишь прикрыться тем, что в первую очередь все ниточки приведут к Фрайндину. И это вполне мог быть не злодей, а злодейка. Думаю, многие эльфийки мечтали занять место рядом с Повелителем, и кто-то из них мог быть очень зол, что в итоге оно им не досталось.

– О мамином месте мечтали многие, – признал Фаник. – Включая половину её фрейлин. Но из них я не назову ни одной, которая была бы достаточно умна, чтобы проверить подобное.

– И на такой случай у нас есть ещё одна зацепка. – Положив браслет на столешницу, Лод призвал в руку знакомую грифельную табличку. – Ночью я вышел на того, кто писал послания наёмникам. След ойры тщательно замаскировали, однако я сумел его распутать. Двусторонние артефакты всегда делают тебя уязвимым... След привёл меня в Мирстоф.

– Что?!

Навиния выдохнула это так возмущённо, что могло показаться, будто принцессе нанесли глубокое личное оскорбление: её явно задело, что

«старшак» посмел угнездиться в её столице.

– Я знаю, кто руководил наёмниками. Я знаю, где он. Если он расскажет нам всё, что знает – уверен, мы приблизимся к разгадке. Однако, – Лод посмотрел на Алью, – прежде я предлагаю всё же наведаться к тэлье Фрайндину. Если ниточки ведут к нему не просто так, на этом наши поиски оканчиваются. Если же наши подозрения беспочвенны – нам было бы очень полезно заручиться поддержкой ещё одного брата Повелителя эльфов.

Все помолчали, обдумывая данное предложение.

И лично я находила его весьма дельным.

– А если тот, кто стоял за похищением Фаника, и убийца Повелительницы – не одно и то же лицо? – задумчиво спросил Восхт.

– У меня тот же вопрос, – поддакнул Фаник. – Думаю, отца куда больше обрадовала бы поимка убийцы любимой жены, чем неудавшегося убийцы нелюбимого сына.

Лод слегка пожал плечами:

– Да, в нашей версии много допущений. Но даже если так... когда мы отдадим Хьовфину того, кто покушался на принца, он поймёт – среди светлых есть те, кто желает его семье зла. И, думаю, после этого Повелитель сам отыщет того, кто отнял у него жену.

– Поддерживаю, – сказала я. – Главное – заставить светлых понять то же, что поняли вы. Когда ваш отец увидит, что его сыновья невредимы, когда люди осознают, что их Повелительница жива... когда они поймут, что всё не так, как им казалось...

– Они наконец-то снова захотят нас слушать, – закончила Морти. – И тогда мы предложим им мир.

Алья молчал, обдумывая предложение Лода. И по лицам собравшихся я видела: последнего слова все ждут именно от него.

Быть может, Повелитель дроу был и не самой сильной фигурой за этим столом, – но он оказался тем самым королём на доске для скаука, под чьим знаменем мы в итоге сражались.

– Если мы поможем вам... повидаться с дядей, – вдруг произнёс Дэнимон негромко, – вы наденете на него ошейник? Чтобы он сказал правду?

– Мы не будем злоупотреблять вашим доверием лишь для того, чтобы заполучить ещё одного заложника, – успокоил его Лод. – Ошейник – крайняя мера. Для начала попробуем мирно побеседовать. Было бы неразумно с ходу настроить Фрайндина против нас столь... неучтивым обращением.

– Хорошо, – серьёзно кивнул принц. – Я не хочу, чтобы он пострадал.
– Никто не хочет, если он ни при чём. – Алья неторопливо встал. –
Ладно. Беритесь за Фрайндина.

Король сказал своё слово. И хоть никто не кивнул в знак согласия, но стало ясно: решение принято.

Засим собрание можно было считать оконченным.

– В таком случае обсудим план, – резюмировал Лод. – Эсфориэль, принц Дэнимон, принц Фаникэйл, останьтесь. Остальным более докучать не смею.

Намёк, к моему удивлению, поняли все. Трое пленников, которых теперь даже как-то неудобно было так называть, направились к двери в свои покои, Морти с братом – к лестнице, ведущей прочь из башни, а я – к ступенькам, уводившим наверх. И хоть меня несколько раздосадовало, что к моим услугам при обсуждении плана прибегать не собирались, но... я знаю, что Лод обратится ко мне за помощью, если она понадобится. А до сего дня его сольные планы не подводили.

К моменту, когда я оставила позади последнюю ступеньку, досада испарилась без следа. Не обращая внимания на подозрительно шевелившееся одеяло, я прошла в библиотеку. В призрачном свете волшебных цветов отыскала на полке книгу, на корешке которой подписали «Сокрытие чар»; прислонившись спиной к шкафу, пролистала потрёпанный том. Ожидаемо отыскала там Лейндармальский заговор – и, убедившись, что он действительно позволяет магу скрыть те следы своих чар, что могут помочь выследить его другому магу, вернула потрёпанный том на место.

Нет, позже я определённо к нему вернусь, чтобы изучить от корки до корки. Но пока меня ждали «Ловушки», которые давно следовало добить. Чем, вернувшись в гостиную, я и занялась.

Я всегда восхищалась красотой чисел и формул. Как и красотой кода. И по мере того, как я разбиралась в магических формулах... о, они были не менее прекрасны, чем математические, и не менее изящны, чем элегантно написанные проги. Особенно те заклятия, до которых я добралась сейчас: невероятно сложные в своей гениальной простоте, сверкающие, как бриллианты, незамутнённые и чистые, как родниковая вода. Их не творил человек – они жили собственной жизнью задолго до него, и оставалось лишь придать им форму так же, как скульптор придаёт форму куску мрамора, чтобы высвободить дремлющую в нём жизнь. Наверное, так музыканты восхищаются гениальными симфониями, а художники полотнами да Винчи... хотя последнего я никогда не понимала – и с чего

все с ума сходят от обычной улыбки какой-то там женщины? То ли дело формулы!

Когда вошёл Лод, я сидела в кресле и разбиралась в одной из последних рунных цепочек, изящной и многослойной, как нервная система. Ловушка Брёлайве, вызывавшая у жертв приступ безумия, заставляя поверить, что на тебя напал твой злейший враг. Но каждый удар, который в своих фантазиях ты наносил призрачному недругу, в реальности доставался тебе самому.

Конец при таком раскладе был немного предсказуем.

– Всё учишься? – Колдун встал рядом, с интересом вглядываясь в книгу.

– В этом мире у меня мало других занятий. Как план?

– Осталось лишь подгадать правильный момент. Думаю, он наступит завтра.

– Мне с вами можно?

Он слегка усмехнулся:

– Тебе – всегда и везде.

– Даже так? А как насчёт мест, в которые мне идти слишком рискованно? Я же не могу за себя постоять.

– Зато я могу. И всегда сумею позаботиться о том, чтобы ты была в безопасности.

Это не было ни бахвальством, ни даже обещанием. Простая констатация факта, как и многое из того, что он говорил.

Одна из черт, которые мне в нём так нравились.

– Хорошо, что эмер Айкатт не таит на тебя зла, – неожиданно вырвалось у меня. – За Артэйза.

– А, так вы всё-таки видели совет.

– Да, и... вы с Альей казнили Артэйза из-за меня, а меньше всего я хотела...

– Ты тут ни при чём. – Он не успокаивал меня: просто излагал положение дел. – Артэйз нарушил закон и запятнал честь дома. Честь для друу имеет огромное значение. Все понимают решение, которое принял Алья, и уважают выбор, который сделал эмер Айкатт.

– Кроме Лундвинэла, видимо.

– Он тоже понимает, что Артэйз сам вырыл себе могилу. И не таит злобы ни на отца, ни на своего Повелителя.

– А на тебя?

Лод помолчал. И ещё помолчал: выдерживая странную, удивившую меня паузу.

Но всё-таки ответил.

– После того, как я убил его младшего брата... да, – и легонько пожал плечами. – У будущего супруга Морти определённо осталось ещё меньше причин меня любить.

* * *

Повелитель дроу вошёл в комнату пленных без стука, лёгкой неслышной походкой. Светлые даже не сразу заметили его появление.

Алья посмотрел на кровать, где принцы о чём-то переговаривались с Восхтом. Потом на камин, у которого сидела Криста, критично разглядывавшая себя в ручном зеркальце. Когда она, заметив отражение дроу, испуганно обернулась, тот уже непреклонно, без оглядки двинулся вперёд – к стулу у окна, где восседала Навиния, вяло наблюдая за бегавшим по столешнице папеем.

Принцессу не насторожила даже тишина, внезапно повисшая в комнате. Она повернулась к двери, лишь когда тень Повелителя дроу упала на стол, и медленно подняла глаза, встречая его взгляд.

На пару секунд в комнате застыли все и всё, кроме паппея, настороженно шевелившего усами.

Следом Алья поклонился: не просто кивнул – изящно и низко изогнул стан.

– Принцесса, я прошу у вас прощения за своё... неподобающее поведение, – произнёс он ещё прежде, чем выпрямиться. Мягко, но без всякого заискивания. – И чтобы сгладить то напряжение, что возникло между нами, вы отобедаете со мной.

Тонкие ноздри Навинии дрогнули.

– Я? С вами? Нет, благодарю. – Она надменно вздёрнула подбородок. – И после того, что вы сделали, вы ещё смеете...

Вдруг замолчала – и, подчиняясь движению руки Алья, покорно поднялась на ноги.

– Это было не приглашение, – уточнил Повелитель дроу, галантно подхватывая принцессу под руку, – а приказ.

Дэнимон гневно выпрямился, явно намереваясь соскочить с кровати:

– Если она не хочет никуда идти, ты не...

И осёкся, получив тычок под рёбра от брата, а также неожиданно неодобрительный взгляд Навинии, резко повернувшей голову в сторону бывшего жениха.

Судя по этому движению, на ментальном поводке её уже никто не держал.

– Вижу, возражения исчерпаны? – прохладно осведомился Алья. – Чудно.

Он чинно повёл принцессу к двери, оставляя светлых смотреть им вслед. Криту – с сочувствием, Восхта – с опаской, Дэнимона – с непониманием и Фаника – со странной насмешкой в коричневых глазах.

– Я решил, что излишние церемонии ни к чему, – изрёк Алья, пока парочка спускалась по винтовой лестнице, – а потому обедать будем в моей башне.

Навиния ничем не показала, что слышала его, и дальше оба шли молча, тихо ступая мягкими туфлями по мрамору, точно попадая в ритм шагов друг друга.

Убранство башни Повелителя разительно отличалось от башни Лода. Вместо светлых бежевых тонов – тёмно-фиолетовые, вместо простой и незатейливой мебели – изящные изгибы и затейливая резьба. Предметов обстановки в просторной круглой комнате было немного. Посредине стоял накрытый овальный стол, и в серебре приборов светлячками мерцали отражения свечей. Любезно отодвинув перед принцессой кресло, Алья дождался, пока она сядет, и прошёл к другому концу стола, чтобы занять место напротив неё.

– Какое ауменье^[5] предпочитаете? Фиалковое, розовое, липовое?

Навиния молчала, глядя на свою тарелку, накрытую серебряным колпаком.

– Думаю, розовое придётся вам по вкусу, – заключил дроу. – Йон, ты слышал.

Иллюранди вынырнул из теней спустя несколько секунд: брат-близнец Акке, только волосы чуть короче. В руках у него была бутылка, уже откупоренная. Ловко, не пролив ни капли, слуга Повелителя наполнил бокал принцессы; снял колпак с тарелки, в которой оказалась золотистая рассыпчатая крупа, похожая на рис, и запечённая с травами ножка какой-то птицы; мгновенно переместился к Алье, повторив все предыдущие действия, – и исчез так же быстро, как и появился.

– Ешьте, – сказал дроу, когда они с Навинией вновь остались одни.

Та подняла глаза, пристально глядя на хозяина башни, даже не думая притрагиваться к приборам.

– Не заставляйте меня принуждать вас даже к таким простым вещам, – Алья проговорил это почти ласково. – Чем моя трапеза хуже той, что ждала бы вас в комнатухе, которую вы вынуждены делить со своими светлыми

друзьями?

Опустив голову, принцесса тонкими пальчиками подняла со стола небольшую трезубую вилку, и Повелитель дроу удовлетворённо взялся за нож.

Некоторое время ели в тишине.

– Думаю, вам будет любопытно услышать, – наконец невзначай заметил Алья, отрезая маленький кусочек мяса, – что ваш Совет, стоило ему узнать о вашем пленении, обратился к Первому Советнику... бывшему, конечно, – тому, которому вы в своё время устроили отставку... с просьбой взять на себя управление страной в это тяжёлое и горестное время. И тот, недолго думая, согласился.

Навиния ела, опустив глаза. Неторопливо и аккуратно, ничем не проявляя, что слышит сотрапезника.

– Первый Советник целиком и полностью одобрил решение, принятое за вашей спиной ещё несколько месяцев назад: в грядущей войне предоставить эльфам всевозможную помощь. Войска – в первую очередь. Людей ведь теперь всё это касается не меньше, чем Детей Солнца. – Алья отправил в рот крохотную порцию крупы. Тщательно прожевал, прежде чем заговорить дальше. – Армию поведёт лично Хьовфин, и людей отдадут под его командование. Конечно, у них будут свои военачальники, но главнокомандующим назначен Повелитель эльфов. Подозреваю, что ваш народ пойдёт в авангарде – на убой. Обезвреживать собой наши ловушки, чтобы эльфы могли пройти следом, по их телам. Жертвуют обычно наименее ценным материалом, а людей куда больше эльфов, несмотря на все старания Тэйранта, приложенные в своё время. – Отложив вилку, дроу взял в руку бокал. – Вы ведь, не в обиду будет сказано, плодитесь, как кролики.

Принцесса молчала, но почему-то продолжала пилить давно уже разрезанный кусок.

– Конечно, сразу коронацию вашему преемнику, которого подыскал Совет, не устроят. – Откинувшись на спинку кресла, Алья задумчиво покачал бокал в ладони; аменье отливало земляникой, и тонкие всплески, достающие почти до края бокала, напоминали прозрачные розовые лепестки. – Наверное, сначала дождутся конца этой «войны», как они её называют. Я склонен именовать то, что они собираются сделать, бойней. И наверняка ваши советники предполагают, что вы либо уже мертвы, либо скоро умрёте. Либо погибнете, когда светлые будут штурмовать наши города. Совершенно случайно, конечно же. – Дроу поднял бокал на уровень глаз, насмешливо салютуя принцессе. – Должен вас поздравить:

требовалось приложить массу усилий, чтобы советники признали, что вас проще убрать, чем присмирить. Достоинство уважения. И, полагаю, сейчас ваш Совет дружно благодарит богов за наше своевременное вмешательство.

Вилка, выпавшая из руки Навинии, ударилась о тарелку с глухим звяканьем.

– Вы говорите о моих советниках так, будто чем-то лучше них. А вы... вы ещё хуже, – она наконец вскинула голову, взглянув дроу прямо в глаза, и голос её леденило презрение. – Все мужчины одинаковы. Все вы не воспринимаете нас всерьёз. Мы для вас любимые постельные игрушки, утробы для ваших детей, но не более. Даже если вы подчиняетесь нам, то лишь формально: не потому что уважаете, а потому, что так надо. И даже подчиняясь, на самом деле пытаетесь нами управлять.

Алья задумчиво облокотился на ручку кресла, подперев голову свободной ладонью.

– Я лучше ваших советников хотя бы потому, что мне дорог каждый мой подданный. Каждый. То, что иногда мне приходится осуждать кого-то из них на смерть, этого не отменяет. – Не сводя глаз с лица принцессы, он пригубил сладкий цветочный напиток. – Позвольте угадать. Вы считаете, что мужчины и женщины абсолютно равны, и то, что в мире властвуют мужчины, а женщин допускают к правлению лишь в исключительных случаях, ужасно несправедливо.

– Вы ничем не лучше нас. Как правило, вы сильнее, но ум не имеет никакого отношения к силе. – Губы принцессы изогнулись в пренебрежительной улыбке. – И страсти затмевают вам разум куда успешнее, чем нам.

– Многие мужчины не в силах устоять перед женскими чарами, не спорю. Но я знавал и не одну девушку, для которой желания перевешивали все доводы разума.

Ответная улыбка Альи граничила с усмешкой, и Навиния, вдруг смутившись, опустила глаза.

– Вы мыслите так же узко, как все мужчины, которых я знала, – видимо, она предпочла сменить тему. – К примеру, меня вы, как и Совет, считаете никудышной правительницей.

– Откровенно говоря, да, – легко согласился Алья. – Но не потому, что вы женщина, а потому, что вы объективно отвратительно управляли страной. Будь на вашем месте мужчина, я сказал бы ровно то же про него. Впрочем, я читал о великом множестве дрянных правителей, и вы далеко не худший пример. Вы хотя бы искренне желали блага для своего народа: эта милостыня, визиты в лечебницы, борьба с разбойниками... прекрасные

устремления, – подобная похвала из его уст почему-то не звучала похвалой. – Вы делали лучшее, на что способны, и не ваша вина, что вы не способны на большее. В конце концов, грешно было бы забивать столь очаровательную головку скучными политическими соображениями.

Последнее он произнёс без насмешки, без укоризны. Просто и абсолютно серьёзно.

– Значит, вы считаете, что я глупа.

– Вовсе не обязательно быть глупым, чтобы не годиться в правители. Без Лода мне бы тоже пришлось тяжело. – Алья сделал ещё один маленький глоток. – Я признаю, что женщины могут соперничать с мужчинами очень во многом, если не во всём. Моя сестра помимо того, что она бесконечно лучше, чище и добрее меня, владеет мечом несравненно искуснее. Та девочка, что помогла нам пленить Дэнимона, столь же умна, как Лод, а его ум не сравнить с моим. Но хороший правитель – не тот, кто хорош во всём, а тот, кому хватает мудрости понять, что он не в силах в одиночку разобраться со всем; и, разглядев тех, кто сможет помочь ему наилучшим образом, поставить их на нужные места, пусть даже вопреки правилам и предрассудкам. Самодурство ни к чему хорошему не приводит, ведь нужно думать не только о настоящем, но и о будущем. Все мы смертны, рано или поздно, а если всё держится на одном элементе, пусть даже исправно работая... что будет, когда этот элемент исчезнет? – он рассеянно взмахнул рукой. – Мы с вами чем-то похожи. Волей богов нам пришлось сесть на престол и сделать это очень рано. Но вы так и не признали, что нуждаетесь в помощи кого-то, кто мудрее и взрослее вас, и в этом была ваша главная ошибка. Вы решили всё взвалить на себя, и на себя одну, и тут редкий мужчина выдержал бы. Не говоря уж о юной девушке, одарённой многими талантами, но не теми, что идеальны для Повелителя.

– Мы с вами... – Навиния гневно тряхнула головой, и волосы её всплеснулись тёмной волной. – Да что вы обо мне знаете?!

– О, очень многое. Вы даже не подозреваете, насколько. – Дроу смотрел на принцессу поверх стеклянной кромки бокала, и в полумраке его глаза казались матово-бархатистыми. – Хотите, расскажу?

– Извольте, – она саркастично скрестила руки на груди. – Хоть посмеюсь.

Алья лениво прикрыл глаза.

– Что ж... не буду пересказывать скучные факты, о которых я осведомлён прекрасно. Думаю, вам куда любопытнее будет послушать другое. Видите ли, я всегда считал, что лучший способ убедительно

обмануть – сказать правду, приправив её толикой лжи. И то, что вы говорили Лоду про «сладких придворных мальчиков», когда пытались его соблазнить... вот вам, к слову, пример мужчины, который в любой ситуации думает верхней головой... заставило меня сделать интересные выводы. Позже они подтвердились теми вашими беседами с друзьями, что я слышал, и реакцией на то, что я с вами сделал.

– Ну да, вам ведь есть с чем сравнить мою реакцию, – Навиния заметила это со странной бесстрастностью. – Это доставляет вам удовольствие, вспоминать всех, кого вы замучили? Их крики и мольбы?

Алья не вздрогнул. Даже глаз не открыл. Лишь голос стал чуть глуше, когда он ответил:

– Нет. Что угодно, но не удовольствие. И потому я стараюсь о них не вспоминать. – Когда Повелитель дроу всё же посмотрел на принцессу, взгляд его был пристальным. – Но все боялись меня... кроме вас. В вас не было страха. Ни капли. Ни разу при взгляде на меня.

Ему не удалось скрыть уважения, скользнувшего в этих словах, и собеседница улыбнулась ему в ответ с лёгким снисхождением.

– Я – Повелительница Навиния из рода Сигюр. Я одолела шайку Кровавого Роба, сгубившую сотни невинных жизней, и Жестокого Эйна, который убил на своём алтаре две дюжины детей. Поверьте, вы – далеко не самое страшное, что я видела в жизни.

– Я никогда не сомневался, что многое в этом мире куда страшнее меня. И никогда не стремился пугать. Больше, чем нужно, по крайней мере. Страх – хороший рычаг управления, но когда твой трон держится лишь на нём, в какой-то миг он начнёт шататься. Страх, уважение и любовь – они должны идти рука об руку. – Алья помолчал. – Повелительница Навиния из рода Сигюр, – повторил он затем, точно стараясь распробовать каждое слово на вкус. – Да, это то, что вы есть. И в этом вся ваша беда.

Улыбка не сошла с губ Навинии, но чуточку выцвела.

– Моя беда?..

– Всю жизнь вам подчинялись. Не потому, что считали ваши приказы, ваши желания верными, а потому, что вы были той, кому надо подчиняться. И вы позволяли себе всё больше и больше в надежде, что рано или поздно найдётся тот, кто сумеет сказать вам «нет». – Алья смочил губы крохотным глотком розового напитка. – С детства вас ненавязчиво пытались оттеснить от престола, по праву принадлежавшего вам. Для вашего же блага. Власть, да тем более в такое нелёгкое время, – бремя, которое делает с людьми страшные вещи, и опекавший вас Советник прекрасно видел, что вы для него непригодны. Он хотел, чтобы вы прожили счастливую жизнь,

занимаясь лишь тем, в чём вы действительно преуспеете и что вам действительно по сердцу. Но вы видели в этом козни и интриги и вбили себе в голову, что во имя светлой памяти родителей обязаны править самостоятельно. Объясняли снисхождение окружающих лишь тем, что вы не родились мальчиком, и в какой-то момент поняли, что можете обратить свой недостаток в оружие. – Дроу сделал ещё один глоток. Речь его была спокойной, размеренной и совершенно отстранённой. – Постель для вас была не столько удовольствием, сколько средством достижения цели. Согласен: при должном умении это хороший способ управлять мужчинами. Вы пользовались любовниками для своих нужд, в глубине души презирая за то, что они играют по вашим правилам. А когда острая надобность в их услугах отпала, вы принялись придумывать им новые правила, поднимать планку, испытывать их гордость... и постоянно искали что-то, чего никак не могли найти. Поэтому вы ухватились за Дэнимона, ведь он был первым, кто посмел взбунтоваться. Пусть не открыто осечь вас, а просто сбежать – воистину мужской поступок, ничего не скажешь, – но для вас это было проявлением похвального своеволия. Забавно, но бедный мальчик так и не осознал, что побегом лишь разжёт ваш интерес... его брат, похоже, понимает вас куда лучше. А сами вы мните себя такой взрослой, такой умной, такой самостоятельной, – но вам всего девятнадцать, и в глубине души вы несчастная романтическая девочка, живущая в сказке, которую вы сами себе придумали. Про злобного интригана-Советника, про бедную венценосную сиротку, выросшую в храбрую воительницу, защитницу слабых и убогих... и про прекрасного принца, который никак не может прийти и спасти её от всех, кто её окружает, но с кем она чувствует себя в ловушке.

Алья смолк. По взгляду его видно было, что он ждёт ответа, однако Навиния не торопилась этим воспользоваться: просто сидела молча.

И больше не улыбалась.

– А потом появился я, – сказал дроу, поняв, что не дожждётся возражений, – и вы нашли то, что искали. И на самом деле вам абсолютно всё равно, чьей кровью залиты мои руки, не отрицайте. Дело даже не в том, что вам понравилось, что я сделал с вами – а в том, что для вас это был первый поединок, который вы проиграли. Ведь всю свою жизнь вы искали именно это. Того, кто возьмёт над вами верх.

Принцесса снова промолчала. Лишь взяла в руки бокал, всё это время ждавший своего часа; кошачьи глаза дроу внимательно следили, как хрусталь касается её губ, почему-то пересохших.

Сделав пару глотков, Навиния неторопливо вернула бокал на парчовую

скатерть. Изогнув кисть изящным, бесконечно выверенным движением, аккуратно промокнула губы шёлковой салфеткой.

– Как я и думала, – небрежно проговорила она. – Ничего вы обо мне не знаете. – И, уронив салфетку обратно на стол, с достоинством встала. – Я насытилась. Не будете ли так добры сопроводить меня обратно?

В свою очередь отставив бокал, Аля безмолвно поднялся на ноги. Вновь подхватив под руку принцессу, не думавшую сопротивляться, повлёк её к лестнице.

Обратно тоже шли молча, не глядя друг на друга, и глаза обоих туманила непроницаемая задумчивость.

– Дальше я сама, – бросила Навиния, когда Аля открыл дверь в башню колдуна.

– Как пожелаете, – равнодушно ответил тот. – Я всё равно узнаю, если вы не дойдёте до своих покоев.

Фыркнув, принцесса встала на первую ступеньку. Недоумённо посмотрела на пепельно-серые пальцы, даже не думавшие её отпускать.

В следующий миг дроу, шагнув вперёд, резким движением привлёк девушку к себе.

– Если б вы принадлежали мне, я никогда не стал бы вас с кем-то делить, – сказал Аля: его глаза сделались чёрными, как мгла безлунной ночи, с узким янтарным ободком вокруг широких зрачков. – И убил бы каждого, кто посмел претендовать на вас.

Он почти шептал, но в этом шёпоте не было беспомощности – дроу просто понизил голос до предела, до завораживающей интимности.

– Таковы были мои желания. – Навиния стояла, замерев, почти прижавшись к нему: из-за того, что она успела шагнуть на ступеньку, их лица были на одном уровне, в опасной близости. Принцесса смотрела на Повелителя дроу из-под веера длинных ресниц, со странной смесью дерзости и беспомощности, и слова ответа выдохнула почти в его губы. – Разве это не естественно, потакать желаниям того, кого любишь? Ради его счастья?

– Порой мы не понимаем ни того, чего на самом деле хотим, ни того, что на самом деле принесёт нам счастье. И, кажется, в наше дивное свидание вам вполне хватило меня одного.

– Вы просто собственник и эгоист, раз думаете, что вправе навязывать кому-то своё видение его счастья. – Принцесса предпочла проигнорировать его последние слова. – Всех, кто побывал в моей постели, я хотела сама. Если б я принадлежала вам, но захотела другого, вы бы и меня убили за это?

– О, нет, что вы. Не убил. Отнёс бы в спальню и учил уму-разуму до тех пор, пока вы не выкинули бы из головы всякую ерунду. А потом учил дальше, пока не попросили бы пощады, дав мне понять, что урок усвоен. – Наконец разжав пальцы, дроу отступил на шаг, чтобы отвесить церемонный поклон. – До скорой встречи, принцесса.

Когда он закрыл дверь, оставляя Навинию в полутьме витого лестничного колодца, девушка ещё пару секунд смотрела на чёрное дерево. Отвернувшись, поднялась вверх на две ступеньки – и опустилась на третью так резко, будто ей в один миг отказали ноги. Долго сидела, прикрыв лицо ладонями, зарыв кончики пальцев в волосы, и компанию ей составляло лишь её одиночество да тишина, не нарушаемая ничем.

По прошествии нескольких тягучих минут Навиния медленно опустила руки.

– Но всё равно он тот ещё сигсонур, – сказала принцесса пустоте, прежде чем встать, будто завершая долгий диспут с кем-то невидимым.

И перед тем, как продолжить путь наверх, стёрла призраком улыбки, на мгновенье мелькнувший на её губах.

* * *

Лод смотрел на меня, пока я сидела, обдумывая то, что услышала.

Так вот почему Морти защищала Артэйза. Принцессе действительно уготована блестящая партия в виде дроу из славного древнего дома.

Правда, я не ожидала, что личность этого дроу уже всем известна.

– И... как давно?..

– Морти и Лу обручены с семи лет. – Лод присел на ручку кресла; голос его был спокойным. – Эта помолвка оказалась последним, что успел сделать покойный Повелитель дроу, прежде чем отбыл на переговоры со светлыми.

Ранний возраст меня удивил, но не слишком. В конце концов, в нашем мире помолвки когда-то тоже устраивали чуть ли не с грудными младенцами.

Больше меня удивило, что при таком сроке помолвка до сих пор осталась лишь помолвкой.

– Так давно? Но почему тогда...

– Дроу редко вступают в брак раньше тридцати. Как мужчины, так и девушки. На Детей Луны не дают ограничения короткой человеческой жизни, а я уже говорил: дроу ценят, когда твоя жена – опытная женщина.

Мать Альи вышла замуж, когда ей было всего девятнадцать, но они с Повелителем искренне любили друг друга и не видели смысла ждать. К тому же королевство нуждалось в наследнике.

– А в случае Морти торопиться некуда. И о любви, как я понимаю, речь не идёт.

– По крайней мере, с одной стороны. Насколько могу судить, для Лу это не только расчёт.

Поразительно, как невозмутимо он рассуждает о будущем браке любимой женщины.

– И почему именно Лу?

– А почему нет? Дом Рауфгата – славный и древний род. К тому же покойный Повелитель был очень дружен с главой дома, дядей Лу и Артэйза. Он хотел, чтобы Бллойвуги и Рауфгата породнились.

Ах, да. Морти ведь говорила, что Артэйз потерял в резне любимого дядю: видимо, того самого.

– Эмер Айкатт стал во главе дома, когда его старший брат погиб на переговорах, – продолжил Лод, отвечая на не заданный мною вопрос. – Тот любил Айкатта всем сердцем и его детей – как собственных. Сам он когда-то разорвал помолвку со своей суженой, другую заключать не торопился, а потому считал Лу своим будущим наследником. Вот и решил обручить Морти именно с ним.

– Как интересно. А почему он разорвал помолвку?

– Понял, что его невесте больше по сердцу его друг. И что её чувства взаимны. А поскольку он искренне любил обоих, то решил не мешать их счастью.

Внезапная догадка заставила меня подозрительно сощуриться:

– А этим другом случайно не был отец Альи и Морти?

Лод в ответ только кивнул.

– И поэтому Повелитель так хотел, чтобы его дочь стала частью дома Рауфгата? Потому что в некотором роде испытывал чувство вины?

Ещё один кивок.

Ничего себе мелодрама.

– А Алья не разрывает помолвку, потому что уважает, так сказать, последнюю волю отца?

– И матери. Когда Повелительница лежала на смертном одре, Лу поклялся, что будет беречь её дочь больше, чем себя самого. Ему тогда только исполнилось десять, но он всегда был серьёзным молодым человеком, – Лод сказал это без всякой насмешки. – Последнее, что Морти слышала от своей матери – что с Лу та спокойна хотя бы за её будущее.

Как же часто родители ломают наши жизни. Даже самые любящие. Чем больше они любят нас, чем больше мы любим их – тем больше на нас давит груз обязательств, желания соответствовать ожиданиям и чувства вины, если не соответствуешь; тем больше ты превращаешь в нерушимую заповедь последнее, что родитель успел сказать или сделать, прежде чем бросить тебя навсегда.

– Значит... когда-нибудь Морти выйдет замуж за Лу... а ты останешься её хальдсом?

– Если мы все доживём до этого момента, – мягко сказал Лод. – Я знал, на что иду. Мы все знали. И мы не первые, кто будет жить так. Мужем её мне в любом случае стать было не суждено: то, что Алья сделал меня Первым Советником, – уже нонсенс, с которым дроу смирились, признавая мои дарования. Но выдать за меня принцессу – за человека, своего вассала... почти то же, как если бы Навиния обручилась с конюхом.

И снова в словах – ни досады, ни печали, ни горечи.

Пожалуй, иногда я понимала, почему Лу сомневался в наличии у него сердца.

– При её взбалмошности, пожалуй, могла бы.

– О, только не в этом вопросе. Её любовники всегда были весьма высокопоставленными особами, – Лод ухмыльнулся. – Должно быть, Алья действительно так хорош в этом деле, как шепчутся придворные дамы Морти, если сумел произвести на принцессу впечатление в одиночку.

– Ну, у него же есть иллюзии... ой.

Осознав, что сморозила, я покраснела, но Лод только рассмеялся, звонко и коротко.

– Не думаю, что ему пришлось к этому прибегать, – сказал он потом. – Хотя кто знает? Навиния даже при первом... опыте в этом деле предпочла двоих.

– Серьёзная заявка.

– Ещё более серьёзная, если учесть, что невинности её тоже лишали двое. Одновременно.

Я уставилась на колдуна во все глаза; почему-то вспомнилось, как в школе мне периодически напоминали, что у меня их четыре.

– Да ты шутишь!

– Абсолютно серьёзен.

– Это невозможно. Чисто физически.

– Ну, её любовники были магами, а магия открывает интересные возможности в этой области. Если верить слухам, гулявшим при её дворе...

Когда Лод, переплетя пальцы, образовал тыльной стороной ладоней

угол в девяносто градусов, а затем устроил мне краткий экскурс по теме «использование левитации в постели» – с лукавством во взгляде, явно наслаждаясь моей реакцией, – я даже ответить ничего не смогла.

Биссектриса в прямом углу. Святые ёжики.

Нет, я, конечно, люблю математику, но не настолько же.

– Дай-ка угадаю, – вымолвила я, когда ко мне вернулся дар речи. – Закончилось это весьма плачевно, а потом принцессу долго лечили.

Нет, в книжках, над которыми смеялись мы с Сашкой, я не раз встречала влажные авторские фантазии на тему «двое с разбегу и без последствий в одну млеющую девственницу, получающую от одного процесса одно лишь неземное блаженство». Однако, как я уже говорила, авторы подобного редко озадачивались такой ерундой, как правдоподобность. И хоть у меня в таких делах не было никакого опыта, я имела исчерпывающее представление не только о дефлорации, но и о многом другом: благодаря Интернету, хорошему знанию биологии человека, огромному количеству разной художественной литературы и продвинутой маме, которой я не стеснялась задавать вопросы, возникавшие по ходу чтения.

– Ну, магия исцеления пригодилась, однако вроде бы все остались весьма довольными друг другом. И уже утром Навиния продолжила с энтузиазмом открывать для себя новые горизонты в этой области.

– У неё что, в интимном месте с рождения чёрная дыра? То есть бездонная пропасть, – добавила я, вспомнив, что Лод вряд ли знает о чёрных дырах.

– Вряд ли. Зато при дворе шептались, что её любовники не могли похвастаться солидными размерами своих... м... достоинств.

– А, ну если только так. – Внезапная мысль заставила меня посерьёзнеть. – Я не понимаю... почему Алье понравилась Навиния? И почему он понравился ей?

Лод тоже перестал улыбаться.

– Он же... то, что он сделал... это должно было унижить её, заставить ненавидеть его и себя, – под внимательным взглядом колдуна меня вдруг потянуло пригладить чёлку. – И почему тогда?

Он отстранённо сжал двумя пальцами воротник своей рубашки.

– Ты никогда не думала, что некоторым нравится чувствовать себя жертвами?

Вопрос был неожиданный. И заставил меня крепко задуматься.

Если взглянуть на ситуации с такой стороны...

– Некоторые любят несвободу, – не дожидаясь ответа, продолжил

Лод. – Пусть даже они никогда не признаются себе в этом. И если они встретят того, для кого делать тебя несвободным – нормальный способ любить... – он слегка качнул головой. – Навинии нужен тот, кто возьмёт над ней верх. Тот, кто не станет под неё подстилаться. Алье нужна та, кто сможет быть с ним на равных. Примет его таким, какой он есть, с его худшей стороной. И его демонов – тоже.

Что ж, все имеют право на свои маленькие причуды. Пока они не вредят окружающим, по крайней мере.

– А те придворные дамы Морти, о которых ты говорил? Я так поняла, в Алью многие влюблены, и они наверняка знали про его... увлечения.

– О, они в любом случае смотрели на него снизу вверх. И либо отказывались верить в то, что он делал, либо надеялись, что он исправится, когда его ледяное сердце растопят любовью. В отличие от принцессы, которую его увлечения нисколько не отпугнули. Иногда мне кажется, что ей вообще страх неведом, – голос Лода звучал иронично. – А я знаю, что однажды Алья усмирит своих демонов, но... когда принимают даже твоего дракона, это высшая степень близости.

Он замолчал, задумавшись о чём-то. И вместо того, чтобы тоже обдумать его слова, царапнувшие меня странным резонансом, я вспомнила первую встречу Алии и Навинии, которую некогда наблюдала в зеркальце.

Встречу, которую Лод наблюдал с куда более близкого расстояния, чем я.

– Поэтому ты отдал её Алье? – наконец поняла я. – Потому что видел, как она смотрит на него? Потому что понял, что они найдут друг друга?

– Предполагал, – невозмутимо поправил колдун. – И надеялся. – Он улыбнулся. – Если ты проголодалась, можем пообедать вместе.

Внезапная смена темы, однако. Впрочем, я и так слышала ответы на многие свои вопросы.

Да, моё дорогое отражение из зазеркалья, ты ничего и никогда не делаешь просто так.

– С превеликим удовольствием.

И пока Лод отдавал Акке распоряжения насчёт обеда, я, мысленно вернувшись к началу нашего разговора, невидящим взглядом уставилась на рунные цепочки.

Я не знаю, почему Морти так любезна со мной. Никогда не поверю, что она собирается хранить верность нелюбимому мужу, сдав Лода на руки другой. А жизнь научила меня одной простой вещи: если человек, который ничем тебе не обязан, вдруг ведёт себя со сверхъестественной доброжелательностью, – скорее всего, за этим последует подстава. И хоть

мне очень хочется верить, что Морти действительно тот ангел, каким кажется, в ближайшее время мне стоит очень внимательно смотреть себе под ноги. По крайней мере, в её присутствии.

Я покосилась на колдуна, вспоминая вчерашний вечер.

Я поверю тебе, Лод. Хотя бы потому, что у меня слишком мало точек опоры, помогающих мне жить и сохранять здравомыслие, и ты – главная из них. Ведь у меня действительно не осталось никого, кроме тебя.

Я поверю, что ты мой друг. Я даже поверю, что моё чувство не безответно. Ты не обещал не лгать мне, но ложь входит в моё представление о предательстве, а ты обещал не предавать меня. И если ты обманешь моё доверие, если все твои слова были ложью – мне не придётся беспокоиться, что будет со мной после того, как вся эта история окончится. Потому что твоё предательство меня уничтожит. Потому что я впустила тебя в свою душу, мысли и сердце так глубоко, как не пускала никого. Потому что удар от тебя будет последним ударом, который я смогу вынести. И то, что останется от меня после него, уже не будет мной.

Да, то, что нас не убивает, делает нас сильнее. Но не обязательно убивать тело, чтобы убить душу. Если после контрольного выстрела судьбы ты не умираешь, твоё место просто занимает кто-то другой: очень похожий на тебя, но куда более сильный. А ещё куда более циничный, равнодушный и злой.

И не хочу даже думать, во что в таком случае превращусь я.

Лод сел рядом. Улыбчивый, близкий, надёжный. И, улыбнувшись в ответ, я захлопнула книгу, которую всё ещё держала в руках.

А теперь, зная всё это...

Я просто постараюсь об этом не думать.

Глава третья

Фигурная атака на королевском фланге

Когда Фрайндин вошёл в дом, приветливо распахнувший дверь, стоило коснуться ладонью гладкого дерева, его встретили темнота и тишина. По этой умиротворённой тишине можно было твёрдо и однозначно сказать – Мэрис отошла.

И хорошо. Сейчас ему отчаянно нужно побыть одному.

Волшебные огоньки в светильнике под потолком вспыхнули, встречая хозяина дома, но эльф уже поднимался наверх по плетёным ступенькам, чуть пружинившим под его ногами.

Этот дом всегда успокаивал его, помогал привести в порядок мысли и чувства. Дом, принадлежавший ещё их матери. После войны он стоял пустым, и Фрайндин часто покидал дворец, чтобы побыть здесь в тишине и одиночестве. Сюда он поселил Мэрис, когда нашёл её на улицах Солэна, и здесь же, видимо, она будет жить дальше. Как жаль, что Мэрис решительно отказалась соблюдать элементарные правила этикета... Насколько лучше было бы, если б он мог забрать её отсюда и держать при себе! Но позориться перед двором брату Повелителя не к лицу.

Он поднялся в бывшую комнату матери, небольшую и круглую, под самой крышей. За триста лет здешняя обстановка порядком обветшала, а он так и не решился ничего менять, хотя много раз думал, что надо бы. Только у людей вещи часто переживают хозяев, для эльфов же всё было наоборот: Фрайндин уже потерял счёт тому, сколько раз меняли мебель в его дворцовых покоях. Но эти стены, сплетённые из гладких светлых лоз, эти скромные простые предметы... они знали мать куда дольше, чем сам Фрайн.

В который раз он думает, что это абсолютно, отчаянно неправильно?

Эльф хлопнул в ладоши, притушив свет и погрузив комнату в полумрак. Скинув с плеча ножны с мечом, положил их на пол и сел в кресло, устремив взгляд в единственное окошко. Тоже круглое – его закрывало земляничное стекло, за которым сейчас разливалась ночная тьма.

Ночь, время тайн, злодейств и Детей Луны...

Фрайндин долго сидел, думая о самых разных вещах, которые в большинстве своём его совсем не радовали, пока чуткий эльфийский слух

не уловил сзади странный шелест. И когда брат Повелителя обернулся, то увидел тех, кого никак не ожидал сейчас здесь увидеть.

– Здравствуй, дядя, – негромко сказал Фаник, стоя бок о бок с Дэном, положив руку брату на плечо. Не то в поисках поддержки, не то в поисках опоры.

Старший принц молчал, всматриваясь в лицо Фрайна; а тот замер, ошеломлённый вихрем мыслей и догадок, моментально закружившимся в голове, забившимся в висках ритмом вопросов «как», «откуда», «почему»...

– Мы рады тебя видеть, – добавил Фаник, когда молчание затянулось. – А ты нас?

Ещё пару бесконечных тревожных секунд Фрайн смотрел на племянников.

Затем вскочил – и, в один миг оказавшись рядом, заключил в объятия сразу обоих.

– О, боги, ты ещё спрашиваешь? Мои мальчики, мои дорогие мальчики, вы живы! – его голос дрожал от радости и тепла. «Мальчики» были почти одного с ним роста, но Фрайндин поцеловал каждого в макушку с такой умильной нежностью, будто перед ним несмышлёные малыши. – Я... я не надеялся, я думал, что уже никогда вас...

Он осёкся. Обнял принцев ещё крепче, так, что младший слегка захрипел – и, вдруг отстранившись, обеспокоенно всмотрелся в их лица.

– Помилуй Пресветлый, Фаник, что тёмные с тобой сделали?! Ты так исхудал! Вы сбежали? Но почему пришли не к отцу, а ко мне? Или вы уже были у него? Хотя нет, иначе Фин бы дал мне знать, ведь мы оба так... но... – радость вдруг ушла из его голоса, – как вы пробрались в дом так, что я этого не заметил?

– Мы всё знаем, – произнёс Фаник торжественно и мрачно. – О том, кто нанял тех людей. Кто велел им держать меня в том подвале. Кто велел им убить меня и выставить жертвой дроу.

Фрайндин взглянул на него, и синеву его глаз высветлило недоумение.

– Каких людей? Какой подвал? Кто хотел тебя убить? Солира ради, да расскажите мне уже всё по порядку! – он потрянул головой, отчаянно и немного сердито. – Как вас пленили? Как вы сбежали? И при чём тут люди? Только не говорите, что у тёмных есть сторонники среди них!

Принцы хмуро и озадаченно переглянулись. Дружно вздохнули.

– Мы не сбежали, дядя, – Фаник, оглянувшись, махнул рукой. – Выходите уже.

Прежде чем из пустоты в дальнем конце комнаты проявились

очертания четверых незваных гостей, в воздухе сверкнула золотая пыль.

– Приветствую, тэлья Фрайндин, – учтиво поклонился Лод. – Прошу прощения, что вторглись без приглашения.

И маленькая темноволосая девчонка в белых одеждах, прятая за спиной колдуна, с любопытством выглянула из-за его плеча.

* * *

Я с интересом наблюдала, как меняется лицо Фрайндина, когда он увидел нас. Вначале – меня и Лода. Потом Навинию, одарившую его хмурым кивком.

Последним – Эсфориэля.

– Здравствуй, брат, – мягко молвил тот.

Враз помрачнев, Фрайн шагнул вперёд: между нами и эльфийскими принцами, точно стараясь заслонить их собой.

– Здравствуй, брат, – тихим эхом повторил Фрайндин. – Так ты всё-таки сделал свой выбор. Перешёл на сторону зла.

– Не зла. Народа, который когда-то был нашими братьями.

– А я так надеялся, что даже после предательства ты сохранил себя. Свою душу, своё сердце. – Лицо Фрайндина обратилось обречённой фарфоровой маской. – Как ты мог? Как мог помогать... им – захватить в плен тех, кого мы называли своими детьми?

Он очень походил на Эсфориэля. Лишь синева глаз была темнее, без намёка на сиреневый отлив. А ещё Фрайн казался младше, чуть ли не ровесником Дэнимона. Может, из-за волос, остриженных до плеч? Или просто каждый эльф перестаёт стариться в разном возрасте? Понять бы, как устроено это их бессмертие...

Я внимательно наблюдала за его мимикой. Слушала его слова. Анализировала его интонации. Я пыталась найти в его реакции хотя бы намёк на фальшь, но не находила.

Что ж, если это лицедейство, – браво. Первую проверку, которую в своё время провалил Артэйз, Фрайндин однозначно прошёл.

Нет, это ещё ничего не значит. Да, в детективах от неожиданной встречи с жертвами у преступников частенько сдавали нервы, как и от блефа в духе «мы всё знаем». Но если Фрайндин тот, о ком мы думаем, он очень умён и вполне мог моментально сообразить, что в одиночку Дэн и Фаник не преодолели бы магическую защиту дома, куда им не давали доступа. В таком случае эльфу наверняка пришло бы на ум наличие

невидимых свидетелей, которые обрекут на провал попытку довершить дело наёмников. А ведь меч так соблазнительно лежал рядом: если верить Эсфориэлю, его брат ненавидел ходить с охраной, зато всегда готов был защитить себя сам.

Однако реакция Фрайндина была безупречно доброжелательной и естественной. Неужели можно не только так быстро соображать, но и столь гениально играть?..

– Дядя, мы больше не в плену, – негромко произнёс Дэнимон. – Мы вольны уйти в любой момент.

Фрайн даже не сразу оглянулся. Видимо, какое-то время просто не мог поверить своим острым ушам.

А когда оглянулся, даже ничего не спросил.

– Ты ведь заметил, что на нас нет ошейников, – продолжил принц. – А то, почему исхудал Фаник... это сделали не дроу. Дроу спасли его.

Фаник кивнул в знак подтверждения, но Фрайндин и тут промолчал. Лишь опять повернулся к нам:

– И какими чарами вы задурили им головы?

– Это Фин, ослеплённый жаждой мести, дурил им головы, – сказал Эсфориэль. – Им и нам. Убеждая всех, включая себя самого, что дроу – наши враги. Но Фаника похитили трое людей, и их наняли не тёмные.

– Не тёмные? – Фрайн фыркнул, и его мнимая юность бросилась в глаза ещё отчётливее. – И ты хочешь, чтобы я в это поверил?

Лод и Навиния молчали. Как и я. Это была семейная встреча, которой мы не решались мешать, пока выполняя функцию страхующих статистов. Хотя, откровенно говоря, комнатка была маловата для представления с таким количеством участников. Из мебели здесь присутствовали лишь узкая кровать, шкаф да плетёное кресло, но они занимали почти половину помещения, и на оставшемся пространстве было особо не развернуться.

Лод оторвал меня от тома «Сокрытия чар» буквально полчаса назад: весь свой досуг я преимущественно посвящала изучению заклятий, начиная немного скучать по нормальным книжкам и компу. И когда колдун объявил, что Фрайн покинул дворец, а значит, настал тот самый момент, которого мы ждали со вчерашнего дня – в первый миг я удивилась составу отряда, который колдун счёл наилучшим для вылазки в Солэн. Нет, зачем понадобилась троица эльфов, я понимала прекрасно, но вот Навиния?..

А спустя тот самый миг вспомнила о Машке, вероятность встречи с которой была далеко не нулевой, и поняла, что Навиния нам действительно жизненно необходима. И хотя принцесса явно была не в восторге от всего происходящего – судя по всему, она пошла добровольно, а не ведомая

ошейником.

Естественно, Лод не сразу перенёс нас в конечный пункт назначения. Мы телепортировались на окраину Солэна, к моему удивлению, в человеческие кварталы. Люди в эльфийских городах селились на окраинах, окружая «древесный» центр огромным кольцом вполне обыденных домов. Дорога к месту долгожданной встречи была известна не всем, а под сумрачной пылью координировать действия было трудновато, так что сразу по прибытии мы разбились по троицам: Лод вёл меня и принцессу, Эсфор – обоих племянников. Какое-то время мы шли по переулкам, несильно отличавшимся от тех, что я видела в Тьядри – разве что дома были повыше и побогаче, а тёмные улицы ярко освещали фонари, венчавшие стеклом изящные кованые столбы. Эльфов я не заметила, они с наступлением темноты вообще предпочитали не выходить из родных обителей. Зато людей было хоть отбавляй, так что нашей невидимой компании приходилось пробираться осторожно.

В какой-то миг дома расступились, и Лод вывел нас с Навинией на широкие брусчатые улицы, разделявшие ровные ряды обитаемых деревьев. Сейчас – абсолютно пустынные. Вместо нечистот сразу запахло цветочной сладостью, и изысканные ароматы, таявшие в хрустальной вечерней прохладе, кружили голову. Здесь фонари встречались редко и горели мягким, приглушённым светом, погружавшим эльфийский город в полумрак. Наверное, в сочетании с пустыми улицами это могло создать немного жуткое впечатление, но отзвуки смеха и песен ясно говорили о том, что город живёт. Они – и тёплый свет, озарявший круглые пёстрые окна, раскрашивавший Солэн осколками витражного калейдоскопа: эльфы явно любили цветные стёкла.

Нужный дом нашёлся довольно скоро, и это был типичный образец архитектуры Детей Солнца – высокое дерево с широченным стволом, сплетённым из живых лоз, с дрожащими узкими листьями зелёной крыши-кроны. Его окружал просторный сад, полный пышных кустов и цветов, казавшийся слегка запущенным, и эта запущенность была единственным, что отличало дом от соседних эльфийских жилищ. Трудно было поверить, что здесь когда-то жила знатная эльфийка, ставшая супругой Повелителя и матерью трёх эльфийских принцев. Хотя... за вчерашним обедом Лод рассказал мне кое-что об эльфах, в числе прочего обмолвившись, что те не придавали роскоши особого значения, а потому дома представителей разных социальных слоёв не слишком различались между собой. И в каждом городе было лишь одно золотое дерево, напоминавшее слегка уменьшенный вариант королевского дворца – для тех, кто управлял этим

городом.

Когда мы наконец достигли пункта назначения, колдун замер у плетня, окружавшего эльфийский сад, отпустив мою руку. И, жадно вдыхая благоуханную свежесть, после подземелий дроу пьянившую не хуже вина, я ощутила движение воздуха, когда Лод стал плести рунные цепочки...

– Да. Я хочу, чтобы ты в это поверил. Потому что я был прав. Всё это время, с той резни восемнадцать лет назад, – печальный голос Эсфориэля вернул меня к тому, что происходит здесь и сейчас. – Настоящий враг давно уже не прячется во мраке, а таится на свету.

– Хватит, брат, – устало бросил Фрайндин. – Если пришли захватить меня в плен, так надевайте уже свой ошейник, и дело с концом. Я никогда не подниму руку на свою семью, так что сопротивляться не буду.

Какое-то время ждал, пока мы прислушаемся к его просьбе, – и, не дождавшись, с изумлением вскинул брови.

– Вы... пришли сюда не за этим?

– Мы пришли, чтобы сообщить тебе то, что ты уже услышал, – сказал Эсфор. – И задать пару вопросов. Не более.

Вот этого, судя по долгому молчанию, Фрайндин явно не ждал. И если он играл, в нашем мире не хватило бы «Оскаров», чтобы вознаградить подобный талант.

– Так что, Фаника действительно похитили не тёмные? – спросил он потом.

– Да, дядя, – тихо откликнулся Фаник. – Те, кто это сделал, особо меня не жалели. Неприятные были товарищи, должен тебе сказать. Сели на хвост нам с Вини, как только мы покинули Солэн. Не знаешь случайно, кто мог нанять их столь заблаговременно?

– Ты обещал, что скажешь отцу правду о моём отъезде, если я попаду в беду. Но не сказал, – проговорил Дэн. – Почему?

Фрайндин повернул голову в сторону племянников. Проигнорировав оба вопроса, вновь уставился на брата.

– Погодите... вы что, считаете, что это я нанял тех людей?

Никто не стал отвечать, но Фрайн и так понял ответ.

Когда младший брат Повелителя эльфов расхохотался – чисто, звонко, как маленький мальчик, с каким-то хрустальным перезвоном, точно в его смехе разбивались стеклянные шарики, – я даже растерялась немного. Судя по лицам остальных, они тоже: все, кроме Лода, наблюдавшего за Фрайном бесстрастными, слегка суженными глазами.

К каким же выводам ты пришёл, Лод?..

– Как интересно! – отсмеявшись, эльф утёр ладонью глаза, и я поняла,

что он хохотал до слёз. – А что ещё, по-вашему, я сделал? Может, я ещё в старой войне на Тэйранта шпионил? Правда, мне тогда было всего десять, но кто меня знает.

– Фрайн, здесь нет ничего смешного, – устало сказал Эсфориэль. – Ответь, почему ты не...

– А знаешь, ты прав, – не дослушав его, выговорил Фрайндин. – На самом деле это совсем не смешно. – На лице его в один миг не осталось и тени улыбки. – Боги, зачем бы мне могло это понадобиться?

– Не знаю, – просто ответил Эсфориэль. – Сам терзаюсь тем же вопросом. Быть может, потому что ты ненавидишь дроу. И решил таким образом подтолкнуть Фина к скорейшему началу войны.

– Войны, одна мысль о которой причиняет мне страдание? Фин не слушает меня, как не слушал тебя, но я не хочу войны! Никогда не хотел. Боги миловали меня, и я почти не помню военных дней, зато помню тех, кто умер в них. Всех тех эльфов, которые должны были жить ещё века. И отчаянно не желаю повторения той истории. – Фрайн резко опустил руки. – Да, я ненавижу дроу. За то, что они лишили Фина последней надежды на счастье – особенно. И тем больнее мне было, когда ты встал на их сторону. Но пока враг сидит тихо, забившись в свою нору, я не вижу никакого смысла в том, чтобы наш народ умирал, пытаюсь достать его оттуда. И всегда хотел только одного: чтобы никто из моей семьи никогда больше не оставлял меня.

– Я уже говорил и тебе, и Фину. Дроу не...

– Ты всерьёз полагаешь, что ради победы над тёмными я мог желать смерти тем, кого люблю? Пролить родную кровь, совершить преступление перед семьёй, перед богами и перед своим народом? Зная меня?

– Но ты же всерьёз полагаешь, что я перешёл на сторону зла. Зная меня.

Фрайндин собирался что-то ответить, но осёкся. Посмотрел на брата так, будто впервые увидел. Эсфор смотрел на него в ответ: мягко, без всякой укоризны.

Даже сейчас – тепло.

– Я всё время искал оправдания твоему предательству. Тому, почему ты выступил против нас, – в голосе Фрайна прорезалось страдание. – Знал бы ты, как хочу я сейчас поверить тебе, но... можешь ли ты поклясться светлой памятью нашей матери, что желаешь добра нашей семье и нашему народу? Что ты говорил правду? Что это не тёмные сделали Фина вдовцом, а Дэна и Фаника сиротами? – он перевёл взгляд на Лода. – Можете ли вы поклясться самым дорогим, что сейчас дроу проклинаят Тэйранта так же,

как это делаем мы?

– Клянусь. – Лод спокойно поднял руку. – Любовью своей, здравым рассудком и памятью семьи, которую я потерял в той же резне, где ваш брат потерял жену.

– Клянусь. – Эсфор приложил ладонь к сердцу. – Памятью нашей матери, честью своей и жизнью.

– Клянусь, – неожиданно тихо проговорила Навиния. – Памятью моих родителей.

Я промолчала. Моя клятва всё равно не имела бы никакого смысла. Но как всё-таки хорошо, что в этом мире клятвам придают куда большее значение, чем придаю им я.

Фрайндин помолчал, точно взвешивая каждое слово в уме. Потом кивнул.

– Когда я узнал, что сделал Фин... какое решение он принял... с тех пор я не могу его видеть, – неожиданно проговорил эльф. Обернулся к племянникам, и под его взглядом на лицах обоих принцев проявилось одинаково пристыженное выражение. – Я уже третий день ухожу сюда, прячась от него. Глупо, конечно, но ничего не могу с собой поделать. За то, что он обрёк вас на смерть, я ненавижу его. А ещё больше ненавижу себя. Ведь я... – он вдруг сплюнул на пол, зло и бесконечно горько. – Я действительно во всём виноват. И мне нет прощения. Потому что совершенно за вас не волновался. Потому что просто забыл проверять эти треклятые маячки. Потому что вёл себя как последний дурак, как влюблённый мальчишка.

О, нет. Только не говорите, что это из-за Сусликовой он...

– Влюблённый мальчишка? – недоумённо повторил Эсфор.

– Я так долго ждал этого чувства, что теперь, когда наконец узнал его, позволил себе позабыть обо всём остальном. А Мэрис... девочка из другого мира, моя избранница... Я полюбил её всем сердцем, но с ней так много хлопот! – Фрайн тяжело вздохнул. – Она всего за два дня успела разозлить весь эльфийский двор. Немудрено, конечно, она ведь такая... естественная. Всегда говорит, что думает, совершенно не умеет притворяться. Правила, этикет, подбор выражений – всё это не для неё. Но всё же без всяких весомых причин говорить светлейшим леттэ...^[6] как же это... «чего вылупилась, я не музейный экспонат»...

Судорожно моргая, я попыталась понять, в чём именно я ничего не смыслю: в мужчинах, в любви или во всём сразу.

Неужели прекрасное светлое чувство настолько зло, что в глазах Фрайна вульгарная невоспитанная девица превратилась в «естественную

деву, не умеющую притворяться»?..

– Она никогда не сидит на месте. Постоянно попадает в неприятности, – продолжил эльф, и у меня создалось впечатление, что он давно искал возможности излить душу хоть кому-то. – Я восхищаюсь её жизненной энергией и добрым сердцем, её юностью и горячностью, но... Зачем она отобрала у странствующих циркачей этого монстра с копытами? Видите ли, бедное животное признало её хозяйкой. А мне для этого животного пришлось снять целую конюшню: другие кони наотрез отказываются с ним даже рядом находиться. Как и большинство конюхов.

– Монстр с копытами?

– Скримсхэстур, – коротко пояснил Фрайндин.

Лицо Эсфориэля почти не изменилось, зато не выдержала Навиния:

– Демоническая лошадь? Но это же правда монстр! Они плотоядные, даже на людей нападают! Мне в своё время пришлось целый табун таких уничтожить, они два города в страхе держали! Их невозможно приручить!

– Циркачи её и не приручали. У них был передвижной зверинец всяких чудищ, вот и самка скримсхэстура в клетке сидела. Живых кроликов ест, а к Мэрис стала ластиться, как собака. В итоге Мэрис выпустила её из клетки. Назвала Лапочкой... Циркачам, к слову, заплатить и не подумала: сказала, что они... м... в общем, бездушные злодеи, которые мучили бедную зверушку. Хорошо, хоть ей другие монстры в зверинце не приглянулись. – Фрайн грустно поглядел на свои опущенные руки. – Потом она прослышала о стае василисков, которая обитала в Боггийских болотах. И кому эти василиски мешали? В болото всё равно никто не совался. Теперь я гадаю, эти василиски были последними в Риджии или всё-таки нет... А воры, пьяницы и насильники! Такое ощущение, что они к ней просто притягиваются!

Ну да, конечно. Ещё один распространённый элемент классических историй про попаданок: тамошних героинь хотели если не все, то почти все. Без исключения и без спроса.

К этому элементу обычно прилагался ещё один – «герой, который всегда поспекает на помощь в самый последний момент»; но, думаю, Машка в этом не нуждалась.

– Нет, конечно, Мэрис может справиться с ними сама, – как раз добавил Фрайн, – но потом приходится разбираться с последствиями её магии, которые просто ошеломляют масштабами разрушений. – Эльф поднял глаза, посмотрев на меня как будто даже виновато, и я поняла, что Сусликова объяснила ему причину своей аномальной одарённости. – А люди... они в большинстве случаев не способны оценить, что Мэрис

действует в их же интересах. Делает город безопаснее, пусть и такой ценой.

Естественно. Вряд ли местные жители останутся тебе благодарны, если в пылу борьбы с пьяницей в таверне ты случайно испепелишь таверну. Хорошо хоть в благополучных эльфийских кварталах у Сусликовой наверняка не было причин призывать свой огненный меч: думаю, в случае сожжения их столицы эльфы бы тоже не сказали ей «спасибо».

– И из-за всего этого... я проверял маячки всё реже и реже. В те пару дней, когда, видимо, всё и произошло, не проверял вовсе. А когда проверил, было поздно. – Фрайндин снова перевёл взгляд на брата, и взгляд этот сделался ещё более виноватым. – Я побежал к Фину в тот же миг, как понял, что мальчики пропали из поля моего зрения. Сказал, что в последний раз видел Дэна в Тьядри, а Фаника – на подъезде к нему, и оба были живы и здоровы, и Фин в тот же миг отправил туда гвардейцев, но... а ведь до того момента я совершенно не беспокоился! Между Кристой и Дэном подобное случалось не впервые, и поездку Фаника я считал напрасной, но... я думал, раз помолвка Вини и Дэна сорвалась, Фанику неплохо было бы узнать бывшую невесту брата получше...

– Сводник, – буркнул младший эльфийский принц.

Навиния, судя по выражению её лица, от подобной перспективы тоже оказалась не в восторге.

– ...и, честно говоря, – Фрайн то ли не расслышал племянника, то ли решил не акцентировать внимание на его словах, – я думал, что Фин и сам будет приглядывать за сыновьями. Но, видимо, его мысли тоже были заняты другими вещами...

А в итоге у двух самых могущественных эльфов в Риджии дети – пленники дроу. Даже не знаю, что веселее: это – или безглазый ребёнок у семи нянек.

Его оправдания звучали вполне разумно. В конце концов, Фаник тоже не предполагал, что у Кристи хватит ума сунуться на территорию тёмных; а со всем остальным, насколько я могла судить, светлая компания в силах была разобраться самостоятельно. И остаётся только сделать скидку на то, что Фрайндин до беспамятства полюбил Машку, ведь это трудно назвать хоть сколько-нибудь разумным.

С другой стороны, кто их знает, этих эльфов... любовь и разум у представителей любого народа совмещаются с трудом. В конце концов, мой выбор Лода в качестве объекта любви тоже никак не являлся разумным. Но, к несчастью, мы не выбираем, кого любить.

Даже не знаю, чего в итоге в этом светлом чувстве больше:

прекрасного или пакостного. Ведь именно из-за своей абсолютной иррациональности – по-моему, за всю историю оно сломало не меньше жизней, чем создало.

– Я боюсь за Фина, – вдруг выпалил Фрайндин. – Он постоянно говорит: «Когда ты займешь моё место». Он видит своё будущее лишь до победы в войне, а потом... не видит ничего. Ни смысла жизни, ни самой жизни. А я не хочу терять его, Эсфор! И не создан я для этого, не создан для короны, для власти! – Он отчаянно сжал кулаки, вновь остро напомнив мальчишку. – Я так хочу, чтобы не было этого напрасного кровопролития и напрасных смертей! Чтобы в Риджии наконец воцарился мир. Чтобы моя семья снова воссоединилась, – прежде чем эльф отвернулся к племянникам, я заметила в его глазах подозрительный блеск, но голос Фрайна остался твёрдым. – Вы не представляете, как я рад, что вы в порядке. Я бы никогда не простил себе, если б вы действительно погибли из-за моей глупости.

– Не из-за твоей, дядя, – вздохнул Дэнимон. – Не ты же позволил дроу себя схватить. А как только Криста оказалась у них... я попался бы им в любом случае.

– Ты бы не попался, если б я не пошёл у тебя на поводу. И тогда за Кристой ты отправился бы не один, а в сопровождении того самого отряда гвардейцев, который потом выслали искать тебя.

– И все эти гвардейцы ничем бы мне не помогли, кроме того, что Криста сейчас была бы мертва, а я, возможно... только возможно... остался бы на свободе, проклиная всё на свете.

– По-прежнему убеждённый в том, что дроу – бессердечные кровожадные твари, а наш отец – прекрасный семьянин, – добавил Фаник. – А лично я считаю, что мой чудесный отдых в подвале – достойная цена за то, чтобы развеять эти прекрасные заблуждения. Особенно учитывая, что я, хвала Лодбергу, благополучно не помню все те чудеса, которые там со мной творили.

Кажется, принцы поверили всем словам, которые только что услышали. Что ж, такому сложно было не поверить. Если Фрайн действительно такой, каким кажется, – я понимала, почему Эсфориэль говорил, что его младший брат остался светлым маленьким мальчиком, лучшим из них троих; и даже если Фрайн мог притвориться сейчас, он не мог притворяться все триста с лишним лет, которые его знал Эсфор.

Впрочем, последняя проверка позволит сказать всё наверняка.

– Тэлья Фрайндин, – Лод заговорил, будто услышав мои мысли, и эльф моментально повернулся к нему, – мы сомневались в вашей виновности. И

будем очень рады, если наши подозрения окажутся напрасными. Но... чтобы исключить в дальнейшем даже намёк на сомнения... – колдун сунул руку во внутренний карман куртки, – не согласитесь ли вы ненадолго надеть это?

Когда Фрайн увидел в пальцах Лода серебряный ошейник, его глаза сузились.

– Проклятое наследие Тэйранта, – тихо проговорил эльф, в один миг снова повзрослев. – Ты действительно хочешь, чтобы я по доброй воле отдал себя в твою власть, наследник Ильхта Злобного?

Я не так часто видела, чтобы Лод удивлялся. Но теперь он явно удивился.

– Я не раз видел портреты Ильхта. – Фрайн правильно истолковал его молчание. – А ты очень на него похож. Почти одно лицо.

– Не могу сказать, чтобы меня радовало и это сходство, и известность моего предка, – ровно заметил колдун. – Да, я хочу, чтобы вы сделали это. Я мог бы проникнуть в вашу память, но это будет куда дольше и сложнее. И неприятнее для вас.

– И как ошейник поможет вам узнать правду? Насколько я помню, они могут лишь карать за сопротивление. Или убивать.

– Ваши знания немного устарели. Я усовершенствовал заклятие, и пленник оказывается под моим полным мысленным контролем. Но я принесу клятву Эйф, что сниму с вас ошейник сразу же, как вы ответите на несколько моих вопросов... если вы действительно не нанимали тех людей, что похитили принца Фаникэйла, или не отдавали приказа это сделать.

Фрайн стоял, колеблясь. Глядя на серебряное кольцо задумчивым и очень недобрый взглядом.

Интересно, что заставляет его смотреть так? Только ли злая память о том, что творили с помощью этих ошейников Ильхт и Тэйрант?..

– И вы согласны на это? – Фрайндин поочерёдно посмотрел на присутствующих представителей правящего дома Бьортреас. – Одних моих слов вам всё же недостаточно?

Эсфор выдержал его взгляд спокойно, но принцы дружно потупились, заставив меня не в первый раз умилиться сходству братских реакций.

Фрайн печально усмехнулся.

– Что ж, понимаю. – И, шагнув к Лоду, протянул ему руку: уже без всяких колебаний. – Давай свою клятву, наследник Ильхта. Но учти, я буду внимательно следить, в чём именно ты клянёшься. А когда вы успокоитесь на мой счёт, то расскажете мне всё, что произошло, и всё, что вы знаете о

похитителях Фаника. Мне противна сама мысль о том, что среди светлых есть тот, кто желает зла моей семье, но если это так... я умру, но найду его.

Так ему действительно нечего скрывать. Это радует – я предпочла бы, чтобы брат Эсфориэля стал нашим другом, но не нашим врагом. И теперь Лоду даже необязательно делать то, на что эльф только что согласился: одна готовность Фрайна пойти на это уже служила доказательством его невиновности.

Впрочем, любое дело надо доводить до конца. А особенно такое. Так что, накинув ошейник себе на запястье на манер браслета, Лод невозмутимо взялся за хрупкие пальцы эльфа и, свободной рукой вычерчивая в воздухе вязь сиреневых рун, проговорил уже хорошо знакомое:

– Я, Лодберг из рода Миркрихэйр...

Рыже-зелёный вихрь материализовался из ниоткуда. Прямо передо мной. Замер, демонстрируя до остервенения знакомый профиль, – и мне отчаянно захотелось застонать.

– Во, на этот раз там, где хотела! – Сусликова довольно кивнула. Тут же уставилась на Лода и Фрайна, от неожиданности разорвавших рукопожатие; посмотрела на Дэна и Фаника, напряжённо замерших поодаль, и недовольно поджала губки. – Вы ещё кто такие? Фрайн, у тебя гости? А почему не предупредил...

В этот миг она посмотрела в другую сторону.

И увидела меня.

Следующие вещи произошли почти одновременно. Бешено сверкнув глазами, Машка вскинула руки, Лод вдруг оказался у неё за спиной, комнату огласил глухой щелчок – и секундой позже Сусликова в недоумении уставилась на свои пустые ладони. Вскинув руки, ощупала серебряное кольцо, обхватившее её шею.

Когда Лод отступил назад, я наконец позволила себе выдохнуть.

Да, теперь, когда Машкин дар нейтрализовал ошейник, у нас стало всего одной проблемой меньше.

Но эта проблема была такой большой, что хотелось засчитать её сразу за десять.

Ведьминские глаза Сусликовой расширились в яростном изумлении:

– Что за...

Машка ещё не выпалила до конца мудрёное ругательство, которое наверняка глубоко оскорбило бы тонкие аристократические чувства всех присутствующих, если б не было русским, – а Фрайндин уже обнажил меч, недвусмысленно направив кончик лезвия Лоду в лицо.

– Немедленно отпусти её, – процедил эльф.

В глазах его сверкала ледяная зима.

– Прошу прощения, тэлья Фрайндин. Я не собирался захватывать вашу избранницу в плен. – Лод мирно вскинул руки. – Это лишь временная мера, пока она не осознает, что происходит, и не успокоится. Думаю, вы согласитесь со мной в том, что этот дом определённо не заслуживает быть спалённым прямо сейчас.

Фрайн сощурился, разомкнул тонкие губы для ответа... и в этот миг я услышала тихий, едва слышный треск.

Мгновение мы все смотрели на осколки ошейника, осыпающиеся на пол к Машкиным ногам. Ещё мгновение – на огненный двуручник, вспыхнувший в её руках, озаривший комнату кровавым заревом.

А потом Лод сгрёб меня в охапку, рывком оттащил подальше к стене, – и прозрачный купол его магического щита, накрывший нас, возмущённо завибрировал, сдерживая натиск пылающего меча.

– Это вы мою магию пытались заблокировать? – ничуть не удивившись тому, что клинок отскочил от защитного барьера, Машка торжествующе фыркнула. – Ну поздравляю. На пару секунд даже выгорело.

Застыв в руках Лода, я ошеломлённо смотрела на бывшую однокурсницу.

С её Даром что, даже ошейники не справляются?!

– Значит, одного брата Фина на свою сторону перетащили, теперь ко второму ручки загребущие тянете? – Размахнувшись, Машка снова рубанула по куполу, и прозрачный щит на руке Лода отчаянно дрогнул. – А это похищенные принцы, так? Вы ещё и их из камеры вытащили? Поглумиться приволокли?

Фрайн растерянно опустил клинок. Видимо, теперь даже он не знал, что делать.

– Мэрис, ты...

– И ведь нашли слабое место, умники, нашли, чем давить! Знали, что Фрайн по племянникам убивается, так? Слышала я про ваших шпионов, в любую щель без мыла пролезут! Может, ещё и подсматривали, как он мне тут плакался?

– Мэрис, нет!

Крик Фрайна безнадёжно опоздал. Волна кровавого пламени прокатилась от рукояти до кончика огненного клинка, сорвалась с лезвия – на нас, на щит, готовый отразить её в стены древесного дома... но кровавый огонь встретил на своём пути золотой.

Рапира Навинии приняла удар легко и непринуждённо, поглотив

чужеродное пламя, точно губка.

– Всегда считала, что мастерство использования берёт верх над размером, – изящно взмахнув золотистым клинком, небрежно заметила принцесса, застыв за границами щита, в десятке сантиметров от прозрачной стенки. – Так это ты якобы самая сильная колдунья Риджии? Немного же толку от такой силы, когда не умеешь с ней управляться.

Сусликова не подумала ни опустить меч, ни смутиться. Лишь язвительно улыбнулась.

– А ты, видимо, та стервозная принцесса, о которой говорил Кроук?

– О, ты знакома с Кроуком? – Навиния стояла спиной ко мне, но я ярко представила насмешливый изгиб её тонкой брови.

– Он мой друг, – гордо заявила Сусликова. – Он меня учит. И он мне рассказывал, как ты над ним измывалась, пока не кинула!

Навиния грациозно качнула головой:

– Как грустно всё же разочаровываться в людях, – огорчённо заметила она. – Что ж, ещё меньше причин жалеть о нашем с ним расставании. Раз он польстился на тебя... кто бы мог подумать, что у него такой убогий вкус.

На сей раз её рапира встретила уже не огненную волну, а сам огненный клинок. В щит сполохом брызнул вихрь искр, золотых и алых; они осыпались на пол, и там, где они упали, светлая кора древесных лоз тут же обуглилась.

Когда я подумала, что же в таком случае случилось с эльфийским тронным залом после того фокуса, что Машка выкинула во время наших неудавшихся переговоров, – ловко выкрутив рапиру из-под кровавого лезвия чужого меча, Навиния отскочила под щит Лода.

– Показала бы я тебе, как надо владеть силой огня, – презрительно бросила принцесса, опустив тонкий клинок, – да жаль тэлью Фрайндина и этот милый дом.

– Лучше бы тёмным показала! С какого перепугу ты их защищаешь, если они тебя в заложницы взяли? – Сусликова замахнулась с искренним недоумением, и щит снова дрогнул от её удара. – А, ошейник... вижу. Значит, у тебя-то силёнок не хватило в плен не попасть? Или, может, ты вообще в кого из них втюрилась? – Машка опять рубанула по барьеру, легко, без всякого напряжения орудия громадным двуручником. – Читала я про всех этих демонов и тёмных властелинов, которые своих девиц насилуют, пока те их не любят!

Некоторые слова она выговаривала на русском, ничуть не заботясь о том, что собеседнице они непонятны. Видимо, побочный эффект

«переводческой» магии: если в риджийском не находилось аналога слову, которое ты хочешь произнести, ты озвучивал его на родном языке.

Но я подозревала, что не это заставило Навинию замешкаться с ответом.

Третий удар Машки заставил прозрачную стенку барьера на миг пойти трещинами, и я почувствовала, как вздрогнул Лод. Нехорошо, очень плохо... Дэн с Фаником, которым явно претило сражаться с избранницей любимого дяди, растерянно жалась к противоположной стене, сам Фрайндин тоже не торопился её осадить – просто стоял, переводя беспомощный взгляд с племянников на Эсфора, укрытого щитом. Видимо, когда мы попытались нацепить на Сусликову ошейник, едва зародившиеся тёплые чувства Фрайна к тёмным несколько остыли.

Как часто я мечтала о мире без дураков. То, что этот мир оказался бы довольно безлюдным местом – в виде homo sapiens дураки, увы, преобладают, – меня не смущало: социофобия брала своё. И пусть Риджия была далека от моей мечты, но без одной рыжей идиотки она определённо стала бы немножко лучше.

Хотя...

– Машка!

Услышав мой крик, однокурсница замерла. Я знала, что она опустила клинок скорее от удивления, чем от чего-либо ещё, но нужный результат был достигнут.

– Послушай меня, – вырвавшись из рук Лода, я шагнула вперёд. Не покидая границ щита, подступила к ним вплотную. – Да, мы с тобой не ладили, но послушай меня.

Я знала, что у неё есть мозги. В конце концов, она поступила на ВМК МГУ, как и я. Она не вылетела после первой же сессии, она училась не на тройки – значит, мозги у неё есть. Оставалось только заставить её немножко ими пораскинуть.

И если она сделает это, я даже постараюсь забыть о том, что она вот уже три раза пыталась меня убить.

– Тот мир, наш мир... он остался в прошлом. И все поводы для твоих обид тоже остались там. Здесь другой мир, другая жизнь, другая история. И это не та история, где есть Абсолютное Злое Зло и Абсолютное Доброе Добро. Мы же с тобой не в сказку попали. – Я говорила на риджийском – так, чтобы все присутствующие понимали, о чём речь, – усилием воли заставляя себя смотреть Машке в глаза. – Посмотри на принцев. Посмотри на принцессу. Мы не мучаем их, не принуждаем быть на нашей стороне. И если тебе рассказывали, что друу – монстры, это не так. Мы...

– Ну да, я смотрю, ты-то быстро наш мир в прошлом оставила! Вон уже с другим вовсю обжимаешься! – Сусликова гневно сощурилась. – А я так и знала, что ты Сашку не любишь! Зачем он тебе вообще был нужен? Из жадности? Престижа ради? Типа «самый классный парень на курсе мой»?

Укол уязвил неожиданно глубоко. Так, что мои руки непроизвольно сжались в кулаки.

– Да при чём тут Сашка? – я каким-то чудом сохранила спокойствие в голосе. – Маш, это мелочные и глупые обиды, и они не должны иметь никакого отношения к тому, что происходит здесь и сейчас. Разборки из-за мальчика, который всё равно не слишком-то горюет ни по одной из нас, и уничтожение...

– А ты, как всегда, всех по себе судишь! Если тебе на всех плевать, и на Сашку тоже, это не значит, что он такой же!

Неожиданная мысль заставила меня задуматься. Попробовать?

А почему бы и нет?

– Маш, ты неправа. Он... Ты знаешь, что есть заклятие, которое помогает заглянуть в другой мир и увидеть того, кого любишь? – я вздохнула; в малой части моего рассказа я собиралась слукавить, но тяжесть этого вздоха не была притворной. – С тех пор, как мы пропали, в нашем мире прошло где-то три месяца. Уже три месяца. Всего три месяца. А он... он уже выбросил все мои подарки. Чтобы ничего не напоминало обо мне, – боль, которую я ощутила и которая прорезалась в моём голосе, тоже не была притворной. – Он... Сашка... он теперь со Светой.

– Врёшь.

Она даже не задумалась ни на миг. Ответила мне без паузы, без сомнений. Её мозг просто не допускал возможность того, что её убеждения могут быть неверными, мгновенно отменяя любую мысль, которая способна была пошатнуть этот постулат.

Я даже немного завидовала подобному свойству.

– Маш, это правда. Я тоже не хотела верить тому, что увидела, но мне пришлось. А теперь представь, что ты оказалась бы на моём месте, и он предал бы твою память так же легко, как мою. – Я кое-как выдавила из себя улыбку: знала, что она вышла довольно вымученной, но вряд ли в подобной ситуации мне пристало улыбаться искренне. – Поверь, он не стоит того, чтобы мы враждовали. У тебя теперь есть прекрасный эльф, который любит тебя, и...

– Да при чём тут Сашка! – Сусликова даже не заметила, что повторила мои слова, и яростно махнула рукой с мечом, заставив Фрайна отшатнуться. – Я б, может, тебя даже пожалела, если б ты к местным

фашистам не примкнула! Ты ж вроде нормальный человек, Белоснежка! Не маньячка, не псих. Так почему ты с ними? Они же города жгли, они женщин и детей убивали, они на мирном пиру кучу народа подло вырезали!

– Они жгли города триста лет назад. Никого из тех, кто делал это, уже нет в живых. Они погибли в той же войне, поплатившись за всё, что сделали. А на том пиру дроу подставили, и они всего лишь пытались защититься. – Меня захлестнула бесконечная усталость. – Я тоже считала тёмных злодеями, пока не узнала получше. Маш, просто подумай о том, что всё может быть не таким, каким кажется. Идеальные прекрасные принцы, Абсолютное Зло... это бывает только в книжках.

– Нет. Зло существует. Всё, что я о тёмных слышала, это подтверждает, – безапелляционно отрезала Сусликова. – А ты теперь врешь и выкручиваешься, пытаешься меня на свою сторону перетащить. Но если думала, что я тебе поверю, ты просто дура, несмотря на всю свою гениальность. И выродкам вроде вас никогда не победить. История это подтверждает.

– Мы не хотим победить! Это светлые хотят победить, а мы хотим просто *жить!* – я всё-таки сорвалась на крик. – Хотим мира, хотим... тебя не смущает, что твои прекрасные добрые светлые собираются уничтожить целую расу? Что ты им собираешься в этом помочь: убивать?

– Это для общего блага. А убийство тёмных даже нельзя назвать убийством. Это не преступление, а доброе дело. Это милосердие. Бешеных животных надо усыплять.

Она отчеканила это, словно фразу из учебника; и когда она вскинула меч, у меня опустились руки.

Нет, бесполезно. Ей слишком хорошо промыли мозги. Если б на ней был ошейник, если б мы могли взять её с собой в город дроу, если б она увидела всё своими глазами – тогда, возможно, у неё был бы шанс понять. А сейчас...

Её удар заставил меня отшатнуться, а барьер – вновь пойти трещинами.

Но когда огненный меч в очередной раз взмыл в воздух, застыв в высшей точке замаха, Машкину кисть перехватили чужие пальцы.

– Уходите, – удерживая Сусликову за руку, сказал Фрайндин.

Она посмотрела на него с тем же удивлением, что и мы.

– Ты дашь им уйти?!

– Я должен поразмыслить над всем, что здесь услышал. И увидел. И пока я не знаю, что думать, никто не узнает о вашем визите, – произнёс Фрайн отчётливо и глухо. Младший брат Повелителя эльфов смотрел на

Эсфориэля, и только на него: казалось, Машку он даже не услышал. – Дайте мне время. Немного. А потом... вы знаете, где меня найти.

– Фрайн, что ты несёшь?! – Сусликова отчаянно дёрнулась, пытаясь вывернуться из цепких пальцев. – Они что, и тебя...

Прохладные руки вновь обняли меня за плечи.

– Алья, давай.

Негромкие слова Лода я услышала даже на фоне Машкиного вопля.

Ощущение пола, уходящего из-под ног, было уже почти привычным. Как и то ощущение, когда он вновь возник под ногами.

Алья сидел за тем же столом, за которым вчера мы проводили совет, непринуждённо подперев пепельной ладонью лунноволосую голову.

– Что ж, – сказал Повелитель дроу, окинув взглядом нашу скромную делегацию из троих эльфов и троих людей, – не могу сказать, что это было результативно, но информативно – вполне.

Отступив от Лода на пару шагов, я позволила себе подвести черту:

– Значит, тэлья Фрайндин ни при чём.

– Как я и говорил, – слова Эсфориэля прозвучали без гордости, без упрёка. – Ему незачем было это делать.

– Ну, все его доводы звучали вполне убедительно. И он согласился надеть ошейник. – Я посмотрела на Лода. – Пусть мы его и не надели.

Колдун задумчиво кивнул.

Я знала, что он думает о том же, о чём думаю я. О том, что Сусликова появилась ужасно не вовремя... или очень вовремя – как посмотреть. И если б она вошла в комнату своими ножками, это могло бы послужить поводом для подозрений.

При наличии крови Эсфориэля для Лода не составило труда следить за перемещениями его младшего брата, подгадав момент, когда Фрайндин покинет эльфийский дворец, куда нам дорога была заказана. А ещё мне успели объяснить, что дом покойной Повелительницы эльфов окружили не слишком-то сильными охранными чарами: они не позволили бы пройти ни эльфам, ни дроу, ни обычным людям, но Лод разрушил их без проблем. Главная загвоздка была в сторожевом контуре, который разрушению не подлежал. Эдакая волшебная сигнализация. Пройти контур не мешал, зато немедленно оповещал владельца дома о том, что кто-то пересёк магическую черту, позволяя приготовиться к визиту незваных гостей. Естественно, в нашем случае контур был замкнут на Фрайндине, и нам никак не удалось бы пробраться в дом незаметно для него.

Если б не сумрачная пыль.

Сегодня я узнала, что Лод придал пыльце волшебных лилий ещё одно

весьма полезное свойство: возможность проходить под ней сквозь любые сторожевые контуры, оставшись незамеченным. Однако у Машки не было пыли. Если б она прошла в дом обычным путём, Фрайн мигом бы узнал о её приближении, – но она переместилась с помощью магии. В таком случае Фрайндин не мог предугадать её появления, а мысленный призыв о помощи он Машке явно не посылал. Я достаточно хорошо знала Сусликову, чтобы быть уверенной: она решительно не способна на убедительную актёрскую игру. Её удивление «гостям» было абсолютно искренним.

Как и слова о том, что младший брат Повелителя эльфов убивается по племянникам.

Нет, ей явно не поручали сделать браслет для Фаника. И я даже не знала, радоваться, что Фрайндин не имеет отношения к похищению принца, или огорчаться. Наверное, всё-таки радоваться... хотя бы потому, что где-то в глубине души мне хотелось верить в существование таких, как он. Восхитительных, чистых вечных детей.

Пожалуй, только такой вечный ребёнок и мог потерять голову от любви к Сусликовой.

– Как эта отвратительная девица смогла избавиться от вашего ошейника?

Навиния спросила это так, словно отчитывала Лода за невыполненный приказ, но сам вопрос был хорошим.

– Она не избавилась от него. Не по своей воле, по крайней мере. Ошейник просто... не выдержал. Рассыпался. Сам, – Лод мрачно усмехнулся. – Он создаёт незримое антимагическое поле, которое не позволяет сидису носителя вырваться наружу. В результате получается нечто вроде ограниченного пространства, на стенки которого изнутри давит сидис. Естественно, существует предел давления, которое эти стены могут выдержать, и то количество сидиса, каким наделили нашу иномирную гостью, для них слишком велико. Когда она захотела призвать меч, её сидис попытался вырваться наружу, однако ему препятствовали, и в итоге...

Не договорив, колдун невесело развёл руками, но мне и так всё было ясно. Всё равно что закачать в шину в два раза больше воздуха, чем положено, а потом ещё расширить этот воздух путём нагрева. И чего тогда удивляться тому, что несчастная шина не выдержала?

Значит, в борьбе с Сусликовой ошейники нам не помогут. Печально. С другой стороны, для каждого правила должно существовать исключение. Маг, против которого ошейники окажутся бесполезны, рано или поздно просто обязан был появиться, так что... можно сказать, это было

ожидаемо. Жаль только, что маг этот появился не на нашей стороне.

Но, с другой стороны, иначе всё оказалось бы слишком, неправдоподобно легко.

– Эта девушка... – проговорил Эсфориэль, – и такая утончённая натура, как Фрайн...

Он осёкся, явно не желая подвергать сомнению вкус брата, но я понимала, что его собственное чувство эстетизма при знакомстве с Сусликовой пережило суровое испытание.

– Не огорчайся, дядя, – весело заметил Фаник. – В конце концов, прежде дядя Фрайн не влюблялся, и он такой неопытный... в свои триста четырнадцать. А я давно подозревал, что девушкам из другого мира вместе с магией перепадает какое-то удивительное свойство очаровывать первого встречного эльфа королевской крови. – Принц лукаво покосился на брата. – Вирт^[7] Миркрихэйр, может, на досуге проведёте с Кристой ещё парочку исследований? Уже второй член моей семьи оказывается жертвой этого любопытного явления.

– Нет уж, – отрезал Дэнимон, явно не оценив юмора, – с Кристы хватит каких-либо исследований.

Спасибо, принц Фаник. Вы помогли мне окончательно утвердиться в догадке, что бывшая сокамерница несколько преувеличивала ваши чувства к её скромной персоне.

– Единовременная магия очарования, которая работает лишь на того, в ком они сами заинтересовались... это объяснило бы многое, – Лод кивнул на удивление серьёзно. – Или, быть может, это действует, лишь если вы встретились непосредственно после её прибытия из другого мира. – Он помолчал, явно размышляя о чём-то, и я искренне понадеялась, что он не подозревает и меня в подобном привороте. – Впрочем, сейчас нам явно стоит думать не об этом, а о том, что тэлья Фрайндин невиновен.

– Значит, теперь нужно наведаться в Мирстоф, – констатировал Алья.

– И побеседовать с тем, кто руководил наёмниками. Думаю, займётся этим завтра. Мне нужно немного времени, чтобы восстановиться.

– Про сегодня никто и не говорит. День-другой впо-лне терпит, даже в нашем случае. – Повелитель дроу смотрел на своего придворного колдуна с состраданием. – Сильно эта девка тебя потрепала?

– Не слишком. Но куда сильнее, чем это сделал бы другой маг на её месте.

Алья покачал головой.

– Принесёт она ещё нам неприятностей. И почему все эти силы не достались нашей девочке?

– У меня нет никаких знаний о прорехе, которые позволили бы строить правдоподобные догадки, – хмуро заметил Лод. – Может, другая попала в прореху на крохотную долю секунды раньше. В конце концов, их ведь даже выкинуло в разных местах. Может, прореха выделила силы на двоих, но она устроена так, что дать эти силы могли только одной. И в итоге их вместил... м... тот сосуд, который был более пустым. Природа не любит пустоты, а если наша девочка и без магии прекрасно может обойтись...

– Да, страшно подумать, что бы стало без магии со второй. При подобной-то пустоте сосуда.

Они не смотрели на меня. А я даже не знала, от кого страннее мне было слышать это «наша девочка» – от Повелителя дроу или от Лода. Впрочем, из уст обоих оно звучало так... мило. И покровительственно. И ни капельки не скабрёзно.

Ничего общего с пошлым «моя девочка», которое так любят вкладывать в уста своих брутальных героев авторы сопливых романов.

– Значит, Мирстоф. Завтра, – подытожил Алья, поднимаясь на ноги. – Но вне зависимости от того, примкнёт к нам тэлья Фрайндин или нет, благодарю за вылазку. Всех вас.

Я склонила голову. Не дожидаясь, пока все разойдутся, направилась к лестнице в наши с Лодом покои.

Да, вылазка вышла полезной. В любом случае. Хотя и жаль немного, что мы не смогли добиться чего-то большего. С другой стороны, мы заронили зерно сомнений – в ум Фрайна так точно; а там, быть может, он и Сусликову переубедит. В конце концов, она ведь не росла в знании, что тёмные – зло. Это милое убеждение ей привили за то недолгое время, которое мы обе провели в Риджии. И то, что привили совсем недавно, легко выкорчевать, пока оно не пустило корни.

А теперь, пожалуй, мне тоже требовалось немного отдохнуть.

Лод поднялся в лабораторию, когда я уже более-менее привела себя в порядок и устроилась в кресле, забравшись в него с ногами, ведя с Бульдогом немую дуэль. Пёс сидел внизу, гипнотизируя меня умильным взглядом, заставляя бороться с желанием почесать его за ушком. Надолго колдун не задержался: отдал Акке распоряжения об обеде, переделся, побыстрому поел вместе со мной и вновь убежал куда-то. Видимо, строить планы насчёт завтра.

А может, к Морти, которая наверняка успела соскучиться по своему хальдсу.

Мысль кольнула сердце мерзкой тоненькой иголочкой непонятного, но

определённо гадкого чувства. Так что я поспешила о ней забыть и просто сидела, обняв руками колени, думая о том, как скоротать время до возвращения Лода.

Обычно мне некогда было об этом задумываться, но всё-таки я скучала по дому. И сейчас, в эту минуту – нет, не по Сашке: по тем вещам, которые там были неотъемлемой частью моего быта. Играм, музыке, родному ноуту, любимой игровой мышке, Дэвиду, моему детищу и моей гордости...

Мне сильно не хватало всего этого. Особенно в такие часы молчаливого досуга, когда успели поднадоесть и скаук, и шахматы, и магические трактаты, от которых мне всё равно не было никакого толку. И почему прореха не открывала проход в какой-нибудь мир высоких технологий? Вроде тех, что описывали в научной фантастике. Там было бы всё, что я люблю, и куда больше возможностей для того, чтобы применить мои способности. Даже без всяких преобразований по пути.

Но в который раз придётся работать с тем, что есть.

Прохладная тишина давила на уши, насмехаясь над моим одиночеством.

Может, существует способ отбить у Сусликовой хотя бы ту часть её сил, которая предназначалась мне? Сколько проблем разом решилось бы. Да и опробовать на практике те заклятия, которые я изучила в теории, отчаянно хотелось. Это ведь должно быть фантастическим чувством, творить магию... Но нет, нечего предаваться глупым мечтаниям. Если б это было возможно, Лод бы уже попытался этого добиться. И они с Альей правы: я прекрасно могу обойтись без магии.

А посвящать свой досуг унынию, рефлексии и ностальгии уж точно нерационально.

Когда Бульдог, так и не дождавшись от меня какой-либо реакции, разочарованно побрёл к двери в библиотеку, которую Лод неосмотрительно оставил открытой, я посмотрела на стол. Задержалась взглядом на стопке чистых пергаментов и моей шариковой ручке, лежавшей рядом.

Потянулась за ними.

Безделье, как и скука, – удел дураков. Мне всегда будет чем заняться. Даже здесь. Даже если я никогда не вернусь домой.

И сейчас, пожалуй, самое время сделать то, о чём я давно уже думала.

Я сидела, покусывая кончик ручки, безжалостно исчеркав уже половину пергамента, когда какое-то движение в дальнем конце комнаты привлекло моё внимание.

Зрелище принца Фаника, застывшего в лестничном проёме, застало

меня врасплох.

– Здравствуй, – негромко произнёс он. – Смотрю, я помешал?

Ошейник с него сняли ещё утром, заменив таким же кольцом, какое украшало мой палец. И сделали это не только для переговоров с Фрайндином. Просто Лод не без оснований рассудил, что даже без ошейника Фаник вряд ли будет творить глупости, – в отличие от остальных светлых, в здравомыслии которых колдун пока сомневался.

– Нет, – взяв себя в руки, я поднялась с кресла. – Приветствую, принц. Если вы к Лодбергу, то он отошёл.

Глядя на меня, Фаник хмыкнул:

– В вашем мире женщины встают при появлении мужчин? В нашем дела обстоят ровно наоборот.

– Думаю, даже в вашем мире простолюдины не продолжают преспокойно сидеть при появлении коронованных особ.

– А ты считаешь себя простолюдинкой?

– Уж точно не коронованной особой.

– Что ж, тоже справедливо. – Подойдя к столу, принц преспокойно опустил на табурет напротив меня и улыбнулся. – Но теперь стоять у тебя точно нет причин.

Я снова села, гадая, что ему здесь понадобилось.

– Если вы решили подождать Лода...

– Я не к нему пришёл, – и Фаник безмятежно закинул ногу на ногу, – а к тебе.

На этом месте я оторопела.

– Ко мне?

– Считаю это научным интересом. Мне он свойственен. – Он подпёр голову рукой. – Хотел поболтать со слабой девочкой без капли магии, которая обвела вокруг пальца всех моих друзей. Лучшего ученика Форсивской школы, самую сильную колдунью Риджии... до недавнего времени, по крайней мере... моего брата и Кресту. Впечатляющий список достижений, должен сказать, – коричневые глаза блеснули насмешкой. – Даже не знаю, что страшнее: лапы наёмников или твои нежные ручки.

– Поверьте, не второе, – мягко сказала я, всматриваясь в его лицо. – Но хорошо, что вам не с чем сравнивать.

Нет, всё-таки он очень похож на Сашку. Я и о его брате думала то же, но Фаник похож на него не только внешне. Даже интересно, почему тогда он не вызывает во мне и тени того специфического волнения, которое меня заставлял чувствовать лучший и единственный друг.

Хотя... то чувство даже сравнить нельзя было с тем, что я ощутила,

встретив Лода. И было ли оно тогда чем-то большим, чем детским, поверхностным, едва ли серьёзным чувством? Первым невинным увлечением, взросшим на дружбе, которое при других обстоятельствах прошло бы через месяц-другой? Но я, осознав его разумом, отнеслась к нему не по-детски серьёзно – и сама же заставила себя заикнуться на нём на шесть долгих лет. И только сейчас, когда у меня есть с чем сравнивать...

Неужели всё это время я страдала из-за фальшивки, которую сама себе придумала?

Воспоминания о Сашке ниточкой потянули за собой воспоминания о жизни до Риджии. Не о бытовых мелочах: о событиях, о людях, об утраченной семье. Сейчас всё это казалось лишь сном, существованием в анабиозе, бледным подобием настоящей жизни.

И тут мне стало грустно.

Нет, неправильно так думать. Неправильно. Мой дом там, не здесь. И настоящая жизнь, та, которая мне предназначена, – там, не здесь. А это лишь безумное путешествие в Зазеркалье, которому суждено когда-нибудь закончиться.

Пусть даже сейчас мне кажется, что в действительности я начала жить, лишь очнувшись у чёрного пруда.

– И что же в моей скромной персоне вызвало ваш научный интерес? – вынырнув из омота невесёлых дум, спросила я.

– Слышал о тебе слишком противоречивые мнения. И захотел составить собственное. Особенно после всего, что услышал сегодня из твоих уст. – Фаник слегка пожал плечами. – Криста говорит, ты бездушная и бессердечная интриганка. Восхт – что тебе просто не оставили выбора, и у тёмных ты такой же вынужденный гость, как и мы. Но я вижу, что ты выбрала свою сторону, и это не сторона света. И почему? Насколько я знаю, здесь тебе оказали не самый радушный приём.

Даже сейчас в его тоне сквозили смешливые нотки. Невозможно было сказать, шутит он или говорит всерьёз.

– Я умею абстрагироваться от личного отношения. Взглянуть на вещи трезво. Только и всего. А Криста... – я в свою очередь пожалала плечами. – О вас она говорила, что вы мягкотелый мальчик, влюблённый в неё без памяти. Как думаете, её суждениям можно доверять?

Фаник засмеялся, и я попыталась понять, повинно ли его сходство с Сашкой в том, что в присутствии младшего эльфийского принца я чувствую себя спокойно и свободно.

Куда спокойнее и свободнее, чем обычно чувствую себя при посторонних.

– Кристе свойственно выдавать желаемое за действительное, – сказал эльф. – Она далеко не так умна, как думает Дэн, но и не так глупа, как думаешь ты. Истина часто бывает где-то посередине.

– А вы знаете, что я о ней думаю?

Перемывать Кристе косточки я не собиралась. Это занятие всегда казалось мне мелочным и недостойным. С другой стороны, смысла выражения «Не суди и не судим будешь» я никогда не понимала: людям не свойственно задумываться о том, судит ли других объект их злобных сплетен.

– Это, знаешь ли, угадать нетрудно. Думаю, твоё мнение о ней несильно отличается от того, что сперва сложилось у меня.

– Тогда, должно быть, вы очень хорошо его маскировали, раз она сочла, что вы в неё влюблены.

– Обычная учтивость к избраннице брата... для меня. Но, насколько я понял, мужчины в вашем мире крайне редко ведут себя учтиво, и женщины, не привыкшие к невинным обыденным комплиентам, принимают подобные слова за знаки особого внимания.

– И насколько же ваши комплименты Кристе были невинными и обыденными?

– Нечто в духе «я безмерно счастлив за брата, пусть мне и немного грустно, что красоте столь очаровательной девы, подобной несравненной прелести восходящего солнца, суждено ослепить не меня» – на мой взгляд, вполне невинно.

Я не удержалась от улыбки:

– При вашем дворе всегда так изъясняются?

– На официальных приёмах, по крайней мере. И это ещё далеко не самые изысканные слова. Я среди эльфов не считаюсь красноречивым.

– Действительно, чего ещё ожидать от эльфов. – Я вздохнула. – Знаете ли, в сравнении с этим наши мужчины даже с возлюбленными чаще всего ведут себя так, будто только вчера плясали в шкурах вокруг костра.

Фаник снова засмеялся, тихо и коротко.

– Чего ещё ожидать от эльфов, – повторил он со странной печалью. – Людям почему-то свойственно думать, что мы прекрасные, возвышенные, неземные создания. А на самом деле... те же люди, лишь немного другие. И не понимаю, почему некоторые из нас считают себя лучше людей. Только потому, что богами нам даны многие качества, которыми люди похвастаться не могут? Но то ведь не наша заслуга. Пусть мы живём дольше, мы живём так же, как люди, и чувствуем всё то же, что люди. Вот дядя Фрайн... – Фаник задумчиво смял в пальцах манжет своей рубашки. –

Мне всегда казалось, что он тот самый эльф, о которых люди складывают свои легенды. Истинное Дитя Солнца, смеющееся и лучезарное. Сколько его помню, он всегда всем улыбался. – Принц тоже улыбнулся, пусть и невесело. – Однажды, когда я был ещё маленьким, я спросил его, почему он всегда улыбается. Спросил, неужели ему никогда не бывает грустно? А он ответил, что бывает, ещё как, а его улыбка – это маска; но улыбка растворяет боль, и если носить эту маску на лице как броню, то со временем она прирастает к коже, и ты действительно начинаешь смотреть на всё с улыбкой. Даже на самые плохие вещи. – Фаник помолчал. – Я запомнил этот ответ на всю жизнь. И мне тоже это помогло.

Я не сразу нашлась, что сказать. Лишь села поудобнее, поджав ноги под себя.

Странно, но он говорил со мной так, будто мы знаем друг друга уже давно. С той степенью доверия, которой не бывает между незнакомцами. А самое странное, что это не казалось мне неестественным, и то опасливое напряжение, всегда стеной вырвавшееся между мной и большинством людей – даже теми, с которыми я была знакома не первый год, – с ним отсутствовало.

Впрочем, Фаник никак не относился к «большинству людей». Хотя бы потому, что не был человеком.

– В вашем мире такие трогательные семьи, – вырвалось у меня. – Эсфориэль и Фрайндин, вы с Дэнимоном... Для вас «семья» – это не просто слово.

– Не для всех из нас, как ты могла убедиться. Хотя дяди всегда были мне ближе отца. – Фаник вдруг поморщился точно от боли. – А я ведь действительно думал, что дядя Фрайн мог нанять тех людей. Несмотря на то что за всю жизнь он ни разу не дал мне повода в нём усомниться.

– Иногда это очень трудно: доверять даже тем, кого любишь, – сказала я, вспомнив Лода.

– Но мы с Дэном были правы, когда не верили, что дядя Эсфор хотел свергнуть отца с престола. – Принц качнул головой. – Дэн считает, что знакомство с тёмными плохо на нас влияет. Он до сих пор не может простить себе, что убил одного из тех, кто держал меня в плену.

Я усмехнулась:

– Порой ваш брат меня поражает, честно скажу. Тот наёмник в полной мере заслужил свою смерть. Причём долгую и мучительную.

– Дэн не считает, что он не заслужил смерть. Хотя никогда раньше не убивал, только... обезвреживал. Дэн считает, что не пристало без суда убивать безоружного и беззащитного пленника, который даже не может

сопротивляться.

Рыцарский кодекс? Ха.

Никогда не любила легенды о рыцарях.

– Убийство есть убийство. Всегда и везде. И нет никакой разницы, как ты убил кого-то: в бою по каким-то «правилам» или ножом в спину, – мой ответ прозвучал чуть резче, чем мне хотелось. – Кто-то оправдывает кровь на своих руках «честным поединком» и высокомерно осуждает тех, кто убивает тайно, в ночи. Но это гнусное лицемерие, ведь между ними нет никакой разницы. Оба – убийцы. Просто один принял это и не гнушается пользоваться наиболее эффективными методами, а другой прячется от неприглядной правды за своими «правилами». – Я откинулась на спинку кресла. – Можно жалеть о том, что ты убил невинного. Можно жалеть о том, что ты вообще убил кого-то. Но жалеть о том, как именно ты его убил, глупо и смешно.

Фаник не ответил. Просто смотрел на меня молча и пристально, будто оценивающе.

Это вызвало у меня ещё одну усмешку.

– Теперь, думаю, вы понимаете, почему я выбрала сторону тёмных.

Принц ответил не сразу. Сначала вскинул глаза, поглядев вверх в такой глубокой задумчивости, словно вычислял что-то.

– Интересная ты личность, Белая Ведьма, – отстранённо заметил он потом. – Да, среди светлых с такими взглядами тебе пришлось бы... нелегко. Хотя я склонен с тобой согласиться.

– Вы?

– Не удивляйся. Меня тоже трудно назвать типичным светлым. Наверное, потому что меня преимущественно воспитывал дядя Эсфориэль, а он не питал к тёмным той же ненависти, что все вокруг меня. Я с детства дни и ночи проводил в библиотеке, изучая книги о дроу.

А младший эльфийский принц, оказывается, полон сюрпризов.

– Зачем?

– Пытался лучше узнать своего врага. Думаю, это была одна из причин того, что отец меня невзлюбил. – Фаник провёл пальцем по столу, словно выводя начало какого-то узора. – По-моему, вконец он разочаровался во мне, когда я спросил, нельзя ли поговорить с тёмными и выяснить, что у них на уме и чего они хотят. Маленький был, наивный...

– И вы правда этого хотели?

– Восхт же говорил тебе о своих сомнениях? В том, что именно случилось восемнадцать лет назад? – он поднял глаза, снова встретив мой взгляд. – Мы с ним сомневались вместе.

Как любопытно. Впрочем, Фаник явно достаточно умен, чтобы тоже поверить: дру не пошли бы на подобное безумство.

– Не с подачи тэлы Эсфориэля случайно?

– Да, в некоторых его фразах сквозили сомнения на этот счёт. Наверное, я это чувствовал. Но он избегал говорить с нами на эту тему. Как ты понимаешь, отец не слишком одобрительно относился к подобным разговорам. – Фаник рассеянно запустил пальцы в волосы. – Отец... он не всегда был таким, как сейчас. Говорят, до той резни он умел улыбаться. Искренне, по крайней мере. Мне жаль, что я не знал его таким. И в день резни нас с Дэном лишили не только матери, но и того отца, каким он должен был быть. Когда это случилось, Дэну было пять, мне едва исполнился год. – Губы принца досадливо дрогнули. – Иногда я отчаянно завидую, что Дэн помнит мамино лицо и голос, а у меня не осталось о ней никаких воспоминаний.

– Может, оно и к лучшему, – пробормотала я. – С воспоминаниями... гораздо больше.

Фаник устремил на меня долгий взгляд из-под длинных ресниц, и про себя я тихо ругнулась. Какого чёрта я откровенничаю с тем, кого едва знаю, если всегда закрывалась от всех? Начала с Лодом, продолжила с Фаником, а следующим кто будет? Пойду изливать душу Навинии?

Нет, вся эта история явно не пошла мне на пользу. Как и странные отношения с Лодом. Всё это заставляло меня почти поверить в бескорыстную доброту, благородство, преданность, любовь и прочую ерунду и становиться... мягче. Доверчивее. Более открытой.

А будучи мягкой, доверчивой и верящей в подобные глупости, ты не проживёшь долго ни в одном из миров.

– Так ты тоже потеряла семью, – молвил принц.

– Потеряла, – коротко подтвердила я. – А что это за прекрасная Льомдэлль, о которой Дэнимон упомянул на совете?

Я знала, что избрала довольно топорный способ перевести тему, но ответ на заданный вопрос и правда меня живо интересовал.

– Льомдэлль из рода Эльскиар. Эльфийка, первая возлюбленная отца. Она погибла в войне с Тэйрантом. – Должно быть, Фаник понял, что я не хочу откровенничать. Во всяком случае, он ничем не выразил удивление от резкой смены предмета обсуждения. – Не желала отсиживаться в безопасной столице, отправилась ухаживать за ранеными в человеческий городок. Он оказался на линии фронта, и тёмные магией сожгли его дотла. Вместе с жителями. Льомдэлль тогда было всего двадцать два.

Я даже не смогла ничего сказать.

Пусть я выбрала свою сторону, но напоминания о том, что когда-то творила эта сторона, меня не радовали.

– Забавно, – задумчиво проговорил Фаник, кажется, не ждавший моего ответа, – отец два раза не смог спасти тех, кого любит. Как и дядя Эсфор. А ведь оба они так и не совершили *эйтлих*.

Незнакомое слово заставило меня насторожиться.

– Эйтлих?

– Тебе не рассказывали? Это эльфийский ритуал.

– Что-то вроде *блэйв брайевур*? – я вспомнила обряд, которым когда-то Эсфориэль связал себя с Тэйрантом.

– Да, но *эйтлих* сильнее. Пожалуй, это самая сильная наша магия. Эльфийские чудеса, как ты наверняка знаешь, не могут похвастаться особым разнообразием, – иронично заметил Фаник. – Эйтлих... как бы объяснить... каждый эльфийский мужчина раз в жизни может провести ритуал, который навеки свяжет его с любимой женщиной, и этим обрядом он отдаст ей половину своей жизни. Его может совершить только мужчина, и только с женщиной, которую он любит всем сердцем. И не как сестру, дочь или друга.

– А женщина тоже обязана быть эльфийкой?

– Нет. Эльфом, человеком, дроу – кем угодно.

Интересно, однако. Эльфы ведь бессмертны. И сколько будет половина от бесконечности?

– Значит, этим ритуалом пользуются, чтобы продлить жизнь своим возлюбленным, если они смертные?

– О, нет. К сожалению, *эйтлих* не замедляет старение. Если его и проводят со смертными, те предпочитают покончить с собой, прожив немногим дольше других людей.

Да, думаю, никому не хочется коротать вечность развалиной, гниющей заживо.

– И в чём тогда смысл?

– В том, что *эйтлих* может вытащить женщину почти с того света. Когда ты совершаешь его, она... будто рождается заново. Эйтлих исцеляет любое проклятие и излечивает любую рану, и он позволяет тебе вернуть возлюбленную к жизни, когда все остальные средства бессильны. Но лишь в том случае, если её сердце ещё бьётся. И если ты действительно её любишь.

– То есть *эйтлих* совершают, если женщине грозит преждевременная гибель?

– Именно.

Всё интереснее и интереснее. Ну да, Эсфор в Хьярте нашёл свою принцессу уже мёртвой, потому и не мог спасти её. А Хьовфин, видимо, вообще был в другом месте, когда его прекрасная Льомдэллиль обратилась к нему. Странно только, что Повелитель эльфов не спас жену восемнадцать лет назад, когда она умирала от яда...

Внезапное воспоминание заставило меня вскинуть голову.

– А вашу мать, – я постаралась произнести это как можно деликатнее, – случайно отравили не лёмунном?

В кивке Фаника не было ни печали, ни удивления:

– Именно поэтому отец не смог ничего сделать.

Понятно. Тот самый яд, который упоминала Морти, мгновенно останавливающий сердце; и этим выбором отравитель Повелительницы отрезал жертве все шансы выжить, даже чудом. А после такого ненависть Хьовфина к тёмным вполне объяснима. Если кто-то дважды отнял у тебя любимую женщину...

Однако наш таинственный интриган предусмотрел всё. Такое, пожалуй, заслуживает капельку уважения.

– И сложный ритуал?

– Отнюдь. Не нужно ни рун, ни заклятий, ни крови, одни лишь слова. Хотя, наверное, эти слова и можно считать заклятием. – Фаник прикрыл глаза, прежде чем начать цитировать наизусть. – *«Клянусь хранить жизнь твою, душу и сердце, пока не испущу последний вздох. Отдаю тебе моё сердце, мою душу и мою жизнь. Прими мой дар, прими меня, как я принимаю тебя. Мы едины, отныне и навсегда».*

– И всё?

– И поцелуй, конечно, – лукаво закончил принц.

Поцелуй истинной любви. Естественно. Куда же без него.

Выходит, когда я говорила Восхту, что только в книжке героя может оживить волшебная сила любви, я малость погорячилась.

– Значит, ваша мать была похожа на первую возлюбленную Хьовфина? – помолчав, спросила я.

– Похожа. Даже внешне, если не считать цвета волос и глаз. И по характеру тоже... по крайней мере, так говорил дядя Эсфор. Их свадьба с отцом состоялась уже спустя месяц после знакомства.

– Судя по всему, эльфы были не слишком этому рады.

– Не слишком. Особенно дом Эльскиар. Отец ведь на тот момент был помолвлен с одной из их рода.

– Да? – я наострила уши. – И с кем же?

– А... леттэ Авэндилль. Но они обручились, когда ей было всего

одиннадцать, и разорвали помолвку два года спустя. Отец изначально пошёл на неё от безысходности, устав выслушивать от подданных намёки на то, что королевству нужен наследник. А маленькая Авэндилль, по всеобщему признанию, росла очень похожей на свою тётю.

– Ту самую Льомдэлль?

– Да. Потому все и надеялись, что она сможет излечить разбитое сердце Повелителя, – сарказм в голосе Фаника был почти неуловим. – Но потом в его жизни появилась мама, и отец, недолго думая, расторг брачный договор. Зато маленькую Авэндилль сделали маминой фрейлиной.

В моих мыслях всюду трезвонил маленький, но очень тревожный колокольчик. Отчётливо вызывая в памяти мои же собственные слова.

...возможно, какая-нибудь эльфийка мечтала убрать её с дороги и занять её место...

– Принц, – осторожно проговорила я, – а вы никогда не думали, что это Эльскиары?..

Я не решилась завершить фразу, но Фаник понял меня и так.

– Убили маму? Думал, – спокойно откликнулся он. – Но, если поразмыслить, это ничего бы им не дало. И дядя Эсфор говорил, что на том пиру никто из Эльскиаров к маме даже не приближался.

– Включая её фрейлину?

– Она не в счёт. Авэндилль тогда было девятнадцать. Моя ровесница. Твоя ровесница. Просто ребёнок.

– Девятнадцать – уже не ребёнок. А дети бывают очень жестокими.

Фаник долго смотрел на меня. Казалось, я могла видеть сомнение, всплеснувшееся на дне его зрачков.

– Но она так... мила. И у мамы была любимицей. Все говорили, что Авэндилль видела в Повелительнице вторую мать, – медленно, будто взвешивая каждое слово, произнёс он. – Пойти на такое чудовищное преступление... зачем?

– А как же жажда короны?

– Их помолвку расторгли. У отца уже были наследники. У него не оставалось ни единой причины снова жениться, да к тому же на ней.

– Вот именно. У него *были* наследники. А теперь, когда их нет?

– У отца остался брат.

– Да, но брат – крайний случай. Правители хотят оставить на престоле сына. И однажды Хьовфин уже решился на брак по расчёту, потому что королевству был нужен наследник. Тогда наличие братьев его не остановило.

Принц промолчал.

– В том убийстве мне видятся не столько соображения выгоды, сколько эмоции, – добавила я. – Это действительно чудовищное преступление. И тот, кто его совершил, здорово рисковал, причём не только своей жизнью. Похоже, за убийством стояла скорее страсть, чем холодный расчёт. И девятнадцатилетняя девочка, обезумевшая от ревности, как раз могла пойти на такой шаг.

– Когда отец разорвал помолвку, Авэндилль было всего тринадцать. Они с отцом толком не общались, виделись лишь на официальных приёмах. Да и после... она ничем не проявляла, что испытывает к нему какие-то особенные чувства. Не может быть, чтобы она любила его.

– Я могла бы рассказать вам историю о девочке, которая в тринадцать влюбилась в своего лучшего друга. И потом годами заставляла себя верить, что продолжает его любить, хотя на самом деле это было совсем не так, – отстранённо заметила я. – Девочки порой бывают... странными. А влюбиться в того, кого совсем не знаешь, ещё проще, особенно если это прекрасный эльфийский король.

– И та девочка готова была убить ради своего друга? Соперницу? Его любимую женщину, мать его детей?

– Та девочка – нет. Но когда мы не поделили предмет страсти с избранницей вашего дяди, она столкнула меня в реку с большой высоты, хотя я не умела плавать. А ведь я не назвала бы её плохим человеком. Однако бывают плохие люди... и плохие эльфы, думаю, тоже.

– Даже если на одну безумную секунду предположить, что это правда, Авэндилль достаточно было подождать какую-то сотню лет, и соперница устранилась бы сама собой.

– Если ей двигала страсть, она не могла ждать. Когда ты не прожил ещё и двадцати, сотня – это несколько жизней.

Эльф молчал. Долго молчал.

Затем поднялся на ноги, выпрямившись легко, словно травинка, которую перестал гнуть ветер.

– Я подумаю над твоими доводами. – Он направился было к выходу, но на полпути оглянулся через плечо, посмотрев на меня с задорным прищуром. – Ты веришь в любовь с первого взгляда, Белая Ведьма?

Святые ёжики. Только не говорите, что он в меня влюбился. Всё равно никогда не поверю. Даже если обычно попаданок наделяют способностью к привороту, меня явно обделили всем, что уготовили остальным.

И нет, я не верю в любовь с первого взгляда. Только со второй шахматной партии.

Но этого я ему, конечно, не скажу.

– А к чему вопрос? – уклончиво уточнила я.

– Просто мысль интересная появилась, – его лукавой улыбкой можно было бы растопить ледник. – Если бывает любовь с первого взгляда, то почему не быть дружбе с первого взгляда?

Вот как. Ну, это уже больше похоже на правду. Пожалуй, даже взаимную, пусть мне и самой это кажется безумием.

Но этого я ему, конечно, тоже не скажу.

– Не путайте дружбу и симпатию. Дружба... истинность дружбы... её можно узнать только со временем.

– Но любовь и симпатию тоже легко спутать. И истинность любви тоже можно узнать только со временем.

Интересно, как в одном взгляде одновременно может быть столько смеха и столько серьёзности?

– Мы вообще часто называем любовью что-то другое. Можно быть прекрасными супругами и плохими любовниками. Можно быть прекрасными любовниками и плохими друзьями. А любовь должна включать в себя хотя бы два компонента, и без дружбы, без единения умов и душ, она – фальшивка, не более.

– Тем не менее мы называем это любовью: то, что можно почувствовать с первого взгляда. Тогда почему внезапную симпатию, не связанную с влечением, не называть дружбой?

Какое-то время мы смотрели друг на друга, и я подумала, что его глаза не цвета корицы, а цвета... чая. Чёрного, тёплого, терпкого. С чем-нибудь вкусным и ароматным, вроде шоколада.

И, наверное, с той самой корицей, которая придаёт перчинку.

– Знаете, я ведь помогала Лоду составить план вашего спасения. Как выволить вас из лап наёмников, – неожиданно выговорила я. – И тогда мне не было до вас никакого дела. Вы для меня были... просто ещё одной фигуркой на доске, вот и всё. Важной фигуркой. Не более. – Я сняла очки и, глядя в сторону, задумчиво протёрла стёкла полами рубашки. – И когда мы вытащили вас из того подвала... мне было в общем-то всё равно, выживете вы или нет.

– Твоя честность просто восхитительна, – даже без очков, боковым зрением я увидела, как Фаник насмешливо поклонился. – Но почему-то мне кажется, что за этим должна последовать фраза, начинающаяся со слов «а теперь».

– Да. А теперь...

Я медитативно водила батистовой тканью по прямоугольным кусочкам

прозрачного пластика. Проверила линзы на свет; убедившись, что вижу на них лишь царапины, немногочисленные и хорошо знакомые, вернула очки на нос.

Всё-таки посмотрела Фанику в глаза.

– Я действительно очень рада, что смогла вас спасти.

Он не ответил. Просто улыбнулся и, наконец отвернувшись, легко и неслышно сбежал вниз по лестнице, оставив меня смотреть ему вслед.

Эх, Фаник, Фаник. Наверное, если б моя история была классической сказочкой про попаданку, именно ты и стал бы моим прекрасным эльфийским принцем. Ведь если б я никогда не встречала Лода, я бы обязательно в тебя влюбилась. Ведь если б прореха дала мне положенные чит-коды, ты бы наверняка мог влюбиться в меня. И в кои-то веки в моей жизни всё было бы так чудесно, так просто: без мучительных сомнений, без биполярных отношений, без посягательства на чужих возлюбленных...

Однако всё сложилось так, как сложилось. Так, что нам суждено дружить, пусть даже с первого взгляда.

И, как бы глупо это ни было – я не могу сказать, что мне жаль.

Спустя пару часов я сидела в кресле, наблюдая за Лодом, устроившимся напротив. И пока он делал новый ошейник взамен того, что раскололся на Машке, я рассказывала о том, что узнала от эльфийского принца.

– Ты ведь это и имел в виду? – вкратце изложив историю Авэндилль, подытожила я. – Когда спрашивал, что я думаю про убийство Повелительницы? Говорил, что когда-нибудь расскажешь мне про ситуацию при эльфийском дворе, и тогда я пойму, за что ты сказал мне «спасибо».

Лод ответил не сразу: он неторопливо вёл кончиками пальцев по металлическому кольцу, и под его ладонью на серебре проступала насечка тонкой рунной вязи. Губы колдуна не двигались, однако я знала, что про себя он проговаривает магическую формулу.

Мне не хотелось его отвлекать. Но он сам сказал, что мой рассказ его несколько не отвлечёт.

– Да. Это я и имел в виду, – произнёс Лод, когда рунная цепочка замкнулась, обвив ошейник по кругу, словно уроборос. – Теперь ты понимаешь, насколько близкой к истине была твоя слепая догадка.

– Но почему светлые не додумались до того же, что я угадала вслепую?

– Они и не пытались думать. Никто, кроме Эсфориэля и его юных воспитанников. Но даже они не заподозрили Авэндилль и вообще предпочитали держать свои мысли при себе. – Лод повертел ошейник в

руках. – Для всех Повелительницу отравили тёмные. Это очевидно, в отличие от мысли, что убийца – маленькая девочка из знатнейшего дома, невинное светлое создание, присягнувшее ей на верность.

– Не такая уж и маленькая.

– По эльфийским меркам в девятнадцать ты ребёнок, едва покинувший колыбель. И убить кого-то из семейства Повелителя – значит навлечь вечное проклятие богов на весь свой род. Даже среди людей немногие решались на такое, а среди эльфов я и вовсе не припомню ни единого случая.

– То есть никому просто в голову не могло прийти, что эта Авэндилль решит проблему с соперницей таким способом?

– Никому в голову не могло прийти даже то, что Авэндилль вообще считает её соперницей. Ты слышала, что говорил Фаник: если эта девочка действительно ненавидела его мать и любила его отца, она крайне искусно это скрывала. И продолжает скрывать до сих пор. – Лод удовлетворённо отложил серебряное кольцо на столешницу. – Может, она и ни при чём. Кто знает. Но сейчас нам проще найти того, кто заказал наёмникам убийство принца, а не расследовать преступление восемнадцатилетней давности.

– Брось. Ты наверняка тоже думаешь, что это сделал один и тот же человек. Или эльф. – Я азартно подалась вперёд. – Авэндилль избавилась от Повелительницы, потом, дождавшись удобного случая, от её сыновей. И вот Хьовфин снова бездетный вдовец, а королевство снова нуждается в наследнике. Здравствуй, повод снова заключить брак по расчёту – а кто у нас самая подходящая партия? По-моему, всё сходится.

– Это лишь теория. Нам же стоит опираться на факты. И эти факты у нас появятся завтра, когда мы наведаемся к «старшаку». – Колдун посмотрел на меня. – А вы с Фаником неплохо ладите.

Он сказал это без одобрения, без осуждения, без насмешки. В своём обычном констатирующем стиле. И будь на его месте кто угодно другой, я могла бы подумать, что он ревнует.

На миг мне захотелось подыграть и посмотреть на его реакцию; но даже если не брать в расчёт, что я не имею на это никакого права и его мне не обмануть – это будет одной из тех истинно бабских манипуляций, которые я всегда терпеть не могла.

– Да. Неплохо, – просто сказала я, прежде чем тихо, коротко посмеяться. – Я даже думала сегодня, насколько всем было бы легче, если б я влюбилась в него, а не в тебя. Всем, включая меня.

Он ничем не показал, что не ожидал моих слов. И смеяться вместе со мной не стал.

– Да. Пожалуй, – опустив взгляд, Лод коснулся серебра кончиком указательного пальца. – Я тоже иногда думаю, насколько было бы легче, если б я отступился от Морти. Не всем, но многим. Включая меня. – Его палец скользнул по гладкой металлической кромке, точно стирая невидимую пыль. – Но в этом мире есть очень немного вещей, после которых я возненавижу сам себя, и предать её – одна из них.

Я тоже ничем не показала, что не ожидала ответной откровенности.

Нет, тебе нечего стыдиться, Лод. Ты верен ей и верен себе. И ирония в том, что если бы ты предал свою принцессу, то тебя возненавидел бы не только ты сам: у меня с детства слишком болезненное отношение к мужчинам, которые предают своих женщин. Это определённо смешно, но если б ты оставил Морти ради меня, то ничего не приобрёл бы в моих глазах. Только потерял.

Почему я настолько ненормальная?

Я следила за его пальцем, неторопливо обводившим край ошейника, вычерчивая идеальный круг, – и смутная догадка, зародившаяся вчера, перешла в уверенность.

– Ты ведь сам не следуешь собственным советам, – вполголоса произнесла я. – Ты говорил мне, чтобы я давала выход боли, однако сам даже не думаешь давать выход своей.

Он не поднял взгляд, но рука его замерла.

– Мы с тобой похожи. Чем мне было больнее, тем меньше я всегда старалась это показывать. И ты... тебе ведь очень больно. Из-за Морти. Из-за того, что она не может быть только твоей.

– Я никогда и мысли не допускал, что она может быть только моей. – Лод так и не посмотрел на меня. Голос его остался бесстрастным, и лишь рука вдруг упала на стол резким, отчаянным жестом. – Но да, мне больно.

Я всматривалась в его светлые глаза, устремлённые вдаль. Он казался таким же спокойным, как обычно, но я уже знала его, так же как он знал меня, и могла различить ту усталость и ту печаль, которые он прятал за своей спокойной маской. И в мыслях снова зазвучал гадкий шепоток: *«Он страдает не из-за тебя, он никогда не будет так страдать из-за тебя...»*

Заставивший меня с отвращением сжать кулаки.

Ревность – одна из самых мерзких и низких вещей, какие только бывают на свете. Мелочное порождение собственничества, толкающее на страшные слова и страшные поступки. Её считают катализатором для любви, но на деле она никак не может им являться: потому что в любви не должно быть ничего мерзкого.

Даже когда я встала с кресла, Лод так и не повернул головы. Может,

подумал, что мне не понравился его ответ. Может, решил, что я уйду.

Наверное, поэтому он едва заметно вздрогнул, когда я, прижавшись сзади к его спине, обвила его шею руками.

Ему больно, и мне плевать на причины. Ему больно, а я люблю его, и я не хочу, чтобы ему было больно. Но я никогда не умела утешать, не умела находить добрые и ласковые слова, не умела угадывать, что человеку нужно сейчас услышать; и поэтому просто обняла его, уткнувшись носом в волосы цвета мокрого песка, легко и горько пахшие полынью. Ничего не говоря, не напрашиваясь на ответную ласку – просто потому, что сейчас это был единственный способ, которым я могла дать ему хоть капельку тепла. Зная, что он не поймёт это превратно.

Он никак не реагировал. Да я и не ждала реакции. Поэтому, когда мою ладонь порывисто перехватили и прижали к губам, настала моя очередь вздрогнуть.

Поцелуй коснулся моего запястья с внутренней стороны, там, где бьётся пульс. В этом жесте я отчётливо расслышала даже не «спасибо», а «ты удивительная»: произнесённое, невысказанное, абсолютно ясное... и в тот миг, когда я поняла, что происходит, Лод резко разжал пальцы, а я, рывком отстранившись, попыталась вернуть сбившемуся дыханию привычный ритм.

Нет. Недозволительно. Неправильно. Нельзя.

Ещё пару мгновений он просто сидел спиной ко мне. Потом, повернувшись, заглянул в моё лицо – без тени смущения или неудобства, так, словно ничего не случилось.

– Знаешь, я часто вспоминаю те истории, которые ты рассказывала Кристе, – произнёс Лод. Обычным дружеским тоном, явно решив сменить тему. – Когда вы с ней учили риджийский.

Глядя в спокойное лицо Лода, мне вдруг трудно стало поверить, что минувший момент неправильной нежности действительно был.

С другой стороны, это вполне мог быть простой жест благодарности. Вполне целомудренный. Но мне стоило некоторого труда отмахнуться от шепотка, вновь зазвучавшего в моей голове: о том, что колдун не мог не знать, как этот жест подействует на меня – как и трогательное «наша девочка», – и что это прекрасный способ поддерживать мою милую иллюзию, что меня не просто используют.

Уж лучше и правда думать, что его не было.

– Истории... а, книги, которые я ей пересказывала? – Взяв себя в руки, я села обратно в кресло, очень постаравшись, чтобы мой голос тоже звучал не дружелюбнее обычного. – Так ты нас подслушивал?

Он усмехнулся:

– Ты говоришь так, будто для тебя это неожиданность.

И правда. Что это я.

– Слушать их... было так странно. – Лод качнул головой. – Твои предшественники говорили, что в вашем мире придумывают такие истории. Не научные труды, не летописи реальных событий, а просто истории. Людей, которые никогда не жили, и их приключений. И это записывают... печатают... в книгах, чтобы другие тоже могли это читать.

Он говорил об этом так, словно обычный человек, вдруг столкнувшийся с магией. Забавно... для меня этот мир – сказка, о которой я читала в книжках; но для него таковым является наш.

– Так и есть. Неужели у вас нет тех, что сочинял бы... легенды, сказки?

– Легенды – да. Но они либо повествуют о богах и сотворении нашего мира, либо основаны на том, что точно было когда-то. И сказки есть, только они короткие. Совсем не такие... масштабные, как те истории, о которых говорила ты. Их не видят смысла записывать, только облачают в песни. У вас же есть песни?

– Конечно. И стихи.

– Стихи?

– Ты не знаешь? Это... как если из песни убрать музыку. Оставить только слова.

– Но песни ведь не звучат без музыки. Не производят впечатления. Если не умеешь петь, проще просто пересказать ту историю, о которой они сложены. Своими словами.

– О, стихи производят впечатление. Ещё как. Но там зачастую нет истории, нет чёткого сюжета. Чистые эмоции. И пересказывать, о чём они, напрасная трата времени. В таком-то виде они уж точно не произведут никакого впечатления.

– Нет истории?

В кои-то веки я видела, как глаза Лода ширятся в изумлении.

Я растерянно пощёлкала пальцами, едва ли не впервые в жизни жалея, что я не гуманитарий. Они-то наверняка сумели бы облечь объяснение в красивые слова, рассказав о поэзии с таким же воодушевлением и восхищением, с каким я готова вещать про формулы.

Однако какой открывается простор для деятельности, если мы переживём эту передрыгу и благополучно добьёмся мира. Учитывая, что я хотя бы приблизительно представляю, что такое печатный станок, и то количество литературы, которое хранится в моей голове... Да и мои

научные познания наверняка позволят привнести в риджийский быт много полезных вещей. К сожалению, я вряд ли сравнюсь с некоторыми книжными попаданками, которые невесть откуда знали всё на свете – от швейных премудростей до устройства двигателя внутреннего сгорания – и затевали техническую революцию, разом двигая средневековое королевство лет на шестьсот вперёд. Но я действительно знала многое.

Впрочем, обо всём этом нужно думать только в том случае, если я вдруг не вернусь домой. Вдруг.

– Проще показать на примере, – сдалась я. – Хочешь послушать мои любимые?

Лод кивнул, и я прокашлялась, стараясь не чувствовать себя на уроке литературы. Всегда смущалась и терялась, становясь объектом всеобщего внимания, а посему стихи из школьной программы я читала абсолютно отвратительно, пусть даже получая свои пятёрки.

Но общество Лода не заставляло меня ни смущаться, ни теряться. И ему я могла читать лишь то, что мне действительно хотелось прочесть. То, что мне действительно близко.

– *Ты твердишь, что я холоден, замкнут и сух. Да, таким я и буду с тобой,* – начала я: негромко, без намёка на театральный пафос, почти так же, как говорила, – *не для ласковых слов я выковывал дух, не для дружб я боролся с судьбой...*

Мне всегда нравился Блок. Этот стих – особенно. Отчасти из-за строк про открытую и детскую душу, которой суждено было сгореть. И когда я закончила, Лод ещё долго сидел, молча глядя куда-то поверх моего плеча.

– Да. Теперь я понимаю, – произнёс колдун потом: тихо и непривычно мягко. – А ещё?

Кто бы мог подумать, что наш мастер шахмат окажется ценителем поэзии.

Впрочем, про меня тоже вряд ли можно было такое подумать.

И я читала ещё. Про мертвеца, которому нелегко притворяться живым и страстным среди людей, про второе крещение, что обратило моё сердце в лёд, про ребёнка, плачущего о том, что никто не придёт назад. И пусть Лод не знал многого из того, о чём я говорила, но ничего не спрашивал, и я знала, что он всё понимает и так: интуицией, сердцем, душой, – стихи ведь совсем не обязательно осознавать разумом. А когда я закончила с Блоком, Акке принёс нам чай, и мы согрели ладони жаром глиняных кружек, сидя в бархатной полутьме; и дальше Лод слушал, как я рассказываю про пятерых коней, которых подарил мне мой друг Люцифер, и про лукавого дракона, что учит меня смиренью, и как тяжело жить, когда разум сносит глупости

хулу, и что жизнь лишь бездна зла. И пока в глазах колдуна, отливавших заморожённой зеленью, сияли отблески свечей, я поняла, что мне плевать и на мои глупые сомнения, и на то, что читать стихи положено мужчинам, и на то, что у нас с Лодом не было и не будет нормальной романтики. Ведь нашу романтику – редкую, странную, неправильную романтику – я не променяла бы ни на каких принцев с серенадами под луной.

В конце концов, я сама ненормальная. А потому нормальная – она же до чёртиков банальная – мне попросту не нужна.

Глава четвёртая

Король, Колдун, Принцесса, Советник

Наверное, если бы любого обитателя Мирстофа спросили, о чём ему напоминает королевский дворец, тот, не задумываясь, назвал какое-нибудь произведение кондитерского искусства. Особенно сейчас, когда солнечные лучи раннего утра обливали светлый замок абрикосовой глазурью. Тонкие башенки высились над столицей людей кристаллами из белого льда, но сказочное впечатление диссонансом тревожили траурные чёрные флаги на шпилях, печально скользившие по ветру.

И, конечно, никто из обитателей Мирстофа не различил бы с земли человека в белом, застывшего у окна одной из башен, задумчиво наблюдая за городом, который отдала в его власть.

Тихо было в Мирстофе, несмотря на ясный погожий день – один из последних подарков уходящего лета. Торговцы не зазывали покупателей в лавки звонкими криками, не шумела пёстрая толпа на брусчатых улицах; немногочисленный народ шёл по своим делам молча, с какой-то злой целеустремлённостью. Зато без устали звенели молоты в кузнях, а на площади перед дворцом маршировали солдаты, отбивая тяжёлыми сапогами ритм надвигающихся сражений.

Мирстоф вместе со всем королевством скорбел по своей любимой принцессе. И вместе с ним же готовился к войне.

Вздыхнув, Первый Советник Повелительницы Навинии – бывший и нынешний – потёр пальцами ноющие виски. Тоскливо подумал о пузырьке «Ночного покоя», лежавшем в ящике стола за его спиной. Проклятая старость, трижды проклятая бессонница... и ведь дозу снотворного не увеличишь. Сейчас ему как никогда нужен трезвый ум, а «Ночной покой», при всех его достоинствах, при большей концентрации усыпляет разум не только до пробуждения, но и после.

С раздумий о сне Советник перескочил на другие. Усмехнулся, когда цепочка ассоциаций привела его к мысли, показавшейся весьма забавной.

Насколько всё же двойственны иные вещи в подлунном мире! Взять тот же «Ночной покой»: безобидное снотворное, целительное лекарство, и оно же – при других обстоятельствах, в союзе с вином, в другое время тоже вполне безобидным – смертельный яд...

– Вы звали меня, вирт Форредар?

Когда его окликнули, Советник отвернулся от окна. Окинул взглядом молодого человека в чёрных одеждах, застывшего перед письменным столом в ожидании ответа.

– Да. Звал. – Старик, вздохнув, двумя пальцами погладил свою бороду. Седая и пышная, она доставала ему до средних пуговиц камзола, украшенного скромной золотой вышивкой. – Стайл, я слышал, ты собрался командовать авангардом.

– Если мне уготовано судьбой стать Повелителем, я должен быть достоин трона. И возглавить свой народ в этот тяжёлый час делом, не номинально. – В карих радужках юноши рассыпались зелёные крапинки, будто кто-то растёр сухой лист крапивы. – Тёмные лишили нас принцессы, а меня – чудесной девушки, которую прочили мне в жёны. Думаете, после этого я смогу просто отсиживаться позади всех, в безопасности?

Он был смуглым, темноволосым, и в устремлённом на Советника взгляде серьёзность мешалась с упрямой дерзостью.

Так похоже на Навинию...

Тяжело вздохнув, вирт Форредар подошёл к новоиспечённому наследнику престола. Положил морщинистую руку ему на плечо.

– Стайл, ты последний из рода Сигюр. – Ясные тёмные глаза смотрели на юношу с болью. – Мы не можем позволить королевству потерять ещё и тебя.

– Вы не можете точно знать, что Навиния мертва. И я до сих пор не могу понять, почему вы так спокойно отнеслись к тому, что Хьовфин решил судьбу нашей принцессы за нас.

– Повелитель эльфов принял мудрое решение, мальчик мой. Мудрое и тяжёлое. Переговоры, о которых говорили тёмные, – такая же ловушка, как восемнадцать лет назад. Дроу использовали наших венценосных детей как приманку, но итог был бы один. И если б мы пошли на поводу у тёмных, королевство осталось бы беззащитным. – Советник прикрыл глаза. – Я уже говорил тебе, как люблю Вيني. Несмотря на то как она обошлась со мной... Молодость и горячность всему виной, молодость и горячность. А я позволял ей слишком многое, и это было моей ошибкой. И теперь... – отняв руку от плеча юноши, он порывисто отвернулся, – в её гибели есть и моя вина.

Стайл смотрел, как он стоит, сгорбившись, в один миг потеряв горделивую аристократическую выправку. Просто старый, бесконечно уставший человек.

– В этом виновны тёмные, вирт Форредар, – произнёс Стайл потом, и молодое жёсткое лицо его заметно смягчилось. – И они одни.

– Мне осталось не так много лет, мальчик мой. И в эти годы... я не хочу увидеть, как погибает последний Сигюр. Я хочу увидеть, как ты занимаешь престол, как женишься и восстанавливаешь династию, как правишь страной, в которой наконец-то воцарился мир, а порождения зла больше не тревожат наш покой. – Советник медленно выпрямился. – Я прошу тебя... достаточно того, что ты отправляешься вместе с армией. Воины поймут тебя. Все поймут тебя.

– Вы не доверяете моему владению мечом, вирт Форредар? Или нашим магам? Я уверен, что мастерам Форсивской школы под силу разобраться с ловушками тёмных и прикрыть меня от любой опасности.

– Риск в любом случае велик. Риск, на который ты не имеешь права. – Когда Советник вновь повернулся к юноше, его глаза подозрительно блестели, а на правой щеке виднелся влажный след, терявшийся в пушистых усах. – Ты останешься в тылу, вместе с Хьовфином, и будешь командовать нашим народом. Так ты принесёшь своему королевству куда больше пользы, чем принесла бы ему твоя героическая гибель. Поверь.

Помолчав, Стайл всё же кивнул. С тяжёлым вздохом развернулся на каблуках:

– Покоряюсь вашей мудрости, вирт Форредар, хотя мне это и не по душе.

Советник задумчиво следил, как юноша покидает комнату. Отвёл взгляд на витражное окно в стрельчатой арке стены: солнце стучалось в него, дразнясь цветными лучами, расплывавшимися по каминной полке и креслам, отделанным белым бархатом.

– Хорошо, что хоть ты умеешь идти наперекор своим желаниям, мальчик мой, – пробормотал старик. – Значит, боги всё же присматривают за нами. И воистину... ничего не делают просто так. – Губы старого Советника исказил призрачный прикус горькой, бесконечно горькой усмешки. – Вот уже во второй раз.

* * *

Морти вошла, когда я сидела на постели и читала; но когда я подняла голову, выражение её лица заставило вежливое приветствие застыть на моих губах.

– И кем ты себя возомнила? – холодно осведомилась принцесса дроу, застыв на пороге лаборатории.

О, нет. Неужели она узнала... но это ведь были просто стихи! Просто

поцелуй руки, просто утешение, просто...

– Принцесса, я...

Движение её руки было почти неуловимым. Таким же, как блеск стали, который едва успел зафиксировать взгляд.

Когда лезвие метательного ножа вошло мне в грудь, я опустила взгляд. Посмотрела на чёрную рукоятку кинжала, вокруг которой по белой рубашке расплывалось багряное пятно крови. Моей крови. Забавно – кровь есть, а боли нет. Шок? Должно быть, шок.

И не только болевой.

Это определённо слишком безумно, чтобы быть правдой.

– Я позволяла Лоду держать тебя при себе. Влюблёнными девчонками легко манипулировать, а ты была ему полезна, – голос принцессы слышался приглушённо, точно в плохой записи. – Но ты перешла все границы.

Я медленно подняла глаза на лицо, которое ненависть и презрение исказили до неузнаваемости. Неузнаваемости...

Да. Потому что это было не её лицо. Я вообще не могла различить её лица – отчётливо, по крайней мере, – как не могла различить детали обстановки, которая меня окружала. Просто знала, что это лаборатория Лода. Что передо мной Морти.

А последнее, что я помнила, – как, пожелав колдуну хороших снов, ложилась спать...

И тогда я велела себе открыть глаза.

– Тише, тише. – Когда я, проснувшись, села в постели, Лод успокаивающе вскинул ладони. Он стоял рядом на коленях, будто ждал, пока я проснусь. – Я как раз хотел тебя будить. Опять кошмар?

Я кивнула, решив не вдаваться в подробности.

– Тогда помни, что это был просто кошмар, – он улыбнулся. – Нам пора выдвигаться в Мирстоф.

– Уже? – я торопливо откинула одеяло. – Хорошо, я соберусь быстро.

– Не сомневаюсь. Но сперва я хотел попросить тебя кое о чём.

Я посмотрела на него и, как это у нас часто бывало, угадала его мысли без слов.

– Ещё силы? Так и не восстановился после вчерашнего?

– Увы. – Лод развёл руками. – Если ты не захочешь, я пойму. Но тогда придётся повременить с вылазкой на пару дней.

Я помолчала, колеблясь.

Призрак вчерашних сомнений, подкреплённый недавним сном, нашептал на ухо ответ, который я вряд ли выдала бы в другой ситуации.

– Прости, но, кажется, я сама ещё толком не восстановилась. Поэтому лучше повременить, – как можно более виновато произнесла я, внимательно следя за его реакцией. – В конце концов, Алья ведь сказал, что день-другой терпит.

Мгновение колдун просто смотрел на меня.

Потом сжал мои ладони в своих, и в жесте этом не было ни капли ласки.

– Ну и ладно, – руки Лода просветило знакомое золотое сияние. – В конце концов, твоё разрешение мне ни к чему.

Я изумлённо дёрнулась, но серебряное кольцо на шее сжалось, лишая способности сопротивляться.

Нет, не может быть, чтобы все мои опасения...

– Я не хотел доводить до этого, – равнодушно произнёс Лод. – Извини.

Я сидела, застыв, из-за ошейника не в силах даже отвести взгляд...

...и тут вспомнила, что ошейник сняли с меня давным-давно.

Давление на шею исчезло одновременно с Лодом, который просто растворился в воздухе: позволив увидеть, что в том самом кресле, где перед сном я читала колдуну стихи, сидит Акке.

– Занятные кошмары, – бесстрастно заметил иллюранди.

Я вскинула руки к шее. Поняв, что на ней нет серебряного кольца, поднялась на ноги.

– Я ведь всё ещё сплю, верно?

– Да.

Могла и не спрашивать. Странные, приглушённые ощущения говорили сами за себя. Как и окружающая обстановка. Казалось, меня каким-то образом занесло в картину, на которой пытались изобразить лабораторию колдуна, только вот художник допустил многочисленные неточности: стол идеально чистый, кресло немного не такое, стены чуть темнее...

И отсутствующий Бульдог не пачкал слюнями мою подушку.

– Если кошмары твоих рук дело... Я, конечно, не собираюсь и не могу ничего с тобой сделать, но просто знай, что я очень зла.

– Моих? – Акке тонко улыбнулся, не сводя с меня взгляда, в котором синева мешалась с серебром. – О, нет. Я вмешался только сейчас, когда всё зашло слишком далеко, – тонкие пальцы иллюранди царапнули подлокотник кресла ногтями, короткими и аккуратными, точно их сделали из матового стекла. – Это никуда не годится.

– Что именно?

– Твоя подозрительность. Ты слишком много думаешь. Слишком много сомневаешься. Слишком много боишься.

– И какое тебе до этого дело? – Я подошла к креслу, глядя на пепельное лицо Акке сверху вниз. – Зачем ты это делаешь? Зачем следишь за мной, зачем тогда показал мне сцены из прошлого, зачем сейчас со мной говоришь? Только не говори, что по доброте душевной.

Наверное, это сон придавал мне смелости. Освобождал от робости, правил приличия, мыслей о том, что нужно знать своё место. И сейчас я просто спрашивала всё, что хотела спросить.

А может, я просто и сама устала бояться: ведь я хотела услышать от него ответы не только на то, что спросила вслух.

– По доброте. Да только не к тебе, – тихий смех иллюранди окрасили шелестящие нотки. – Ты думаешь, тебе одной сейчас нужна поддержка и опора?

Вопрос меня удивил.

– Ты...

– Ты нужна ему. Твоя поддержка. Твоя вера в него. Сейчас Лоду тяжелее, чем когда-либо. А я, видишь ли, очень к нему привязан.

– Почему? Ты ведь просто его слуга.

Сейчас ответ на этот вопрос почему-то интересовал меня больше, чем то, что иллюранди сказал до этого. Наверное, потому что думать, что я и правда нужна Лоду – не по практическим соображениям, – казалось мне смешным.

– К твоему сведению, между слугой и господином зачастую устанавливается очень крепкая связь. Если господин достоин того, чтобы его любили. А Лод для меня... – демон рассеянно повёл рукой. – Ты ведь не знаешь, как рождаются иллюранди?

– Откуда?

– Я появился на свет таким, каким ты видишь меня сейчас. Как и все из моего народа. Мы не взрослеем и не стареем, и своих детей мы творим, отдавая часть себя, своей души... вкладывая эту часть в чужую тень. Тень кого-то из плоти и крови. Человека, дроу или эльфа – неважно, но только с его согласия.

Хм. Никогда бы не подумала, что гуманоидные существа могут размножаться вегетативно. Раньше я не задумывалась о том, что ни разу не видела женщину-иллюранди, – и лишь теперь понимала, что не могла их увидеть.

– То есть... вы оживляете чужую тень?

– Можно и так сказать.

– И что, после того, как вы забираете тень, человек перестаёт её отбрасывать?

– О, нет, конечно. Она восстанавливается. Все существа из плоти и крови обладают тенью, ведь таков порядок вещей. Но мы навсегда забираем какую-то часть его: его сил, его души. И эта часть накладывает на нас свой отпечаток. Незначительный, но всё же. Например, мы всегда очень привязаны к тому, кто поспособствовал нашему появлению на свет.

– Но ты не можешь быть тенью Лода. Ты ведь существовал уже во времена войны с Тэйрантом.

Акке мягко улыбнулся:

– Тенью Лода – нет. А чьей могу?

Мгновение я смотрела на него. Внимательно, стараясь не упустить ни одной детали. Его лицо – с впалыми щеками, узкими губами, тонким носом – вдруг показалось мне неправильным отражением кого-то другого.

Кого-то, кого я уже видела...

Кусочки мозаики встали на свои места в одно мгновение, заставив меня отступить на шаг.

– Ты... тень Ильхта?

– В точку.

Ха. Я бы даже сказала, ха-ха-ха.

Всё это время мне прислуживала тень Ильхта Злобного.

Какая ирония.

– Теперь ты понимаешь? – спросил Акке. – Поэтому я служу Миркрихэйрам. Поэтому привязан к Лоду как к родному. И это не просто слова. На моих глазах выросла его бабушка и его отец, и они тоже вызывали у меня чувства более чем тёплые... но среди всех Миркрихэйров Лод всё же стоит особняком. Наверное, потому что он первый потомок Ильхта, которым тот был бы действительно горд.

Интересно, сколько в Акке от Ильхта? Какие черты характера передались его тени? Унаследовала ли она воспоминания своего изначального владельца?

И то, что иллюранди показывал мне в прошлый раз, не была ли хотя бы часть этого его собственной памятью?

– Хорошо. Положим, я поняла, почему ты беспокоишься за Лода. Но я-то тут при чём?

– Потому что ты дорога ему и своими сомнениями терзаешь не только себя, но и его. Можешь даже не надеяться, что он их не чувствует. А уж опасения касательно Морти... не знаю, кем надо быть, чтобы ждать подвоха от этого безгрешного создания. Откровенно говоря, порой эта безгрешность даже раздражает. – Иллюранди иронично качнул головой. – От неё-то вся их беда.

– Какая беда?

На первой части его высказывания я снова решила не фокусироваться. Как бы забавно это ни казалось, но поверить в безгрешность Морти мне было куда проще, чем в мою великую ценность для Лода.

– Та, из-за которой ему нужна ты. А не она.

В следующий миг я поняла, что кресло опустело, и театральный скрип двери за спиной заставил меня обернуться.

– Тебе туда, – проговорил Акке.

Он стоял рядом с открывшимся проходом в библиотеку, приглашающим жестом указывая на тёмный проём.

– И зачем?

– Потому что там ты найдёшь свои ответы.

Исчез, оставив меня наедине с созданным им сном, – и, пожав плечами, я двинулась вперёд. Скорее потому, что ничего другого мне особо не оставалось, чем по другим причинам.

Библиотека изменилась. Не до неузнаваемости, конечно, но всё же. Исчез стол с волшебными цветами, а комната вытянулась длинным тёмным коридором. Книжные полки убежали вдаль, насколько хватало взгляда, порой образуя арки, в которых прятались полукруглые двери. Те были приоткрыты – все, и из-под них пробивались отблески тёплого сияния, служившего единственным источником света.

Поколебавшись, я подошла к первой же двери слева. Заглянула внутрь.

За дверью скрывалась до боли знакомая гостиная с круглым столом. И хотя в коридоре было абсолютно тихо, теперь я отчётливо слышала переливы струн и голос, звеневший в чарующей песне.

Они сидели вокруг стола, и четверо умещались в трёх креслах. Лоду вряд ли было больше пятнадцати: светлые волосы едва прикрывают уши, лицо гладкое, юное, совсем другое, но уже такое серьёзное. А вот серая мантия колдуна осталась неизменной, как и движения пальцев, перебиравших струны лютни с той же уверенной мягкостью, с которой чертили руны. Или это мандолина? Да, у лютни вроде гриф искривлённый, а у этой штуки прямой, как у гитары...

Алья пел, устроившись напротив. Мальчишка-подросток без королевского венца, без вечной язвительной улыбки на губах и холодности в янтарном взгляде, сейчас казавшемся таким тёплым и ярким. Темноволосая девочка-дроу с большими замороженными глазами устроилась на его коленях, внимая песне. Третье кресло занимала маленькая Морти в платье синего шёлка: она сидела, обняв руками колени, – уже не девочка, ещё не девушка, но и тогда не менее прекрасная,

чем в настоящем.

Алья пел, конечно же, на риджийском. Может, виновно было решительное и абсолютное отсутствие у меня музыкального слуха, но мне казалось, что пел он так же чудесно, как Лод играл. На риджийском слова звучали красиво, однако я не могла перевести их на русский стихами; юный Повелитель дреу пел что-то вроде «но когда оба они уходили с небосвода, непроглядный мрак ночи пугал их любимых детей. И поняли тогда солнечный бог и богиня луны, что придётся им расстаться навеки; и с тех пор Солир освещает мир днём, пока спит Тунгх, а Тунгх – ночью, пока отдыхает её возлюбленный супруг»...

А потом он замолчал, и Лод отнял руку от струн. Морти, улыбнувшись, зааплодировала, а маленькая принцесса Литиллия смешно шмыгнула носом:

– Поэтому эльфы спят ночью, а мы днём?

– Эльфы больше любят отца, который создал их, и вместе с ним трудятся днём и отдыхают ночью, – кивнул Алья. – А дреу, почитающие свою мать Тунгх, пробуждаются с уходом Солира и засыпают с его возвращением.

– Это очень грустная песня, – ёрзая на его коленях, заявила Лита. Здесь ей вряд ли было больше шести. – Мы вот живём под горами, и нам хватает колдовского света, и мы могли бы давать богам отдохнуть!

– Но эльфы-то не живут под горами. Как и люди. И лепреконы, – заметила Морти. – Их гораздо больше, чем нас, и они живут по всей Риджии. И им не хватит колдунов, чтобы всё осветить.

В её высказывании не было ни капли зависти или злобы. Одна лишь доброжелательность да, быть может, лёгкая грусть.

Видимо, ей уже тогда не хватало нимба над головой.

– Тогда почему в Риджии нет какого-нибудь третьего бога, который светил бы всем, пока Солир и Тунгх отдыхают? Неужели они так никогда и не смогут быть вместе?

– Они бывают вместе, Лита. Изредка, но бывают, – возразил Лод, опуская мандолину на колени. – Иногда на небосводе не видно ни солнца, ни луны, и это значит, что сейчас за краем земляного диска Солир и Тунгх отдыхают в объятиях друг друга. А иногда так сильна становится их тоска, что они встречаются прямо на глазах у своих детей.

Земляной диск... мда, Риджии явно не хватает научных открытий. Хотя наверняка кто-то из попаданцев потом просветил Лода о том, что планетам свойственно быть круглыми.

Впрочем, после всего, что я здесь повидала, и вспоминая книжную

серию одного английского сказочника, любившего банановый дайкири, – даже интересно, не может ли этот мир действительно быть диском.

– Поэтому каждый ребёнок, рождённый в час солнечного или лунного затмения, отмечен благословением богов. Как Лод, например, – лукаво добавила Морти. – Он родился в ночь, когда солнце закрыло луну.

– Это поэтому он знает всё на свете?

В ответ на вопрос Литы старшие одновременно рассмеялись. И смотреть на эту троицу, такую маленькую, такую дружную, такую непохожую на себя теперешних, было... грустно.

А ведь здесь они уже пережили смерть родителей. Но не это заставило их ожесточиться. Не это – и не сейчас.

– Нет, Лита, я точно знаю не всё, – весело заметил Лод. – Пока нет, во всяком случае.

Маленькая принцесса не ответила: она смотрела на старшего брата, и лицо её вдруг сделалось очень серьёзным.

– Братик, а когда я вырасту, ты разрешишь мне выйти замуж за Лода?

Вопрос заставил Лода поперхнуться воздухом, а Алью – залиvistо расхохотаться.

– Почему ты смеёшься? – обиженно проговорила Лита. – Я не шучу.

– Что это я, верно, – осекшись, принц дроу всем своим видом выразил глубокое сомнение. – Ну, если он соизволит взять в жёны непослушную девчонку, которая постоянно отказывается доедать свой обед...

– Мясо я всегда ем! А остальное просто не хочу!

– А мнение Лода вначале спросить не пробовала? – с улыбкой поинтересовалась Морти.

– Я и так знаю, что он согласен! Он меня любит, он сам говорил! – Проворно прыгнув с колен брата, маленькая принцесса подбежала к юному колдуну. – Ты же согласен, Лод?

Она заглянула ему в глаза с такой искренней умильной надеждой, что тот, не задумываясь, кивнул с шутливой торжественностью:

– Разве может скромный придворный колдун в здравом уме отказаться от подобной чести? Если не передумаешь, когда вырастешь, – я ваш, прекрасная принцесса.

Лита просияла.

В этот миг я догадалась перевести взгляд на Морти. И прежде, чем комнату затопила непроглядная чёрная мгла, поглотив и звуки, и гостиную, и сидевших в ней, успела заметить пристальную, совсем не детскую задумчивость, с которой старшая принцесса дроу смотрела на лицо Лода.

Не требовалось подсказок или пояснений, чтобы понять: здесь мне

больше делать нечего. Отстранившись от двери, тут же закрывшейся, я пошла вперёд, пока не достигла следующей арки, зовущей меня узкой полосой света.

За этой дверью тоже была гостиная башни колдуна. Только теперь я смотрела на неё с другой стороны, словно стояла на последней ступеньке ведущей в башню лестницы. И за столом, спиной ко мне, в гордом одиночестве сидела за шахматной доской я сама.

Какое-то время я недоумённо смотрела на свою встрёпанную тёмную макушку. Собственно, кроме длинных волос да белой рубашки, отсюда больше было ничего не разглядеть, остальное скрывала спинка кресла. Другая-я сидела тихо и задумчиво, поставив локти на стол – видимо, подпирала подбородок ладонями, – явно напряжённо думая о чём-то.

Зачем Акке показывает мне...

А потом я поняла, что мои волосы никогда не были такими блестящими и ухоженными. И клетчатая доска, покоившаяся на круглом столе – не шахматы, а скаук.

– С чем мучаешься на этот раз?

Казалось, Морти вышла из стены рядом со мной. Задав вопрос, она подошла к креслу, и девочка, сидевшая в нём – девочка, которая была вовсе не мной, – наконец обернулась.

– Лод сказал решить эту задачу за десять ходов, – хмуро заметила Лита. Ей было уже лет двенадцать: маленькая темноволосая копия сестры. – Никак не получается.

– Ну и оставь её тогда.

– Не могу! Я хочу его победить. Честно. Когда он не поддаётся.

– Душа моя, даже Алья уже смирился, что в скауке Лода не одолеть, – засмеялась Морти. Она тоже повзрослела, и платье сменили привычные мне бриджи. – Зачем тебе это?

Младшая принцесса упрямо сжала губы.

– Просто. Хочу... быть с ним на равных. Чтобы он воспринимал меня всерьёз.

Морти помолчала; я не видела её лица, но мне очень хотелось посмотреть, что отражается на нём сейчас. Потом принцесса погладила сестру по волосам – и я отступила от двери одновременно с тем, как комната утонула в черноте, намекая, что представление окончено.

Следующей снова была гостиная. Лита сидела в кресле, глядя в раскрытую книгу, лежавшую на столешнице, внимательно слушая объяснения Лода. Тот, устроившись рядом, что-то тихо говорил ей, ведя пальцем по строчкам; ему должно было уже исполниться не меньше

двадцати, но с гладко выбритыми щеками Лод всё ещё выглядел мальчишкой.

– Всё равно не понимаю, зачем это ей, – заметила Морти.

Они с Альей стояли поодаль, по очереди метая ножи в мишень на стене. Мимо десятки периодически промахивались оба – пока ещё, – да и нож приходилось выдёргивать. Когда я наблюдала аналогичную сцену в реальности, оружие само возвращалось Морти в ладонь.

– Хочется ребёнку. – Аля пожал плечами, и от нежности в его голосе у меня ком встал в горле.

– Неужели ей своего образования недостаточно?

– Между прочим, я всё слышу, – сказала Лита.

– Даже не сомневалась. Зачем тебе учить магию, если ты не маг?

– Просто хочу знать.

«Просто хочу знать...»

Вспомнив день, когда Морти задала мне тот же вопрос, получив тот же ответ, я рывком отстранилась от двери.

Дальше я шла, заглядывая в каждую комнату лишь мимоходом. В том, чтобы задерживаться, уже не было нужды. И видела, как Лита раздражённо стучит кулачком по столу, в очередной раз проиграв Лоду; как возится с Бульдогом, совсем ещё щенком, умильно подставляющим пузо под её ладонь; как стоит, потупив глаза, пока Аля яростно отчитывает её за вылазку из-под гор.

– ...так ещё и кольцо снимаешь!

– А иначе ты вернёшь меня обратно под горы, как только тебе померещится опасность, я же знаю! И опасность тебе в каждой тени мерещится!

– Неужели ты не понимаешь, что с тобой сделают светлые, если поймают? – Аля держал сестру за плечи, и на этих словах потрянул её так, что голова девочки беспомощно мотнулась. – Дождёшься, что я велю Лоду ошейник на тебя надеть!

– Но я же осторож...

– Никаких «осторожно»! Никогда больше так не делай. Никогда. Ради меня. Слышишь?

– Ладно, ладно, братик. Не буду.

– Обещай. Пообещай мне.

– Обещаю.

Отзвуки диалога летели мне в спину, пока я удалялась от двери.

Я уже знала, что Лита не сдержала обещания. И в очередной комнате вместо неё увидела одного лишь Алью, который сидел в знакомом чёрном

кабинете. Сидел над какими-то бумагами, но смотрел не на них, а в стену.

И по его взгляду я поняла, что больше Литу не увижу.

У этой двери я задержалась. Не зная, почему, почти против воли, ведь глаза принца – тусклые, застывшие, мёртвые – вызвали у меня почти физическую боль. В лице дроу уже не было ни тепла, ни мальчишества. Ни капли прежнего его.

Потом из тени за его спиной вышел иллюранди. Не Акке, другой, незнакомый. И обратился он не ко мне, а к Алье.

– Повелитель, разведчики вернулись. У них пленник.

Тот не шелохнулся и не обернулся. Даже взгляда не перевёл. Просто уточнил:

– Шпион?

Абсолютное бесстрашие Повелителя проняло меня такой жутью, какой не проняла бы ни одна истерика.

– Нет, просто девушка. Полукровка, травница. Прикажете Лоду заняться ей как обычно?

Алья долго молчал. И взгляд его почти не изменился.

Почти.

– Нет, Йон. Скажи, что сначала я сам на неё взгляну.

В его глазах мелькнул отблеск той звериной жестокости, с которой я познакомилась, только прибыв в Риджию, – и, отпрянув от двери, я заторопилась дальше.

В следующую комнату я заглядывала с опаской, но там был только Лод, который сидел за круглым столом с незнакомой светловолосой девушкой. Человеком.

В ошейнике.

– Я не знаю, почему ты не можешь вернуться в свой мир. Не знаю, почему прореха не принимает тебя. Но если у нас не получилось на третий раз, вряд ли четвёртый что-то даст, – устало говорил колдун. Здесь он уже щеголял лёгкой небритостью, куда больше походя на нынешнего себя. – В погоне за несбыточным я и так продержал тебя здесь слишком долго. Думаю, лучше всего вернуться к тому варианту, что я предлагал с самого начала. Стереть тебе память и оставить в каком-нибудь городе светлых, и тебя примут за...

– Нет, – тоненьким голоском отрезала девушка. – Я не хочу.

– Поверь, так будет лучше. Для тебя самой. Здесь ты рабыня, и каждый дроу имеет право сделать с тобой всё, что угодно, а там...

– Я не хочу забывать тебя.

Лод, осекшись, посмотрел на неё недоумённо и пристально. Как и я.

Идеальное кукольное личико, зеленоватая серость упрямых отчаянных глаз...

Так вот какая ты была, Лена, попаданка номер два. И впрямь до смешного похожа на Кристу. Такое ощущение, что прореха, перекраивая вас по своему разумению, дала вам многое, но при этом лишила какой-то... индивидуальности. Неповторимой и важной части вас.

Может, и хорошо, что я не подверглась её «обработке».

Продолжение этой сцены я тоже смотреть не стала. И без того знала, что будет дальше, а наблюдать отповедь Лода мне не слишком хотелось. Поэтому я просто перешла к следующей комнате.

Где колдун, застыв перед столом в чёрном кабинете, тихо просил принца:

– ...она просто глупая импульсивная девочка. Не делай этого, Алья. Прошу.

– Ты предлагал ей уйти от нас по-хорошему. Так, чтобы не подставлять дроу под удар, наилучшим образом и для неё, и для нас. Но она решила уйти сама – по-плохому. И в её безмозглой головке было столько информации о нас, что светлым вышел бы чудесный подарок, – голос Повелителя дроу был непреклонным и ледяным. – Нет, спасибо. Если уж она так хочет послужить подарком кому-то, я предпочту подарить её своей гвардии.

– Дай мне сделать это сейчас. Стереть ей память и...

– Поздно. Я долго проявлял милосердие, хотя ничем не был ей обязан. Как и ты. Я даже думал, что в конце концов сниму с неё ошейник, если уж она тебе так приглянулась: тебе ведь нужна пара, не то маги под горами совсем переведутся. И чем она отплатила нам за это? А раз она не нравится и тебе, я забираю её. Для общего блага, и даже не проси меня сжалиться. – Алья, сидя за столом, холодно усмехнулся. – В следующий раз присматривай за своими зверушками получше. А ещё думай, что им говоришь. Я бы на твоём месте воспользовался её щедрым предложением: в итоге все были бы довольны.

– Я...

– И чего ты от всех нос воротишь? Половина достольсинс^[8] Морти на тебя заглядывается, а ты ходишь неприступной скалой. Я думал, дело в расовых предпочтениях, но тебе и человечка не приглянулась. Только не говори, что тебе вообще девушки не по нраву. Я переживу, конечно, но...

– Просто мне давно приглянулась другая. Та, которой всё равно никогда не быть моей, – Лод выплюнул это с такой горечью, с таким отчаянием, что стало ясно – он носил это в себе очень давно. – Ты первый

скажешь мне, чтобы я не смел даже смотреть на неё.

Алья вскинул бровь. И, как ни странно, незамедлительно задал правильный вопрос.

– Что, неужели Морти?..

Лод промолчал, и Повелитель дроу расхохотался. Громко, заливисто, торжествующе: эхом искреннего смеха, каким он смеялся в детстве.

– Так это действительно Морти! – он вскочил на ноги. – Друг мой, ты совсем с ума сошёл! Нет, не потому, что выбрал её – потому что выдумал моё неодобрение.

– Я думал, ты...

– Шутишь? Это лучшее, что я услышал за последний год! Хоть какая-то радость в жизни! – Алья порывисто шагнул к нему. – Да, её помолвку не разорвать, и ты знаешь причины не хуже меня. Но я не желал бы своей сестре лучшего хальдса. И я подозреваю, что раз Морти до сих пор не выбрала никого на эту роль, то она положила глаз на кого-то, кто притворяется неприступной скалой. – Дроу сердечно хлопнул колдуна по плечу. – Мне с ней поговорить? Или предпочтёшь сделать это сам?

На лице Лода я различила недоверие, облегчение и другие чувства – трудноопределимые, самые разные... и, тихо отступив от двери, снова пошла вперёд.

Нет, Лу. Ты неправ. Сердце у Лода есть – просто ты, наверное, не видел тех моментов, когда он снимает свою маску и даёт этому сердцу волю. Я и то почти не видела.

До этого момента.

У каждого своя броня, которой он защищается от жестокого мира. У Фрайна и Фаника – улыбка, искренняя и светлая, а у Лода... бессердечная. Ведь чувства – слабость, и, обнажая их, ты всегда подставляешь себя под удар. Показываешь свою уязвимость. И можно ли тогда винить того, кто прячет эту уязвимость от окружающих?

Куда хуже приходится тому, кто прячет её от самого себя.

В очередной комнате, незнакомой мне – должно быть, она располагалась в башне Повелителя, где я пока не бывала, – Лод стоял на одном колене, как присягающий рыцарь, и как рыцарь прижимал ладонь Морти к своим губам. Взгляд, которым он смотрел на принцессу снизу вверх, сиял таким незамутнённым счастьем, которое я видела в глазах колдуна только раз. В день, когда мы впервые сыграли в шахматы.

Этот взгляд тоже вызвал у меня почти физическую боль, только совершенно иного рода. За которую я себя почти ненавидела.

– Но я никогда не буду твоей женой, – кажется, Морти дрожала:

бледная, растерянная, такая, какой я ни разу не видела её наяву. – Никогда не рожу тебе детей. Ты действительно...

– Мне нет до этого дела.

– Но когда я стану женой Лу...

– Я никогда тебя не оставлю. Я всегда буду любить тебя, и тебя одну.

Клянусь.

Он говорил это так горячо, так твёрдо, так искренне, что я, сглотнув, отвернулась. И, стоя во тьме между книжными полками, пыталась понять, зачем иллюранди показал мне это.

Вернее, нет. Я понимала. Только принять это было нелегко.

Оставалось всего две двери, справа и слева, и ещё одна, в конце коридора: теперь я видела этот конец. Должно быть, там я проснусь... ну да, пора бы.

Я медленно побрела к той арке, что звала меня с правой стены.

Что ж, наверное, Лоду я и впрямь небезразлична. Но если он видит во мне лишь тень маленькой девочки, которая когда-то была в него влюблена, мне никогда не тягаться с Морти, в которой он видит совсем другое.

В эту дверь, предпоследнюю, я заглянула уже как-то вяло. Без надежды на что-либо. И комната оказалась той же, что в предыдущем видении: тёмно-фиолетовые тона, изящная мебель с гнутыми ножками, широкая кровать с бархатным балдахинном. Должно быть, спальня принцессы.

Морти сидела на постели, спиной ко мне. Лод вошёл спустя пару мгновений – совсем такой, каким его привыкла видеть я. Должно быть, это экскурс в событие, которое произошло незадолго до того, как я пришла в Риджию; может, даже после. Колдун аккуратно прикрыл за собой дверь, но на щелчок замка принцесса не обернулась. И Лод зачем-то застыл на пару мгновений, прежде чем приблизиться. Лицо его было спокойным, и лишь в движениях сквозила странная неуверенность.

Морти не обернулась, даже когда за её спиной колдун присел на край кровати.

– Прости, – мягко произнёс Лод, касаясь её плеча кончиками пальцев. – Прости меня. Я...

К моему изумлению, принцесса отпрянула от его руки, словно от раскалённого железа.

– Не трогай меня, – тихо, через силу выдавила она, прежде чем наконец повернуть голову.

Её лицо – с мокрыми щеками и красной паутинкой в заплаканных глазах – оказалось для меня ещё одной неожиданностью.

Лод ничего не ответил. И ладонь его так и застыла в воздухе, словно готовясь вычертить руну. Но по тому, насколько закрытым сделался его взгляд, я поняла: только что ему сделали очень-очень больно.

– Морти...

– Как ты мог? – голос принцессы был негромким и чуточку сиплым. Видимо, плакала она долго. – Я просила тебя. Я умоляла тебя. А ты предпочёл моей просьбе свою жажду крови.

– Артэйз не только нарушил закон, но и перешёл все мыслимые грани. Ты считаешь, я мог поступить иначе? – вопрос Лода прозвучал вежливым уточнением. – В своё время я пощадил Сумэйла. Одни боги знают, что мне хотелось с ним сделать, однако я пощадил его. Вняв твоей просьбе.

– Сделать с ним то, что ты сделал, – это ты называешь пощадой?!

– Да. По моему мнению, Мэй заслужил как минимум испытать на своей шкуре всё, что проделал с той девочкой. Но Артэйза я должен был наказать, и наказать жестоко. Чтобы больше никто не осмелился повторить то, что сделал он. Если б я пошёл у тебя на поводу, другие бы уверились, что всегда смогут уйти безнаказанными – ведь Первый Советник таёт, если его хорошенько попросит его любимая принцесса, а принцесса такая добрая, такая...

– Ты убил брата моего будущего мужа. Мальчишку, который рос на наших глазах. На твоих глазах! На его душе не было столько грехов, чтобы... он не заслужил смерть!

Казнь. Казнь Артэйза. Вот что я вижу: что было после неё, что делал Лод, когда оставил меня в башне и пошёл к Морти.

Со словами «она поймёт».

– И кто будет следующим, Лод? Скажи мне. Скажи! Если я обижу твою куклу, меня ты тоже «накажешь»?

Колдун вздрогнул так, точно принцесса его ударила. И, кажется, Морти поняла, что перегнула палку: замолчала и замерла, тяжело дыша.

Но было уже поздно.

– Значит, ты можешь допустить мысль об этом? Спустя все эти годы?

В его голосе зазвучала горькая, бесконечно горькая ирония. словно в глубине души он презрительно хохотал – над собой. А принцесса молчала, явно не находя ответа.

Впрочем, она уже ответила. Ещё до того, как колдун задал вопрос.

– Ты права. Конечно, я должен был простить Артэйза. В конце концов, он же... как ты там сказала... *мальчишка*. Несмышлёный и глупенький. Всего-то двадцать годков от роду. В таком возрасте никто не ведаёт, что творит. Ещё и брат твоего прекрасного Лу. И как я посмел его не

пощадить? Он ведь хотел убить всего-навсего... как ты выразилась... ах, да, мою куклу. Не меня же, не кого-то из дреу. Мелочь, да и только. – Лод говорил медленно, задумчиво, с издевательской рассудительностью. – Может, в этом всё и дело? В Сноуи? Может, после всего, что она говорила в бреду, ты была бы рада, если б она умерла? А тут такой чудесный...

– Нет, – Морти резко повернулась к нему. – Боги, нет! Ты знаешь, что она мне нравится. Ты знаешь, кого она мне напоминает.

– Но она – не Лита. И не слишком-то на неё похожа, откровенно говоря. Цвет волос и пара привычек не в счёт. Так с чего тебе питать к ней добрые чувства? Особенно сейчас?

– Для вас с Альей, может, и не похожа. А я имею право на свои милые иллюзии.

Наверное, с минуту они просто смотрели друг на друга. И ни один не решался ничего говорить: видимо, боясь породить лишнюю трещину в том, чему они и так нанесли основательный удар всем, что сказали и сделали.

Первой не выдержала принцесса, подавшись вперёд, чтобы крепко обнять того, кто так и сидел на краю кровати.

– Мои просьбы... я делала это не ради себя, Лод. И не ради Лу. Я делала это ради тебя. Я думала, ты поймёшь. – Она говорила глухо и тихо, почти ему на ухо, но я почему-то отчётливо слышала каждое слово. Видимо, ещё одна условность сна. – Я боюсь за тебя. Боюсь, во что ты можешь превратиться, если продолжишь идти по той же дороге.

Лод откликнулся не сразу. И не сразу обнял принцессу в ответ.

Но всё-таки обнял и ответил.

– Я понимаю. Можешь не беспокоиться, – когда он заговорил, в его голос вернулась прежняя мягкость. – Я никогда не стану таким, как Ильхт.

– Я должна больше верить тебе. – Морти опустила голову, уткнувшись лицом ему в шею, словно желая спрятаться от собственного стыда. – Скажи, это очень странно, что я так и не могу до конца сделать это – поверить? Что боюсь тебя, хотя ты всегда был так добр ко мне? Ко всем, кто тебе дорог?

– Наверное, на твоём месте я бы сам себя боялся, – в словах Лода сквозила печаль. – Но я скорее умру, чем причиню тебе вред.

– Знаю. Знаю. Прости.

Дальше они просто сидели, обнявшись. И молчали так долго, что я уже отступила от двери, когда Морти вдруг вскинула голову.

– Что ты будешь с ней делать? – она смотрела в пустоту за спиной колдуна. – Теперь, когда знаешь, что она чувствует?

Мне не требовалось слышать имя, чтобы понять, о ком речь.

– Ей некуда идти. У неё нет никого, кроме меня. Её боль в любой момент может поглотить её с головой. – Лод говорил без нежности, без намёка на особенные чувства: просто излагая положение вещей. – Отдалять её от себя всё равно, что убить её.

– Это верно, – Морти задумчиво кивнула. – И никто из нас не хочет повторения прошлой истории.

Я ждала, что он скажет «да». Подтвердит, что подыгрывает мне из жалости, так же как когда-то подыгрывал маленькой девочке, которая была ему небезразлична. Но он ничего не сказал.

И его молчание само по себе сказало о многом.

Лицо Морти вдруг сделалось непроницаемым.

– Ты ведь привязался к ней. Куда больше, чем к предыдущей, – из голоса принцессы тоже исчезли намёки на любые чувства. – Твоя любимая кукла, так похожая на тебя самого... и вот уж кто ни капельки тебя не боится.

Лод всё молчал. Я уже вновь собралась уходить, когда он всё-таки разомкнул губы.

– Насчёт неё тоже можешь не беспокоиться, – негромко и очень ровно произнёс колдун. – Я клялся, что ты всегда будешь моей единственной.

Морти не откликнулась. Лишь прикрыла глаза со странной обречённостью, и губы её судорожно дрогнули.

Но когда Лод, отстранившись, заглянул ей в лицо, она встретила его взгляд спокойно.

– Ты ведь веришь мне? – спросил он. – Хотя бы в этом?

Слегка улыбнувшись, Морти взяла его лицо в свои ладони.

– Мой милый, верный, честный Лод, – и едва заметно качнула головой. – Я знаю, что ты никогда не унижался и никогда не унизишься до того, чтобы мне лгать.

После оба растворились во тьме, оставив меня в ней же. Наедине с моими мыслями, в которых, откровенно говоря, царил полный бардак.

Я даже не пыталась в них разобраться. Не сейчас, по крайней мере. Поэтому просто подошла к последней двери.

И вернулась туда же, откуда пришла.

В лаборатории было неожиданно темно: горела лишь одна свеча, на столе, за которым сидел Лод, тихо царапая что-то пером на пергаменте. Во сне я отчётливо различала всё, что тонуло в тенях и сонном мраке вокруг колдуна, и прекрасно видела себя, свернувшуюся калачиком на постели у давно потухшего камина. И на сей раз это точно была я.

Вскоре после переселения в лабораторию колдуна я начала спать в

одежде. В бриджах и рубашке, по крайней мере. Снимала только чулки. Как и ожидалось, предосторожность не была напрасной – другая я лежала без одеяла. Оно неведомым образом безнадежно сползло с меня, собравшись огромным комом ближе к полуголым ногам, которые моя копия поджала под себя. Видимо, замёрзла. Впрочем, когда ком подозрительно вздрогнул, точно под ним кто-то ворочался, я догадалась о причинах, почему одеяло убежало от меня.

Значит, Бульдог не целую ночь коротает на моей подушке...

Как раз в этот момент Лод, отложив перо, откинулся на спинку кресла. Лениво потянулся, вскинув руки вверх. Оглянулся.

Нахмурившись, встал.

Опустившись на колени рядом с постелью, колдун осторожно, но без особых церемоний вытряхнул из одеяла Бульдога. Укрыл меня – я даже не заворочалась, не то что не проснулась: всегда спала крепко. Посмотрел на пса, обиженно усевшегося у меня в ногах.

– Нет, приятель, так дело не пойдёт, – погрозив Бульдогу пальцем, сурово прошептал Лод. – Завтра же отправляешься, откуда пришёл. Тем более паппей уже давно не проблема.

Тот пренебрежительно фыркнул и лёг, где сидел, демонстративно повернувшись к колдуну хвостом, но Лод уже смотрел на меня. Долгим взглядом, который трудно было понять.

Склонившись ближе, Лод протянул руку к моему лицу. Убрал ото рта длинную тёмную прядь, которую я закусил во сне. На секунду задержал пальцы у щеки, словно желая коснуться – и, не коснувшись, отвёл ладонь.

Простые, ничего не значащие движения... если бы не ощущение, что каждое – через себя.

– Сноуи, Сноуи...

Он выдохнул слова так тихо, что их можно было принять за шёпот ветра. Или голос листьев – не сухих, шуршащих громко и беспардонно, а живых, рождающих деликатный шёлковый шелест. Улыбнулся с той же горькой иронией, в которой так хорошо читалось его презрение к себе.

Мрак поглотил его в тот миг, когда он поднялся с колен: оставив меня одну перед выходом в настоящее, гостеприимно приоткрывшим дверь мне навстречу.

Я долго стояла на месте, не решаясь шагнуть туда. Даже думать ни о чём не решаясь.

– Как я могу знать, что всё это правда? – спросила я потом, обращаясь к черноте вокруг. – Ты мог просто показать мне то, что я хотела бы увидеть. Просто потому, что Лод тебя попросил.

В ответ чернота рассмеялась голосом Акке.

– Ты неисправима, – иллюранди не показался, но голос его зазвучал так близко, будто он стоял рядом. Наверняка всё это время незримо шёл за мной по пятам. – Но даже если б я делал это, потому что он попросил – разве это уже не значит, что ему не всё равно, что ты о нём думаешь?

Я помолчала. Взявшись за край двери, приоткрыла её шире и, даже не глядя, что ждёт меня за ней, скользнула внутрь.

В следующий миг я уже смотрела в потолок лаборатории. Лёжа. Наконец-то – наяву.

Сев в постели с отчётливым чувством дежавю, я посмотрела на Лода. Он устроился за столом, будто перекочевав туда из последнего видения, и моё пробуждение от него не укрылось.

– Привет, – колдун рассеянно и приветливо оглянулся на меня. Одной рукой он сжимал перо с чернильным кончиком, другой придерживал лист пергамента. – В вашем языке есть другие слова, которые означали бы «блаженство»?

Я смотрела на колдуна, в кои-то веки чувствуя, что плохо соображаю. Голова шла кругом, и виной тому явно было не только недавнее пробуждение.

– Привет, – я отвечала скорее машинально. – Синонимы «блаженства»? Ну... счастье, эйфория, наслаждение... нирвана, может быть...

– Нирвана? – прикусив кончик пера, Лод кивнул. – Спасибо.

Не сказав больше ни слова, он принялся черкать что-то на пергаменте. А я не стала спрашивать, к чему вопрос. Откровенно говоря, он даже странным мне не показался – было просто не до того. Мысли медленно, но верно успокаивались, словно речная муть, оседающая на дно; и по мере того, как они успокаивались, я всё отчётливее понимала, что хочу сделать.

Хотя нет. Что *должна* сделать.

– Смотрю, ты занят, – проговорила я. – Не против, если я позавтракаю одна? Не хочу тебе мешать.

– Ты не помешаешь, – выведя на пергаменте последнюю вдохновенную закорючку, Лод отложил перо. – Я как раз закончил.

Ответ заставил меня отчаянно вцепиться пальцами в одеяло.

Не могу я сейчас завтракать. Не могу. Я должна найти ответы на те вопросы, что жгли сознание большими калёными буквами. Найти подтверждение тому, что это было реально – то, что я видела. Как можно скорее. И без его помощи.

Для верности.

– Лод, мне... мне надо побыть наедине с собой.

Посмотрев на меня, он резко посерьёзней:

– Что случилось?

– Плохие сны. – Я поколебалась и, внимательно глядя на него, всё же соврала: – Мне снился дом.

– О. – Лод помолчал. – Понятно.

Во взгляде колдуна, кроме внезапной печали, я различила лишь что-то, очень похожее на сочувствие.

Нет, либо он действительно не знает, что на самом деле снилось мне этой ночью, либо изумительно прикидывается.

– Я просто немножко посижу одна. Внизу. А потом вернусь. Ты не против?

– Ты вполне можешь использовать спальню.

– Нет. Мне там неуютно. Я уже привыкла к гостиной. Может, в шахматы поиграю, чтобы отвлечься. Можно?

– Тебе не нужно спрашивать у меня разрешения на подобное.

Благодарно кивнув, я натянула чулки и, обувшись, быстро прошла в ванную. Наспех умывшись, выскочила обратно. Неловко улыбнувшись в ответ на его пытливый взгляд, спустилась в гостиную.

На моё счастье, никого из светлых там не было, так что я, не теряя времени, просто стянула с пальца кольцо, сунув его в карман бриджей. И негромко позвала:

– Акке.

Иллюранди вынырнул из тени так быстро, словно только этого и ждал.

– Да?

За его обычным вежливым поклоном чудилась насмешка, но мне было всё равно.

– Я должна поговорить с принцессой. Наедине. Я могу это сделать?

Иллюранди посмотрел на меня долгим, самую капельку любопытным взглядом.

– Сейчас узнаем, – сказал он, прежде чем снова исчезнуть.

От нервозности я прикусила костяшку большого пальца. Передумав, переключилась на кончик ногтя, косясь то на лестницу, то на дверь.

Что я делаю? В кои-то веки действую, почти не думая. Ужасно. Подумаешь, сняла кольцо. Если Лод захочет проверить, как я, и ничего не увидит, это наверняка заставит его спуститься в гостиную и – если сейчас у меня всё получится – своими глазами убедиться, что там никого нет.

Но я и правда устала бояться. Сомневаться. И постоянно думать, пожалуй, тоже.

– Принцесса у себя. Одна, – доложил Акке, вернувшись. – Я могу проводить тебя к ней. Предупредить о визите?

– Нет. Не надо, – я решительно опустила руку. – Просто веди меня.

До башни Повелителя добрались быстро. Дорогой встретили троих гвардейцев Альи, но те, завидев меня, отвели глаза и молча прошли мимо. Даже не знаю, что заставило их это сделать: память об участии Артэйза – или то, что передо мной шёл, словно скользя над полом, слуга Лода.

Перед дверью в башню, которую Акке услужливо распахнул, охраны не было. Поэтому я просто шагнула на первую ступеньку лестницы, отделанной чёрным мрамором, отражавшим сияние свечей, и поднялась наверх. Когда ступеньки закончились, с опаской заглянула в открывшуюся арку, но в круглой комнате никого не было. Стены и потолок покрывала серебряная роспись по сливовому шёлку, в тон обивке кресел, расставленных вокруг пустого овального стола. Кроме них в покоях был лишь камин да две двери, к одной из которых меня и подвёл Акке.

– Она здесь, – произнёс иллюранди, прежде чем отступить в тень. – Когда захочешь вернуться, позови.

– Ты и так узнаешь, когда я захочу вернуться. В жизни не поверю, что ты не будешь следить за нашим разговором.

Он только улыбнулся, тая во мраке.

Коротко выдохнув, я постучалась и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь.

Это была не та комната, в которой Морти говорила с Лодом. В более светлых тонах, с книжным шкафом у одной стены и каменным очагом у другой. Напротив очага приткнулся небольшой стол. За ним и сидела принцесса, встретившая меня донельзя удивлённым взглядом.

– *Сноуи?* – она поднялась на ноги. – Что ты здесь делаешь?

В комнате было тепло, почти жарко: в очаге трещал огонь, и на нём грелся небольшой котелок. На столе серебрились маленькие весы коромыслом, подле них – ножик с костяной рукояткой, рядом расположились прозрачные сосуды с порошками и жидкостями и кучки трав, сухих и свежих. Видимо, Морти готовила очередное зелье.

– Что? – мягко повторила принцесса. – Скажи, не бойся.

Она была в одних штанах и рубашке. Волосы не собраны в высокий хвост, как обычно, а просто прихвачены сзади лентой, босые ноги утопают в пушистой светлой шкуре, которую бросили под стол поверх огромного шерстяного ковра, – серого, как кожа дреу, с вышитыми по нему королевскими белыми розами. И даже сейчас – такая домашняя, такая простая, такая уютная – Морти была несравненно прекраснее меня.

Разве может кто-то выбирать между нами? В мою пользу?

– Я...

Глупость всей этой затеи заставляла слова застревать в горле, не доходя до губ.

Что я ей скажу? Как заговорю о том, о чём хочу?

– Я... простите за беспокойство, – пересохшие губы заставили облизнуться. – Хотела поговорить.

Не оборачиваясь, я спиной прикрыла дверь, отрезая себе путь назад.

И, кажется, на этом моменте Морти сама всё поняла.

– А, – тихо откликнулась она. – Думаю, я знаю о ком.

О ком.

Значит, действительно поняла.

– Да, – я сглотнула. – Думаю, знаете.

Принцесса склонила голову набок. Отвернувшись, снова села за стол.

Как ни в чём не бывало взяла пару веточек травы, похожей на розмарин.

– Мы с Лодом знали друг друга с детства. Естественно. Его отец был придворным колдуном нашего отца, и Лоду предстояло унаследовать этот титул. Впрочем, наши отцы были далеко не так близки, как мы, – она заговорила спокойно, дружелюбно, неторопливо, словно о чём-то совершенно постороннем. – До смерти родителей мы не общались тесно, лишь видели друг друга изредка, и мне было... довольно одиноко. Алья тогда меня ненавидел. Он хотел и привык быть первым, но я – девчонка, младшая – владела мечом лучше него. И дар, который, как он считал, должен был достаться ему, достался мне. Это страшно его унижало... зато в Лите он с рождения души не чаял. А я ревновала к ней. И родителей, и брата, потому что на самом деле отчаянно хотела, чтобы он меня любил. – Принцесса положила траву на весы, уравновесив её крохотными гирьками. – После похорон матери Лод подошёл к Алье выразить соболезнования, и Алья увидел в нём того, кого ему тогда так не хватало. Старшего брата, который чем-то может заменить отца. А ведь у них разница – всего год, и Лоду тогда было всего десять, но он тогда уже был так умён... – Сняв веточку с серебряной чаши, Морти оборвала с неё несколько узких сухих лепестков. – Все дома и все советники тогда из кожи вон лезли, соревнуясь за влияние на осиротевшего принца. Да только Алья чувствовал, что их интересуется вовсе не его благополучие, а возможность править из-за спинки трона. В то же время он понимал, что без чужих советов ему не обойтись... и тут вдруг – Лод. Такой же, как он. Не взрослый, а равный. Никакой личной заинтересованности, одно лишь

желание помочь... по крайней мере, так мы тогда думали. Позднее поняли, что личная заинтересованность имела место быть, но желания помочь это не отменяло. Никто из нас не пожалел о нашей дружбе. И это Лод в конце концов примирил всех нас, сделал одной семьёй. Убедил Алью, что мой талант не унижает его, а возвышает: ведь у него, будущего Повелителя, великого и прекрасного, и сестра должна быть под стать. Чтобы все могли завидовать, а он, Повелитель, – гордиться. А мне напомнил, что теперь мы с Альей должны быть Лите вместо матери и отца... и что ревновать больше некого. Так мы и подружились. Все.

Дроу снова вернула траву на весы. Удовлетворившись результатом, отложила её в сторону и взялась за другую, свежую, напоминавшую мяту.

Я просто слушала, прислонившись к двери.

– Я была так благодарна Лоду. За всё, что он для нас делал. И он казался мне таким... интересным, таким не похожим на всех. Как и моей сестре, наверное. – Морти один за другим отрывала от стебля зелёные листки. – Ты знаешь, что Лита была в него влюблена? Так смешно, по-детски... и для нас, конечно, это было шуткой. Но иногда, годы спустя, я думала: если бы она выросла, а чувство осталось... Она-то была свободна. В отличие от меня. А в итоге место рядом с Лодом заняла я, и в той ситуации, в какой мы оказались... наверное, мы с ним обречены были влюбиться, – её тонкие пальцы задумчиво и отстранённо клали листья на весы. – Мы были заперты в нашем маленьком мирке. Мы подставляли друг другу плечо, мы помогали друг другу подняться, мы вместе справлялись с тем, что на нас обрушилось. Мы были лучшими друзьями, боевыми товарищами, братом и сестрой. А в какой-то момент разглядели друг в друге большее. И захотели большего. – Она помолчала. – Но потом мы повзрослели... и в наш маленький мирок ворвались другие.

Когда она взялась за рукоять ножа, я невольно вспомнила свой сон. Впрочем, в реальности принцесса всего лишь отрезала тонким лезвием половину какого-то толстого корешка.

– Помнишь шрам, который был у Артэйза? На глазу? Это я ему оставила. Ему было двенадцать, и Лу попросил меня сразиться с ним. Потренировать. А я... перестаралась. Я тогда так испугалась, а вот Артэйз – ни капельки. Шутил, что прекрасная принцесса оставила ему знак отличия. Он был таким милым мальчиком, Артэйз... но иногда милые мальчики вырастают в мужчин, которые способны на страшные вещи. – Она разрешила корешок ещё на две части. – Я была так глупа, когда позволила Лоду подписаться на всё это. Мы оба были. Тогда нам обоим казалось, что до моего замужества так далеко, и многие были в нашей

ситуации, и для настоящей любви это не помеха... и оба не понимали, на что мы идём на самом деле. Что Лод никогда не сможет с кем-то меня делить. Так же как я – его. И в какой-то момент я поняла: если я выйду замуж за Лу – а я не могу не выйти замуж за Лу, – в один прекрасный день Лод убьёт либо его, либо себя.

Я молчала. Знала, что нашему разговору лучше оставаться монологом, и мои ответы принцессе всё равно ни к чему.

Но в данном случае молчание было ещё и знаком согласия.

– Алья не видит никаких препятствий к тому, чтобы я стала женой Лу, исполнила свой долг, родив дому Рауфгата наследников, а потом продолжила коротать ночи с тем, кого действительно люблю. Только я не желаю Лоду такой участи. Не хочу, чтобы он сходил с ума от ревности. И... я понимаю, что должна сделать, но то ли слишком люблю его, чтобы отпустить, то ли недостаточно люблю. Поэтому просто позволяла всему идти своим чередом. Так эгоистично, так малодушно. – Взвесив очередной ингредиент, она отложила нож. Сложила ладони на столе перед собой, сцепив их в замок. – И тут появилась ты.

Мне пришлось сдержаться, чтобы весь воздух из лёгких не вышел разом. Ноги слегка подкашивались, сердце норовило отбить чечётку; наверное, так нормальные люди чувствуют себя во время экзамена.

Хорошо, что хоть подобная ерунда никогда не заставляла меня волноваться.

– Знаешь, мы ведь не видели её тела. Литы. Светлые, наверное, сбросили его в какую-нибудь общую яму вместе с ворами, разбойниками и прочим сбродом. Нам даже нечего было похоронить. Мы знали, что она мертва, но она просто... исчезла для нас, и всё. И каждый справлялся со своей болью по-своему. – Морти не поворачивалась в мою сторону: видимо, ей не больше меня сейчас хотелось встречаться взглядами. – Алья... ты знаешь, что он делал. Лод просто принял это. Не сразу, но принял. А я... – она тихо, неловко рассмеялась. – Иногда я думала... может, на самом деле всего этого не было? Плена и пыток? А просто по дороге в Тьядри она попала в одну из тех прорех между мирами, через которые приходите такие, как ты. Только теперь не ваши люди пришли к нам, а Лита провалилась туда. Она не может вернуться домой, но с ней всё хорошо, и где-то там, далеко, она живёт и, наверное, счастлива... Понимала, что это ерунда. Сказка. Просто мне так было легче. И однажды я вхожу в башню Лода, а там, на том месте, где я так часто видела её, сидишь ты. – Переплетённые пальцы дроу медленно разомкнулись. – И на один момент, пока я не окликнула тебя и ты не обернулась, мне пришла в

голову безумная мысль... что я была права. Что Лита всё это время странствовала в чужом мире. А теперь вернулась.

Она взяла все травы, которые так тщательно и аккуратно отмерила, невзирая на разговор, совсем к тому не располагавший. Встав из-за стола, подошла к очагу; опустившись на корточки рядом, принялась забрасывать части будущего зелья в котелок, вздымавший над водой спиральки пара.

Я следила, как принцесса помешивает будущее целебное варево деревянной ложкой на длинном черенке, – и снова чувствовала, как её слова резонансом откликаются во мне.

Да. Когда-то я тоже пыталась думать, что мама уехала. Просто уехала, так далеко, что мы больше никогда не встретимся. Но она не исчезла, не канула в небытие, не растворилась в изначальном ничто, и где-то продолжает смеяться, хмуриться, смотреть свои любимые сериалы и пить капучино по утрам. И, наверное, скучать по мне. Только вот я видела, что от неё осталось – тем мартовским утром, промозглым до мертвенного холода, которое до сих пор казалось мне страшным сном. Пусть даже, целуя на прощание её ледяной лоб, я твердила отчаянной мантрой, возводя в степень все числа подряд: это не мама, эта восковая кукла с застывшим лицом и зашитыми губами, которую сейчас отправят под землю на корм червям, ни капельки на неё не похожа.

И для того, чтобы верить в сказочки про «где-то далеко», я была слишком реалистом.

– Конечно, ты не так уж на неё и похожа. Ни Лод, ни Алья не видят особого сходства. Но мне иногда кажется, что ты – та, какой она хотела бы быть. В этом-то, видимо, всё и дело. – Сложив руки на коленях, Морти смотрела на поверхность воды, где исчезали жемчужные ниточки пузырьков, поднимавшиеся со дна. – Если б на твоём месте была любая из моих фрейлин, наверное, я бы попыталась тебя уничтожить. Ужасно эгоистично с моей стороны. Но, думаю, я пошла бы на это. А Лод бы возненавидел меня, и я сама возненавидела себя, и всё стало бы ещё хуже, чем сейчас. Только вот то, что это именно ты: та, кто...

Её голос, впервые за весь разговор, дал осечку. Произнести это вслух – кто я для Лода – она всё-таки не смогла.

Впрочем, мне и самой было бы слишком страшно слышать это сказанным вслух.

– И когда появилась ты, я подумала, что вот он, выход. Если Лод оступится, если сделает то, что я не смогу простить, если предаст меня... наша связь разорвётся сама собой, и я не буду об этом жалеть. И решила... подтолкнуть события в нужном направлении. Однако Лод унаследовал от

своего прадеда не только то, что порой меня пугает, но и безукоризненную верность. – Она повернула голову в мою сторону, но взгляда не подняла. Тихий огонь отражался в её глазах всполохами, и казалось, что радужки принцессы горят золотым пламенем. – А потом я поняла... он не уйдёт, даже если я прямо скажу ему «уходи». Он клялся, что не оставит меня, и я знаю, что для него значит его клятва. Для него самого – в первую очередь. Он не захочет и не сможет уйти, ведь его привязывает ко мне слишком многое. Не только чувства, которые есть, несмотря ни на что. И чувства не только ко мне.

Я не сразу поняла, о чём она.

Но всё-таки поняла.

Ну конечно. Обычный человек волен делать всё, что захочет. Да только Лод – придворный колдун и Первый Советник Повелителя. Если он порвёт с принцессой, любимой всем народом, ради иномирной девчонки без роду и племени, то для дроу станет объектом насмешек и презрения. Со стороны некоторых, возможно, даже ненависти. А в первую очередь это ударит по их отношениям с Альей: потому что Повелитель дроу, хоть я и успела проникнуться к нему уважением, в гневе бывает весьма далёк от рассудительности. Он не простит того, кто разбил сердце его любимой сестры. Вопрос, как он поступит с тем, кто это сделал, но в том, что дружбе с Лодом придёт конец, сомневаться не приходилось. А рвать эту дружбу сейчас, в то время, когда мы все должны действовать заодно, – самое неразумное, что можно сделать.

Просить принцессу притвориться, что всё в порядке, мы не имеем никакого права. Ни Лод, ни я. Да она и не сможет притворяться... ни она, ни перед братом. Удивительно, что тот до сих пор не понял, что происходит. Впрочем, с Навинией и надвигающейся войной Алье просто не до того, чтобы лезть сестре глубоко в душу, а пока номинально всё остаётся так, как прежде, Морти держит маску.

Но с ножом в сердце принцесса уже не сможет улыбаться.

– Скажу только одно. Если настанет день, когда он попросит меня отпустить его, я отпущу. Если настанет день, когда он захочет освободиться от клятвы, я освобожу. И если вся эта история закончится благополучно, если мы предотвратим войну, если ему будет, куда идти... вам обоим... я думаю, однажды этот день настанет. И тогда я пожелаю вам счастья. Наверное. Надеюсь. – Морти наконец посмотрела на меня. – Ты услышала всё, что хотела?

Перестав кусать губы, я разомкнула их для первого ответа в разговоре, который вышел таким странным.

– Даже больше.

Ответ прозвучал хрипло, будто с надломом. Ещё одно доказательство, что этому разговору стоило остаться монологом.

– Тогда иди. Пожалуйста.

Под взглядом принцессы, исполненным безупречной выдержки, я невольно склонила голову.

– Спасибо.

Сказать это вообще вышло только шёпотом. Но мне было уже всё равно. Отвернувшись, я легонько дёрнула дверную ручку, чтобы выскользнуть в образовавшуюся щель; закрыв её за собой, рванула к лестнице.

Остановилась я только перед дверью, ведущей прочь из башни, – и, прислонясь плечом к чёрному мрамору, наконец позволила себе отдышаться.

Итак, я получила своё подтверждение. И не одно. Если только Акке и Морти не сговорились с Лодом, чтобы... впрочем, это уже не столько паранойя, сколько мания величия. Не такая ты важная персона, Белоснежка, чтобы ради тебя устраивать настолько масштабное представление. Откровенно говоря, после пленения Дэнимона от тебя вообще было мало толку. Так что – да, ты получила свои подтверждения.

Осталось понять, что с ними делать.

Я рассеянно поправила очки, успевшие съехать почти на кончик носа. Подумала.

Ещё подумала.

Что делать? А ничего. Сказано же: если мы предотвратим войну. Не раньше. Значит, приводим мысли в порядок, отбрасываем сантименты, раздрай и сопли и занимаемся тем, чем должно. И пока оставляем всё, как есть, не пытаясь понять, чего же в сердце больше – радости или боли.

Потому что все мои безумные мечты всё-таки могут сбыться. Но только за чужой счёт.

За счёт самой прекрасной, самой благородной девушки, которую я когда-либо встречала.

– Акке!

Иллюранди с готовностью материализовался рядом со мной.

– Наконец-то. А то Лод уже просил тебя разыскать и сопроводить обратно, где бы ты ни была. Но, полагаю, ты догадывалась, что твоя вылазка не останется незамеченной?

Как я и думала.

– Догадывалась. Полагаю, правду ты ему не сказал?

– Правильно полагаешь.

– В таком случае я была в библиотеке. И буду очень благодарна тебе, если сейчас ты принесёшь мне оттуда книжку про... нет. Пожалуй, даже пару книжек.

Когда я вернулась в башню колдуна, Лод сидел за столом, мрачно постукивая пальцем по дереву.

– И где ты была? – бесстрастно осведомился он.

Мама ни разу в жизни не отчитывала меня за то, что я поздно вернулась домой. Да и бабушка тоже. В этом просто не возникало необходимости: вечера я предпочитала коротать у компа – либо дома, либо у Сашки с последующей ночёвкой.

Но теперь, кажется, я начинала понимать, на что похожи подобные разговоры.

– Просто... побродила немного. Хотелось развеяться, – я невинно пожалала плечами, прижимая к груди книжки. – А потом зашла в библиотеку.

– Без кольца?

– Я же сказала, что хочу побыть наедине с собой. «Наедине» значит, что за тобой никто не подглядывает. – Бережно опустив старинные талмуды на крышку стола, я с готовностью продемонстрировала кольцо, извлечённое из кармана. – Не волнуйся, мне не больше твоего хочется повторения ситуации с Артэйзом. Если что, кольцо всегда при мне.

Лод смотрел на меня. Молчаливым, тяжёлым взглядом.

Затем вздохнул, и в этом вздохе мне померещилось бесконечное терпение.

– Что ж, хорошо хоть прогулка и правда тебе помогла, – сказал он. – Вижу, тоска отпустила?

Я кивнула. На сей раз не соврав.

Как бы это ни было отвратительно, но в конечном счёте моё настроение и правда поднялось. Хотя бы потому, что теперь я могла больше не сомневаться в том, в чём сомневаться мне очень не хотелось. А ещё у меня появилась простая, конкретная и вполне понятная цель. Совпадавшая с общей целью, позволявшая не отвлекаться на ерунду в виде выяснения отношений.

– Я рад, – Лод перевёл взгляд на иллюранди, так и маячившего за моей спиной. – Акке, подай нашей потеряшке завтрак. Скорее. – И снова посмотрел на меня. – Через час отправляемся в Мирстоф.

На сей раз отряд состоял из меня, Лода, Навинии и Дэнимона. Фаник был не слишком рад тому, что его не берут, но внял доводам Лода: мол, и

самочувствие принца ещё не предполагает активных вылазок, и никакой необходимости в этом нет. Так что, пожелав нам удачи, младший принц удалился обратно в покои светлых – унося на плече паппея, временно препорученного его заботам, по дороге о чём-то оживлённо шушукаясь с Восхтом и Кристой, тоскливо оглядывавшейся на жениха.

С Навинии тоже сняли ошейник. По приказу Альи. Как мне показалось, Лод от этого остался не в восторге, однако Вини не только не стала бунтовать, но даже любезно предложила помочь перенести Дэна в Мирстоф. Лод отказался, правда: ему проще было вначале телепортироваться в нужное место самому, а потом с помощью колец призвать нас к себе. Уже проверенный способ. Но за предложение любезно поблагодарил.

На сей раз долгих прогулок не потребовалось, ибо мы прибыли на крышу дома, находившегося прямо напротив жилища «старшака». На наше счастье, пресловутую крышу построили довольно интересным образом: в виде буквы «М», с двумя коньками, вершившими четыре пологих ската, каждый из которых вытянулся параллельно улице. Между ними мы и приземлились, надёжно укрывшись от глаз случайных прохожих.

– А вот теперь, принцесса, я бы попросил вас о помощи, – сказал Лод. – Если вам не трудно, укройте нас чарами невидимости.

– Зачем? – Дэнимон прислонился плечом к трубе дымохода. – Какой у нас вообще план?

– Ждать, пока «старшак» изволит покинуть дом удовольствия, расположенный неподалёку отсюда, и решит вернуться в родные стены, – любезно откликнулся колдун. – К счастью, наш друг не слишком беспокоится за свою шкуру. Видимо, считает, что обезопасил себя, уничтожив вторую табличку, однако я успел найти его до этого момента. На доме слишком сильная защита, мне её не пробить, но иллюранди шпионят за его хозяином со вчерашнего дня, так что я в курсе всех его передвижений.

– А! – Глаза принца загорелись. – И когда он будет здесь...

– Тут-то мы его и достанем. А пока, дабы не привлечь ничего внимания, подождём под чарами невидимости. Не думаю, что это займёт много времени. Принцесса?

Навиния без лишних слов вскинула руки.

Я проследила за тем, как мои спутники выцветают, сливаясь с окружающим нас сумраком. Подползла по плоскому черепичному скату к коньку, чтобы без опаски оценить обстановку.

Широкие улицы, мощённые серым камнем и ярко освещённые

коваными фонарями, были на удивление пусты. Периодически грохотали колёсами чёрные конные экипажи, походившие на кебы времён Шерлока Холмса. Да и помимо кебов... Если архитектура Тьядри и Солэна наводила на мысли о деревушках из книг сказок, Мирстоф больше напоминал старинные английские города: узкие дома, жмущиеся друг к другу, много дымоходов и красного кирпича.

Дом «старшака» представлял собой самое обычное трёхэтажное здание, ничем не отличавшееся от соседних, довольно скромное. Правда, располагалось оно в непосредственной близости к королевскому дворцу. Огромный замок отсюда отделяло не больше пяти-шести улиц, и даже в ночи он выделялся во тьме своей белизной. Днём, должно быть, зрелище фантастическое.

Конечно, я не могла точно знать, что замок принадлежит королевской семье, но пояснений не требовалось.

Насмотревшись вдоволь, я съехала по мшистой черепице обратно, понимая, почему Лод перед вылазкой попросил меня сменить одежду. Страшно подумать, что после такого стало бы с моим белым нарядом. Впрочем, эти бриджи – из чёрного бархата, к которым прилагалась курточка из той же ткани, – жаль было не меньше. Нет, я никогда не придавала вещам особого значения, но эти вещи... мало того, что портить такую красоту казалось кощунством, так они к тому же были не совсем мои.

Я села, свернувшись калачиком. Подышав на озябшие пальцы, спрятала ладони между коленей. Зря решила в этот раз не надевать плащ, подумала, куртки хватит...

И почувствовала, как на мои плечи ложится что-то, очень напоминающее тяжёлую шерстяную ткань.

– Замёрзла? – послышался участливый голос Лода.

– Как ты?..

– Я вижу тебя на Изнанке. Невидимость этому не мешает.

– А, точно... спасибо.

Нащупав края плаща, я закуталась в него, словно в плед. Миг спустя ощутила, как колдун садится рядом, касаясь моего плеча своим.

– Я понимаю... – заговорил он внезапно, – быть запертой под землёй, в одной башне... для того, кто привык каждый день видеть небо, это наверняка невыносимо.

Я не сразу поняла, с чего Лод поднял этот вопрос.

Ах, да. Я же говорила, что скучаю по дому. И пусть я действительно по нему скучала, но ирония заключалась в том, что мне – матёрому

интроверту, привыкшему коротать свободное время в четырёх стенах, – было в принципе всё равно, есть надо мной небо или нет. Я и правда немного устала от вечной темноты, однако это не доставляло мне особого дискомфорта.

Но сегодня я уходила прогуляться, чтобы развеять тоску по родине. И эту легенду надо поддерживать.

– Да нет, я в порядке. Честно. Минутная слабость.

– Риджия – большая страна. Прекрасная страна. Ты уже видела города светлых. А если у нас всё получится... когда воцарится мир, ты сможешь жить там, где сама захочешь.

Он говорил так, будто то, что я останусь здесь, – вопрос решённый. И какая-то часть меня покорно ему поддакнула, но другая – видимо, тосковавшая по Сашке и Дэвиду – яростно воспротивилась.

Забавно. Я не особо торопилась домой. Я даже не знала, хочу ли я туда.

Но признать, что путь туда для меня отрезан, было слишком страшно.

– Если у нас всё получится, я надеюсь, что мы всё же попробуем вернуть меня в мой мир, – резко напомнила я. – Разве не такой был уговор?

Лод помолчал.

– Конечно, – согласился он потом. Спокойно, без лишних слов. – Попробуем.

И даже не попытался возразить или удержать. А ведь подразумевается, что я ему дорога. С тем, кто тебе дорог, обычно не хочется расставаться, тем более – навсегда. Разве нет? Хотя если он думает, что я тоскую по дому, что буду несчастна, оставшись здесь...

А буду ли? И буду ли счастлива, вернувшись туда, откуда пришла?

Я вдруг представила, как мой первоначальный план увенчивается успехом. Ярko, во всех подробностях. Вот я возвращаюсь в Москву: к своей законной, привычной жизни, где я буду на своём месте, где всем моим способностям и умениям найдётся применение. К благам цивилизации, налаженному быту и мечтам о человекоподобном искусственном интеллекте. К Сашке, который теперь совершенно не нужен мне в той роли, на которую я примеряла его изначально, но останется моим хорошим другом. Снова примемся играть в игрушки и пить чай, и периодически он будет жаловаться мне на капризы своей блондинистой пассивности, а я – сочувственно вздыхать и давать ему мудрые советы. Сама, наверное, со временем найду себе парня, похожего на Лода, – раз уж, как выяснилось, в меня можно влюбиться. Такого же, конечно, не встречу, но вполне реально отыскать того, кто хотя бы не откажется играть со мной в стратегии.

Часть меня определённо испытывала от этих мыслей удовольствие. Та часть, которая не сжималась от тоски. Потому что к старой жизни, знакомой и уютной, как домашние тапочки, прилагалось то, что самого Лода я никогда, никогда, никогда не увижу. И невыносимая скука: ведь после того, что я делала здесь, возвращаться к обычной жизни будет так... странно. Но кого я обманываю? Для Лода я на вторых ролях после Морти. Она сказала, что отпустит своего хальдса, если тот попросит, однако попросит ли он? Если нет, я останусь совершенно одна. И что я буду делать в чужом мире, когда отпадёт даже та ничтожно малая надобность во мне, которая есть сейчас? Ведь если мы покончим с этой затянувшейся войной – мирная жизнь здесь будет в разы скучнее, чем дома.

Предположим, призрачный шанс, что Лод выберет меня, воплотится в жизнь. И будем ли мы счастливы, отправившись в вечное изгнание? Мы станем персонами нон грата для тёмных, но и светлые всегда будут косо смотреть на наследника Ильхта.

Я не строила иллюзий: мир миром, однако предубеждение и страх перед тёмными в любом случае исчезнут нескоро. И все технические новшества, которые я могу привнести... подозреваю, что простые люди отнесутся к ним ничуть не лучше, чем в своё время относились к подобным вещам в нашем мире. Мол, всё «от лукавого», дьявольские фокусы. Ах, да, в дьявола здесь не верят – значит, демонские. И если тот, кто творит эти фокусы, имеет какое-то положение, уважение, власть – ещё куда ни шло. Но когда это исходит от таких, как мы...

Я смотрела на скат крыши напротив себя, машинально считая черепицы, пока невесёлые мысли кирпичиками складывались в смутное подобие решения. Нет, не решения – ведь на самом деле мне отчаянно этого не хотелось, – но понимания того, что, по уму, нужно сделать.

Ибо, учитывая все обстоятельства...

Акке возник из темноты так внезапно, что я подскочила.

– Он скоро будет здесь, – коротко доложил иллюранди, глядя на то место, где сидел невидимый Лод.

– Отлично. – Я почувствовала, как колдун поднялся на ноги. – Спускаемся.

Безошибочно перехватив мою руку, он потянул меня к коньку крыши, откуда мы спланировали вниз. Мне оставалось лишь догадываться, что Дэнимон и Навиния прыгнули следом, пока Лод подводил меня к крыльцу; там мы и застыли, прислонясь к стене дома. Спустя пару минут очередной экипаж не проехал мимо, а затормозил прямо напротив нас. Оттуда вышел элегантно одетый мужчина с тёмной бородкой клинышком, живо

напоминавшей о пиратах, и направился к двери, подле которой дежурили мы.

Как только «кеб» тронулся, на шее «старшака» – едва приблизившегося к крыльцу, не успевшего ничего понять, – защёлкнулось серебряное кольцо.

– Открой дверь ипусти нас в дом, – услышала я тихий приказ Лода. – Немедленно.

На миг застыв послушной куклой, мужчина покорно прошёл к крыльцу.

Случайные прохожие не могли видеть его лицо, вытянутое несказанным удивлением. Поэтому для них он просто широко раскрыл входную дверь и, задумавшись о чём-то, недолго постоял на пороге, сжимая в пальцах круглую медную ручку. Потом всё-таки вошёл в дом, закрывшись изнутри, как и положено.

Того, как он застывает в холле оловянным солдатиком, пока с нас спадают чары невидимости, прохожие тоже видеть не могли.

– Милое жилище, – одобрил Лод, оглядев просторную комнату, завешанную картинами и обставленную безвкусной золочёной мебелью. В доме царила странная, какая-то неестественная тишина: видимо, магическая защита не пропускала звуки с улицы. – Принцесса, вы видели этого человека раньше?

Навиния качнула головой.

– Ни разу в жизни.

– Да, вряд ли такие люди крутятся в тех же кругах, что и вы. Хотя не сомневаюсь, что связи у него есть во всех кругах, – отстранённо заметил колдун. – Я так понял, защита не выпускает звуки так же успешно, как не выпускает? Тогда, пожалуй, поговорим прямо здесь.

Лод легонько шевельнул пальцем, и старшак наконец смог разлепить губы.

– Вы кто такие? – к его чести, страха в голосе мужчины не было. – Что вам нужно, тёмные вас побери?!

– Уже, – весело ответил Лод. – Лодберг из рода Миркрихэйр. Сказал бы, что к твоим услугам, – да, боюсь, солгу.

Главарь наёмников уставился на него во все глаза.

– Миркрихэйр? Наследник...

– Ильхта. Его самого. А это, – колдун небрежно кивнул в сторону эльфа, сверлившего мужчину мрачным взглядом, – принц Дэнимон из рода Бьортреас. И ему очень хочется узнать, кто заказал похищение и убийство его любимого младшего брата.

– А, вот оно что, – как ни странно, старшак даже не особо удивился. Наверное, в глубине души всё-таки ожидал подобного исхода. – Так это вы прикончили Весельчака и его друзей? Даже не знаю, жалеть или радоваться. С одной стороны, ценные ребята были, с другой... сам порой понять не мог, как их земля носит. – Мужчина обвёл нас бесстрашным, чуточку насмешливым взглядом. – Ребятки, вы ведь сами всё понимаете, правда? Дело есть дело. Ничего личного. Мне дают задание и деньги, мои люди находят исполнителей, я говорю им, что делать. Вот и всё. Мои руки абсолютно чисты. Я в жизни и мелкой монетки не украл, не говоря уж о том, чтобы кого-то убить.

– Зато чужими руками пролил столько крови, что её не отмыть даже вместе с кожей, – Дэнимон сжал тонкими пальцами рукоять меча. – Говори, кто это был.

– Увы, не могу. Даже если бы знал его имя. Даже если бы хотел. – Мужчина хладнокровно улыбнулся. – Я позволяю клиентам хранить свою личность в тайне. Неразглашение всего, что могло бы навести на их след, входит в условия каждого договора и подкрепляется клятвой Эйф. Я умру в момент, когда попытаюсь рассказать вам хоть что-то о заказчике. Можете угрожать, пытаться, отдавать приказы с помощью вашей игрушки, но вы не узнаете ничего.

А вот это уже не очень хорошо. Мы-то рассчитывали после допроса утащить его под горы – живым, чтобы впоследствии он мог повторить своё признание Хьовфину, – но при таком раскладе...

– Ты можешь связаться с клиентом и договориться о встрече? – спросил Лод.

– Нет. Я уже извинился за провал задания. Не был уверен, что принца успели убить, к тому же Весельчак не довёл дело до конца. Клиент велел оставить тело на главной площади Тьядри и... впрочем, не суть. Я предложил вернуть деньги, но меня поблагодарили за услуги и отказались. На этом мы расстались, довольные друг другом, и клиент уничтожил табличку, которую я дал ему для связи. Это тоже входит в условия договора. Теперь я не найду его при всём желании. – Старшак говорил так мирно, будто общался со старыми друзьями. – Всё, что вы можете со мной сделать, так это убить в отместку за мальчишку, но, право... вы ведь уже отомстили. К чему напрасное кровопролитие? Если вас это утешит, могу выдать любую сумму на ваше усмотрение. Золотом или драгоценными камнями, как пожелаете. А потом предлагаю разойтись – у вас и без меня, слышал, много проблем.

Он говорил так небрежно, так уверенно. Как человек, который

привык, что деньгами можно уладить любую проблему. Возможно, в его случае так оно и было: в конце концов, он лично помогал окружающим улаживать многие проблемы, которые самим окружающим вполне могли казаться неразрешимыми. А он – разрешал, держа ручки в чистоте, брезгливо морщась от осознания, с каким отребьем ради бизнеса приходится иметь дело. И, быть может, у него даже совесть когда-то была... которую он давным-давно продал за приличную сумму.

– Да. Много. И поэтому мы никак не можем *разойтись*. – Лод вздохнул. – Придётся лезть в твою память.

Улыбка с лица старшака исчезла в тот же миг, как Навиния отступила к стене. С такой брезгливостью на лице, будто сейчас должно было произойти что-то очень неприятное.

Что-то, что могло её запачкать.

– Если ты не понял, наследник Ильхта, – произнёс пленник высокомерно, – я маг.

– А я, как ты уже понял, наследник Ильхта. И тоже маг. – Под взглядом Лода главарь наёмников сполз по стеночке, перейдя в сидячее положение. – Однако я постараюсь оставить тебя в живых. Очень постараюсь. В конце концов, это в моих интересах.

Мышцы на щеках старшака дрогнули, будто он хотел что-то сказать – но, видимо, его снова лишили дара речи.

Я смотрела, как колдун опускается на колени. Кладёт ладони на виски пленника, в тёмном взгляде которого проглянуло отчаяние.

Пытаясь понять причины этого отчаяния, пролистала свои воспоминания.

Когда я прибыла в Риджию, Лод говорил, что просмотрел мою память. Что это можно сделать с людьми без магического дара. А вот память Кристы, у которой дар был, он трогать не стал... и Фрайндину сказал, что проникать в его воспоминания будет неприятно.

Всё это наводило на мысли, что телепатия является далеко не таким простым и безобидным занятием, как об этом любили писать в наших книжках.

– Сноуи, я бы на твоём месте отвернулся, – Лод мельком посмотрел на меня. – Это будет неприглядное зрелище.

– Но...

– Видишь ли, только разум обычного человека не защищён от проникновения извне. С эльфами и дроу дело обстоит далеко не так просто, а в разум мага и вовсе заглянуть почти невозможно. И относительно безболезненно проникнуть туда можно лишь при условии,

что маг тебе доверяет. В противном случае подсознательно включаются защитные механизмы, и разум приходится взламывать. Сделать это не каждому под силу, но в случае успеха... владелец разума редко переживает этот процесс, – Лод перевёл взгляд на пленника, который смотрел на колдуна уже с ужасом. – Что ж, даже при худшем раскладе... главное – добраться до нужных воспоминаний, пока сознание не угасло.

Лод закрыл глаза. Главарь наёмников спустя миг – тоже, только вот на его щеках к тому же вздулись желваки. Ещё секунду спустя пленник дёрнулся: судорожно, жутко, с искажённой мукой лицом.

Я понимала, что лишь магия – не то ошейника, не то иная – не позволяет ему биться в конвульсиях и кричать во весь голос. И стояла, замороженная ужасом, пока чьи-то руки не взяли меня за плечи и не заставили отвернуться.

– Не смотри, – печально проговорил Дэн, прежде чем разжать пальцы. – Не надо.

Сзади послышался сдавленный стон. Сжав кулаки, я посмотрела на Навинию: она так и стояла, прислонившись к стенке, прикрыв глаза, – неподвижная, словно статуя.

Когда стон перешёл в крик, прорвавшийся даже сквозь чары, я тоже зажмурилась. Когда крик перешёл в вопль, прижала ладони к ушам.

А когда вопль оборвался, далеко не сразу решила обернуться.

Старшак лежал на полу. Лицом вниз, так, что мне были видны лишь взлохмаченные чёрные волосы на его макушке.

Но то, как Лод тихо и задумчиво спрятал во внутренний карман куртки ненужный больше ошейник, ясно дало понять, что дело завершилось худшим раскладом.

– Сказал бы, что мне жаль, – заметил колдун, поднимаясь с колен, – но, боюсь, и тут всё же солгу.

– Что вы увидели? – спросил Дэнимон.

Эльф, наблюдавший за экзекуцией до конца, казался ещё бледнее обычного.

– Встреч было две. Одна – сам заказ, другая – когда нашему покойному другу передали браслет для Фаника. В обоих случаях клиент прятал лицо под маской, одет был в чёрную мантию с капюшоном, ничего не говорил, лишь писал записки. В итоге трудно даже сказать, женщина это или мужчина, однако одно заказчик спрятать всё же не смог. В какой-то момент он неаккуратно взмахнул рукой, и открылся зелёный шёлковый рукав. А ещё – эмалевый браслет с золотыми лилиями. Таинственный незнакомец быстро поправил всё так, чтобы снова это скрыть, но наш покойный друг

успел заметить детали. – Лод посмотрел на принца пристально и цепко. – Вы знаете, какому эльфийскому дому принадлежат эти цвета и этот герб.

– Золото, зелень и лилии... – Дэнимон обречённо кивнул. – Дом Эльскиаров.

Я не стала говорить «я же говорила». Но удовлетворение, которое я испытала, услышав слова принца, было мало с чем сравнимо.

– Значит, пришло время навеститься к прекрасной леттэ Авэндилль, – избегая смотреть на тело старшака, подытожила я.

И вдруг заметила, как напряжённо Лод глядит в ту сторону, где стояла Навиния.

Принцесса так и не открыла глаз. Даже позы не поменяла. Смутная догадка заставила меня шагнуть вперёд, чтобы коснуться её плеча... и пальцы, не ощутив ровным счётом ничего, прошли сквозь это плечо, точно девушка была привидением.

Чёрт, чёрт, чёрт! Вот же зараза! Воспользовалась тем, что Лод отвлёкся, что все отвлеклись, и сбежала! А я, дура, не догадалась, не усмотрела...

– Иллюзия, – констатировал колдун, уже стоявший рядом со мной. – И кольцо с пальца сняла.

Он взмахнул рукой, заставив обманку исчезнуть. Вместе со мной уставился на мелкие буквы, до этого момента скрытые за мороком, светившиеся золотом на стене, складывая простую короткую надпись.

«Я скоро вернусь».

– Несносная девчонка! – в сердцах воскликнул Дэнимон. – Что она удумала на этот раз? Куда её понесло?

– Сейчас узнаем. – Лод зажмурился. – Утром, снимая кольцо, я прикрепил к ней заклинание-маячок.

Мгновением позже взметнув ресницы вверх, колдун резюмировал:

– Она у себя во дворце.

Куда нам, хвала защитным чарам светлых, доступа нет. Замечательно.

– И что будем делать? – мрачно осведомилась я.

– Подождём, – возмутительно беззаботно откликнулся Лод. – А что нам ещё остаётся?

Когда он прошёл в соседнюю комнату – гостиную, обставленную так же богато и безвкусно, как холл, – мы с принцем озадаченно переглянулись. Затем последовали за колдуном: коротать время рядом с трупом было определённо не лучшей идеей. Лод уже успел усесться в кресло, устроившись там непринуждённо, словно у себя дома.

Осознав одну простую истину, я присела на подлокотник, глядя ему в

глаза.

– Ты ведь подозревал, что она может это выкинуть?

В ответной улыбке колдуна без труда читалось одобрение.

– Ну да. Потому и прицепил к ней маячок. И без возражений снял с неё ошейник.

Я непонимающе мотнула головой:

– Зачем? Чего ты от неё хочешь?

– Видишь ли... если она убежала, чтобы сделать то, о чём я думаю, – это к лучшему.

– И о чём же ты думаешь?

– Если я прав, вскоре узнаем. Если не прав, тоже. Но это не причинит нам вреда. – И, подперев голову рукой, Лод снова улыбнулся. – Зато может сыграть нам на руку.

* * *

Кабинет Первого Советника озарял колдовской белый огонь, одиноко сиявший в медной оправе настенной лампадки, танцуя отражением в оконном стекле. Света было недостаточно, чтобы осветить весь кабинет, но вполне хватало, чтобы вирт Форредар мог разобраться в бумагах, которыми ещё при Навинии завалили весь стол.

В какой-то момент старик, устав, откинулся на спинку кресла. Потерев пальцами переносицу, поднял голову.

И встретил пристальный взгляд малахитовых глаз.

– Здравствуйте, вирт Форредар, – стоя посреди комнаты, тихо проговорила Навиния.

– Вيني? – после паузы слабо произнёс Советник. – Это... это действительно ты?

– Да. Это я. Вы рады? – принцесса неторопливо приблизилась к столу. – Вы правда не желали моего возвращения, вирт Форредар? Как и все мои советники? Предпочли обречь свою Повелительницу на смерть, потому что живой я вас не устраивала?

Старый советник помолчал. Потом спросил:

– Какую фразу я всегда писал в записке, которую прикладывал к твоим подаркам на день рождения?

Взгляд Навинии окрасило недоумение. Следом – понимание.

– *«Ты стала ещё на год ближе к тому, чтобы понять: я желаю тебе добра»*, – после секундного колебания ответила она.

Советник выдохнул. Рывком поднявшись с кресла, быстро обогнул стол – и, обняв девушку, прижал её к себе.

– Так это и правда ты, – морщинистая ладонь ласково погладила принцессу по волосам. – Вيني, я... не знаю, как остальные, но я не пытался спасти тебя лишь по одной причине: потому что решил, что ты уже мертва. Или всё равно что мертва. Старый дурак! Прости меня, если сможешь. – Он отстранился, заглянув ей в лицо глазами, полными слёз. – Ты цела? Как ты сбежала?

Навиния шумно сглотнула. Перехватив руку старика, сжала её в своей.

– Я поняла, вирт Форредар. Наконец поняла. Что вы правда желали мне добра, – произнесла она. – Я обещаю, что буду той, кем вы хотели бы меня видеть. Буду править... мудро, буду прислушиваться к вашим советам. Вы были так добры ко мне, а я... была просто маленькой и глупой девочкой, и совершенно этого не ценила.

Советник слабо усмехнулся:

– Ушам не верю. Неужели тёмные тебя всё-таки подменили?

– Наверное, в каком-то смысле так и есть.

– От одной мысли, что ты была у них в плену, меня бросает в дрожь.

– Я в порядке. Правда. Вы же видите. Но плен пошёл мне на пользу.

– Я... рад, если это так. И рад, что это испытание помогло тебе повзрослеть, – вирт Форредар ласково сжал пальцами её плечо. – Сейчас твой народ нуждается в тебе, как никогда. Эта война...

– Ужасная ошибка, вирт Форредар. И её нужно остановить.

Навиния сказала это твёрдо и спокойно, – и Советник уставился на неё так, словно принцесса только что сообщила ему, что небо на самом деле зелёное.

– Вيني, что...

– Я не сбежала. Меня отпустили. Всё, что мы думали о тёмных, ложь. – Девушка без страха, без смущения смотрела в его глаза. – Вы же видите, я жива и здорова, и Дэнимон с Фаником – тоже. Тёмные не желают нам зла. Давно уже не желают.

– Вيني, – голос старика сбился почти на шёпот, и в нём прозвучал суеверный ужас, – подумай, что ты говоришь. Ты и правда...

– Я знаю, что говорю.

– Они запудрили тебе мозги, девочка моя. Не знаю, как, но...

– Да не могли они запудрить мне мозги! Вы же знаете, как я сильна, они бы никогда не проникли в моё сознание! И они спасли Фаника. У меня на глазах. А его похитили и пытали люди, наш народ, вирт Форредар, наш народ! – Навиния отчаянно качнула головой. – Мы должны остановить это

безумие. Заключить мир, объединить наши народы, довершить то, что хотели сделать мои родители. Вывести на чистую воду настоящих злодеев.

Советник растерянно опустил руки.

– О чём ты гово...

– Это не дроу убили жену Хьовфина. Тогда, восемнадцать лет назад. Это сделал кто-то другой, но в его преступлении обвинили тёмных, и сейчас то же самое пытались проделать с Фаником! Кто-то из светлых заказал его убийство, но хотел обставить всё так, что виноваты дроу.

– Жену Фина... убили не дроу? А кто же?

– Мы подозреваем эльфов. Дом Эльскиар. Сейчас мои дру... кое-кто допрашивает человека, который поможет узнать это точно.

Комната погрузилась в долгое молчание.

Наконец вирт Форредар отступил на шаг. Ступая медленно и тяжело, вернулся за стол.

– Слишком много новостей для одного вечера, – пробормотал он дорогой. – И для одного старого человека. Слишком много. – Советник опустился на прежнее место так, словно ноги не держали его. – Мне тяжело принять то, что ты говоришь, но... нет, сначала я должен выпить. – Глубоко, прерывисто вздохнув, он кивнул на кресло по другую сторону стола: – Садись.

Опустившись на мягкое бархатное сиденье, Навиния следила, как старик возится с одним из ящичков под тяжёлой дубовой крышкой.

– Будешь? – Советник приподнял над столешницей наполовину початую прозрачную бутылку. – Розовое, твоё любимое.

– Не откажусь.

Поставив бутылку на стол, Советник открыл другой ящик. Какое-то время возился уже с ним. Выставил на стол два серебряных кубка, один рядом с другим, и аккуратно наполнил оба до краёв.

– Бери любой, – устало произнёс он.

Навиния взяла один – первый попавшийся, ведь оба были от неё абсолютно на одинаковом расстоянии. Поднесла его к губам одновременно с Советником, который взял другой.

– Кто бы мог подумать... боги воистину любят играть с нами злые шутки. – Когда они сделали по глотку, Советник задумчиво отставил кубок на столешницу. – Вот уж не ожидал, что всё так повернётся.

– Я и сама не ожидала. Однако это правда. Всё, что я сказала.

– Я говорю не о тёмных. – Советник посмотрел на неё неожиданно печально. – Ты сказала «довершить то, что хотели сделать мои родители»... но ты ведь не знаешь, зачем твоему отцу нужен был мир с дроу.

Принцесса недоумённо вскинула бровь.

– Разве мир нужен с какой-то целью?

– Да. Твой отец хотел во что бы то ни стало уладить проблемы внутри Риджии, чтобы переключиться на внешние. Чтобы развязать войну с нашими соседями. С Керфи. И ради этого он готов был заключить союз с дроу... надеялся объединиться с ними, чтобы они помогли ему начать новую войну. Завоевать другое королевство.

Советник говорил об этом без волнения, немного грустно. Как о чём-то давно минувшем, давно отболевшем.

– Но... это же... я не знала. – Навиния в свою очередь растерянно отставила кубок. – Неужели это...

– Никто не знал. Он говорил это мне одному. И только я один, я и боги... могли его остановить. – Старик прикрыл глаза. – И остановили.

Навиния смотрела, как с его ресниц срывается слеза, по морщинистой щеке сбегая к губам.

Рывком встала, и в пальцах принцессы вспыхнула золотая рапира – одновременно с тем, как в её глазах загорелся очень нехороший огонь.

– Когда я шла сюда, я готова была убить вас, если придётся. Когда я шла сюда, я была готова ко всему. Так мне казалось. Но это... – она выбросила руку вперёд, устремив кончик пламенеющего лезвия Советнику в лицо. – Вы убили его? Моего отца?

– Это... нельзя назвать убийством. Он готов был объединиться с силами зла, чтобы ввергнуть страну в новую войну, а я понимал, что не могу остановить его. Нарушить клятву, которую ему дал, поднять руку на своего Повелителя... и тут эта эльфийская девочка. Одержимая страстью, поглощённая ненавистью. И я решил бросить жребий, дать ей мысль, идею... положиться на волю богов. Решил, если такова будет их воля, – произойдёт то, о чём я думаю. Тогда не будет ни союза с тёмными, ни войны с Керфи. И когда так и случилось, я понял, что был прав. Боги не одобряли планов твоего отца. Как и твоих. – Советник открыл глаза; он плакал, но лицо и голос его были спокойными, лишь бесконечно уставшими. – Ведь я добавил яд только в один кубок. И ты выбрала именно его.

Губы принцессы презрительно дрогнули.

– Не пытайтесь меня запугать. Я проверила ауменье, прежде чем пить. Корила себя за это, но проверила. На всякий случай. И там не было ничего опасного.

– На тот момент – не было. Зато было десять капель «Ночного покоя». Ненависть в глазах Навинии сменилась удивлением.

За миг до того, как она рухнула на спину, недоумённо глядя в потолок, жадно хватая ртом воздух.

– Что ты заставила меня сделать, Вини? Что вы заставили меня сделать? Я любил тебя, я любил твоего отца. А вы оба вынудили меня выбирать между личным и важным, и я не мог, не имел права выбрать первое. – Советник бесстрастно наблюдал, как Навиния слабо приподнимает руку: движение девушки было медленным, словно у мухи, залипшей в смоле. – Если ты обличишь Эльскиаров, наш народ поверит тебе и пойдёт за тобой, и ты приведёшь его к гибели. Ты просто не понимаешь... тёмные используют тебя, как хотели использовать твоего отца. Как использовали бедного Эсфориэля. Знают, что в открытой борьбе им не победить, что в их интересах переждать удар, затаиться, пока они не окрепнут. А потом, когда мы поверим им, нанести удар в спину. Но ты не умеешь смотреть в будущее. Никогда этого не умела. И лучшее, что ты сейчас можешь сделать для своей страны, – умереть.

– Ты, – хрипло, едва слышно выдохнула принцесса, – ты, ублю...

Советник смотрел, как лезвие рапиры окутывает золотое пламя. Смотрел обречённо, без всякого страха.

И не выразил ни удовлетворения, ни облегчения, когда огненная волна погасла, так и не сорвавшись с кончика клинка, а ладонь Навинии бессильно упала на ковёр.

– Я сразу решил, что выпью из другого кубка, – просто сказал он. – Что бы ты ни выбрала. Если правда на моей стороне, бояться нечего, если нет – я лучше умру, чем буду наблюдать, как ты довершаешь то, что я когда-то предотвратил. Но теперь... когда твоё тело найдут перед дворцом, это придаст нашим подданным сил для победы. Ненависть всегда даёт много сил.

Поднявшись из-за стола, он подошёл к одному из магических светильников на стене, сейчас не зажжённому. Повернул его наискось.

– Поначалу я огорчился, что ты не станешь той королевой, какую я хотел бы оставить после себя, – проговорил Советник, глядя, как отъезжает в сторону книжный шкаф, пока воспитанница задыхалась за его спиной. – Что не желаешь учиться тому, чему я так хотел тебя научить, что унаследовала своеволие отца, но не унаследовала его хитрости, ума, стремления познать всё, что необходимо правителю... Однако я думал, что сумею вырастить хорошую Повелительницу. Лучше, чем это сделал бы он. – Старик смотрел в чёрный провал тайного хода, на тёмную лестницу, уводившую куда-то вниз. – А потом понял, что это к лучшему. Что ты будешь счастливее, если бремя власти не ляжет на твои плечи, если ты

сможешь просто заниматься тем, что тебе по нраву, оставив грязь политики и интриг будущему мужу. И правил за тебя так, как мог, и позволял тебе слишком много, чувствуя свою вину, и понимал, что заслуживаю твоё недоверие, твою неприязнь... и потому в своё время принял отставку как должное. Мне больно было видеть, как ты моментально рушишь то, чего я добивался годами, но теперь боги расставили всё по местам.

Он стоял неподвижно, не оборачиваясь. Видимо, не хотел смотреть на предсмертную агонию принцессы.

И не видел, как та всё же смогла запустить ладонь в скрытый кармашек на юбке, чтобы достать оттуда кольцо.

– Прости меня, – едва слышно, так и не решившись обернуться, произнёс Советник. – Ты была мне как... ты была мне дочерью. Но между личным и важным правитель всегда выберет второе.

Держа серебряный ободок кончиками пальцев – большого и среднего, немилосердно дрожащих, – Навиния отчаянно пыталась надеть кольцо одной рукой. Кое-как приблизила его к указательному, заставила украшение скользнуть на ноготь...

Кольцо замерло, так и не продвинувшись дальше.

А потом принцесса глубоко, жадно, судорожно вдохнула – и выдоха не последовало.

Глава пятая

Избранники обмана

Леттэ Авэндилль из дома Эльскиар поднималась в свои дворцовые покои, когда столкнулась на лестнице с тэлеей Фрайндином.

Брат Повелителя эльфов спускался ей навстречу: задумчивый, отрешённый, печальный. Но, завидев Авэндилль, всё же улыбнулся в ответ на её церемонный поклон.

– Лучезарная леттэ, ваш взор сияет столь же ярко, сколь всегда сиял на моей долгой памяти, – проговорил Фрайндин, остановившись. – Так радостно видеть кого-то, кто в эти тяжёлые дни не позволяет себе погрузиться в пучины отчаяния.

– Зато ваш взор, пресветлый тэля, затеняет грусть, и это заставляет ваш народ скорбеть вдвойне. – Авэндилль грациозно вскинула голову. – Я уже пыталась выразить вам своё сочувствие и свою тоску по нашим возлюбленным принцам, но тогда у меня не хватило слов. Не хватит и теперь. Скажу лишь, что они были столь же дороги моему сердцу, сколь их прекрасная мать, и гибель их печалит меня в той же мере. – Она мягко коснулась ладони Фрайндина кончиками пальцев. – Однако вам не стоит заживо погребать себя в бездне тоски. Сейчас вы должны быть поддержкой вашему венценосному брату, нашему благородному Повелителю, ведь ему тяжелее, чем всем нам.

– Их гибель не подтверждена, – помедлив, откликнулся эльф. – И надежда, что они вернуться домой, ещё есть.

Он смотрел собеседнице в глаза, и с губ его вдруг ушла улыбка, а взгляд потерял всю отрешённость. Сделался живым, внимательным, пристальным.

Под этим взглядом Авэндилль убрала руку – степенным, выдержанным жестом.

– Конечно, есть, – она не опустила глаз, встретив внезапное внимание Фрайндина без всякого смущения. – Все Дети Солнца уповают лишь на это. Однако, зная жестокость тёмных... шансы так невелики, и я, как и многие из нашего народа, готовлю своё сердце к худшему исходу. Тем отраднее будет потом признать, что мы ошиблись.

– Я понимаю. – Фрайндин снова улыбнулся. – Благодарю за слова поддержки.

Но взгляд его остался прежним. Цепким, даже немного колючим. Зимним.

– Это самое ничтожное из того, что я могу дать вам, и, увы, это всё, что я могу. – Авэндилль снова склонила голову, изящно, словно в танце. – Не смею далее занимать ваше время, пресветлый тэлья. Я и без того довольно задержала вас на пути, куда бы он ни вёл... да озарит Солир вашу нелёгкую дорогу.

– Как и вашу, лучезарная лэтте.

Выпрямившись, Авэндилль продолжила своё шествие по ступенькам. Не оглядываясь на эльфа, который пару секунд ещё смотрел ей в спину, прежде чем тоже продолжить путь. И если лицо Фрайндина сделалось ещё более задумчивым, чем до этой встречи, то Авэндилль казалась абсолютно невозмутимой... по крайней мере, пока не закрылась в своих покоях.

Оказавшись внутри, эльфийка прислонилась спиной к двери. Прикрыв глаза, выдохнула так долго и прерывисто, будто всё это время шла, затаив дыхание.

Рывком отстранившись от светлого дерева, направилась к туалетному столику.

Нужно быть осторожнее. Игра ещё не окончена. Расслабляться рано. Следует по-прежнему контролировать каждое слово, каждый жест... каждый взгляд.

Треклятые принцы.

В следующий раз лучше промолчать вовсе. Немая скорбь, лишаящая дара речи, – это представление уже сработало в прошлом.

Авэндилль вновь открыла шкатулку с украшениями. Взяла в пальцы небольшой белый кристалл: ценная штучка, изготовленная магами. При активации оглушает и слепит всех вокруг, кроме тех, кто успел вовремя закрыть глаза. Вторая безделушка, которую Авэндилль в своё время приобрела тайком... Но эту – как замену охране. Всего-навсего. Ведь в некоторые свои путешествия взять охрану Авэндилль никак не могла, а между тем путешествия эти были довольно опасными. Потому и купила кристалл восемнадцать лет назад.

Перед той самой вылазкой к человеческому ювелиру.

Эльфийка достала малахитовый перстень со смертоносным секретом. Повертела в руках, надеясь, что Фрайндин не начал ничего подозревать. Ведь если начнёт, то может вспомнить ту встречу в саду. Нет, не ту, с которой всё началось, ибо там его не было, – но другую, уже с его участием.

Бедный, бедный Фрайндин. Если бы он только знал, что невольно

поспособствовал смерти невестки...

Авэндилль мельком улыбнулась, и память в который раз за эти годы вернула её к началу истории.

То был вечер наречения младшего принца. Мальчишке тогда исполнился год, и по эльфийской традиции настало время дать ему имя. Церемония была торжественной, как и положено; прибыли делегации от людей и лепреконов – не Повелители, но весьма почётные представители своих рас... однако праздник омрачало то, что неделю назад появился посланец тёмных. Иллюранди. Эльфийский дворец был слишком хорошо защищён от проникновения извне, поэтому демон заявился к людям – нашёл лазейку в охранных чарах. Трое светлых Повелителей, посоветовавшись, рискнули назначить тёмным встречу в человеческом замке Матхниз, что на Долгом озере, но никто не знал, чего ждать от этой встречи. На словах друу желали положить конец трёхсотлетней вражде, а на самом деле?..

По этой причине даже в день, должный быть радостным для всех Детей Солнца, в воздухе витало напряжение. Повелитель, впрочем, всё равно казался счастливым. Торжественно нарёк сына Фаникэйлом и воссел на троне, рядом с золочёной колыбелью, в которой мирно лежал новонаречённый принц. Его брат ёрзал на сиденье рядом, ревниво косясь на колыбель, словно мелочь, пускавшую в ней пузыри, мог кто-то украсть.

Дэнимону было всего пять, но сходство со смертной матушкой уже бросалось в глаза. Его повадки оскорбляли Авэндилль не меньше, чем отвратительный тёмный окрас. Не может спокойно усидеть даже на время церемонии подношения даров! Ни выдержки, ни достоинства, которое должно быть присуще наследнику эльфийского престола, – паршивая человеческая кровь давала о себе знать. Авэндилль, как и другие фрейлины, ждала у подножия трона на случай, если Повелительнице что-то от них понадобится; они следили за бесконечными поздравителями, склонявшимися перед Хьовфином, расточавшими похвалы и комплименты его супруге, улыбавшимся его старшему сыну, а после оставлявшими подле колыбели драгоценные подношения.

И за маской радостного умиления любимая фрейлина Повелительницы скрывала ту ненависть, что жгла её сердце даже сильнее обычного.

Она росла, слушая песни о своей тёте. Песни столь же красивые, сколь и печальные. О том, как Хьовфин любил свою Льюмдэлль, о её отважном и добром сердце, которое в итоге привело её к гибели. И с детства Авэндилль твердили, что она – новое воплощение той

удивительной девушки, и мать, расчёсывая ей волосы по вечерам, тихо и ласково пророчила Дилль то место, которое должна была занять Дэлль. Пророчила ей корону и любовь Повелителя.

Авэндилль точно помнила, как впервые увидела его на каком-то приёме. Ей было одиннадцать, и тогда её впервые вывели в свет, и от одного взгляда на Повелителя у неё перехватило дыхание – ведь он был так невыразимо прекрасен. Ему представили Дилль, и он улыбнулся ей, но в иссиня-фиалковых глазах его стыла печаль; и тогда она подумала, что отдаст всё, чтобы эта печаль оставила его. Она сделает его счастливым, она сможет сделать его счастливым! Она родит ему детей, храброго принца и нежную принцессу, и они вырастут похожими на отца, достойными наследниками рода Бьортреас, и такими же прекрасными, а она будет любить своего Повелителя, как никто и никогда, сильнее даже, чем сама Льомдэлль... и лёд, сковавший его сердце после старой войны, наконец растает.

Потом родители сказали, что заключили брачный договор. Пусть по сути ничего не изменилось, пусть Дилль по-прежнему видела своего Фина только на официальных приёмах, но сердце её пело. Несколько лет – таких долгих, но всё же – и её мечта сбудется. И годы шли, и заветный день потихоньку приближался, и в народе уже начали складывать песни: трогательные легенды о том, как Повелитель спустя почти три века вновь обрёл свою потерянную любовь, как боги милостиво вернули ему ту несравненную деву, что он когда-то потерял...

А потом появилась она. Та, кто отобрала у Дилль и любовь, и мечту, и корону. И в песнях, которые складывали про Авэндилль, теперь звучало другое имя, а ей самой досталась участь тени у подножия трона. Участь той, кто может только смотреть на место, что изначально предназначалось ей, – снизу вверх.

Это она должна сидеть там. Она должна принимать поздравления и благодарности за то, что подарила Детям Солнца ещё одного маленького принца. Она должна быть той, кому улыбается Повелитель – так тепло, так нежно... Она, она! И кто занял её место? Человеческая девка! Даже не магичка: обычная, самая обычная человеческая девка!..

Она не помнила, как выдержала эту пытку до конца. Но выдержала. Уже который раз. Она с детства умела безукоризненно держать лицо – и никогда, никогда и никому не показывала, как глубоко её оскорбляло и унижало всё это. Даже семье. Ни разу за шесть лет, минувших с тех пор, как Повелитель разорвал помолвку. Для всех вокруг Дилль была всего-навсего ребёнком, не особо заинтересованным в этом браке по расчёту;

чистым, невинным ребёнком, не таившим зла ни на кого. И поэтому все эти годы Дилль изображала великую любовь к той, кого с превеликим удовольствием уничтожила бы. Не давая повода для насмешек, не позволяя возникнуть и тени подозрения, что дочь Эльскиаров действительно любила своего венценосного жениха... а теперь дико, невыносимо и так беспомощно его ревнует.

Когда официальная часть подошла к концу, Повелительница милостиво позволила фрейлинам заняться тем, что им по нраву. Откланявшись и ей, и Фину, и Фрайндину с Эсфориэлем, которые первыми поздравили брата, Авэндилль удалилась в сад, уже укрытый тёмными крылами осеннего вечера. Там, вдали от гомона, шума и смеха, она присела на камень в тиши тенистых аллей и увядших цветов; и думала о том, что она ничего не имеет против людей – и тем больше её ужасали деяния тёмных, – но они должны знать своё место. Ни одна человечка не пара Повелителю Детей Солнца! Человечка не сможет разделить с ним бессмертие, она умрёт, не прожив и сотни лет, и снова оставит владыку эльфов в одиночестве, в тоске и горечи утраты. Разве это справедливо? Разве Хьовфин, её Хьовфин заслужил такое?

Лучше бы этой девки не было. Лучше бы она умерла сейчас, пока любовь не пустила корни в его сердце слишком глубоко...

– Я сочувствую вам.

Услышав это, Авэндилль вздрогнула от неожиданности. Вскинула голову, увидев человека в белом: пожилого, с сединой в вороних волосах, с внимательными глазами цвета тёмного дуба.

Первый Советник Повелителя людей.

– Вы отлично держитесь, должен сказать. Я восхищён вашей выдержкой. Никто и не догадывается, что за груз на самом деле тяжелит ваше сердце. Все эти годы, кто бы мог подумать... – Он смотрел на неё так ласково, как никогда не смотрел даже её собственный отец. – Вы прекрасны, леттэ Эльскиар. Не ваша вина, что сердцу не прикажешь. Отвергнув вас, Хьовфин потерял чудесную супругу. Не печальтесь... вы ещё найдёте того, кто примет вашу любовь как драгоценность, которой она является.

Много позже она понимала, что старый хитрец просто бросил камушек наугад, чтобы посмотреть, вода перед ним или прочное стекло, разойдутся круги или нет. Знал о той щекотливой ситуации, в которую она угодила, сделал предположение о том, что она могла чувствовать, – и решил проверить, верно ли оно. Ведь она успешно обманывала всех, абсолютно всех, и точно знала, что ничем не могла себя выдать. Но тогда

ей было всего девятнадцать, и она была всего-навсего девчонкой, так уставшей постоянно лгать, и этими словами он застал её врасплох. На что он, конечно, и рассчитывал.

Из-за всего этого Авэндилль растерялась. И вместо того, чтобы сказать: «Я не понимаю, о чём вы», – промолчала.

– Я понимаю, почему вы скрываете свои чувства. Но я не имею отношения к вашему двору, и передо мной скрываться нет смысла, – когда Советник присел на камень рядом с ней, его тихий голос был исполнен грусти и сострадания. – Вы сильны, однако даже сильные порой нуждаются в минутах слабости.

И она, не выдержав, закрыла лицо ладонями, чтобы он не увидел её слёз. Ведь в глубине души она так ждала, так хотела этого: чтобы кто-то понял её, понял тот спутанный клубок страстей, которым обратилось её сердце. Понял и пожалел.

– Мне не нужен никто, кроме него, – лихорадочно прошептала Дилль. – А он должен был стать моим, но не будет, никогда не будет, и всё из-за какой-то... какой-то...

– Человеческий век недолог. В отличие от эльфийского, – заметил мужчина. – Каких-то пятьдесят-шестьдесят лет, и Хьовфин снова будет свободен.

– Шестьдесят, – эхом повторила Дилль, безнадежно опустив руки.

Шестьдесят лет. Она страдает всего шесть, но уже кажется, что вечность. И предстоит выдержать ещё десять раз по столько же... А что потом? После смерти Льомдэлль Фин почти три века не смотрел на женщин. Нет, смотрел – очень редко, и некоторые даже грели его постель; но Дилль не нужна была участь лекарства от одиночества, развлечения на пару месяцев. Нет, Повелитель нужен ей целиком, полностью. На законных основаниях.

Навеки.

Советник молчал, однако Дилль кожей ощущала его пристальный взгляд.

– Знали бы вы, как меня тревожат грядущие переговоры с тёмными, – внезапно произнёс мужчина. – Я хочу, так хочу верить, что дроу хотят мира... Но не могу. Не верю, что они забыли о прошлом.

Смена темы заставила Дилль снова посмотреть на собеседника, пытаясь понять, отчего безо всякого перехода он заговорил именно об этом.

– Им нельзя доверять, – продолжил Советник. – Даже если эта встреча пройдёт благополучно, она – лишь маскировка, ловушка. Выигрыш

времени до момента, пока тёмные не готовы будут снова нанести удар. И тогда они довершат то, что не довершил Тэйрант.

Его слова откликнулись в сердце Дилль ноющей болью. Её корбило от одной мысли, что Дети Солнца заключат мир с дроу: мясниками, когда-то залившими Риджию кровью, теми, кем её с детства пугали страшные сказки, теми, из-за кого погибло столько светлых, должных ещё жить и жить, и из её семьи – тоже...

– Так думаете не вы один, – помедлив, осторожно заметила она.

– Я знаю многих людей, разделяющих мой взгляд на вещи. И Детей Солнца тоже. В глубине души все готовы к некоей подлости, изощрённому коварству дроу... Чего ещё ждать от тех, чьё любимое оружие – яд? – Советник поднялся на ноги неторопливо, но легко. – Боюсь, на этих переговорах может произойти всё что угодно. Дроу способны нанести удар в любой момент. Выбрать в жертвы любого из нас. Даже одного из наших дорогих Повелителей... или супругу кого-то из них.

Авэндилль уставилась на него во все глаза, не смея поверить, что действительно услышала в его интонации намёк – скорее даже намёк на намёк, – но мужчина лишь улыбнулся.

– Впрочем, я надеюсь, что это лишь пустые опасения. – Советник галантно поклонился. – Да хранит вас Солир, леттэ Эльскиар. Желая, чтобы ваша печаль оставила вас.

И ушёл. А Дилль осталась в темноте, размышляя над идеей, которую расслышала в его словах. Безумной, преступной, неправильной...

Способной наконец разрубить клубок страстей, что мучил её все эти годы.

Она вернулась во дворец и до конца торжества вновь улыбалась, смеялась, говорила учтивые слова. Всё как обычно – внешне. Да только в её душе, в её уме и сердце всё изменилось. И той ночью она не спала ни минутки: металась по своим покоям, думала – и в ужасе отметала свои мысли, а потом думала снова – и колебания были невыносимыми, лихорадящими, раздирающими на части...

Когда следующим утром Повелительница с тревогой спрашивала, отчего её любимица так бледна, Дилль честно отвечала, что не спала этой ночью. И даже не солгала, добавив, что её мучают дурные предчувствия из-за грядущих переговоров. Её погладили по волосам и успокоили, что всё будет хорошо, а потом отпустили отдохнуть. И Авэндилль провела ещё пару часов наедине со своими демонами, после чего отправилась на обычную утреннюю прогулку по дворцовому саду.

К тому моменту она уже почти приняла мысль, что может сделать это.

То, в чём обвинят дроу. Действительно: когда недоверием и тревогой пропитан сам воздух в эльфийском дворце, когда все Дети Солнца напряжены, точно струны хёрпы^[9], достаточно одного неосторожного прикосновения, резкого движения, и эти струны лопнут. Дроу уничтожат на месте, и никто не будет разбираться, кто в действительности виновен, что жена Хьовфина вдруг упала бездыханной. А она должна умереть мгновенно, чтобы Повелитель не смог совершить эйтлих.

Да, если она умрёт сейчас, Повелитель наверняка сможет оправиться от утраты. Конечно, придётся ждать ещё годы, чтобы подтолкнуть Хьовфина возобновить старую помолвку... и Дилль подождёт. Не шестьдесят лет, гораздо меньше, но подождёт.

И в итоге всё обернётся к лучшему.

Советник прав. Когда-нибудь тёмные обязательно захотят довершить дело Тэйранта Кровавого. Мысли о примирении с ними – ужасная ошибка: их следовало уничтожить ещё после той войны, раз и навсегда. Сделать то, что сами дроу собирались сделать со светлыми. Заставить расплатиться за все злодеяния, что они совершили, за все жизни, что они забрали. Не дать им обмануть всех мнимым миролюбием – благое дело.

И, вышагивая по садовым дорожкам, оставляя в первом снегу, выпавшем ночью, едва заметные следы, Авэндилль думала только об одном: как сделать это. Отравить соперницу незаметно, но чтобы всем было очевидно, что это совершили тёмные.

Отравленное оружие, отравленное оружие...

А в какой-то момент пути по извилистым тропинкам она услышала песню.

Голос Фрайндина Дилль узнала сразу. Во время своих прогулок она не раз слышала его: младший брат Повелителя любил уходить в сад и петь, сливая свой голос с птичьими трелями. Но этим утром, возвещавшим о близости зимы, его песня звучала кристально и одиноко, далеко разносясь в воздухе, напоённом холодной тишиной.

– ...и колечко сестра протянула сестре, и сказала принцесса младая: «В этот день не отринь мой подарок тебе, о сестрица моя дорогая!»

Песня была смутно знакомой. Спустя пару куплетов Авэндилль вспомнила, что слышала её раньше, когда-то давно – кажется, в исполнении того же Фрайна. Услышала и забыла.

Но теперь слова, вплетённые в музыку, заставили её ускорить шаг, жадно вслушиваясь в каждое.

– ...нежный палец её уколола игла, яд разлился под кожей мигом, и сестра, умирая, сестру прокляла, да не слышал никто её крика. И смеялась

принцесса, довольна собой, золотою качая главою: «Твой колдун, твой герой ныне будет со мной – не соперничать мёртвой с живою!»

Когда Авэндилль наконец увидела Фрайна, сидевшего на своём любимом месте – гранитном камне, поросшем мхом под раскидистым кустом жасмина, – тот уже допевал последние строки, успокаивая пальцами растревоженные струны хёрпы. Чистая снежная белизна, окружавшая брата Повелителя эльфов, гармонировала с его зимней красой, и в который раз за эти годы Авэндилль подумала, что Фрайндин прекрасен, но всё же не прекраснее царственного брата.

Он заметил эльфийку, лишь смолкнув.

– Приветствую, маленькая леттэ, – проговорил Фрайндин с улыбкой, неизменно светлой и приветливой. – Прогуливаетесь, как обычно?

– Пресветлый тэлья... благодарю, ваш восхитительный голос в который раз скрасил моё одиночество, – кажется, тогда Авэндилль отвесила традиционный поклон чересчур нетерпеливо. – Не изволите ли поведать, что за дивную песню вы сейчас пели?

– О, её сочинили люди. Облекли в песню реальную историю, как бы мне ни хотелось иного, – взгляд эльфа сделался печальным. – Когда-то двум сёстрам, дочерям королевского рода, приглянулся один молодой маг. Но он отдал своё сердце старшей, и тогда младшая отравила сестру.

– Подарила ей кольцо, в котором скрывалась игла с ядом, если я правильно расслышала.

– Да, к моему великому сожалению, – Фрайндин вскинул голову, глядя на голые ветви золотого древа, протянувшиеся высоко над ним рамой разбитого витража. – Порой мне кажется, я никогда не пойму людей. Как можно поступать так? Уничтожать тех, кто доверяет тебе, кто любит тебя, – из-за того, кто всё равно никогда не будет счастлив с тобой? Из-за подобных мелочных...

Авэндилль и сейчас помнила серое небо, отражавшееся в его глазах, раскрашивая их белёсым льдом. В голосе эльфа слышалась такая искренняя, неподдельная боль, точно он говорил о ком-то из тех, кого знал лично. Впрочем, вполне возможно, что он и правда знал тех принцесс.

Вспоминая об этом, Авэндилль усмехнулась. Милый, добрый, наивный Фрайндин... Всегда принимал всё близко к сердцу, всегда отдавался всему с горячностью своей вечно юной души. Всегда казался слишком хорошим для этой грешной земли.

Какая ирония, что именно он в итоге подсказал Дилль способ, как убить жену его брата.

В библиотеке она узнала название нужного яда. Под покровом ночи

незаметно улизнуть из дворца в человеческие кварталы Солэна стоило небольшого труда, но лишь небольшого. В первую свою вылазку Дилль только заглянула в лавочку мага – за кристаллами, и к швее – за мантией колдуньи. Во вторую, уже не беспокоясь ни за свою безопасность, ни за раскрытие инкогнито, отправилась в злачные места.

Она понимала, что не может просто прийти к первому попавшемуся ювелиру и попросить изготовить колечко с секретом. Далёко не каждый ювелир пойдёт на такое. Да и яд достать было не так просто. Однако в грязных людских тавернах, пряча лицо в тени глубокого капюшона, намеренно понижая голос до хриплого шёпота, Дилль осторожно выведала, кто может ей помочь.

К тому моменту, когда в составе свиты Повелительницы она отправилась на переговоры с тёмными, её палец украшал заветный перстенёк.

Её уговаривали остаться в Солэне. Не родители, Повелительница. Дилль настояла, что не покинет свою обожаемую госпожу в этот смутный час. Пришлось даже расплакаться, чтобы ей уступили: покойная жена Фина была сентиментальна, и чужие слёзы трогали её. В итоге Дилль всё-таки оказалась в замке Матхниз, где впервые увидела дроу. Живых, настоящих: с волосами цвета звёзд, с глазами цвета янтарной луны, с кожей цвета сумерек...

Истинные тёмные, дети ночи и богини Тунгх.

Они улыбались, и эти улыбки завораживали и пугали. Особенно улыбка их Повелителя, наследника Тэйранта, от которого ни на шаг не отходил его придворный колдун, наследник Ильхта. И когда эта парочка представилась, среди светлых пронёсся настороженный ропот.

Это окончательно убедило Дилль в правильности её решения.

Поцарапать Повелительнице руку, когда та вместе с Дилль отлучилась в уборную, труда не составило. Внутреннюю сторону ладони, оставив длинный, не слишком глубокий, но заметный порез. Потом пришлось, быстро повернув камень обратно, долго извиняться за гнусного ювелира, который сделал слишком острыми «лапки», держащие малахит, – но Повелительница, как и ожидалось, не придала царапине никакого значения. Промокнула платком и забыла.

Лёмун – весьма любопытная штука. Попадая в рану, не заставляет её ни излишне кровоточить, ни болеть; и лишь к моменту смерти по коже вокруг расползаются неприятные, неестественные синие прожилки. И когда Хьовфин в отчаянии попытался вернуть супругу к жизни, конечно же, он их заметил.

Авэндилль не видела бойни. Она собиралась под каким-нибудь предлогом ускользнуть из зала к тому времени, когда яд должен был подействовать, однако боги определённо ей благоволили: вскоре после того, как они вернулись на пир, Повелительница сама предложила Авэндилль отправиться в покои, уготовленные для сна. Мол, у неё слишком усталый вид.

Что Дилль и сделала.

О случившемся дальше она только слышала. От тех, кто выжил. Когда светлые набросились на дреу, те попытались прорваться к выходу из зала, но противников, одержимых желанием отомстить за вероломство, было слишком много, а возможность удрать с помощью магии тёмным отрезали защитные чары древнего замка. Тогда наследник Ильхта сотворил одно из заклятий своего предка: проклятие Дойданс, о котором пели в легендах, волну смертоносного сизого тумана, способную разом оборвать сотни жизней. Большая часть светлых погибла в тот же миг, и правители людей оказались среди них, но придворный колдун Хьовфина тоже ни на шаг не отходил от своего Повелителя. Он прикрыл владыку от опасности, поставив барьер, защитивший от проклятия и Фина, и его братьев. Увы, это стоило ему жизни: слишком мощной магии пришлось противостоять, слишком много энергии он отдал волшебному щиту. Его жена погибла чуть позже, когда дреу, расчистив себе путь, всё же выбрались из зала – прямоком в окружение пяти сотен светлых воинов, праздновавших заключение мира в шатрах вокруг замка. Она потратила все силы, чтобы сломить защитные барьеры тёмных колдунов: умерла, но сломила, позволив светлым покончить с дреу.

Конечно, Дилль было жаль всех, кто погиб там. Пусть эти жертвы были необходимы, но ей было жаль их, и тех двоих магов тоже. С другой стороны, они просто исполнили свой долг... до конца, как и положено придворным колдунам Повелителя. Наверное, поэтому и Фин, и его братья, и его сыновья с детства так привечали их сына, этого неуклюжего мальчишку Восхта. В благодарность.

Впрочем, с возрастом он и правда проявил себя неплохим колдуном.

Людям не повезло. Защитники их владык тоже пытались спасти тех, кому клялись в вечной верности, но оказались не так сильны. И позже Дилль поняла: если Советник и правда умышленно подарил ей идею про счастливое избавление от соперницы... Сама Дилль рассчитывала, что её Повелитель уцелеет стараниями магов и гвардейцев, – а вот старый интриган наверняка надеялся, что человеческий правитель не переживёт эту передрагу.

Качнув головой, эльфийка вернулась мыслями в настоящее. Спрятав малахитовый перстень под другие драгоценности, с негромким щелчком закрыла шкатулку.

Фин такой добрый... даже не убил Фрайна за то, что тот недосмотрел за принцами. Слишком любит своего маленького братика? Или не слишком сильно был привязан к сыновьям? Что ж, пусть не всё идёт как задумано, но боги определённо ей подыгрывают.

И, прежде чем отправиться исполнять обыденные ежевечерние ритуалы, Авэндилль подумала, что в долгом достижении цели определённо есть своя прелесть.

Во всяком случае, по окончании этой многолетней игры её жизнь определённо станет намного скучнее.

* * *

Возвращения принцессы ждали молча. Дэнимон – нетерпеливо меряя шагами комнату; Лод – рассеянно прикрыв глаза, точно в полудрёме; я – так и сидя на мягкой ручке кресла по соседству с колдуном.

И когда тот резко поднялся на ноги, я подскочила.

– Алья, – имя Повелителя Лод почти выплюнул. – Алья!

За этим последовала короткая пауза, в которую колдун смотрел в пространство, а мы с принцем – на него.

– Призывай всех нас, – Лод бесцеремонно вздёрнул меня за плечи, чтобы привлечь к себе. – Быстро!

По его тону я поняла всё ещё прежде, чем нас увлекло завихрившееся пространство. То, что с принцессой случилось нечто очень нехорошее.

И это нечто, как ни странно, не вписывалось в планы колдуна.

Я едва ощутила под ногами твёрдый пол, а Лод уже рывком отстранился, кинувшись куда-то вперёд. Спустя пару мгновений, уняв головокружение, я осознала, что нас перенесли в башню Повелителя, в проходную комнату с овальным столом. Алья с Лодом стояли на коленях, склонившись над принцессой – неподвижной, хрипло дышащей, лежащей на полу, безжизненно свесив голову набок; белая пена вокруг её губ определённо была плохим признаком.

Отравили?! Как? Кто?..

– Морти! – закричал Повелитель дроу, и крик этот был страшен. – Морти, сюда!

Принцесса дроу выглянула из своей спальни почти мгновенно. За пару

секунд оценила обстановку, нырнула обратно – и выскочила к нам, сжимая в руках чёрный ларец.

– Что с ней? – вскрикнул Дэнимон.

– Яд, – коротко ответил Лод. Он уже вёл над телом девушки расправленной ладонью, сканируя её знакомым серебристым сиянием. – Морти, это «Ночной покой». Смешали с ауменье.

Щёлкнув пальцами, колдун поставил на пол рядом с собой глубокую серебряную миску. Вычертил в воздухе несколько рун, и в миске вместо пустоты всплеснулась отвратительная жидкая субстанция – розовая, с разно-цветными кусками полупереваренной пищи.

Хвала магической медицине. Никакой рвоты, никаких промываний желудка. Зачем, если можно просто напрямую вытащить оттуда всю гадость?

– Морти, зелье.

Дроу, сидевшая рядом, протянула колдуну уже приготовленную непрозрачную склянку:

– Сначала эту, в кровь. Целиком, не слишком быстро.

Я тихо отступила назад, прислонившись спиной к стене, не решаясь ничего спрашивать. Просто смотрела на Лода, который, сжав склянку в одной руке, пальцами другой плёл рунные цепочки. Алья неотрывно вглядывался в лицо умирающей принцессы, сидя в позе самурая, сложив руки на коленях; лицо кажется бесстрастным, и лишь пальцы, сжатые в кулаки до бледных костяшек, выдают боль. Дэнимон стоял у Лода за спиной, кусая губы, и по его лицу я видела – его мучают те же вопросы, что и меня.

Но сейчас он, как и я, не решался ничего говорить.

В какой-то момент судорожные, страшные хрипы – они были единственным, что нарушало наше молчание, – сделались тише.

И к моменту, когда Лод отставил в сторону опустевшую склянку, сменились глубоким, чистым дыханием.

– Теперь эту, – Морти с готовностью передала колдуну другой пузырёк. – Половину, в желудок.

Проделав необходимые манипуляции, на сей раз занявшие куда меньше времени, Лод вернул лекарство дроу.

– Всё, – выдернув из воздуха платок, колдун бережно обтёр им губы Навинии. – Теперь только ждать.

– Она будет жить? – глухо спросил Алья.

– Должна. Мы вовремя ввели противоядие. – Лод задумчиво смотрел на человеческую принцессу: она казалась мирно спящей. – Отнесём её в

мою башню, и...

– Нет, – тон Альи не подразумевал возражений. – Она останется здесь. Под моим присмотром.

Подхватив бесчувственную девушку на руки, Повелитель поднялся на ноги вместе с ней. Неся Навинию без малейших усилий, проследовал к одной из дверей; открыв ту лёгким пинком, взбежал по ступенькам винтовой лестницы и скрылся из виду.

Пожалуй, в этот миг моё желание, чтобы принцесса выжила, стало ещё сильнее. Мне не хотелось видеть, что останется от Альи, если ещё один важный для него человек погибнет, потому что он дал ему слишком много воли.

– «Ночной покой», – решившись подать голос, тихо проговорил Дэнимон. – Это ведь настойка на корне дрэймура?

– Да, – Лод наконец встал с колен.

– Но это просто снотворное. Безобидное. Как Вини могли отравить им?

Морти оглянулась на него с какой-то жалостью.

– Милый принц, я рада, что вы не знаете об иных возможностях применения этого... безобидноснотворного. – Приняв руку Лода, она встала рядом со своим хальдсом. – Две капли «Ночного покоя» на стакан воды – будешь крепко спать всю ночь. Десять капель – никогда не проснёшься. А в сочетании со спиртным эти же десять капель превращаются в смертельный, быстро действующий яд.

– Реакция занимает пару минут, настойка сладкая, вкус в розовом ауменье незаметен... поэтому принцесса не могла почуять подвох, даже если проверила бокал, прежде чем пить. – Лод качнул головой. – Жаль. Этого я не предусмотрел.

– Того, что её захотят убить в собственном дворце? Её же подданные? Такое сложно предусмотреть, – горестно заметил Дэнимон.

– Нет. Я не предусмотрел, что её захотят убить именно так. Яд вообще приходил мне в голову в последнюю очередь. Не думал, что он окажется у Советника под рукой, отравители при дворе людей давно не водятся. Скорее полагал, что её попробуют заколоть или ранят себя, а потом вызовут стражу и поведают сказочку, как Навиния покушалась на бедного старика, потому что тёмные подчинили её своей воле... – Колдун устало почесал подбородок. – Жаль, что Советник никому не рассказывал о своих проблемах со сном.

На этом месте взгляд Морти, обращённый на него, сделался растерянным. Дэнимон и вовсе изумлённо приоткрыл рот.

– Вы хотите сказать, что её отравил Советник? – вымолвил принц потом.

– Ты хочешь сказать, что сознательно подверг её опасности?

Последний вопрос принадлежал Алье: тот успел вернуться и теперь стоял на последней ступеньке лестницы.

Глядя на своего придворного колдуна взглядом, не сулившим ничего хорошего.

– Я не думал, что это подвергнет её опасности. Алья, она не беззащитная девочка, она боевой маг. – Лод перевёл взгляд на Дэнимона. – Я полагаю, Навиния отправилась в замок, чтобы повидаться со своим старым Советником. Проверить услышанное от Повелителя эльфов... и ещё кое-что.

– Ведь Советник мог опровергнуть утверждение Фина. И принять её с распростёртыми объятиями, – это вырвалось у меня само собой: просто потому, что в один миг план Лода стал мне ясен, а я не удержала внутри мысли, очень желавшие быть высказанными вслух. – И тогда наша жизнь стала бы куда проще, потому что принцесса убедила бы светлых в нашей невиновности. Или же Советник мог подтвердить слова о том, что люди не чаяли избавиться от строптивой принцессы, и это послужило бы для Навинии ещё одним поводом симпатизировать нам. И... есть ещё причина, верно?

По улыбке колдуна я поняла, что в очередной раз оказалась права.

– Ты подозревал, что Советник может быть причастен ко всей этой истории. Захотел устроить ему такую же ловушку, какую мы подготовили Фрайну. Посмотреть, как он отреагирует на неожиданное воскрешение мёртвой принцессы... особенно если она проболтается, что мы расследуем похищение Фаника и убийство Повелительницы.

– Не то чтобы я его подозревал. Он никогда не давал ни единой причины для подозрений, и власть для него – не желанный трофей, а долг. Я просто предполагал крошечную вероятность этого. Вирт Форредар – тот ещё ненавистник тёмных.

– Но во дворец людей проникнуть далеко не так просто, как в домик Фрайна. И ты решил позволить Навинии прогуляться домой в одиночку: зная, что она в любом случае вернётся к нам, зная, что она расскажет обо всём, что увидит и услышит. Но ты думал, что она вполне сможет обойтись без нашей поддержки... учитывая, что кольцо всё равно оставалось при ней.

– Она была готова к тому, какой приём ей могут оказать, если Советнику действительно неудобно её возвращение на престол.

– И тебе в голову не могло прийти, что простой старый человек – или даже стража, которую он вызовет, – представит для принцессы хоть сколько-нибудь серьёзную опасность.

– И, как выяснилось, ошибся.

Наконец позволив себе отдышаться, я удовлетворённо кивнула. Потом вспомнила о том, что мы в комнате не одни: почти одновременно с Лодом, который оглянулся на Алью мгновением раньше.

Повелитель дроу так и стоял у лестницы. Даже позы не изменил. Изменился лишь его взгляд, теперь холодивший кровь.

– Так ты использовал её в качестве живца, – мягко, почти шёпотом уточнил Повелитель дроу. – И ни слова не сказал мне.

– Ты сам попросил снять с неё ошейник, – напомнил Лод. – Я просто не стал тебе перечить.

– Но ты знал, что она сбежит. Туда, где никто из нас не сможет её защитить.

– Неужели ты всерьёз рассчитывал, что она не воспользуется такой возможностью?

– Я думал, этот плен уже научил её, что разбираться с врагами в одиночку – не лучшая идея.

– Врагами? – Лод грустно улыбнулся. – Алья, это для нас люди – враги. А Навиния... Мы действуем заодно, но это ещё не делает её одной из нас. Не заставляет чувствовать себя здесь своей, – он перевёл взгляд на Дэнимона. – Как и её друзей.

На этом месте эльфийский принц почему-то опустил глаза.

– Иногда было бы не лишним вспоминать, что я всё-таки твой Повелитель, – Алья предпочёл оставить без внимания последнее высказывание. – И это твоя обязанность – посвящать меня в твои гениальные планы. Обязанность моего подданного и моего слуги.

– А что бы ты делал, если б я рассказал о её намерениях? Продолжил держать её в ошейнике, как рабыню?

Дроу промолчал.

– Алья, ничего страшного не случилось. Она выкарабкается. И, судя по тому, в каком состоянии вернулась, расскажет нам что-то интересное. В конечном счёте мы все выиграем, то или иное... То, что потеряли бы, оставь ты её безвольной марионеткой.

– Знаешь, – произнёс Алья, – будь на моём месте кто-то другой, за подобное самоуправство ты был бы наказан. Сурово.

– Как и за многие другие вещи, которые я делал. Знаю, – просто ответил Лод. – Поэтому я никогда не желал и никогда не пожелаю служить

никому другому.

Дроу никак не прокомментировал это. Просто отвернулся и направился туда, откуда недавно пришёл.

– Я... пойду посмотрю, как там принцесса, – высвободив ладонь из пальцев Лода, неуверенно проговорила Морти. – Подождёшь меня здесь? Не думаю, что сейчас тебе стоит идти со мной.

– Конечно. – Колдун повернулся ко мне. – Помнишь путь от башни Повелителя до моей башни?

Я кивнула, не вдаваясь в скользкие подробности, что за сегодня проделаю этот путь уже во второй раз.

– Тогда надеюсь, что вы с Дэнимоном доберётесь благополучно. – Лод слегка поклонился. – Отдыхайте. Эльскиары подождут до завтра.

Шли молча, бок о бок. Я не вырывалась вперёд, предпочитая бросать короткие указания, куда поворачивать на сей раз. И поэтому, скашивая глаза, прекрасно видела лицо эльфа, за которым явно скрывались глубокие раздумья.

– Скажи, – тихо бросил Дэнимон, когда мы уже поднимались в башню колдуна, – тебя ведь совсем не смущает, что для Лодберга все мы – просто фигурки на доске?

Я лишь плечами пожала, не сбиваясь с шага.

– Это не так.

– Да ну? Положа руку на сердце, ты можешь сказать, что он не рискнёт любимым из нас? Не пожертвует мной или тобой, если цель будет стоить того?

– Скажу.

И была уверена в своём ответе. Потому что знала: даже если на одной чаше весов будет стоять выживание целого народа, а на другой – жизнь того, кто ему дорог, Лод не станет выбирать. Он просто обернёт ситуацию так, чтобы выбирать не пришлось. Другой вопрос, что светлые определённо были ему не так уж дороги.

И если любимым из нас он не рискнёт, то некоторыми – вполне.

В башне меня встретили радостный Бульдог, Акке, услужливо спросивший, не желаю ли я отобедать, и книги, которые он утром не менее услужливо достал из библиотеки. За них я и уселась, отобедав; и, узнавая некоторые интересные подробности про драконьи жемчужины и способности дроу, постепенно отвлекалась от невесёлых мыслей, поселившихся где-то на грани сознания, нывших там тоненьким противным голоском. О том, что Лод в очередной раз подтвердил: ему не нужна помощь, чтобы родить – и воплотить в жизнь – очередной

хитроумный план. Ему необходимы пешки, но не боевые товарищи.

И, предотвращая эту войну, он вполне может обойтись без меня.

Я тихо перевернула очередную страницу, скользя глазами по рунным строчкам.

Всё же я была права, когда говорила Акке, что моя роль в этом действе уже сыграна. Всё, что я могу делать теперь, – ходить за Лодом хвостиком. Обузой, беспомощным зрителем. Если бы он обратился ко мне за советом, я бы помогла, но ему не нужны советы. А нужна... поддержка? Тёплые объятия, доброе слово, восхищение в моих глазах, когда я разгадываю его планы раньше остальных? То же, что на моём месте делала бы любая влюблённая девушка? Трогательно до тошноты.

И это так... *унижало*.

Наверное, любая была бы этому рада. Отсиживаться за спиной мужчины, восторгаясь его умом и могуществом. Никакого риска, никаких действий. Сплошная романтика.

Как жаль, что я неправильная до отчаяния.

И в тот момент, когда я поймала себя на мысли, что скучаю по дням, полным острого упоительного азарта – дням, когда мы с Лодом играли друг против друга, – я заставила себя сосредоточиться на риджийских рунах: потому что эта мысль определённо не могла привести ни к чему хорошему.

Меня прервали, когда я читала про иллюзии дроу. С удивлением узнав, что Дети Луны, наделённые этим даром, могут создавать не только свои копии, но и копии других. Правда, это было куда сложнее: создателю приходилось непрерывно держать за руки того, чьи иллюзии он создаёт, в то время как управлять иллюзиями мог только второй. И если собственные иллюзии можно было творить, не отвлекаясь от боевых действий, то создание чужих фактически делало беспомощными вас обоих.

Но информация определённо была интересной.

Увлёкшись, я даже дёрнулась, когда в покоившейся вокруг тишине прозвучало негромкое:

– Приветствую, Белая Ведьма.

Догадаться, кто нарушил моё уединение, было нетрудно.

– Приветствую, принц, – сказала я ещё прежде, чем подняла голову. – Чему обязана высокой чести видеть вас снова?

– Не думаю, что при данных обстоятельствах эта честь столь уж высока. – Глаза Фаника сузил лукавый прищур. – А ты бы неплохо смотрелась при дворе. Эльфы сочли бы тебя вполне учтивой... для человека. Во всяком случае, твоя манера общения выгодно отличается и от

речей Кресты, и от избранницы моего дяди.

– Благодарю за комплименты, коих я не сказать чтобы заслуживаю, – с подчеркнутой чопорностью откликнулась я.

На самом деле я ловила себя на мысли, что мне нравится быть куртуазной. Иногда я смутно подозревала, что очень давно под жестокими реалиями окружающего мира во мне умер рыцарь; возможно, поэтому я так не любила легенды о том, чем хотела бы быть, но уже никогда не буду. Если так, то теперь скелет этого рыцаря ворочался в своей могиле.

И нет – если во мне и умер кто-то куртуазный, это определённо был рыцарь, а не прекрасная дама.

– Форма твоего высказывания противоречит содержанию, – усмехнулся Фаник, погладив папье, мирно сидевшего у него на плече. – Ладно, к делу. Я пришёл попросить тебя об услуге.

– Услуге?

– Криста научила меня этой вашей игре, похожей на скаук. На мой взгляд, она весьма любопытна, но никто из моих товарищей не может составить мне в ней достойную компанию. Не согласишься ли скрасить мне ближайший час своим обществом? – принц чуть склонил голову. – Ждать пробуждения Вины... немного волнительно. Хочется чем-то отвлечься.

Я задумчиво закрыла книгу, предварительно позаимствовав со стола первый попавшийся пергамент в качестве закладки.

Признаться, я не особо нервничала. Просто потому, что верила в целительское искусство Лода и Морти. Но сыграть с Фаником было бы любопытно. К тому же...

– Соглашусь, – легко ответила я. – Но попрошу об ответной услуге.

Принц ничего не сказал, и лишь взгляд его сделался выжидающим.

Покопавшись в пергаментях на столе, я нашла тот, с которым коротала досуг вчера.

– Видите ли, я набросала парочку магических формул. И как раз искала способ проверить, верны ли они.

Прежде, чем показать их Лоду, добавила я в уме. Понимала, что всему виной гордыня, но почему-то хотела, чтобы, когда я продемонстрирую моему отражению из зазеркалья заклинания собственного изобретения, они работали безупречно.

Ну ладно, *почти* собственного изобретения.

– Вот я и подумала, – продолжила я, – не можете ли вы попросить Восхта проконсультировать меня по этому поводу?

Брови Фаника медленно поползли вверх.

– Ты сочинила магические формулы?
– И очень надеюсь, что они работают.
– Не будучи магом, пробыв в Риджии пару недель, ты сочинила магические формулы?
– Довольно простенькие, к сожалению, – признала я. – Но надо же с чего-то начинать.

Фаник нахмурился. Не сказав ни слова, поманил меня пальцем и, развернувшись, побежал вниз по лестнице.

– Видимо, это был положительный ответ, – скатывая пергамент в трубочку, заключила я. Посмотрела на Бульдога, дежурившего под креслом. – Тоже пойдёшь? Должно быть весело.

Пёс завилял хвостом, в свою очередь демонстрируя немое «да», и в гостиную я спускалась под аккомпанемент его когтей, звонко цокающих по камню.

Там меня уже ждали.

– Приветствую, – кивнул Восхт. – Ты и правда придумала заклинание?

Он стоял подле одного из кресел рядом с Фаником, от нетерпения постукивавшим по полу мыском мягкой туфли, и – к моему удивлению – Дэнимоном, с хмурым видом сидевшим за столом.

– Да. И не одно. – Коротко поклонившись старшему эльфийскому принцу, я протянула светлому колдуну пергаментный свиток. – Тут заклиния и рунные формулы. Всё, что нужно.

Пока Восхт, щурясь, вчитывался в мой мелкий корявый почерк, а Бульдог с интересом обнюхивал его ногу, я краем глаза заметила, что дверь в комнату пленных приоткрыта. Готова поручиться, что оттуда за нами подглядывает Криста. Интересно, ей оставили ошейник? На Восхте-то его уже не было...

– Эти чары... должны заставить живой объект взлететь в воздух и повиснуть вниз головой? – с удивлением резюмировал Восхт. – И висеть, пока не произнесут заклинание отмены?

– Именно. У вас ещё не изобретали такого?

– Нет... любопытно, – пробормотал тот. – А с чего подобное вдруг пришло тебе в голову?

– Долгая история.

История и впрямь была долгой. Не пересказывать же светлым сагу об одном рано осиротевшем очкарике, в своё время набившую мне оскомину тем, что её рекламировали на каждом углу.

Но, что ни говори, теперь у меня появился ещё один повод не жалеть, что эта сага хранилась на ментальной полочке в моём сознании.

– Что скажете?

– Выглядит вполне правдоподобно, – признал колдун. – Но нужно проверить на практике. Иные ошибки можно выявить только так.

– А что бывает, если попытаться сотворить неправильно составленное заклинание?

– Обычно – ничего. Оно просто не срабатывает, как если человек без Дара попробует произнести рабочее заклятие. Но иногда неправильное заклинание всё же действует... не так, как ожидалось.

– И последствия, полагаю, могут быть самыми разными, включая катастрофические?

– Именно. – Восхт задумчиво пожевал губу. – И на ком будем испытывать?

Кажется, на Бульдога взгляд мы опустили одновременно. Все четверо.

Мне понадобилось всего мгновение, чтобы отместить такой уместный, такой логичный вариант.

– Не на нём, – твёрдо произнесла я.

Пёс как раз чихнул, поднял взгляд, посмотрев на меня трогательными серыми глазами – и заставив утвердиться в мысли, что использовать его в качестве подопытного кролика будет подлостью с моей стороны. Всё равно что ребёнка под удар подставлять.

Даже интересно, волновало бы меня подобное пару недель назад.

– Есть ещё паппей, – несколько разочарованно предложил Восхт, покосившись на зверька, так и сидевшего на плече у Фаника; кажется, в колдуне проснулся естествоиспытательский интерес.

Как известно, наиболее опасные опыты проводятся на наименее ценных членах экипажа, и это логично. Но обижать маленьких и беззащитных мне претило.

К тому же поступать нелогично – это так весело...

– Нет. Моё заклинание, мне и отвечать, если что, – отважилась я, отступив на шаг. – Используем в качестве объекта меня. Колдуй.

– Не колдуй, – отрезал Фаник, решительно ссаживая паппея на столешницу. – Клемент, сиди тут. – Зверёк послушно замер, обнюхивая стол. Клемент, значит? Звучное имя... уж лучше Бульдога. – Испытаем на мне.

Ну конечно. Прекрасный принц спешит на помощь.

Как банально.

– Принц, это благородный жест, но не стоит.

– Негоже нежной деве рисковать собой, когда двое мужчин сидят без дела.

Протестовать против «нежной девы» я не стала. Просто прекрасно расслышала ироничные нотки, с которыми Фаник это выговорил.

– Я не рискую собой. Уж в чём я никогда не сомневалась, так это в своём уме. Я всё написала правильно.

– Но если ты не сомневаешься, что всё написала правильно, тогда почему препятствуешь мне?

– Потому что...

– Восхт, колдуй уже. На кого сочтёшь нужным, – устало бросил Дэнимон, и тон его высказывания чем-то напомнил мне обычные интонации Альи. – А то они сейчас ещё подерутся, кому из них жертвовать собой.

Усмехнувшись, колдун размял пальцы. Повернувшись к Фанику, вскинул руку, выводя в воздухе хорошо знакомые руны: так быстро, что я не могла отличить одну от другой, лишь знала, какие именно знаки он чертит.

«Тьма», «воздух», «жизнь», «существо», «полёт»...

– *Стигох вендэ свэова тильс ях сэйннаго танна!* – чётко вымолвил колдун.

Забыв о своём недовольстве, я замерла на вдохе.

Когда Фаник взмыл вверх тормашками, точно его подцепили за лодыжки невидимой верёвкой, и повис в метре над полом – я, не сдержавшись, восторженно взвизгнула, выпустив затаившееся дыхание.

Работает, работает!

– Работает!!!

Младший эльфийский принц воскликнул это с такой радостью, будто не моё заклятие тестировали, а его. Кажется, Фаника ничуть не смущало, что он висит, беспомощно болтая руками, со смешно задранной рубашкой, почти упавшей ему на лицо. Бульдог обеспокоенно забегал вокруг, для остротки пару раз гавкнув: явно не понимая, что происходит, но просто на всякий случай.

– И правда, – изумился Дэнимон.

– И правда, – эхом откликнулся Восхт. Щурясь, взгляделся в пергамент, который держал одной рукой, и вывел руны контрзаклинания: – *Нэр тильбака тиль йоуден!*

Пару мгновений спустя Фаник рухнул на ковёр, заставив меня обеспокоенно кинуться вперёд, – но вскочил ещё прежде, чем я успела к нему подбежать.

– Точно Белая Ведьма, – заключил эльф, отряхнув ладони друг о дружку.

– Никогда бы не подумал, – Восхт взглянул на меня, и от

уважительного блеска его глаз мой нос самопроизвольно чуть задрался к потолку. – Чтобы не маг, да ещё и иномирец...

В моей жизни было немного моментов, когда я хотела прыгать от радости, как маленькая девочка. Наверное, последним был день, в который я завершила Дэвида – когда он, поприветствовав меня, впервые зажёг по моему приказу лампу над кроватью.

Но теперь мне хотелось именно этого.

Я колдунья. Колдунья-теоретик, но всё же. И создаю заклинания, о которых когда-то читала в книжках, казавшихся несбыточными сказочками.

Чёрт возьми, как же круто!

– И какие ещё заклятия она придумала? – спросил Дэнимон.

В его голосе скользнула заинтересованность, которой я не слышала до того.

– Тут ещё три. Кажется, – Восхт сосредоточенно вглядывался в пергамент, – следующее должно заставить оружие противника вылететь у него из рук.

Я подтвердила его слова лаконичным кивком.

– Дэн, я позаимствую твой меч, – безапелляционно изрёк Фаник, прежде чем направиться к покоям пленных.

– Мой меч? – Похоже, наследник эльфийского престола остался не в восторге от этой идеи. – Но...

– Ты же не против, правда? – безмятежно бросил через плечо его любимый младший брат. – Вот и чудно.

Безнадёжно махнув рукой, Дэнимон замолчал.

А некоторое время спустя мы сидели за круглым столом. Все вместе, вчетвером. И пока я объясняла Фанику, как играть шахматный дебют, Дэн и Восхт наблюдали за доской, устроившись рядом с ним.

– ...как говорил один великий шахматист в нашем мире, «если даже одна фигура стоит плохо, то вся партия стоит плохо»^[10], – вещала я, подбадриваемая внимательным взглядом Фаника. – Желательно, чтобы по окончании дебюта все фигуры были готовы к бою. Не стоит ходить одной и той же фигурой, пока остальные бездействуют, не стоит тратить время на сомнительные завоевания вроде крайних пешек: в итоге рискуете подарить сопернику перевес в развитии, о чём потом сильно пожалеете. Нужно развивать все фигуры. И вначале лучше выводить коней и слонов, а потом уже – ферзя и ладью.

– Почему? – спросил эльф, который вторым же ходом вывел своего белого ферзя на h5. – Королева ведь... прости, Криста называла её так, да и мне удобнее... самая сильная фигура. А в скауке сильные фигуры обычно

сразу бросают в бой.

– Скаук и шахматы всё-таки сильно различаются, принц, – мягко произнесла я. – В шахматах нет башен, за которые противнику ход воспрещён, да и фигуры не возвращаются к вам... Нет, возвращаются иногда, но для этого придётся приложить массу усилий.

– Дойти пешкой до последнего ряда вражеских клеток? – решительно усадив себе на плечо Клемента, норовившего влезть на доску, Фаник уверенно шагнул своим слоном на с4.

Я ещё после его хода ферзём предположила, что он, сам того не зная, попытается поставить мне детский мат^[11]. Теперь окончательно утвердилась в этой мысли.

Он правда думает, что я могу на такое попасться? Какая прелесть.

– Именно. Как вы понимаете, сделать это не слишком-то легко. – Я рассеянно коснулась кончиком указательного пальца своей пешки d7, чувствуя кожей холодный камень фигурки. – Ферзя, выведенного в начале игры, очень просто атаковать. При том что в одиночку он ничего сделать не сможет, только вынужден будет отступать под ударами лёгких фигур. Например...

Я взяла ту же пешку – естественно, ибо правило «тронул – ходи» успело стать для меня привычкой – и, шагнув ею на d5, жестом предложила Фанику оценить последствия.

Как хорошо, что первым его ходом было не популярное e2-e4, а e2-e3. Иначе не удалось бы осуществить самую эффективную и изящную защиту от детского мата, не только отразив угрозу, но и развив фигуры с темпом^[12].

– Понятно, – изучив доску, констатировал принц. – Теперь моему слону придётся отойти назад, иначе ты захватишь его.

– И не только слону, – когда Фаник отступил, я двинула вперёд ещё одну пешку, на этот раз g7-g6. – А теперь, как я и говорила, я атакую вашего... вашу королеву.

– И мне приходится отступать и ей тоже... причём только сюда, потому что эти клетки защищают твои пешки, эти – твоя королева, а эти – твои слоны. – Эльф, усмехнувшись, отвёл ферзя на f3. – Хитро.

– В итоге я развиваю своего второго коня и завоёвываю центр, а ваша атака захлебнулась. Это вы ещё разглядели все мои ловушки и сумели вывести ферзя из-под удара, а ведь могли и потерять.

– Да, ловушки ты расставила прекрасно. – Фаник задумчиво обозрел поле битвы. – Вот что бывает, если королева неосмотрительно кидается в

одиночку во вражеский стан.

– Прямо как в жизни, – хмуро заметил Восхт.

А я решила пока не вдаваться в частности агрессивной тактики, где быстрый вывод ферзя в дебюте весьма уместен. Той тактики, с помощью которой я когда-то победила Лода.

В конце концов, моему юному падавану и так есть над чем подумать.

Дэнимон зевнул. Кажется, он остался несколько разочарован тем, что его брату не удалось обставить заносчивую иномирную девчонку, – и я подозревала, что горделивый наследник эльфийского престола никогда не забудет мне вероломного пленения его венценосной особы.

– Фаник, – молвил принц, любовно протирая лезвие меча куском замши, – думается мне, на обучение этой игре тебе придётся потратить столько же времени, сколько ты учился скауку. Ты действительно этого хочешь?

Забавно. Испытанию моими заклятиями подверглись и его оружие, и его брат, – но о состоянии первого принц почему-то пёкся куда больше.

С другой стороны, меч в отличие от Фаника не мог настолько красноречиво заявить о том, что чувствует себя прекрасно.

– Для хорошего игрока в скаук научиться шахматам будет не так уж и трудно, – возразила я, выдернув ногу из-под морды Бульдога, решившего на ней поспать.

– И, как ты и сказала, надо же с чего-то начинать, – Фаник вздохнул с притворной горестностью. – Меня утешает лишь то, что ты тоже не сразу написала свои заклинания.

– Для начала целых две недели постигала то, чему меня в школе учили пять лет, – иронично поддакнул Восхт.

– Неделю. Первые дни, как вы понимаете, мне было немного не до того. Но считайте, что я в родном мире получила... фору, – я мельком улыбнулась. – В конце концов, я же не кинулась с ходу сочинять заклятие, которое взломает защиту сокровищницы лепреконов.

В ответ светлый колдун поперхнулся воздухом, Фаник поднял заинтересованный взгляд, а Дэнимон спросил с тенью какого-то суеверного ужаса:

– Неужели ты и об этом думала?

– И ещё буду думать, – безмятежно откликнулась я. – Люблю интересные задачки, а эта задачка представляется мне весьма интересной.

– Думаю, Ильхт когда-то говорил Тэйранту нечто похожее, – послышался за моей спиной негромкий голос Лода. – Прежде чем отправился к лепреконам в надежде сделать то же, чего хочешь ты.

Любит он появляться незамеченным... Впрочем, для серого кардинала – незаменимое качество.

Когда я обернулась, колдун уже подошёл к столу. На доску он посмотрел будто без интереса, и лицо его, как обычно, выражало одну лишь непроницаемую приветливость.

Значит, на том моменте, когда я говорила про сокровищницу, он уже был рядом... и про то, что я сочинила заклятия, наверняка догадался.

– Ильхт Миркрихэйр пытался украсть что-то у лепреконов? – переспросил Восхт.

– Да. Медный кубок с гербом их Повелителя. Просто в качестве доказательства, что он сумел что-то оттуда вынести. – Лод улыбнулся изумлению в глазах светлых. – Как вы понимаете, об этой истории предпочитали не распространяться, но мне рассказывали.

– Кубок? – Дэнимон недоумённо повёл рукой, в которой так и сжимал кусок замши. – И зачем ему это понадобилось?

– Потому что ему было восемнадцать лет. Потому что он был молод, горделив и невероятно умён. И он хотел быть тем, кто ломает нерушимую защиту лепреконов. – Лод пожал плечами. – Он даже поспорил с Тэйрантом, что сделает это. На один золотой.

Я вспомнила тех мальчиков, что когда-то видела во сне. Юного Ильхта с тёплой усмешкой на губах, юного Тэйранта, улыбчивого и серьёзного; и картинка, как они заключают шутовое пари – в том самом саду Хьярты, где Тэйрант тренировал маленького Эсфора, – всплыла в воображении сама собой. Я увидела, как они азартно жмут друг другу руки: товарищи, озорные мальчишки... которым несколько лет спустя суждено залить Риджию кровью.

Всё же Морти была стократ права, когда говорила про милых мальчиков, вырастающих в мужчин, способных на страшные вещи.

– Видимо, эта попытка не увенчалась успехом, – предположил Фаник.

– Проникнуть в сокровищницу труда не составило, а вот выйти оттуда с кубком... даже Ильхту это оказалось не под силу. – Лод почесал подбородок указательным пальцем. – У меня даже сохранилось заклятие, с помощью которого он пробовал нейтрализовать чары, наложенные на сокровищницу. Великолепная формула. Невероятно жаль, что нерабочая.

– И, конечно, ты пытался её усовершенствовать, – предположила я.

– Пытался. Но мне даже не требовалось проверять её, чтобы понимать – я не сделал её правильной, – Лод печально улыбнулся. – Если даже Ильхт не смог...

– Может, он был и могущественнее тебя, – запротестовала я, – но ты

умнее.

– В том, что касается магии, ему не было равных. Как в теории, так и в практике.

– Но ты усовершенствовал его ошейник!

– Просто потому, что он не успел сделать того же. Я никогда не вывел бы подобную формулу с нуля.

– Думай что хочешь, только меня не переубедишь, – безапелляционно высказалась я. – И должен быть какой-то способ обойти эту защиту.

– Чары завязаны на жизни двадцати лепреконов, обитающих во дворце, – рассеянно проговорил Восхт; по лицу светлого колдуна я видела, что его тоже заинтересовала задача. – Если ориентироваться на основные магические принципы... чары падут, если убить их всех.

– Только вот каждый из двадцати знает лишь трёх других. – Дэнимон вновь провёл замшей по стали, и без того сверкающей. – Даже если захватишь одного, он не поможет тебе выведать имена остальных. Для верности придётся вырезать всех обитателей дворца.

Я сняла очки, которые успели заляпаться, и протёрла стёкла рукавом рубашки. В мыслях уже щёлкал один вариант за другим: как ни крути, меня не оставляла тщеславная надежда стать риджийским Данцигом^[13].

– Если чары не сломать, наверняка их можно обмануть.

– Надеть на лепрекона ошейник и заставить вынести предмет из сокровищницы? – Фаник покачал головой, и я хмыкнула – принц озвучил вариант, который и мне когда-то пришёл в голову первым. – Не выйдет. Если лепрекон будет понимать, что вытаскивает предмет незаконно...

– ...защита сокровищницы не выпустит его. Да, уже наслышана, – я придирчиво просмотрела стёкла на свет. – А как насчёт захватить лепрекона в плен и изменить ему память? Чтобы он думал, что имеет полное право выносить предмет?

– Уже пробовали, – отозвался Лод. – Чары, как ты могла понять, считают сознание того, кто пытается выйти из сокровищницы. Изменение памяти оставляет слишком серьёзные следы, и объект с подобными следами вызывает у чар подозрение. В итоге они не выпускают этого подозрительного лепрекона наружу, причём вне зависимости от того, есть у него в руках предмет или нет. И, насколько я знаю, даже в этих случаях лепреконы не ослабляли защиту, дабы позволить своему товарищу вый-ти, так что... конец был печален.

А эти лепреконы весёлые ребята, однако.

– Хм, – я в задумчивости прикусила дужку очков. – Раз всё завязано на сознании, то превращение в лепрекона тоже ничего не даст.

– Нет. И обмануть чары пытались многие, да только не вышло ни у кого.

Я вернула очки на нос. Попыталась ухватить идею, мелькнувшую где-то на краю сознания, идею, которая – я чувствовала – была напрямую связана с решением, скользнувшую смутной тенью...

– Впрочем, не буду дальше вам мешать, – Лод отступил на шаг, и удивление сбило меня с нужной мысли.

– И даже не останетесь понаблюдать за игрой? – осведомился Фаник, со странной насмешкой в голосе озвучив и мой вопрос. – Вы же, если не ошибаюсь, любите это дело, да и мастер в нём.

– С удовольствием составил бы вам компанию, но, боюсь, меня ждут дела. – Колдун поклонился. – Приятного времяпрепровождения.

Мы молча проследили, как он уходит.

– Похоже, коротать время в нашем обществе не доставляет ему особого удовольствия, – бесстрастно заметил Дэн потом.

– Думаю, причина вовсе не в пренебрежении, – откликнулся Фаник.

– А в чём ещё, по-твоему, она может быть?

– Я могу глубочайшим образом заблуждаться, но что-то подсказывает мне, – в коричневых глазах принца плеснулась хитреца, – ему просто не слишком нравится наблюдать, как Сноуи играет с кем-то ещё.

Я в ответ фыркнула, скрывая смущение. Лод и ревность? Нет, это понятия несовместные.

Хотя бы потому, что он имеет не больше прав ревновать меня, чем я – его.

– Может, ему и правда претит проводить с нами больше времени, чем того требует необходимость, – сказал Восхт с сомнением. – Мы ведь совсем недавно были его врагами.

– Если Лод сказал, что у него дела – значит, у него дела. И только, – твёрдо произнесла я. – Мы пытаемся предотвратить войну как-никак.

– Война, враги... – когда Фаник взялся за одну из своих пешек, в голосе его послышалась горечь. – Мы все искалечены этой проклятой войной. Последнее сражение было триста лет назад, но она идёт до сих пор, а мы все – её жертвы. И пока мы не заключим мир, она будет порождать новые.

Во взгляде Дэнимона, обращённом на брата, мне почудилось сострадание.

– Ты всегда принимал это слишком близко к сердцу, – сказал старший принц. – Я до сих пор не понимаю, что при таком отношении толкало тебя читать все эти летописи.

– Это просто... всегда ужасало и завораживало меня. – Фаник посмотрел на фигурку, которую всё ещё сжимал в пальцах. – Я книжное дитя, воспитанное вдали от крови и ужаса, но...

– Но тебе почему-то отчаянно хотелось понять, что чувствуют те, кто познал это.

– Я всегда стремился получить представление обо всех сторонах жизни. О тех, которых лишён, тоже. И пока читал, я понимал только одно: воюют владыки, а страдают невинные. Они подставляют свой народ под удар, но им всё равно. Если владыка оступается, бьют не по нему, ведь его чаще всего не достать. Бьют по уязвимому, по беззащитному. По его подданным. По его близким, – эльфийский принц стиснул в кулаке белую пешку. – Почему я должен был умирать? Почему должна была умереть маленькая принцесса дроу, почему должны были умирать все, кто умерли? Почему? Зачем вообще воевать? Почему нельзя жить мирно?

– Детские вопросы. Некоторые вещи в этом мире существовали и будут существовать всегда, и война – одна из них.

– Но в чём причина?

– Жажда власти. Жажда завоеваний. Жажда превосходства. Тебе ли не знать?

– Эта жажда утоляется слишком дорогой ценой. В конечном счёте проигрывают обе стороны.

– Тем, кто затевает войны, нет дела до цены. Фаник, такова природа живущих, смирись с этим.

– Только зверей можно оправдывать их природой. Разве не для этого боги дали нам разум – чтобы мы могли подняться над своими инстинктами? Чтобы мы могли созидать, но удерживались от разрушений?

Дэнимон не ответил. Наверное, у него просто не было ответа, как и у меня. Потому что, хоть я не верила в то, что разум нам дали свыше, я безоговорочно верила в то, что разум обязан торжествовать над всем остальным.

Над жаждой чего-либо – тоже.

– Так и слышу интонации тэлы Эсфориэля, – едва заметно улыбнулся Восхт. – Или тэлы Фрайндина.

– Мне повезло с родственниками... Впрочем, мы отвлеклись. Прошу прощения, Сноуи. – Эльф наконец вернул пешку на доску. – Твой ход.

Грустная задумчивость над его словами не оставляла меня, даже когда я уже поднималась в лабораторию в компании Бульдога: доиграв партию, я откланялась, хотя Фаник явно не отказался бы от продолжения. Впрочем, неожиданности в виде чужого пения довольно быстро удалось вывести

меня из задумчивости.

Пение доносилось из-за двери в библиотеку едва слышными отзвуками. Заинтригованная, я бросила на стол пергамент с моими заклѣтиями и тихонько приоткрыла дверь, не пуская внутрь Бульдога, норовившего просочиться следом. Приблизилась к запертой спальне колдуна – отзвуки обратились певучими словами, щемящей мелодией и приятным, чистым мужским голосом.

А ещё дополнились переборами лютни.

– ...и я не ведал верности выше той единственной, что есть у меня, – пел Лод, и на риджийском это звучало как «ех мессі эки мэйри триггх о реннтэ эйнс», – и скользил, словно по крышам...

Вдруг замолчал. Я отступила на шаг, испугавшись неведь чего, подумав, что он каким-то образом ощутил моё присутствие, – но потом услышала, как он мурлычет последний обрывок того же мотива, только без слов. А потом ещё раз, с почти неуловимыми изменениями... не в голосе, в гармониях лютни.

Лод не пел песню. Он её сочинял. И я вдруг почувствовала себя так, словно подглядела за чем-то интимным: не менее интимным, чем то, что когда-то происходило в этой же спальне между Лодом и Морти. Поэтому я развернулась и вышла, пусть даже голос обездвживал, маня оставаться на месте. Нет, в нём не было тех волшебных звенящих нот, что я слышала у Альи – магии, свойственной песням светлых и тёмных эльфов; но в нём была глубина, страсть и печаль, и лёгкая хрипотца, завораживавшая не хуже эльфийских песен... и, несмотря на это, я тщательно прикрыла дверь.

Чтобы сесть за стол, заваленный пергаменами, и вернуться к книге, отложенной с приходом Фаника.

Я не буду подслушивать. Если когда-нибудь он захочет мне спеть сам – тогда я наслажусь его песней. Открыто, не таясь. А если нет... что ж, не я была той, кому он должен петь.

Старинный талмуд раскрылся на странице, заложенной пергаментом. Я машинально посмотрела на импровизированную закладку, только сейчас осознав, что использовала в качестве оной какую-то из бумаг Лода. Увидела – к своему огромному удивлению – русские буквы, выведенные его крупным почерком: слова и строчки, множество раз перечёркнутые, прежде чем их наконец записали начисто.

Замерла, когда поняла, во что именно они складываются.

Я избранник обмана

И света в ночи

Не прочнее, чем пламя
Вчерашней свечи
И не ведая верности выше
Одной,
Я скользил, как по крышам,
Ведомый судьбой
Не ведая верности выше одной...

Я вспомнила его песню. Затем блеск, который окрасил глаза Лода зачарованной зеленью, когда я читала ему стихи, и странный вопрос, обращённый ко мне, когда я проснулась.

Что было первым в том, что он сотворил ночью? Песня или стих, слова или мелодия, риджийский или русский? Хотя перестановка мест слагаемых не меняет итога...

Ощущая незавершённость того, что прочла, чувствуя, что это не конец, я перевернула пергамент другой стороной.

И, естественно, не ошиблась.

Но надежда, так нежно
Мечтами маня,
Не подарит нирваны –
Лишь память огня
И в тумане мерцания
Призрачных звёзд
Обещания ранят,
Что это всерьёз... [\[14\]](#)

Я повторила последние строчки. Даже не шёпотом, одними губами. Отложила пергамент, который – я знала – навсегда останется в моей памяти. Глядя на жёлтые страницы книги с риджийскими рунами, про себя ещё раз прочла то, что увидела.

Попыталась убедить себя в том, что *это* может быть не тем, о чём я думаю.

Не получилось.

Значит, мы оба припасли друг для друга сюрпризы. В письменном виде. И, похоже, оба не любим раскрывать карты до того момента, пока не будем уверены в результате. Впрочем, мог ли Лод в таком случае оставить

этот пергамент там, где я способна его найти?.. Хотя нет. Мог.

Так же, как я смогла – без всякого умысла – оставить свои заклятия на его столе.

Когда я осознала, что для Лода мои экзерсисы в магии наверняка не станут неожиданностью, я осознала и то, что в лаборатории царит тишина.

Миг спустя дверь в библиотеку распахнулась.

– Ты здесь? – спросил колдун с лёгким удивлением. – Уже закончили?

– Сыграли одну партию, – я понадеялась, что мой голос звучит достаточно непринуждённо. – Теперь пусть усваивает информацию.

Лод только кивнул:

– Значит, ты не против перекуса?

– Нет. Только... – помедлив, я всё же потянулась за тем пергаментом, который уже демонстрировала Восхту, – я хотела кое-что тебе показать.

Передав Лоду заклятия собственного сочинения, я опустила глаза в ожидании вердикта.

– А, так ты всё-таки решилась осчастливить меня своими творениями, – иронично заметил колдун. – Для этого совсем не обязательно было обращаться к Восхту, знаешь ли.

Ну да. Как и ожидалось.

– Мне просто хотелось, чтобы они работали, когда я покажу их тебе. Либо хорошо, либо никак. Я привыкла подходить ко всему с таким принципом.

Его вздох был мягким, как шелест солнечного осеннего ветра.

– Тебе нет нужды пытаться меня удивить. Пытаться всегда показывать всё, на что ты способна, пытаться быть лучшей. Я и без того уверен в этом. – Взгляд Лода рассеянно скользил по моим формулам. – Чудесные заклинания. Очень забавные. Я представлял, как они действуют, но когда увидел, как Восхт их испытывает...

– Так ты видел?

– Как будто ты способна забыть – я всегда могу увидеть, что ты делаешь. – Он поднял ладонь, и управляющее кольцо блеснуло на его пальце золотисто-серебряным бликом. – Конечно, я видел не всё. Но достаточно.

Я растерянно смотрела на него. Не зная, что сказать, потому что всё это загоняло меня в тупик: и его песня, и его слова, и те эмоции, которыми они откликались во мне.

Сказочные, нереальные вещи.

– Ты ведь не сама придумала эти заклинания, верно? – спросил он, опустив пергамент. – Вывела их на основе чего-то, что читала в своём

мире, каких-то сказок. В вашем мире, насколько я знаю, любят фантазировать о магии.

– С чего ты взял?

– Действие заклятий. Не думаю, что тебе бы самой пришло в голову вывести формулы, которые действуют именно так. Не твой стиль.

– Проницателен, как всегда, – буркнула я.

– И что же это были за сказки?

Пару мгновений я сомневалась. Потом хмыкнула – почему бы и нет? – и сказала:

– Сначала попроси Акке принести еду. Это долгая история.

К тому времени, как я завершила свой рассказ, мы выпили уже по две чашки чая, закусывая хрустящим ореховым печеньем. Лод слушал преимущественно молча, да-же не кивая; лишь смотрел с интересом, подперев голову рукой.

– Этот тёмный волшебник действовал абсолютно неправильно, – вынес вердикт колдун. – Пытаться противостоять пророчествам таким прямолинейным способом – гиблое дело. Уже доказано.

– Но он ведь должен был как-то бороться с врагом, – справедливо заметила я. – Ты бы тоже не стал смиренно ждать исполнения пророчества, которое предвещает твою гибель.

– Он в итоге лишь сам закалил меч, которому суждено было его убить. Дал врагу силу и повод для мести. Я бы взял этого Избранного и вырастил, как собственного сына. Или своим преданным сторонником в преданной мне семье. Приблизил бы его к себе, заставил обожать меня и поклоняться мне. Тогда у мальчишки отпали бы все причины меня убивать.

– О, с этим волшебником такое никак не сработало бы. Ты уже мог понять.

– Тогда я хотя бы не стал настраивать своих сторонников против себя необоснованной жестокостью и карами за малейшую провинность. И упираться в непременном желании убить врага самостоятельно, сразившись с ним один на один.

– Думаю, ты удивишься, но в наших книжках это в некотором роде традиции. Там многие могущественные тёмные волшебники... или просто злодеи – поступают так.

– Так глупо?

– Если б они были так же умны, как ты, их бы никогда и никто не победил. А добро должно побеждать. – Я помолчала, прежде чем добавить: – По крайней мере, в книжках.

Лод только усмехнулся понимающе, прежде чем опустить руку и

почесать за ухом Бульдога, посапывающего у ножки табурета.

– Какой у нас план? – спросила я. – Ждём пробуждения Навинии?

– До утра. Потом идём к Фрайндину. Вне зависимости от того, проснётся она или нет.

– Чтобы он помог нам проникнуть в эльфийский дворец, и мы могли побеседовать с леттэ Авэндилль?

– Да.

Я кивнула. Сама думала о том же.

Но, конечно же, он и здесь прекрасно обошёлся без моих советов.

– Традиции, говоришь? – рассеянно повторил Лод. – Значит, у вас есть ещё книжки наподобие этой?

Забавно. Кому-то не хватило одной сказки на ночь. А ведь завтра нам предстоит дело, которое решит всё. С другой стороны, отдохнуть перед этим делом действительно не помешает... И, как я уже могла убедиться, никакие отвлекающие обстоятельства не помешают Лоду и составить, и блестяще осуществить очередной план.

Значит, мы имеем право на ещё один вечер неправильной романтики.

– Да. Есть, – и устроилась в кресле поудобнее. – Но в таком случае нам понадобится ещё печенье и чай... Нет, пожалуй, ещё много печенья и много чая.

Глава шестая

Капкан ^[15]

В спальне Повелителя дроу царила полутьма, и насыщенные фиолетовые тона, в которых оформили комнату, делали её ещё темнее. Алья сидел в кресле, рядом с кроватью, где под полупрозрачным балдахином спала принцесса людей. На коленях дроу лежала книга, поверх неё – лист пергамента, который Алья перемещал с одной страницы на другую в зависимости от того, какую сейчас читал.

Он скользил глазами по строкам, неторопливо и цепко, и время от времени тянулся к стальному перу, лежавшему на прикроватной тумбочке, рядом с чернильницей, – чтобы сделать пометки в своём пергаменте. Отрывистые записи, зарисовки каких-то схем. Но когда Навиния едва слышно пробормотала что-то, дроу мигом бросил перо и, подавшись вперёд, отдернул занавесь невесомой ткани, отливающей фиалками.

Девушка лежала, открыв глаза, растерянно оглядываясь. Явно не совсем понимая, где она и как тут очутилась.

Увидев Алью, сощурилась:

– Что вы здесь делаете?

Она едва шевелила губами, и голос её звучал чуть громче шёпота – но, несмотря на это, даже в таком состоянии в её словах прозвучало презрение.

– Вас отравили, мы вытащили вас под горы и излечили. Теперь я за вами присматриваю, – Алья отвечал принцессе терпеливо и ласково, словно ребёнку. – Как вы...

– Вы? Присматриваете? – она издала хриплый издевательский смешок. – Должно быть, вы и тут не замедлили воспользоваться моей беспомощностью.

– А вам, должно быть, этого бы хотелось, – не преминул заметить дроу.

– Всё, чего мне бы хотелось, так это никогда более в жизни вас не видеть.

– Отчего же?

– Ещё спрашиваете? – с губ Навинии сорвался свистящий выдох. – Вы унизили меня. Растоптали мои чувства. Плюнули мне в душу.

Алья качнул головой. В этом его движении, как и в едва заметной

улыбке, сквозила лёгкая ирония.

– Ах, принцесса, – произнёс Повелитель дроу, – и почему мне кажется, что вы молитесь меня сделать это ещё раз?

Навиния промолчала. Потому что на самом деле это была игра, правила которой они оба хорошо знали. И принимали.

Потому что без боя она не сдастся, но после боя – почему бы и нет?

– Я никогда больше не причиню вам боль. Ни вам, ни другим... таким же, как вы, – сказал Алья вдруг, глядя на изголовье кровати. Тихо, задумчиво, бесстрастно. – Я почти поплатился за то, что делал, и расплата моя была бы страшной.

Вот тут в зелени глаз Навинии плеснулось изумление. Однако Повелителю дроу не было до этого никакого дела.

Он исповедовался не столько ей, сколько себе.

– Я никогда не понимал, что мои гвардейцы... для них я – не просто правитель, не просто тот, кого они должны защищать. Их оторвали от дома слишком рано, и я должен был заменить им отца и братьев. Так бывало с гвардией Повелителя обычно. – Дроу прикрыл глаза. – Для этих мальчиков я был старшим, объектом восхищения, примером для подражания. А я так долго не мог этого понять, потому что сам был мальчишкой... и подал им пример, который оказался ужасен. И мало того, что потерял себя – чуть не потерял одного из тех, ради кого сам отдал бы жизнь.

Когда он вновь посмотрел на принцессу, его взгляд уже утратил странную, непривычную, какую-то растерянную мягкость.

– Я предпочёл бы заполучить вас в честном поединке. Раз и навсегда. Чтобы вы могли верить мне. А теперь... между нами пропасть, и до любви нам обоим ещё тысяча шагов, и первые из них явно вышли не самыми удачными. – Он сидел, наклонившись к Навинии, взирая на неё спокойно и устало. – Но мне жаль, что всё получилось так. Пусть даже в нашей ситуации всё не могло сложиться иначе.

Навиния не стала возражать. Она вообще не стала отвечать. И невозможно было понять, согласна она с его словами или нет, а если согласна – с чем именно.

– Теперь, быть может, расскажете, что за опасность подстерегла вас во дворце? – помолчав, спросил Алья.

Глаза принцессы вдруг потускнели. Ресницы девушки опустились, бледные губы дрогнули.

– Вирт Форредар. Мой... мой Первый Советник, – шёпот Навинии был сухим и безжизненным, словно шелест мраморной крошки, сыплющейся тонкой струйкой. – Я пришла поговорить с ним, а он... он...

– Отравил вас?

Навиния лежала неподвижно и молча, и это заставило Алью измениться в лице.

– Что? – жёстко спросил Повелитель дроу. – Что он сделал?

Какое-то время в комнате царила тишина. Абсолютная, давящая на уши тонким противным звоном.

Хриплый голос принцессы прозвучал в ней почти громогласно.

– Он убил моих родителей. – Смуглые пальцы Навинии судорожно стиснули мягкую ткань пухового одеяла. – А я убила его.

* * *

В другой комнате другой башни тоже царила полутьма. Хотя, пожалуй, больше, чем полу-: мрак рассеивало сияние одной-единственной свечи, горевшей на столе. Её пляшущие отблески играли тенями на лице Лода, который сидел, соединив пальцы обеих рук в каком-то молитвенном жесте.

Он смотрел туда, где спала Снежка, привычно свернувшаяся калачиком под одеялом. Задумчиво, пристально, неотрывно.

– Ты не можешь вечно избегать Морти.

Негромкий, чуть выше шёпота голос Акке раздался ещё прежде, чем иллюранди соткался из теней за спинкой кресла колдуна; и Лод, оглянувшись на него, в ответ лишь изогнул бровь.

– Девочка спит, – Акке правильно истолковал его молчание. – Я пойму, если она проснётся. Ты же знаешь.

– Вот как, – колдун вновь отвернул голову. Его слова тоже были лишь немногим громче выдоха. – Пусть ей приснится что-то хорошее.

– Не уходи от ответа. – Акке без улыбки смотрел на русую макушку колдуна. – С момента похищения Дэнимона принцессе достаются одни лишь отговорки, что у тебя много дел помимо исполнения своих прямых обязанностей хальдса. Но так не может продолжаться всегда.

– Ты мне это говоришь? – Лод разомкнул пальцы резким, исполненным горечи жестом. – Я знаю, что должен перестать её мучить. Сноуи. Солгать, что не люблю, и отослать подальше от себя. Заставить возненавидеть меня. Освободить.

– И это её уничтожит.

– Да. Потому что за то недолгое время, что она прожила, люди и без того слишком часто выбирали не её.

– И поэтому ты никогда этого не сделаешь.

Вместо ответа колдун рассеянно переложил с места на место какие-то бумаги, лежавшие на столе.

– Жаль, что мы не выбираем, кого любить. Трудно было найти объект менее подходящий для этого, чем я, – произнёс Лод какое-то время спустя, мягко и отстранённо. – Уж лучше бы она и правда влюбилась в Фаника.

Акке сощурил глаза, едва заметно светившиеся во мраке:

– Она – и светлый принц? Ты действительно хотел бы ей повторения своей истории?

– Она лучше меня. И она не наследник Ильхта, а Фаник – не Морти. Он бы понял. Наверное.

Акке не выразил своё сомнение ничем, кроме вежливого молчания.

– Ты говоришь «моя история», – проговорил Лод, – но я счастливеец. Трудно будет найти мужчину, который не мечтал бы оказаться на моём месте.

– Твоя верность делает тебе честь, но я-то вижу, что ты устал. Терзаться ревностью, мучиться, что не соответствуешь её ожиданиям. И поэтому... признайся наконец самому себе, – опершись на спинку кресла, Акке подался вперёд, склонившись над колдуном, который смотрел прямо перед собой. – Когда-то ты любил Морти. Всем сердцем. Но сейчас... если бы ты действительно любил её, как раньше, ты бы никогда не посмотрел на другую.

Лод не отрывал светлого взгляда от пламени, сияющего на фитиле светлячком.

– Набраться смелости и признать, что я не сдержал и не могу сдержать свою клятву? Что не могу отвечать за свои слова, что был глупцом, когда думал – мне под силу выдержать то, на что я себя обрёл? Свернуть с пути, который когда-то так опрометчиво выбрал и который с самого начала не мог никуда привести? – в том, как колдун склонил голову, читалась обречённость. – Я думал об этом.

– Только что вы будете делать дальше? Даже если Морти не возненавидит вас обоих, это сделает Алья. И тогда вы оба обратитесь в мишень.

– Не знаю. Может, боги позволят нам разрешить всю эту историю благополучно? Воцарится мир, и я подам в отставку. Поселимся в каком-нибудь человеческом городке. Будем просто жить.

– И ты сможешь «просто жить»? Не смей меня. Вы для этого не созданы: ни ты, ни она. Для вас обоих любовь, простое человеческое счастье – приятное дополнение, но никак не главное. Вы созданы для чего-то большего, вы оба. А даже если светлые позволят вам *просто жить*, они

никогда не допустят вас к тому, к чему вы стремитесь.

Вместе с выдохом у Лода вырвался смешок:

– Что за ситуация.

– Я даже не знаю, есть ли из неё хоть один безболезненный выход.

– Любой выход будет болезненным, – колдун протянул руку к свече, будто хотел коснуться пламени пальцами. – Есть один, конечно, и вероятность подобного исхода... – он осёкся. – Но это было бы низостью с моей стороны – рассчитывать на него.

Он провёл расправленной ладонью над каплей огненного золота, у фитиля отливающей прозрачной синевой. Потом сжал пальцы в кулак, согнув их по очереди: быстрым выверенным движением музыканта.

– А самое печальное, – произнёс Лод потом, и отражённый огонь плясал искрами на дне его зрачков, – я понимаю, что где-то в глубине души... всё-таки рассчитываю.

Акке улыбнулся.

– Знаешь, если бы не твоё искреннее стремление быть хорошим человеком, ты бы утопил Риджию в крови куда успешнее, чем твой прадед. Но куда там... если тебе даже то, о чём ты думаешь, кажется нечестной игрой.

– А ты знаешь, о чём я думаю?

– Естественно, знаю. Я знаю тебя с того момента, как ты издал первый крик, – справедливо заметил иллюранди. – И знаю ещё одно: с этой девочкой ты можешь быть счастлив. С принцессой – нет. В вашей любви с самого начала было слишком много «но».

– А ты так радеешь о моём счастье, что, видимо, пытаешься подтолкнуть события в нужном направлении.

– В меру моих скромных сил.

Колдун посмотрел на спящую девушку. В который раз вернулся в то утро у чёрного пруда, что разделило всё на до и после. Вспомнил, как вытаскивал её из воды, пока мантия тянула ко дну – он кинулся в пруд, в кои-то веки не успев подумать даже о том, чтобы раздеться, – как сосредоточенно, в размеренном ритме давил ей на грудную клетку, как вдыхал в её губы воздух, твердя про себя: «Живи, дыши, ну же...»

А потом она открыла глаза: широко расставленные, от изумления расширившиеся на пол-лица. Глубокая, насыщенная вечерняя синева под тёмной чёлкой, липнущей ко лбу, и тоненькая, почти чёрная кромка по краям радужки. Две сапфировые звезды, тонущие во мраке зимнего неба.

Забавно. Когда-то он думал, что, кроме этих глаз, в ней нет ничего особо привлекательного. Даже её лицо: большеротое, с пухлыми щёчками

и широким носом, плоским, смешно похожим на кнопку... он никогда не считал его некрасивым, но поначалу оно казалось странным, неправильным. Особенно в сравнении с лицами дроу, которые он привык видеть. Кто бы мог подумать, что всё так сильно изменится, и простой интерес уступит место этому чувству, щемящему и бесконечно нежному: будто высоко в горах ты вдруг видишь цветок, пробившийся к солнцу среди льда и снега – маленькое, одинокое, беззащитное чудо.

Быть хальдсом принцессы – столь же великая честь, сколь и повинность. Он знал об этом, и считал это незаслуженным счастьем: отдать ей своё сердце без права забрать обратно. Одна лишь радость – и никаких сожалений, никогда и ни о чём. Никогда.

До недавних пор.

Хорошо устроился, приятель, подумал он с иронией, хмелем горчившей душу. Две девушки, такие разные, такие непохожие... но обе – любящие, и обе – при тебе. А при желании ты мог бы перейти черту с одной, не отказываясь от другой. С твоим-то талантом к манипуляциям это не стоило бы большого труда. Многие не стали бы думать дважды, прежде чем выбрать этот вариант.

Если б только у тебя не вызывала отвращение одна мысль об этом.

Что ж, играй роль, наследник рода Миркрихэйр. Ты придумал себе новую маску – так носи её с блеском, с честью, с удовольствием. Ведь ты в этом мастер: придворный колдун, великий лицедей, владыка игр и кукол. Прячься под маской, пока не закончится война... а дальше – надейся, что твой друг тоже поймёт это. Что мы не выбираем, кого любить.

Потому что твоя принцесса отличается от многих, носивших королевский венец до неё. И если ты захочешь уйти, она отпустит тебя.

Весь вопрос в том, сможет ли твой Повелитель простить, что ты причинил ей боль. А если простит, то когда. Алье всегда нелегко давалось понимать и прощать, и гнев порой заводит его слишком далеко. И повода обвинить своевольного Первого Советника в злоупотреблении своим положением, чтобы воздать справедливую кару, долго искать не придётся.

Оставался всего один вариант, который позволил бы не отказываться ни от дружбы, ни от положения. Потому что простого желания Морти освободить своего хальдса было недостаточно: Алье не составит труда сопоставить факты, и всё выйдет только хуже. А Лод не смеет и никогда не посмеет просить её сделать то, о чём не раз уже думал.

Но если и она это поймёт...

Лод презрительно одёрнул рукава рубашки.

Да, иногда он презирал свою расчётливость. То, что разум

просчитывает варианты даже тогда, когда сердце – на части, что оценивает выгоды даже в том, от чего душа – в осколки.

Однако остался бы у тёмных хоть один шанс, если б он не был таким?

– Господин Лодберг.

Колдун и его слуга обернулись вместе.

На другого илляторанди, шагнувшего к ним из тёмного угла.

– Да, Йон? – спросил Лод, не повышая голоса.

– Повелитель зовёт вас, – тихо произнёс слуга Альи. – Срочно.

Лод вскинул голову, словно гончая, почуявшая дичь.

– Навиния очнулась.

Он не спрашивал – утверждал; и Йон кивнул, подтвердив то, что колдун понял и сам.

– Да, принцесса очнулась, – молвил илляторанди. – И у неё есть что вам рассказать.

* * *

Мы играли, устроившись на привычных местах. Я сидела с ноутбуком на кресле, Сашка – за столом, оккупировав мой стационарник. Когда он приходил ко мне, я всегда уступала ему комп: Сашка в этом плане капризный. Если я чувствовала себя за ноутом вполне комфортно, то он наотрез отказывался иметь с ним дело.

– Наверху у ребят проблемы, – заметил Сашка, когда на другом конце карты враги окружили наших товарищей по команде. – Может, прилететь к ним?

– Расслабься, – равнодушно откликнулась я. – Ты – керри^[16], твоя задача – фармить^[17]. Пускай сами разбираются.

– Их сейчас убьют.

– Ничего, реснутя^[18]. Ты пока слишком тонкий, всё равно ничего не сделаешь, только умрёшь вместе с ними. А если будешь лезть в драки и отдаваться, мы проиграем. Сам знаешь, лучше отдать врагам пару схваток в начале, зато вытащить игру в конце.

Сашка неодобрительно вздохнул, но промолчал. Вечно порывается всем помочь, сердобольный мой... Нет уж, в следующий раз за керри буду играть я. Их положение обязывает быть эгоистичными, а уж это у меня неплохо получается.

– Снежик, идите кушать, – крикнула мама из-за закрытой двери.

– Чуть-чуть позже! – крикнула я в ответ, сосредоточенно кликая мышкой. – Не клади нам пока!

– Опять играетесь?

– Да!

– Ладно, приходите, как закончите, – смиренно согласились в коридоре.

Всё-таки чудо у меня, а не мама. Не думаю, что многие родители...

Ощущение неправильности происходящего пришло внезапно.

Я же должна быть совсем в другом месте. Совсем с другими людьми. Должна быть частью чего-то важного, чего-то большего...

– Напоминание, – провозгласил из колонок Дэвид. – Время принимать таблетки для...

– Напомнить через полчаса, – рассеянно велела я.

– Напоминание отложено, – после секундной паузы отрапортовало моё верное детище.

И тут я сообразила, с чем связано это странное ощущение неправильности.

– Риджия...

– Что? – переспросил Сашка, не отрывая взгляд от монитора.

Точно. Я же должна быть не здесь. В другом мире – таком чужом, таком недружелюбном. И Дэвид должен остаться где-то далеко, и Сашка должен меня забыть, и мама должна быть мертва. А значит, я снова сплю... или нет? Может, Риджия и была сном, безумным сном – всего-навсего? И то, что случилось до неё, и смерть мамы тоже... ведь то, что я вижу сейчас, куда более реально. Привычно.

Похоже на то, во что хочется верить.

Да. Наверное, я просто перечитала паршивых книжек про попаданок. Вот и пригрезились дреу, эльфы, светлые, тёмные и прочая ерунда...

И Лод.

Когда я с ужасом осознала, что если всё остальное было сном, то и он тоже, я открыла глаза. Затрудняясь сказать, что заставило меня это сделать – знакомый голос, произнёсший моё имя, или тот самый ужас.

Заставивший всех моих дорогих призраков кануть обратно в небытие.

– Прости, что разбудил, – сказал колдун, склонившийся надо мной. – Но Навиния очнулась, и я подумал, что тебе лучше услышать наш разговор.

Я протёрла глаза костяшками указательных пальцев. Утвердилась в мысли, что это – реальность. Это, а не то, что я видела минуту назад.

– Да... хорошо, спасибо.

Сев в постели, я надела очки. Ногам было непривычно тепло, точно

кто-то положил под одеяло грелку. Правда, миг спустя «грелка» шевельнулась.

В момент сообразив, кто играет её роль, я рывком вскочила.

– Всё ещё боишься Бульдога? – улыбнулся Лод.

Его лицо пряталось в тенях, танцующих вокруг единственной в комнате свечи.

– Немного...

Но думала совершенно о другом.

Какая ирония. Я, не задумываясь, готова отказаться от всего хорошего, что у меня было в жизни, ради мужчины, который даже не принадлежит мне. И, скорее всего, никогда не будет принадлежать.

Для всех лучше, если не будет.

– Ладно, сейчас вернусь. – Невесёлые мысли неохотно отступили перед осознанием того, что нам вновь предстоят великие дела. – Я быстро.

Я ушла в ванную, наспех провела все необходимые ритуалы и последовала за Лодом прочь из лаборатории.

Знакомый путь до башни Повелителя проделали быстро. В этот раз мы миновали проходную лиловую комнату, чтобы по узкой винтовой лестнице подняться выше, туда, куда Алья на моих глазах унёс Навинию. Оказались в другой круглой комнате, расходившейся тремя дверями. В одну из них и вошёл Лод – без стука.

В покоях Алья было почти темно, так что Навинию я заметила не сразу. Принцесса полулежала на огромной кровати, укрывшись за балдахином: полупрозрачный покров цвета сирени, будто из шифона.

– Здравствуй, Лод, – произнёс Алья. Повелитель дроу стоял у окна, скрестив руки на груди, и смотрел на спящий Мирстоф, но при нашем появлении обернулся. – У принцессы есть для нас любопытные известия.

По его лицу невозможно было прочесть ничего. Ни единой подсказки о том, что нам предстояло услышать.

А вот когда Лод движением руки заставил балдахин взмыть вверх, перехватившись тяжёлыми бархатными кистями, – угрюмое лицо Навинии сказало мне куда больше.

– Принцесса, – мягко произнёс Лод, присаживаясь в кресло рядом с кроватью, – вы были во дворце, я знаю. Что там произошло?

– Мой Первый Советник. Вирт Форредар. Я хотела побеседовать с ним по душам, – процедила девушка сквозь зубы. Наверное, непосредственно после пробуждения у неё было несколько другое настроение, но сейчас она явно злилась. – А он...

Рассказ принцессы я слушала молча. И про два кубка на выбор, и про

«Ночной покой», и про войну с соседним королевством, и – с особым вниманием – про некую отчаянную эльфийскую девочку, которой подкинули некую идею. И думала, что на Земле я тоже сталкивалась с фанатиками – не сама, конечно, только в новостных колонках, – но каждый раз мне трудно было поверить, что человек разумный может вести себя так.

Импульсивная девушка, послужившая марионеткой в чужих руках, и кукловод, умело ею манипулировавший. Мелкие детали большой истории о годах ненависти и реках крови, пролившихся из-за чьей-то нетерпимости и чьих-то предубеждений. Из-за одного мужчины, одержимого своим долгом, и одной девчонки, одержимой своей страстью.

От осознания несправедливости и – главное – отчаянной глупости всего этого хотелось кричать.

– ...а потом я достала кольцо и... – принцесса запнулась.

– Из последних сил надели его? – нетерпеливо предположила я. – И потеряли сознание?

– Если бы, – наконец подал голос Алья.

Голос этот был мрачным донельзя, – и в тот же миг я поняла, что в действительности произошло дальше.

– Уж извините, – Навиния вздёрнула носик в жесте, исполненном бесконечного сарказма. – Я узнала, что этот человек помог умереть моим родителям. При этом умудрился сохранить ручки чистыми, подлый высокомерный ублюдок! А потом восемнадцать лет пудрил мозги и мне, и всем светлым, вынуждая нас и дальше убивать дроу и умирать самим, и в смерти вашей сестры он виновен не меньше Хьовфина! Знаете, мне как-то не верится, что вы бы на моём месте...

– Вы убили его, – невыразительно констатировал Лод.

Молчание принцессы явно было той паузой, которая служит человеку спасением, если ему трудно выговорить «да».

– Как вы умудрились? – произвольно вырвалось у меня.

Девушка опустила глаза:

– Ну...

...принцесса глубоко, жадно, судорожно вдохнула – и выдоха не последовало.

Услышав тишину, Советник отвернулся от тайного хода. Посмотрел на неподвижное тело, на бледное лицо с закрытыми глазами, на пальцы, из которых исчез огненный клинок. Шумно выпустил воздух сквозь приоткрытые губы.

Быстро приблизившись, старик нагнулся, чтобы подхватить девушку

на руки: точно собрался отнести в постель спящего ребёнка.

Всё произошло почти моментально.

Навиния открыла глаза. Выдохнула, перестав удерживать дыхание. Следом – резким жестом, отчаянным усилием – вскинула руку, почти достав ею до груди Советника.

А затем вновь призвала в эту руку рапиру.

Да, оружие возникло всего на пару мгновений. Да, сразу после этого оно исчезло, а Навиния, вконец обессиленная, уронила ладонь обратно на пол. Но когда в твоей груди на пару мгновений материализуется тонкая струя огня – пронзающая сердце, прочная, как сталь...

Чтобы ты умер, вполне достаточно и этого.

Пошатнувшись, Советник завалился на бок и упал рядом с Навинией, которая наконец заставила серебряный ободок, застывший на кончике её указательного пальца, скользнуть на нижнюю фалангу. За миг до того, как глаза девушки закатились, и дыхание сбилось уже неподдельно, и белая пена выступила изо рта.

Только вот спустя считанные секунды в кабинете остался один лишь старик, белый камзол которого чернило аккуратное горелое пятно...

– Абсолютно безумный план, – резюмировала я со смесью укоризны и невольного восхищения. – Хоть бы кольцо сначала надели! Вы ведь не могли знать, хватит ли вам сил сделать это потом.

– Чтобы вы сразу выдернули меня оттуда? – Навиния презрительно повела плечом. – Мне было не так важно, выберусь ли я. Важно было достать эту тварь.

– Ваша жизнь не принадлежит вам одной, а я не давал вам позволения умирать, – холодно уточнил Алья. – Не говоря уж о том, что вам хватило сил и сообразительности, чтобы устроить Советнику ловушку, но не чтобы подумать, насколько ценного свидетеля мы теряем.

И это говорит Алья, которого от убийства наследника эльфийского престола в своё время удержала лишь клятва Лода? Ха.

– И в чём его ценность? – уточнила принцесса. – Если то, что он сказал, правда, он лишь обмолвился с этой девчонкой Эльскиар парой слов, не более. Само по себе это ничего не доказывает, нам необходимо признание от самой убийцы.

– Соглашусь, – спокойно произнёс Лод в унисон с моими мыслями. – Но риск и правда был слишком велик. Если бы что-то пошло не так, мы бы не только потеряли вас – мы бы никогда не узнали того, что узнали вы.

– Но не пошло же, – с убийственной справедливостью возразила Навиния. – Я привыкла доверять себе и своей интуиции.

Алья молчал. И я подозревала, что за гневом он скрывает нечто совсем другое.

В конце концов, люди часто проявляют свою любовь довольно своеобразными способами. Так почему друу должны действовать иначе?

– Никогда не любил безумцев. Особенно тех, что не вконец обезумели, – Лод поморщился. – Неудобные противники... почти невозможно просчитать.

– Но теперь Советник вне игры, – удовлетворённо сказала я.

– Что, откровенно говоря, меня радует.

– Осталась только Авэндилль. Теперь мы точно знаем, что это она.

– Да. Нужно лишь добиться признания.

– А ведь придётся обойтись без помощи ошейника, иначе никто нам не поверит.

– Думаю, обойдёмся. – Колдун улыбнулся. – Особенно если тэлья Фрайндин нам поможет.

Второй раз проникнуть в убежище младшего брата Повелителя эльфов оказалось ещё легче, чем в первый.

Выдвинулись сразу после пробуждения светлых, предварительно поведав им всё, что узнали от Навинии. Почти тем же составом, что в предыдущий раз, – двое принцев, Эсфоризель, я и Лод. Только вместо принцессы, ещё слишком слабой, на сей раз с нами отправился Восхт.

Прогулка по вечернему Солэну под прикрытием сумрачной пыли не заняла много времени.

– Фрайндин дома, – едва слышно сообщил Лод, когда мы застыли перед защитным контуром, окружавшим древесное жилище. – Охранные чары не восстановили. Видимо, он ожидает нашего визита.

– А Машка? – шёпотом поинтересовалась я.

– Никого, кроме него.

– Тогда медлить не стоит.

Перешагнув через низенькую калитку, мы гуськом прошли по узкой садовой дорожке к двери. Я не слышала невесомых шагов трёх эльфов, лишь лёгкий шорох, с каким касались каменных плит сапоги Восхта, но знала, что те следуют за мной. Потом мы подождали, пока Лод, проникнув внутрь прямо сквозь дерево, не отопрёт замок, и поочерёдно прошли в дом, просачиваясь в узкую щель между косяком и приоткрытой дверью: раскрывать настежь не решились, дабы не привлечь внимания прохожих, которых неприятно удивила бы подобная активность невидимок.

Мы затворили дверь как раз вовремя, чтобы встретить Фрайндина, неторопливо спускавшегося по лестнице сверху.

– Здравствуйте, незваные гости, – проговорил он в пустоту; узоры на его сапфирных одеждах блеснули серебряными искрами. – Выходите из теней. Вам нет нужды скрываться.

Золотым снопом рассыпалась пыльца проявления, и Лод, материализовавшись из пустоты, учтиво поклонился хозяину дома.

– Тэлья Фрайндин.

– Наследник Ильхта, – без улыбки откликнулся тот. – Брат... и ты, Восхт, и вы, мальчики... – эльф шагнул вниз с последней ступеньки. – Вы пришли за моим ответом?

– Мы пришли за твоей помощью, Фрайн, – произнёс Эсфориэль. – Мы нашли того, кто стоял за наёмниками. Мы знаем, кто виновен в покушении на Фаника. Мы знаем, кто в ответе за то, что Фин стал вдовцом.

Сам Фаник стоял рядом с ним, как и Дэнимон. Оба – без улыбки, поразительно похожие. Только вот если Фаник принял все новости без удивления, без гнева, с какой-то рассудочной обречённостью – как и его дядя, – то Дэн час назад от избытка чувств схватил меч, чтобы уничтожить ни в чём не повинный стул.

Сдерживать его никто не стал. Лучше уж стул, чем что-нибудь другое. Или кто-нибудь другой.

– Это Дилль? – неожиданно тихо произнёс Фрайндин. – Авэндилль Эльскиар? Она... отравительница?

Это и правда было неожиданно.

– Дядя, – проговорил Дэнимон ошеломлённо, – откуда...

– Я много думал над вашими словами, и... вспомнил один разговор, ничего не значивший, эпизод обыденной жизни, не имевший никакого значения... до этого момента, – эльф безнадёжно отвернул голову, глядя в тёмное окно. – Каков глупец! Если бы я только подумал об этом раньше, если бы не верил слепо в злобу тёмных, то всё это... ужасное, кровавое, бессмысленное, всё это... можно было бы предотвратить.

– О чём ты?

Фрайндин не ответил. Он смотрел в ночь, и зимняя синева его глаз сейчас казалась ещё темнее. Но мне не так и важен был его ответ.

Значит, зёрна сомнений, которые мы посеяли в прошлый наш визит, всё-таки проросли. Значит, мы помогли ему в свою очередь сопоставить факты – наконец; ведь на самом деле это было совсем не сложно. Требовалось только разбить кривое стекло, через которое ты привык смотреть на вещи.

Потому что редкие преступники не совершают ошибок. И я не верила, что девятнадцатилетняя девчонка, потерявшая голову от любви и

ненависти, не допустила ни одной.

– Скажите мне только одно, – не глядя на нас, выговорил эльф. – Она задумала всё это сама? Отравить свою госпожу, подставив тёмных? Убить её ребёнка, свалив вину на них же?

– Нет, – Лод ответил спокойно, точно ожидал вопроса. – По крайней мере, идею об убийстве Повелительницы ей подкинул другой человек.

– Советник Форредар? – Фрайндин медленно повернулся в сторону колдуна. – Поэтому вы убили его?

Это меня не удивило. Я ожидала, что тело Советника быстро обнаружат, и догадывалась, что вычислить убийцу окажется не сложно. Как и тех, кто за нею стоял.

– О, так это уже известно, – Лод невозмутимо кивнул. – Да. Поэтому.

– Говорят, его сердце пронзили огненным клинком. Очень похожим на оружие Навинии. Люди шепчутся, что Повелительница жива, но тёмные обратили её в свою послушную марионетку. Однако теперь я понимаю... если принцесса услышала правду из его уст... – Фрайндин зажмурился. – Что вы узнали? И как?

Короткий рассказ Лода он выслушал, так и не открывая глаз. Не перебивая, не отвечая, не реагируя. И даже когда колдун закончил, какое-то время ещё молчал.

Затем подался вперёд, к двери:

– Идёмте.

– Куда? – не сдержал удивления Восхт.

– К Дилль. Время позднее, она должна быть у себя, а если ещё не у себя, мы дождёмся её прихода. Я помогу вам проникнуть во дворец – защитные чары не впустят никого из вас, Фин отдал магам приказ... Без меня путь туда вам заказан, – эльф резко обернулся, и во взгляде его был какой-то лихорадочный блеск. – Идёмте! Я должен посмотреть ей в глаза, когда она увидит вас. Должен задать ей вопросы, которые давно следовало задать. Должен увидеть, что она будет делать, когда вы поведаете ей всё это.

– Так ты веришь нам? – выдохнул Фаник.

– Поверю всей душой, если увижу то, что ожидаю увидеть. И тогда попрошу Фина проникнуть в её сознание. Вас он не послушает, конечно же, но меня... Пусть наши маги просмотрят её воспоминания. Боль терпима, а большого вреда ей это не принесёт. И если они обнаружат там то, о чём я думаю... – Фрайн порывисто схватил Эсфориэля за запястье, точно мальчишка, в нетерпении тянувший старшего брата на прогулку. – Идёмте! Я больше не смогу вынести ни дня, ни минуты! Если это правда,

если всё это правда... – эльф опустил голову. – Что же мы наделали...

Перехватив быстрый взгляд Лода, я поняла, что мы вновь думаем об одном и том же.

Да, пока всё складывается даже слишком хорошо. Ведь Фрайндин сам, по доброй воле, предложил воплотить в жизнь наш собственный план.

– Мы не можем исправить ужасов прошлого, однако в наших силах предотвратить ужасы будущего. – Положив руку брату на плечо, Эсфор улыбнулся, но улыбка эта была печальной. – Веди нас, Фрайн. Да помогут нам боги.

Лод, поколебавшись, кивнул, и я возвела тройку в восьмую степень, утихомиривая вдруг заколотившееся сердце.

Даже если это ловушка, с кольцами нас никому не поймать. Мы не ожидали, что всё может свершиться так быстро, но это и без того затянулось на восемнадцать лет.

Ладно. Сейчас так сейчас.

В конце концов, точку в этой истории и правда стоит поставить как можно скорее.

Пожалуй, никогда ещё я не ступала по брусчатке, которой эльфы мостили улицы своей столицы, с таким волнением. Близившаяся ночь уже заставила Детей Солнца вернуться в дома, но Восхт, конечно же, всё равно укрыл нас чарами невидимости. В темноте древесный дворец, по которому разноцветными искрами рассыпались сотни витражных окон, впечатлял ещё больше. У ажурных ворот снова дежурили двое стражников – и, завидев Фрайна, поспешили согнуться в низком поклоне.

– Пресветлый тэлья, – они распахнули ворота настежь: каждый по створке, открывавшейся наружу, в сторону дворцовой площади. – С возвращением.

– Благодарю, – Фрайндин, кивнув, двинулся вперёд. За шаг до того, как ступить в сад, застыл, повернувшись к одному из стражей. – Всё ли спокойно? Ничего подозрительного не замечали?

– Нет, пресветлый тэлья. Можете не беспокоиться, мы смотрим в оба, ведь времена нынче...

Фрайн стоял так, что закрыть створки делалось невозможным, ровно посреди прохода, – но ворота были настолько широки, что позволяли спокойно прошесть между братом Повелителя эльфов и стражниками. И я подалась вперёд ещё прежде, чем почувствовала, как Лод увлекает меня за собой.

Мы уже были в саду, а Фрайн всё поддерживал со стражами учтивую беседу.

– Крайне любопытная защита, – обжёг ухо шёпот Лода, когда мы отошли подальше. – Посторонним не преодолеть ограду. Ворота – единственное слабое место, но и они не пропустят незнакомцев. Однако на время, пока через защитный контур проходит тот, кому дозволено свободно входить во дворец, контур нейтрализуется. И пока Фрайн стоит на пороге...

...он служит аналогом изолятора, который не даёт электрической цепи снова замкнуться. Ясно.

Глядя, как брат Повелителя эльфов прощается с бедолагами, только что впустившими в свой дворец шестерых тёмных, я надеялась, что впоследствии Хьовфин им это простит. Мы и без того оставили за собой порядочный след из трупов.

Стражников у дверей миновали тем же образом, и я во второй раз очутилась внутри золотого древа. Только теперь, оставив позади пару пустынных залов, пройдя мимо искусных гобеленов, на которых выткали сцены эльфийских празднеств, мы последовали за Фрайном наверх – по лестнице, образованной всё теми же древесными лозами, обрамлённой перилами, которые украшала филигрань тонких закрученных ветвей.

Фрайндин поднимался не слишком быстро, но легко и непреклонно. Путь озаряли серебряные светильники на перилах и на стенах, колдовское пламя в которых горело ярко, но не слепило. Периодически мы встречали других обитателей дворца. Благо ступеньки были достаточно широки, чтобы мы могли беспрепятственно разминуться, даже если бы эльфы не отступали в сторону, почтительно кланяясь брату Повелителя. Я подозревала, что магия каким-то образом скрывала ещё и звук наших шагов, ведь вряд ли эльфы, которые славились тонким слухом, могли их не расслышать – и точно не оставили бы без внимания незримых гостей.

Лестница вилась и вилась наверх, перемежаясь круглыми площадками, уходившими в глубь дворца широкими коридорами. Несколько раз мы переходили по мосткам от одной площадки до другой, и тогда я старалась не смотреть вниз: лестницу создали по принципу гигантского колодца, и, если опустить взгляд, тебе открывался вид на всё, что ты оставил позади. С каждой минутой идти было тяжелее – я уже не столько держалась за руку Лода, сколько висла на ней, – но просить Фрайндина сбавить темп было опасно и подозрительно. Так что я просто глотала ртом воздух, пытаясь нормализовать дыхание, и заставляла себя переставлять ноги, машинально считая ступеньки.

На пятьсот тридцать второй мы поднялись на очередную площадку, и я поняла, что лестничный колодец смыкается куполом чуть выше наших

голов.

Дальше подниматься было некуда.

Фрайндин повёл нас прямо, плавным изгибом светлого арочного коридора, мимо редких дверей – невысоких, полукруглых, из дерева гладкого, словно шёлк. У одной из них в итоге мы и остановились.

– Никаких ошейников. Думаю, вы сами понимаете причину, – тихо произнёс Фрайндин, прежде чем протянуть ладонь к ручке, тоже выточенной из дерева. – Если ошейник окажется на ней, если он делает что-то с сознанием пленников... после никто из светлых не поверит тому, что увидит в этом сознании.

– Мы понимаем, – откликнулся невидимый Лод. – Надеюсь только, что она не сделает некую глупость.

– Нет. Даже если поймёт, что её загнали в угол, с собой она не покончит, и на чужой меч не кинется. Я думал, что знаю её, но если всё правда... выходит, что она умна, хитра и изворотлива, любит себя, и самоубийственные поступки ей не свойственны. А угрозы для нас она не представляет ни малейшей.

– Согласен.

Больше слов не было. Эльф просто толкнул дверь от себя. Без стука.

Позволив мне увидеть ту, из-за кого погибли сотни и могли погибнуть тысячи.

Она сидела у окна, расчёсывая локоны, струившиеся по её плечам нитями солнечной пряжи. В простом зелёном платье – и золотом, в тон её волос, на этом платье выткали гербовые лилии. Когда дверь отворилась, эльфийка обернулась, и лазурь её глаз словно стала ярче от удивления.

– Тэлья Фрайндин? – Леттэ Авэндилль из рода Эльскиар торопливо отложила гребень на туалетный столик. Встав с кресла, присела в реверансе, но не опустила настороженного взгляда. – Чем я обязана тому, что вы почтили меня своим визитом в столь поздний час?

Она и сейчас казалась не старше девятнадцати. Ей должно быть уже тридцать семь, а выглядит девочкой, такой милой, такой невинной...

Ядовитые цветы часто выглядят безобидными в своей хрупкой красоте.

Фрайндин, не ответив, прошествовал на середину небольшой, скромно обставленной полукруглой комнаты.

– Закройте дверь, – бросил он, пока мы с Лодом проходили внутрь следом за ним.

– Закрывать? – эльфийка растерянно выпрямилась. – Хорошо, но...

– Я обращался не к вам.

Лод отпустил мою руку.

Дверь затворилась, заставив хозяйку комнаты вздрогнуть. В следующий миг я увидела Дэна, Фаника и Эсфориэля – прямо перед собой, рядом с Фрайном, – и растерянность в глазах Авэндилль сменилась паникой.

Попалась.

Конечно, она знала, зачем они пришли. Когда твоя совесть нечиста, ты ждёшь этого, постоянно ждёшь. И когда видишь мстительных призраков, сразу понимаешь, что им от тебя нужно.

– Принц... Фаникэйл? Принц Дэнимон? Тэлья... – взгляд её в страхе перебежал с одного эльфа на другого, – что... откуда...

– Леттэ Эльскиар, – мрачно проговорил Дэнимон. – Похоже, вы не рады нас видеть.

– Я... нет, что вы, – она судорожно облизнула дрогнувшие губы. – Я очень... но это совершенно неожиданно, ведь вы...

– Мы всё знаем, Дилль, – Эсфор даже сейчас говорил без злости. – О том, что случилось на тех переговорах. О том, что ты сделала с Фаником.

Шестнадцать тысяч триста восемьдесят четыре, шестьдесят пять тысяч пятьсот тридцать шесть... почему так дрожат руки, почему никак не выровняется дыхание? Почему я никак не могу поверить, что здесь и сейчас всё наконец закончится?

Что может случиться, что может пойти не так? Стража? Чары? Снова Машка?..

– Вирт Форредар перед смертью рассказал нам всё, – вкрадчиво прошелестел Фаник, и я оценила, как тонко он искажил реальное положение вещей. – О вашей с ним милой беседе.

– Я не понимаю, о чём вы, – эльфийка попятилась, и на чистом бледном лбу её выступила испарина. – Какие переговоры? Что я...

Я не сразу поверила своим ушам, когда расслышала пение.

И лишь спустя пару секунд поняла, что оно принадлежит Фрайндину.

– *И колечко сестра протянула сестре, и сказала принцесса младая, – едва слышно мурлыкал брат Повелителя эльфов, – в этот день не отринь мой подарок тебе, о сестрица моя дорогая...* – Он порывисто шагнул вперёд. – В день переговоров, Дилль, твою руку украшал чудесный перстенёк. Зелень камня к зелени твоего платья. Я помню, как в тот страшный день твоя госпожа хвалила и его, и твой наряд. Она так любила тебя... Ты ведь тогда задумала это, Дилль, – отравить свою Повелительницу? Услышав мою песню, решила, что боги подадут тебе знак? Сделать колечко с отравленной иглой, оставить царапину на руке,

уйти до того, как яд подействует, зная, что все ожидают подлости от дроу... Как это просто.

– Нет, нет! – голос эльфийки прозвучал даже жалобно. – Нет, как вы можете думать такое! Я... я...

Колечко. Игла. Песня.

На убийство, спровоцировавшее резню и восемнадцать лет ненависти, её толкнула песня. Песня Фрайна, милого невинного Фрайна.

Это было бы смешно, если б не было так горько.

– Тот перстень до сих пор у тебя, правда, Дилль? Я видел его на твоей руке. Ещё не раз после того дня.

Я понимала, что Фрайндин блефует. Он не мог помнить, как выглядит очередное украшение очередной фрейлины. А если бы помнил, просто взял шкатулку, которая стояла на столе, явно предназначенную для драгоценностей, и перевернул её вверх дном: для начала. Но, судя по тому, с каким ужасом эльфийка прижала ладонь ко рту, блеф удался.

Лишь идиоты и маньяки хранят доказательства своих преступлений. Я не знала точно, к какой категории отнести Авэндилль Эльскиар, но то, что она определённо относилась к какой-то из них – а, возможно, к обеим сразу, – играло нам на руку.

На шее Фаника, стоявшего спиной ко мне, внезапно вспыхнул странный светящийся символ. Будто татуировка фосфором, отдалённо напоминающая паука. И, судя по тому, с какой синхронностью эльфийские принцы схватились за шеи, с Дэнимоном произошло то же самое, просто его метку скрывали длинные кудри.

– Маячки, – в ужасе пробормотал Восхт. – Повелитель знает, где вы, знает, что вы во дворце!

– Значит, скоро он будет здесь, – высказался Лод, стоя у двери рядом со мной. – Думаю, со стражей.

Двести шестьдесят восемь миллионов четыреста тридцать пять тысяч четыреста пятьдесят шесть... спокойно, спокойно, ничего непоправимого не случилось. Если Хьовфин будет катастрофически не рад видеть сыновей, которых он успел похоронить, и опального брата – нас просто призовут обратно под горы, только и всего. А Фрайндин, думаю, вполне сможет довести дело до конца в одиночку. Мы с самого начала знали, что убеждать Фина придётся именно ему.

Младший брат Повелителя эльфов как раз протянул руку Авэндилль: ладонью кверху, в требовательном жесте.

– Отдай нам перстень, и я буду лично просить брата помиловать тебя.

Мудро. Если добыть вещественное доказательство до прихода

Хьовфина, это однозначно добавит убедительности нашим словам. А самостоятельно перебирать все кольца, которых у эльфийки наверняка десятки, выскивая то самое... На подобное у нас времени явно не оставалось.

Авэндилль медлила, но в воздухе серебряным блеском молнии сверкнула сталь.

– Делай, что говорят. Быстро. – Дэнимон обнажил свой меч, и кончик лезвия был направлен перепуганной эльфийке в лицо. – Никогда не думал, что придётся угрожать женщине. Впрочем, не так важно, как выглядит порождение зла, суть у всех одна.

– Принц, – осторожно вымолвил Лод, – вы...

– Не волнуйтесь, я её не убью, – в голосе эльфа прорезались какие-то лихорадочные, фанатичные нотки, остро напомнившие мне Алью в начале нашего знакомства. – Но если не отдаст кольцо прямо сейчас, пожалеет. – Он сделал пару шагов, оказавшись рядом с Фрайном, прямо перед загнанной преступницей. – Кольцо!

– Отдай его, Дилль. Или его отыщем мы, но это не облегчит твою участь, – Эсфориэль говорил куда мягче, но то была обманчивая мягкость шёлка, под которым прятался острый клинок. – Если тебе нечего скрывать, это никак не навредит тебе, верно?

Она медленно отняла руку ото рта. Тяжело дыша, опустила её, отерев ладони о юбку.

Не говоря ни слова, Авэндилль повернулась к туалетному столику. Потянула пальцы к костяной шкатулке, подле которой положила гребень. Шкатулка была небольшой, в неё не спрятались бы кинжал, и даже дротик – едва ли; но краем глаза я заметила, как Лод, не поднимая руки, выплел пальцами рунную паутинку.

А ещё – как у его локтя на миг обозначился прозрачный контур воздушного щита.

– Что бы ни случилось, – сказал он, невзначай прислонившись спиной к двери, – всем оставаться там, где вы стоите.

Эльфийка замерла, только и успев, что откинуть крышку.

Ясно. Колдун наверняка укрыл нас защитным барьером, и какой бы козырь ни оказался у убийцы в рукаве, на нас он не подействует.

– Быстрее, – Дэнимон нетерпеливо подался вперёд, так, что от эльфийки его отделяла только длина клинка, почти упиравшегося Авэндилль в ухо. Видно было, как преломляется воздух там, где сталь пересекла границу магического щита: барьер не пропускал ничего снаружи, но не изнутри.

– Принц, отойдите назад.

Это был почти приказ, и за твёрдостью в голосе Лода я прочитала тревогу.

Послышалось звяканье, тихое и глухое, точно кто-то мял в ладони горсть гальки – эльфийка перебирала свои украшения. Потом принялась выкладывать их на стол, одно за другим. Кольца, ожерелья, браслеты в золотисто-зелёных тонах.

Горло от волнения сжалось так, что трудно было дышать.

Шестьдесят восемь миллиардов семьсот девятнадцать миллионов...

– Отойдите, – повторил колдун, сощуренными глазами следя за тем, как Авэндилль ищет что-то, – и опустите меч. В этом нет нужды.

– Нет, я...

Эльфийка в очередной раз вынула пальцы из шкатулки. Сжимая в них маленький белый кристалл, похожий на кварц.

А потом мир обратился чистой белизной, и на меня навалилась беззвучная чернота.

Я ослепла, оглохла, потерялась в тёмной тишине. Потом врезалась спиной во что-то. Упала? Ударилась об пол? Нет, это стена, я просто отпрянула к ней, а пол – вот он, под ногами, а, протянув руку, нащупаешь мантию Лода... Я всё там же, всё в той же комнате, всё в том же дворце.

И всего лишь подпала под действие магического аналога светошумовой гранаты.

Вспомнив напутствия Лода, я замерла, отчаянно моргая, считая мгновения в тишине, нервно ожидая, пока пройдёт действие заклинания. Слух вернулся первым.

– ...спокойно, оставайтесь на местах! – крик колдуна с трудом пробивался сквозь мутную пелену: казалось, из моих ушей медленно вынимают вату. – Я запечатал комнату и закрыл нас барьером, она не сможет ни убежать, ни причинить нам вреда! Заклятие безвредное, скоро всё восстановится, но проходит даже через...

– Все целы? Мне казалось, я ранил кого-то! – в словах Дэнимона сквозила лёгкая паника. – Когда меня ослепило, я отшатнулся и взмахнул мечом, и я почувствовал...

В темноте проявились очертания предметов. Потом начало светлеть: постепенно, сперва оборачивая мир в густую серость, затем разрисовывая его выцветшими было красками.

В наступившей вдруг тишине – уже не колдовской – Лод рванул вперёд.

И когда я разглядела, что скрывала темнота, я забыла вдохнуть.

Она лежала там же, у окна. Светлые волосы пропитываются краснотой, голова повёрнута под каким-то странным углом, рот беспомощно открыт, стеклянные глаза смотрят прямо перед собой. Под шеей, по которой с левой стороны до кадыка алой ленточкой протянулась глубокая рана, растеклась тягучая вишнёвая лужа. Дэнимон стоял чуть поодаль, оцепенев, так и сжимая в опущенной ладони меч... с кончика которого на дерево размеренно капала кровь.

Лод рухнул на колени, накрыл ладонью разрезанное горло эльфийки, пачкая мантию и пальцы тошнотворным багрянцем, колдовским сиянием пытаясь исправить, исцелить, заставить снова дышать – бесполезно. Я понимала это так же хорошо, как, должно быть, понимал он. Но из всех, кто был в комнате, никто ещё не мог признать и принять того, что случилось.

Включая меня.

Барьер не в силах был помешать острой стали мазнуть эльфийку по горлу. Она хотела сбежать, но вместо этого напоролась на меч. И умерла – вместе со всеми надеждами. Потому что теперь, даже если мы найдём перстень, мы ничего, ничего, ничего не докажем.

Неужели всё? Из-за случайности, из-за ерунды, так просто, так глупо, так...

Рядом со мной гроыхнуло, и дверь ударилась о стену, почти слетев с петель. Сначала в комнату ворвались семеро стражей, проскочив мимо меня, вжавшейся в стену; за ними прошествовал Хьовфин, сопровождаемый шелестом серебряных одежд. Замер, глядя на открывшуюся его взору картину.

На своего наследника, который стоял над мёртвой эльфийкой, сжимая в руках окровавленный клинок. Рядом с дядей-изменником. Без ошейника.

Не требовалось быть семи пядей во лбу, чтобы понять, какие выводы сделает Хьовфин.

– Так ты тоже избрал сторону тьмы, – губы Повелителя побелели от гнева, голос звенел потрясением и яростью, сузившиеся глаза перевели взгляд с одного сына на другого. – Вы оба!

– Отец, – Дэн сбился на почти шёпот, – послушай...

– У меня больше нет сыновей. Стража!

А вот это уже не просто плохо – хуже некуда.

Я бочком скользнула по стене, прильнув к платяному шкафу, молясь, чтобы меня не заметили.

– Фин, нет! – Фрайн отчаянно вырвался вперёд, встав прямо перед братом, раскинув руки: точно хотел разом заслонить всех

присутствующих. – Мы...

– С тобой я позже разберусь. Вырубить его!

Взмах руки одного из стражников, человека, начертавшего рунную вязь, – и Фрайндин, закатив глаза, рухнул на пол.

– Убить их! – Хьовфин сорвался на хриплый крик. – Убить их всех!

– Фин...

Одинокий голос Эсфориэля заглушил звон клинков. Дэнимон принял удар одного стражника на свой меч, Восхт посохом заслонил Фаника от другого, отражённое заклятие третьего пёстрыми искрами осыпалось с барьера Лода. Остальные светлые медлили, и надежда сверкнула во мраке робкой искрой.

Они не рвутся убивать своих принцев. Не все. Может, если обезвредить немногочисленные горячие головы, если всё-таки поговорить с Финном, если заставить его нас услышать...

Рыжиной полыхнула в дверном проёме знакомая кудрявая грива, – и искру затопило волной болотной безнадёги.

– Фрайн! – завопила Машка, с порога призывая огненный клинок. – Фрайн, что с тобой?!

Судорожно завертела головой, пытаясь понять, что происходит, и увидела меня.

Ну почему, почему ты всегда появляешься так не вовремя...

– Ты! – завизжала Сусликова. – Снова ты!!! Что вы сделали с моим Фрайном, сволочи?!

– Алья! – тоскливо выкрикнул Лод.

Прежде, чем Машка понеслась вперёд, колдовской вихрь подхватил меня, унося прочь из золотого дворца. Закружив голову, завертев до тошноты, швырнул на сливовый ковёр.

Я приподнялась на локте – сил встать не осталось. Посмотрела на Алью и Морти, восседавших за овальным столом в башне Повелителя, с управляющими кольцами на пальцах: глаза второй были растерянными, первого – пустыми. Обвела взглядом Лода, выпачканного в крови, и Эсфориэля, молча опустившего руки; Фаника, кубарем прокатившегося к камину, Восхта, так и сжимавшего в дрожащих руках водяной посох, и Дэна, рухнувшего на пол неподалёку от меня, рядом с клинком, который он наконец-то выпустил из пальцев.

В сознании, едва ли не впервые в жизни опустевшем, нашлось только одно слово: *глупо*. А потом – ещё три: *вот и всё*.

Фаник, закашлявшись, перевернулся на спину. Кое-как сел, прислонившись к стене.

– Ладно. Это было не слишком хорошо, – младший эльфийский принц выдал из себя кривую улыбку. – А запасной план у нас есть?

Глава седьмая

Ночь света

Когда Морти тихо вошла в лабораторию своего хальдса, тот сидел за столом, увлечённо записывая что-то. В одиночестве. Металлический кончик пера скользил по пергаменту, деревянный – выписывал в воздухе кружева, подчиняясь перепачканным чернилами пальцам; бледное лицо колдуна было спокойным, взгляд – сосредоточенным. Рядом стояла остывшая кружка с чаем, спящий Бульдог сопел под креслом. Ничего необычного.

И только синие круги под глазами выдавали, что Первый Советник Повелителя дроу не спит четвёртый день.

Обняв Лода со спины, принцесса прильнула щекой к его щеке.

– Тебе надо отвлечься, – шепнула она. – Отдохнуть.

– Морти, завтра к нашим горам двинется семидесятитысячная армия, – Лод ожесточённо перечеркнул очередную строчку, как много раз до того. – И я очень не хочу воплощать в жизнь план, который заготовил на случай вторжения.

– Я знаю. Но в таком состоянии ты не можешь мыслить трезво. Ещё немного, и ты не сможешь мыслить вовсе. Отвлекись, и решение найдётся.

– Я не могу.

– Ты должен, – Морти накрыла ладонью его ладонь, останавливая перо. – Лод, иди спать.

– Сразу, как решу эту задачку, – он мягко, но непреклонно высвободил руку из её пальцев. – Как там Навиния?

– Я... сегодня ещё её не навещала.

– Тогда навести.

Он продолжил писать, и в тишине, нарушаемой лишь шорохом, с которым строки ложились на пергамент, Морти опустила глаза. Не говоря ни слова, отстранилась и прошла обратно к лестнице: медленно, точно ожидая, что её сейчас окликнут.

Не окликнули.

Покинув обитель колдуна, принцесса не повернула по направлению к башне Повелителя, а приблизилась к высокому окну – мысли её явно были где-то далеко. Облокотилась на мраморный подоконник, посмотрела в прозрачное стекло: одно из сотни, оплетённых изящным цветочным узором кованого оконного переплёта.

Внизу, в дворцовом саду, у чёрного пруда сидели трое. Белизна их одежд выделялась в вечном мраке, гармонировала со светящимися лепестками роз.

Взгляд на этих троих – а может, лишь на одного из них – заставил взгляд Морти стать ещё тоскливее.

– Принцесса?

Услышав оклик, она вздрогнула и отстранилась от окна.

– Тэлья Эсфориэль, – принцесса степенно кивнула брату Повелителя эльфов.

Тот, помедлив, подошёл к ней:

– Я понимаю, отчего вы так печальны, но не нужно отчаиваться.

– Я не отчаиваюсь. Нет вестей о вашем брате?

– Нет. Во дворец иллюранди проникнуть не могут, за пределами дворца его не видели. Однако слухов о его участии в убийстве Авэндилль тоже не слышно. Видимо, Фин решил не разглашать этого. – Эсфориэль помолчал. – Что ж, вселяет надежду на благополучный исход.

– Благополучный исход?..

– Я буду рад, если Фрайна убедят, что мы лгали. Что лишь хотели переманить его на свою сторону. После всего, что случилось... если он будет упорствовать, настаивать на нашей правоте... – эльф резко повернул голову, отворачиваясь. – Нет, не хочу думать об этом. Надеюсь, Фин простит его. Он знает, что Фрайн всегда был наивен и верил тем, кого любит.

– Неужели нет никакой надежды, что Хьовфин прислушается к его словам? Светлые маги ведь могут проверить его память, найти там подтверждение...

– И что это докажет? Всё, что есть в памяти Фрайна, – невинный эпизод, Авэндилль, которая слушает его песню. И наши слова. А светлые привыкли к тому, что эти слова всегда ложны.

Проследив за его взглядом, Морти снова посмотрела в окно.

– Как можно быть таким? – проговорила она отстранённо, наблюдая за белыми фигурками внизу. – Готовым без раздумий убить своего брата, своих детей?

– Для него это было бы спасением заплутавших. – Эсфориэль прикрыл глаза. – Он... явно не соображал ясно в тот момент. То, что он увидел, затмило ему разум. Хотя, откровенно говоря, я опасаясь за его разум уже восемнадцать лет.

– И всё равно его любите.

– Да. Люблю, – эльф взглянул на неё мягко, с какой-то странной, едва

заметной, щемящей улыбкой. – Принцесса, война страшна не тем, что убивает живых. Война страшна тем, что убивает их души. Делит мир на чёрное и белое, своих и чужих, врагов и друзей. Всё переворачивает, рушит все барьеры, снимает все запреты. И убивать... это перестаёт быть преступлением. Обращается в необходимость, привычку. И тот, кто уходит на войну, либо не возвращается вовсе, либо возвращается не собой. – Он больше не улыбался. – Ты начинаешь считать воистину ужасным только одно: смерть. Если вы берёте пленного и не убиваете его, вы думаете, что оказали ему милость. А избиения, пытки, жестокость – всё это становится *нормальным*. Вот что страшнее всего. – Глаза его потускнели, взгляд, устремлённый на лицо Морти, застыл. – Тебя делают просто крохотной частью чего-то огромного, беспощадного, жуткого. Ты исполняешь приказы, идёшь вперёд, прокладываешь свой кровавый путь – не думая, не сомневаясь. И враги становятся всего лишь... цифрами. Единицами. Бесконечным списком тех, кого надо вычеркнуть, чтобы этот кошмар наконец закончился... Но однажды ты сбиваешься со счёта. Перестаёшь чувствовать радость, тепло, любовь, зато в полной мере ощущаешь ненависть, ярость, жажду крови. Желание отомстить за всех, кто уже погиб на твоих глазах. А когда война заканчивается, ты ещё долго не можешь улыбаться, и чувствовать всё то, что умел чувствовать раньше, – тоже. И тебя преследует только одно: осознание, что их больше нет. Тех, кого ты когда-то знал. Того, что ты когда-то знал. И мысль... А почему тогда всё ещё есть я?..

Какое-то время он смотрел в одну точку. Потом, заметив замороженный ужас собеседницы – моргнул, и в сиреневые глаза вернулась осмысленность, вновь окрасив их живым блеском.

– Потом это возвращается. Радость жизни. Понимание счастья. Способность любить, – закончил Эсфориэль. – Но не скоро.

– И ваш брат так и не научился этому заново? – тихо спросила Морти; взор её смягчило понимание. – Жить и любить?

– Нет. Научился. Да только восемнадцать лет назад его заставили снова об этом забыть. Пусть не было открытого столкновения армий, но для него война началась уже тогда. И я не знаю, сможет ли он оправиться второй раз.

Вглядевшись в лицо девушки, омрачённое задумчивой грустью, брат Повелителя эльфов взял её опустившиеся ладони в свои: естественным, ободряющим, отеческим жестом.

– Не печальтесь, принцесса. Мы найдём выход.

– Если придётся, я буду сражаться. Бок о бок с братом. До последней

капли крови, – произнесла Морти, не отнимая рук. – И буду убивать.

– Нет, – слово вырвалось порывисто, будто само собой. – Я делал всё возможное, чтоб Дэн и Фаник никогда не видели и не делали того, что видел и делал я. И сделаю невозможное, чтобы это миновало вас. – Он крепче сжал ладони принцессы тонкими пальцами, будто выточенными из матового стекла. – Ничто в этом мире не стоит вашей души.

Морти в изумлении встретила его взгляд, странным образом сделавшийся ярче, будто вокруг чёрных лун зрачков полыхнуло фиолетовое пламя. Встретила расширенными глазами, и губы её, приоткрывшись, растерянно глотнули воздух.

В тот же миг Эсфориэль, отпустив её руки, сделал шаг назад.

– Прошу прощения... должно быть, мой пыл напугал вас, – в голосе его не осталось и намёка на страстность. – Я лишь отчаянно не желаю, чтобы невинные проходили через подобное. Ни вы, ни мои племянники.

– Да, – после секундной заминки ответила Морти. – Конечно.

Эльф склонил голову, прощаясь:

– Звёздной ночи, принцесса.

Морти смотрела ему вслед, пока он не вышел из зала. Зажмурилась, отчего-то прижав ладони к щекам.

Постояв так недолго, открыла глаза – теперь спокойные – и решительно направилась в сторону, противоположную той, куда двинулся Эсфориэль.

А в лаборатории Лод яростно отбросил перо. Рванув пергамент пополам, швырнул обрывки на стол и уронил голову на руки, сжал пальцами виски. Спустя какое-то время рывком поднялся с кресла; глядя в пространство мутным взглядом, покрутил на пальце управляющее кольцо.

И, взметнув полами мантии, решившись на что-то, почти бегом направился к выходу.

* * *

– Я ни в коем случае не пытаюсь поставить под сомнение твой выдающийся ум, Белая Ведьма, но... ты правда надеешься, что доработаете сложнейшую формулу, с которой не могут справиться те, кто изучал магию всю жизнь?

Скептический вопрос Восхта не заставил меня поднять взгляд.

– Всё лучше, чем сидеть и бесцельно страдать, – я сосредоточенно грызла кончик ручки, всматриваясь в синие рунные строчки, нацарапанные

на листе пергамента.

Мы сидели в саду, на чёрном мраморном бортике пруда. Фаник, я и Восхт. Те три дня, что минули с нашего провала, мы предпочитали коротать либо здесь, либо в гостиной, за шахматной доской. Дэнимон явно нуждался в том, чтобы сокрушаться о своей никчёмности в одиночестве, и терпел только общество Кристи; в случившемся его никто не корил, но принц и без того явно подумывал о харакири. Лод ходил мрачнее тучи, кажется, вовсе перестал и есть, и спать, зато безвылазно корпел над рунными формулами.

Когда я спросила, что нам делать теперь, колдун лишь ответил коротко: «У меня есть план». Я догадывалась, что этот план обязан быть – Лод не мог поставить всё на Дилль и её показания, он должен был думать о том, что делать, если у нас ничего не выйдет. Да только, судя по тому, как отчаянно колдун пытался доработать какое-то заклинание, этот план его не слишком устраивал.

Так что теперь он, видимо, разрабатывал запасной план к запасному плану.

Я заглядывала в пергамент, над которым Лод просиживал всё время, что не пропадал вне своей башни, ведя подготовку к вторжению. Разобравшись в рунных цепочках, поняла, что там записаны два заклития: одно – некие защитные чары, другое – способ их нейтрализовать. Над вторым-то и работал колдун, и я подумала о дворце эльфов, о дворце людей, даже о сокровищнице лепреконов и драгоценных жемчужинах, спрятанных в ней, – жемчужинах, о которых Лод уже говорил с послем маленького народца... Но как это могло помочь нам сейчас? Разве что, преодолев защиту во дворцах, просто вырезать всех высокопоставленных эльфов и людей. Или надеть на них ошейники. Оставить армию без командования, а народы – без правителей.

Да только думать о том, что это наш единственный шанс предотвратить грядущую резню, не хотелось. Это было бы временной мерой, способствующей лишь новой вспышке ненависти, но никак не заключению долгожданного мира раз и навсегда.

На все предложения помочь Лод сухо отвечал, что моя помощь не требуется. Замечания, что ему не помешал бы отдых, и вовсе оставлял без внимания. Общение сводил к минимуму. Я не обижалась, но острое осознание собственной бесполезности вгоняло в тоску – и, когда колдун в очередной раз отлучился, просто взяла ручку и переписала заклинания на другой пергамент. Когда я показала их Восхту, тот сказал только одно: это точно не защита эльфийского дворца. Попытался помочь мне, но сутки

спустя признал, что с заклятиями такого уровня никогда не сталкивался и нейтрализовать их не сможет.

И, пытаясь самостоятельно довести чары до ума, я поняла всю трудность задачи, которую зачем-то хотел решить Лод.

– Сегодня светлые празднуют Солирдаг и весело пляшут вокруг костров, а завтра отправятся истреблять целый народ. С благословением нашего бога, умиловив его напоследок. – Фаник мрачно смотрел на свои босые ноги, которые он свесил в воду. – Как это... мило.

– Надо сказать спасибо, что до праздника они никуда выступать не собирались, – буркнул Восхт. Он наконец расстался со своей мантией, так что сидел в одних штанах и рубашке. – Иначе сейчас, быть может, мы бы уже воевали.

«Ключ», «стена», «разрушение», «тишина»... нет, после руны «ключ» нужно ещё одно «разрушение», иначе не заработает. Но тогда опять придётся переписывать всю предыдущую часть...

А, чёрт!

Я зло ткнула ручкой в пергамент, оставив в нём дыру. Нейтрализующая формула упорно отказывалась выстраиваться: раз за разом я видела, как хотя бы один элемент защиты в итоге остаётся активным, а когда пыталась нейтрализовать и его, стройная последовательность рун рушилась, заставляя начинать всё заново. Таинственные защитные чары были восхитительны, и эти формулы – элегантные, изящные, головокружительно сложные в своей лаконичности...

Наверное, в сравнении с тем, чем я сейчас занималась, хакнуть Пентагон показалось бы ерундой.

– Ты будешь сражаться? – Восхт покосился на принца. – Когда они придут сюда?

– Придётся.

– Против своих?

– Для них я больше не свой. – Фаник бесстрастно созерцал пепельные листья кувшинок, покачивавшихся на тёмной воде, слабо мерцавших во мраке. – Если они захотят меня убить, я буду защищаться. И защищать невинных.

И всё же... как так? Как могло всё рухнуть из-за глупой случайности? Часть меня упорно отказывалась признавать, что наше расследование, весь этот долгий путь мог закончиться так бездарно. И она же искала какой-то подвох, пыталась угледеть чей-то злой умысел... но я знала, что только в книжках ничего не бывает просто так. Только в детективах вроде бы случайная смерть обязательно окажется неслучайной, – а в реальности

люди умирают от того, что с крыши им на голову падает сосулька. Сама собой.

Дэну абсолютно незачем было убивать Авэндилль. Эльфийка не походила на того, кто собрался покончить с собой. Принц взмахнул мечом случайно, вслепую, а она оказалась не в том месте и не в то время. Вот и всё. В жизни это случается... и в этом определённо была какая-то ирония. То, что эльфийка сама выкинула фокус, который поспособствовал её гибели – от рук сына женщины, которую она убила.

Это походило на злую шутку судьбы. Шутку на тему справедливого возмездия.

И, если подумать, многие злодеи кончали именно так.

– Сноуи...

На оклик Лода мы обернулись втроём.

Он смотрел на меня. Растрёпанный, уставший, осунувшийся: только сейчас, в призрачном сиянии светящихся роз, я увидела это чудовищно ясно.

Спазм болью сжал сердце, заставив пергамент дрогнуть в ладони.

– Я искал тебя, – Лод протянул мне руку. – Пойдём.

Я встала – с его помощью, без слов, без возражений. Кивнув Восхту и Фанику на прощание, последовала за ним во дворец. Меня ожидаемо повели в башню колдуна, и на столе в кабинете, где я обитала, нас встретили две дымящиеся кружки и серебряное блюдо с печеньем.

– Мне нравились наши чаепития, – Лод любезно отодвинул кресло, предлагая мне сесть. –захотелось устроить ещё одно.

Пока не поздно, читалось невысказанное продолжение последней фразы.

Я опустила на сиденье. Сжала чашку в ладонях, косясь на колдуна, но он просто улыбнулся – и, взяв вторую, слегка отсалютовал ею мне. Тогда я потянулась за печеньем и, с хрустом раскусив одно, принялась привычно просчитывать варианты.

Зачем он позвал меня? Наконец признал, что не справится с формулой один? Попросит у меня помощи?

Или...

Прежде, чем Лод заговорил, прошло немало времени.

– Не буду посвящать тебя в тонкости моих расчётов, – без всякого вступления произнёс он, точно продолжая разговор, который мы уже вели. – Скажу только, что я научился анализировать возмущения в изнанке мира. И понял, что открытие прорех между мирами всегда сопровождают... определённые явления. Если обращаешь на них

внимание, если хочешь найти место, где прореха откроется в следующий раз, и время, когда она откроется, это вполне осуществимо. Так что следующая прореха возникнет в Хьярте, через пять дней. – Поверхность его чая шла едва заметными волнами, колебавшимися между глиняными стенками. – Если ты хочешь вернуться в свой мир, тебе стоит быть там.

Да. Этот вариант тоже пришёл мне в голову.

И, несмотря на то, что он был более чем логичным, мне стало обидно.

– Предлагаешь мне сбежать, как крыса с тонущего корабля?

– Крыса? – колдун посмотрел на меня непонимающе. – А они убегают? Куда?

Ну да. Он ведь никогда не имел дела с кораблями, и вряд ли в книгах дроу можно было прочесть о том, как ведут себя тамошние крысы. Вернее, паппеи.

– Неважно. Я не собираюсь бросать вас в таком положении. Не после всего, через что мы прошли.

– Я не знаю, когда прореха откроется в следующий раз. И тогда может быть уже поздно, – его взгляд был цепким, несмотря на усталость. – Когда светлые вторгнутся под горы... я не знаю, что случится с тобой. Со всеми нами. Но даже если они решат поторопиться, их армия достигнет гор не раньше, чем через неделю. Ты успеешь уйти, и в своём мире будешь в безопасности.

Я помолчала. Глотнула напиток, горчивший терпкими нотками лаванды.

Я и сама думала о том, что мне лучше уйти. Ещё на той крыше в Мирстофе. Потому что какая-то часть меня без устали шептала, что моё теперешнее положение невыносимо унижительно – положение бесполезного балласта в войне, которую собираются завершить без меня, третьей лишней в любовном треугольнике, который почти невозможно разорвать. Ведь Лод говорил, что никогда не желал и никогда не пожелает служить никому, кроме Альи. И заставлять его отказываться от всего – от положения, от власти, от дружбы, от клятвы, от верности, от своего народа – ради неказистой девчонки из другого мира... какое право я имею на это?

Но от осознания того, что он даст мне уйти, снова стало больно.

Думать о том, что он, возможно, хочет моего ухода, и вовсе не хотелось.

– И ты думаешь, у меня это получится? – спросила я равнодушно. – Вернуться?

– Ты ведь скучаешь по дому. Ты сама говорила о возвращении на родину. Значит, ты хочешь туда. – Он рассуждал спокойно и ровно, словно о

какой-то абстрактной задаче. – Поскольку всё зависит исключительно от твоего желания... наверное, получится.

И что я должна сказать? Правду? Что не представляю, как смогу навсегда его оставить? Что мне плевать на опасность, что, если понадобится, я умру ради него или рядом с ним? Да... может, всё это мне и надо было сказать. Только вот та же часть меня, что уже шептала слова сомнений, напомнила: он никогда и ничего мне не обещал. Он говорил, что не сможет быть для меня всем, чем я хочу, и я не знаю, готов ли он действительно когда-нибудь разорвать отношения с Морти. Не знаю наверняка даже того, любит ли он меня – так же, как я люблю его. И быть может, я собираюсь отдать всё тому, кто не оценит моей жертвы. Тому, кто никогда не отдаст того же ради меня.

А раз так...

– Да. Пожалуй, – считая степени семёрки, я потянулась за следующим печеньем, радуясь, что ни в пальцах, ни в голосе нет предательской дрожи. – Ладно, попробуем. Попытка не пытка, в конце концов.

Он смотрел, как я ем. Долгим, пронизывающим, немигающим взглядом, от которого мне стало не по себе.

Ожидал другого ответа? Прости, если разочаровала. Но я знаю себе цену, и быть твоей комнатной собачкой до конца жизни – не хочу.

Я заглушила тоненький голос сердца, призывавший меня прямо сейчас проглотить грёбаное печенье и спросить всё, что мне хотелось спросить. Просто открыть рот и задать вопросы.

Поставить себя в ещё более унижительное положение, чем сейчас, в анекдотичную позицию любовницы, с надеждой вопрошающей, когда же её кавалер разорвёт отношения с законной супругой...

Нет уж.

– Хорошо. На том и договорились. – Лод стремительно поднялся на ноги, и лицо его озарила широкая улыбка. – А теперь мы идём праздновать Солирдаг.

Неожиданность этого заявления чуть не заставила меня поперхнуться.

– Так дроу... кха... тоже его отмечают? – с трудом сглотнув, поинтересовалась я.

– Нет. Поэтому мы отправимся в Айвентирри. Это городок в окрестностях Солэна, небольшой и изумительно красивый. – Бесцеремонно отобрав у меня кружку, колдун отставил её на стол. – Тебе понравится.

Я моргнула. И ещё раз моргнула.

– Ты... собираешься пойти на праздник... в город светлых? – то ли из-

за печенья, то ли ещё из-за чего, но голос мой вышел хриплым. – Сейчас?

Лод весело кивнул.

Нет, он точно с ума сошёл. Напряжение последних дней явно не пошло ему на пользу.

Собственно, эту мысль я и не замедлила высказать.

– Ничуть. Просто с детства мечтал побывать на этом празднике, а другой возможности может не представиться, – ответил колдун с убийственным здравомыслием. – Мы с Альей, Морти и Литой часто думали об этом... Изменить им внешность при помощи чар и отправиться туда вчетвером. В Айвентирри. Это город людей и полукровок, в него на праздник всегда съезжается много народа. Но проблема в том, что любой маг разглядит под иллюзией ореол силы дроу, а это, как ты понимаешь, ничем хорошим не закончилось бы. Вот и получалось, что без опаски пойти туда мог только я, а в одиночку на празднике не повеселишься.

– «Повеселишься»? Ты это серьёзно? У нас тут как бы война!

Улыбка исчезла с его лица.

– Ты думаешь, я могу об этом забыть? Не могу. В том-то и проблема. Я не могу думать ни о чём другом. Не могу заснуть, даже когда пытаюсь. Принимать зелья или спиртное не хочу, но если так пойдёт и дальше, к тому моменту, когда войска противника подойдут к горам, я буду ни на что не годен. – Лод взял меня за плечи, и взгляд его был серьёзным. – Помоги мне. Пожалуйста.

Развеемся напоследок... Не могу сказать, что это такая уж плохая идея. Безумная, но не плохая. Сбросить напряжение, выйти из стрессового состояния... а то Лод уже явно не в себе. В конце концов, что здесь такого? Несколько лишних часов ничего не решат; мы будем просто ещё одной парочкой, приехавшей на праздник, так что ничем не рискуем. Не говоря уж о том, что мне действительно захотелось оказаться там, под лунным небом, среди света и праздничных костров.

Но...

– Ну же, пойдём. Ненадолго, – негромко добавил Лод, когда моё молчание затянулось. – Если ты покинешь Риджию, я хочу, чтобы в твоих воспоминаниях о ней осталось что-то светлое.

– Ну, – тихо откликнулась я, – в них останешься ты.

Горькая усмешка в ответ:

– Что-что, а меня вряд ли можно назвать светлым.

Я не стала спорить.

– А что скажет Морти?

– Она сама говорила, что мне надо отвлечься. Мне не обязательно

спрашивать её разрешения, чтобы отлучиться на пару часов.

Слабо верится. Что-то подсказывало мне, что принцесса не слишком одобрит подобную отлучку своего хальдса в подобной компании, и Лод не мог этого не понимать. Хотя, может, и не понимал... На такое предложение его могло толкнуть лишь отчаянное желание забыться, мысль, порождённая сумеречным состоянием сознания. Трое суток без сна, и ты почти что пьяный. Возможно, даже хуже. Больше не можешь сдерживать эмоции и порывы постоянным контролем разума, как делаешь обычно.

И когда к этому прибавилось моё решение уйти...

С другой стороны, мы же не собираемся заниматься ничем предосудительным? Это ведь не свидание.

Наверное.

Нет, конечно, порядочно было бы сказать «нет». Вот Морти на моём месте наверняка сказала бы «нет». Да и для Лода, думаю, полезнее было бы просто отоспаться.

Но предательская мыслишка, что другой возможности нам и правда не представится...

– Хорошо, – всё-таки стыдливо произнесла я.

Безмолвно протянув руку в сторону, Лод всучил мне какую-то синюю тряпку.

– Переоденься, – велел он. – Женщины наверху одеваются иначе, и штаны на девушке светлые не оценят.

Я недоумённо развернула то, что мне дали, и с ужасом спросила:

– Это что, платье?!

– А что, не похоже?

Его сшили из чего-то вроде органзы, и слои невесомой ткани шелестели тончайшим, слегка поблескивающим льдом. Пояс, рукава и низ юбки оторочили белым кружевом, и юбка эта была короткой. Нет, не совсем короткой, но явно не ниже колена.

В последний раз я примеряла платье перед тем, как отправиться в Гостиный Двор, на бал медалистов. В преддверии этого знаменательного события мама потащила меня по магазинам; и в примерочных, при взгляде на своё отражение в белом свете отвратительных ламп, безжалостно подчёркивавших все недостатки, при виде плоской сугулой фигуры и кривеньких ног-спичек, поганивших собой любой наряд, мне захотелось расплакаться.

В итоге проблему решили чёрные брюки и симпатичная рубашка из матового синего атласа, но с тех пор на платье мне даже смотреть было

противно.

– Нет, – я решительно протянула одеяние колдуну. – Это не для такого чучела, как я.

Щелчок по носу не был болезненным, но заставил меня ойкнуть.

– Ты чего? – изумлённо выдохнула я, когда Лод опустил руку.

– Буду делать это всякий раз, как скажешь подобное, – мрачно ответил он.

– Что? Что я чучело? Ой!

– Именно, – подтвердил Лод, отвесив мне ещё один щелчок. – Ты просто сама не понимаешь, какая ты милая.

Потирая кончик носа, я медленно повторила:

– *Милая?*

– Да. И смешная иногда. И это делает тебя ещё милее.

На этом месте я осознала, что его словам удалось почти невозможное: ввести меня в ступор.

Если бы я когда-нибудь вздумала представить, что кто-то, кроме мамы, в здравом уме назовёт меня «милой» – моё воображение скончалось бы в конвульсиях от гомерического смеха.

– Иди, – Лод бесцеремонно развернул меня в сторону библиотеки, для надёжности подтолкнув в спину. – Ты пережила плен, ошейник, Артэйза, отравление и все наши вылазки на территорию светлых. Думаю, пару часов в платье тоже как-нибудь переживёшь.

Так и не оправившись от изумления, я безвольной сомнамбулой побрела в заданном направлении.

В спальне меня встретил Бульдог, радостно попытавшийся привстать на задние лапы и царапнуть мои колени. Кое-как увернувшись, я опасливо погладила пса по голове. Запершись в ванной, облачилась в синий кошмар, – который, к сожалению, пришёлся мне впору, как и остальные вещи Литы. Нет, само платье было красивым, а кружевная отделка замечательно гармонировала с высокими сливочными чулками, но я подозревала, что на мне наряд мигом утратил всю свою привлекательность, и на миг снова пожалела о тех временах, когда мы с Лодом играли друг против друга. Ведь тогда мне было совершенно плевать, что на мне надето, как я выгляжу и что колдун думает обо всём этом.

Хотя юбка, которую я носила тогда, была всё-таки по-длиннее.

А, какая разница... если Лод меня и любит, то явно не за сногшибательную внешность. Значит, вряд ли плачевное зрелище меня в платье что-то поменяет.

Позаимствовав гребень колдуна, я провела им по волосам. Не глядя в

зеркало, дабы не огорчаться. И к тому времени, когда вернулась в лабораторию, Лод тоже успел переоблачиться: снял мантию, накинув прямо поверх рубашки жемчужно-серый плащ. Второй плащ – синий, явно предназначенный для меня – был наброшен на спинку кресла.

– Я сказал Алье, что мне нужен отдых. Чтобы никто не искал, – колдун посмотрел на меня, и в прищуре его глаз вспыхнули странные искорки. – Так-то лучше. Только одна маленькая проблема.

– Очки? – нервно спросила я. – Как я понимаю, в Риджии такого не носят.

Не сказать, чтобы одобрение, которым меня наградил его тягучий взгляд, успокаивало. Скорее заставляло лихорадочно искать подвох: не могло же ему действительно понравиться то, что он увидел.

Не могло же?..

– Да. – Лод подошёл ближе. Дотронувшись до одной из пластиковых дужек, пальцами другой руки вычертил руны. – Это поможет.

Я не поняла, что он сделал. Для меня ничего не изменилось. И лишь сняв очки, увидела, что шоколадная оправа обратилась стеклом.

Хотя нет, не стеклом: сгущённым воздухом, переливающимся хамелеоном.

– Чары временные, – добавил колдун. – Потом они вернут свой цвет.

– Но их всё равно будет видно, – вернув очки на нос, возразила я.

– Под этим – нет.

Сначала я подумала, что Лод достал из пустоты полупрозрачный шёлковый шарф, лёгкий, как аквамаринный туман. Но когда его набросили на мою макушку, так, чтобы закрыть лицо, поняла – вуаль. Ткань скользнула по коже мягко, словно лепесток, и мир окутала синеватая дымка. Следом мне на голову, бережно обняв лоб и надёжно прижав вуаль к волосам, лёг серебряный венец.

– Знать в Солирдаг часто скрывает лица. Это не вызовет подозрений.

Лод поправил вуаль, спустившуюся до губ, и кончики его пальцев скользнули по подбородку, – но трудно было понять, погладили или задели случайно. Укрыл мои плечи синим бархатом плаща, спустившимся до пят. Защёлкнув серебряную пряжку, выправил волосы, попавшие под тяжёлую ткань. А я стояла, чувствуя себя куклой, которую любовно наряжают в новое платье.

Странное ощущение. Но не сказать, чтобы неприятное. Скорее волнующее.

– Всё. Идём.

– Сейчас, только сапоги...

– Никаких сапог. Оставайся в туфлях. Нечего вечно прятать то, что прятать не стоит, – он взглянул на меня сурово. – Да, и ещё одно. Давай сюда кольцо.

На миг мне захотелось побежать обратно и всё-таки заглянуть в зеркало. Чтобы понять, действительно ли всё не так плохо или Лод просто окончательно сошёл с ума. Но вместо этого я лишь стянула серебряный ободок с пальца и протянула колдуну, чтобы тот подвесил его на кожаный шнурок.

– Без кольца, конечно, никуда, но иногда действительно хочется побыть наедине с собой. Или с кем-то ещё, – связав концы шнурка узлом, он набросил его мне на шею. – Заправь под платье.

Я снова подчинилась, только сейчас заметив, что на руке Лода тоже нет кольца. Значит, мы и правда будем одни...

А потом нас укрыло прозрачное марево чар невидимости.

– Только не говори, что это будет тайный побег, – почти простонала я.

– Боюсь, именно он. Не все отнесутся к моей отлучке с пониманием, – невидимые пальцы сжали мою ладонь. – Но разве так не веселее?

Когда меня потянули к лестнице, я в который уже раз подумала, что это всё-таки форменное безумие. Да только с тем, что весёлое, поспорить не могла.

Фаник и Восхт так и сидели в саду, на прежнем месте. Когда мы проходили неподалёку, принц обернулся – видимо, услышав наши шаги: Лод не счёл нужным тратить силы на то, чтобы скрывать и их. Никого не увидев, нахмурился.

Нет, чары невидимости определённо пришлись кстати. Представляю, как бы вытянулись лица этих двоих, если б сейчас они увидели нас.

Проскользнув за дворцовые ворота, Лод обнял меня, и голову вскружила привычная карусель телепорта. Я даже не успела отойти от перемещения, понять, что произошло, а колдун – видимый, как и я, – уже тянул меня из тёмного проулка между домами на людную, широкую, ярко освещённую улицу Айвентирри.

Я видела уютный Тъядри, волшебный Солэн, завораживавший Мьёркт. Но Айвентирри... белые дома словно присыпало сахарной пудрой, черепичные крыши украли цвет у безмятежного летнего неба. Зелёные лозы, оплетающие стены и кованые перила балкончиков, раскрасила тёплая охра наступающей осени. Гирлянды шёлковых флажков сплетались над головами разноцветной сетью, цветы пёстрыми звёздами сияли на балконах, на витражных уличных фонарях и на деревьях, пробившихся сквозь светлую брусчатку, трепетавших листвой под тёплым дыханием

ветра. Город-сказка очаровывал, касался тебя тонкими руками-улицами, манил, завлекал; и мы поддавались ему, слившись с толпой в шелках и дешёвых тканях, в масках и с открытыми лицами, в плащах и вуалях. Многие зачем-то несли в руках игрушечных птиц – маленьких, из бумаги, соломы или ткани. Должно быть, часть праздничного ритуала. Я встречала взгляды, исполненные веселья, и взгляды, в которых сквозила печаль: все знали, что завтра начнётся война, и многие мужчины уйдут, чтобы не вернуться. Но у них тоже была эта ночь, ночь улыбок и смеха. Последняя ночь, когда нечего было бояться.

Никому не хотелось её терять.

Мы неторопливо шли мимо вывесок, таверн и винных погребов. Притормозили напротив прилавка с едой – и отправились дальше, закусывая нежными медовыми булочками на палочке. В другом месте обзавелись бутылкой терпкого напитка со вкусом и ароматом розы; я не знала, откуда Лод взял деньги светлых, да и не хотела знать. Мы слушали игру музыкантов, вплетавших в шум разговоров и смеха изысканные голоса флейт, смотрели на жонглёров, перебрасывавших друг другу горящие факелы, и циркачей, плясавших на канатах, которые висели в воздухе. Потом поднимали взгляд, чтобы увидеть фейерверки, распускавшие в бездне тёмного неба огненные астры, и вдыхали ароматы дыма, духов и цветочного мёда. Достигли площади, озарённой светом костров, вздымавших золотые лепестки сполохов к бледной луне: здесь тоже играли музыканты и, окружённые широким кругом зрителей, танцевали те, кто хотел танцевать.

– Пойдём, – Лод потянул меня за пределы круга.

Очарование ночи мигом исчезло, и в душу, согретую теплом эйфории, словно плеснули холодной водой.

Я никогда не танцевала. Никогда в жизни. К тому же балу медалистов пробовала учиться, вместе с Сашкой, – но, в первый же вечер оттоптал ему все ноги, чуть не сгорев со стыда, поняла, что больше позориться не хочу.

– Нет, – я застыла, где стояла, впервые за вечер не поддаваясь.

Лод шагнул обратно. Встал вплотную ко мне, почти обнимая.

– Не бойся, – шепнули мне на ухо. – Это не приём во дворце, здесь знание церемониальных танцев не нужно.

– Я... плохо танцую. Вообще не умею танцевать, – мой ответный шёпот был почти яростным. – Не надо, Лод!

– Если девушка плохо танцует в паре, виноват мужчина, – он обезоруживающе улыбнулся. – Доверься мне. Не понравится, уйдём. Хорошо?

И, всё-таки вытащив из круга, привлёк к себе: одна рука сжимает мои пальцы, другая обвивает талию.

– Свободную руку за спину. Вот так, – Лод прислушался к переливам флейт, звеневшим в медленном ритме. – А теперь... иди за мной.

Первые шаги я пыталась делать сама. Угадать направление, в котором меня поведут. И, конечно, тут же ощутила под мягкой подошвой туфли чужую ногу.

Чёрт! Сейчас светлые ещё заподозрят что-то – одета как знатная девушка, а танцевать...

– Не думай о том, что делаешь. Просто иди за мной.

– Лод, может, всё-таки...

– Просто. Иди. За мной.

Его взгляд плавил мой страх тёплой улыбкой, растворял его без следа... и тут я наконец поняла, что от меня требуется.

И, закрыв глаза, отпустила контроль.

Расслабиться. Не сковывать тело. Не думать о ногах, о шагах, о том, что творится вокруг, о светлых, тёмных и войне – ни о чём. Просто почувствовать свою ладонь в его ладони, став единым с музыкой, светом и воздухом. Просто следовать за ним так же, как следовала уже много раз. И мы заскользили в тихих размеренных кружевах танца за миг до гибели, за шаг до расставания, на краю пропасти... но мы с самого начала танцевали на краю.

Завтра настанет время для другого танца. Танца друзей, танца равных. Потому что, хочет он того или нет, я помогу ему свести партию со светлыми к ничьей – даже если потом уйду. Но завтра, всё это будет завтра... а сейчас я просто шла за тем, кого люблю. И когда последние ноты певучей баллады растаяли в искрах костров, уступив место задору барабанов и колокольчиков, сама не заметила, как Лод увлёк меня в общий хоровод.

А потом, хохоча вместе с ним, подхватив его под руку, кружилась стремительно до опьянения, вконец теряясь в этой солнечной ночи.

* * *

– Потрясающе! Тебе удалась проекция! – обескураженный Кроук смотрел, как рыжеволосый женский силуэт растворяется в воздухе. – Обычно этому учатся годами!

– Ещё б не удалась, – пренебрежительно фыркнула Машка. – А

покажешь мне то проклятие, ну, которое никак не вылечить?

– Завтра, – Кроук решительно захлопнул книгу заклинаний. – На сегодня с тебя хватит.

– Лады.

Она зевнула. Да, хорош грызть гранит науки, а то правда устала: днём-то ещё на празднике отжигала... тьфу, опять этот мужлан пожирает взглядом её декольте? Что за платье ни надень, так сразу все домогаться начинают! Подумаешь, без корсета и с обнажёнными плечами. И со шнуровкой спереди. И с вырезами до бедра на юбке. Не бронелифчик же, в конце концов!

– Хорош пялиться! – Машка воинственно сузила глаза. – Вали отсюда, извращенец!

– Я... – Кроук растерянно посмотрел на неё, – что?

– А то! Не для тебя моя ягодка росла! – она горделиво подбоченилась. – Я тебе сто раз говорила, мы друзья, и точка!

– Мэрис, я...

– Топай уже!

Тяжело вздохнув, Кроук поднялся из-за стола. Пробормотал что-то про невероятный потенциал и настолько же дурной характер и, стукнув дверь, покинул дом Фрайндина.

Машка негодуяще смотрела ему вслед. Дурной характер?! Вот гад! Все парни одинаковые – как даёшь от ворот поворот, сразу в стервы записывают. Конечно, Кроук красавчик писанный, да ещё и маг офигенский – понятно, почему принцесса с ним шашни водила; привык, наверное, что девушки сами штабелями складываются... и в неё, Машку, втюрился сразу, как увидел. Стопудово. А с чего б ещё ему так настойчиво предлагать ей занятия магией? Магией, ща-ас прям! Знает она, чем он там в самом деле хочет заниматься! Вот и приходится всё время носом тыкать, чтоб помнил своё место и действительно заклинашки показывал. А не то б она пискнуть не успела, как её бы на этот самый стол завалили.

Хотя, если б не Фрайн, она бы, может, даже не против была...

Она вспомнила о Фрайне и, гневно выпрямив палец, испепелила огненной струйкой соломенную птичку, лежавшую на подоконнике. Опомнившись, тут же затушила пригоршней воды, которую призвала из кувшина.

Фрайн, Фрайн... это ж надо быть таким безмозглым! Тёмные чуть его вокруг пальца не обвели! Она вот сразу догадалась, зачем они тогда к нему домой припёрлись. А Фрайн ещё выклянчил обещание никому не рассказывать: говорил, брательник-король убьёт, если узнает, заподозрит в

сговоре с дроу... как детсадовец, блин. Ладно хоть в итоге Фрайн понял, что тёмные его просто использовали. Или сделал вид, что понял... а, один фиг. Главное, из темницы выпустили и допрашивать не стали. Он как проснулся, сам сразу понёс весь этот бред – мол, это не тёмные эльфийскую королеву траванули, а сами эльфы, и тёмные тут ни при чём, и вообще они белые, пушистые и войны не хотят! Как подменили.

Естественно, его никто и слушать не стал. Машка боялась, что его казнить или пытаться прикажут, но нет, не приказали. Король эльфийский ему просто популярно объяснил, что к чему. Слишком ценил последнего оставшегося родственника.

Конечно, тёмным хотелось Фрайна захватить, в свои шпионы подрядить! Странно, как он сам этого не понимал. А в итоге Машка чуть его не потеряла. И всё из-за кого?

Когда ж эта чушка очкастая уже окочурится...

Машка недовольно постучала по столешнице блестящим ноготком. В который раз за эти дни достала мелок и зеркало, лежавшие в ящике стола, и принялась расчерчивать на светлом дереве рунную гексаграмму. Почти ни на что не надеясь, но вдруг? Должны же эти сволочи выбираться из-под гор хоть иногда.

Она привыкла получать всё самое лучшее. С детства. Предки потакали любимым её капризам, мчались исполнять любое желание. Девчонки с первого класса провозгласили Машку в негласные лидеры, парни позволяли вертеть собой, как угодно. И, ясен пень, она заслуживала того, чтобы самый клёвый мальчик на курсе достался ей! Потому и выбрала Сашку. Ведь это было ужасно несправедливо, что его отхватила себе какая-то... какой-то... синий чулок, вот! Машка вообще не особо хотела поступать на ВМК, но это было одной из немногих вещей, на которых родители категорически настаивали. Ладно уж, так и быть, за всё, что они ей хорошего сделали... зато потом батя пристроит в свою фирму, и о работе можно будет не париться. А игрушки и компы ей всегда нравились, да и ковыряться в коде...

Расчертив три пересекающихся треугольника, она раскрыла книгу заклинаний. Сверяясь с тамошней инструкцией, принялась заполнять гексаграмму рунными цепочками.

Ещё одна причина, по которой её так бесила Белоснежка, – высокомерие. Нашёлся гений, всеобщая любимица! Унылый ботаник, наглая выскочка. Думает, раз на бюджет прошла первым номером, так платница Машка сразу дура набитая. А ей тупо влом было напрягаться: зачем тратить жизнь на зубрёжку, если папане оплатить учёбу – раз

плюнуть? Родичи вообще думали её в Англию послать, но потом решили при себе оставить. И она лучше с девчонками лишний раз потусит, чем будет вдалбливать в башку всякую скучную фигню. У неё-то, в отличие от Белоснежки, есть много интересных занятий. Но у Машки всегда получалось то, что ей действительно нравилось, и вот магию, например, ей учить нравилось. Не всё, конечно, только боевые заклятия – на фига ей остальное нужно? Зато она выучила уже достаточно, чтобы помочь светлым в бою, когда они отправятся воевать... а эта гадина ещё на Светку наговаривала! Да никогда б Светка не позарилась на Машкиного парня. Ну, потенциального парня. Они ж подружки до гроба, и даже после.

Закончив с рунами, она положила зеркало в центр гексаграммы. Вытащила из того же ящика ритуальный кинжал.

Предков жалко, конечно. Наверняка ревут и думают, что доча утонула. Ладно, может, когда они разберутся с тёмными, Машка попробует открыть портал и их навестить: наверняка с её силами это раз плюнуть... но вообще она не особо скучала по дому. К туалету типа сортир и допотопным умывальникам быстро привыкаешь, зато здесь было весело. Совсем как в её любимых книжках.

Машка всегда завидовала тамошним героиням, у которых ни кожи ни рожи, а в другом мире по пачке принцев отсыпалось. Казалось бы, с чего им такое счастье? Ну ладно, над их шуточками Машка всегда ухахатывалась; но это ж нечестно, когда в своём мире ты страшная тётка за тридцать, а там тебе на халяву отваливают тело юной красотки! Машка вот и без всякой магии была хоть куда. Хорошо, в реале всё не так, и принцы достаются только тем, кто действительно этого заслуживает. А то если б Белоснежку тоже забросило к светлым, изменили ей внешность, дали магию... опять отобрала бы у Машки и парня, и всё остальное.

Они из-за Белоснежки как-то даже со Светкой поругались. Та сказала, мол, нехорошо на чужих молодых людей рот разевать. А ещё заявила, что она Белоснежке просто завидует. Она, Машка, вот этому невзрачному нечту. Было б чему завидовать! Её просто дико раздражала несправедливость всего этого. И того, что такому чучелу достался такой красавчик, и того, что этим чучелом восхищались, несмотря на всю мерзость его характера. Но теперь они обе заняли свои законные места, и Белоснежку ждёт смерть, а Машку – счастливый конец. Победа над тёмными, лавры почёта, свадьба с Фрайном...

Мечтательно улыбнувшись, Машка уколола палец. Поморщившись, прижала его к зеркалу. Ещё раз сверившись с книжкой, прочитала заклинание и уставилась на своё отражение, вызывая в памяти

ненавистное очкастое лицо.

Говорили, это заклятие помогает увидеть тех, кого любишь. Но Машка рассудила, что любовь и ненависть – разные фантики одной и той же конфетки. И если ты страстно желаешь найти кого-то, какая зеркалу разница, зачем? Она пыталась выследить Белоснежку уже раз двадцать, и пусть пока ничего не получалось – Кроук сказал, горы дреоу защищают от подобного, – Машка пробовала снова и снова, надеясь поймать момент, когда треклятый очкарик всё-таки покажет нос на поверхность.

И теперь, когда зеркало заволклось перламутровой дымкой, явив взгляду яркую картинку, даже не сразу осознала: наконец получилось.

Айвентирри Машка узнала сразу. Заезжала туда, когда они с Кроуком мотались убивать василисков в болотах. Ничё городок, красивый, и от Солэна всего-то час езды... земной час, не местный. Машка даже не поленилась сделать крюк на обратном пути, чтобы там заночевать. А вот Белоснежку узнать удалось не сразу: сперва Машка разглядела знакомого светловолосого мужика-колдуна, а следом долго вглядывалась в девчонку, цеплявшуюся за его руку, вышагивающую рядом с ним. В отпадном платье и моднявом плащике, прятая лицо за какой-то голубой хренью вроде фаты.

Но, оценив рост гнома, доскообразную фигуру и длинные тёмные волосёшки, поняла – таки Белоснежка.

Вот эта разнаряженная фифа. В Айвентирри, на празднике светлых. За ручку с милым блондином. Сперва зацапала парня, который обязан был принадлежать Машке, а теперь...

Она вскочила, как ошпаренная – и, сорвавшись с места, в чём была, выскочила из дома.

Чтобы в этой сказке злая Белоснежка жила долго и счастливо? Да только через её, Машкин, труп. Не должна. Не заслужила. Не будет.

Не будет, не будет, *не будет!*..

А вскоре та, которую в этом мире называли Мэрис, уже пришпоривала свою верную Лапочку и во весь опор мчалась по широкой дороге, светлой ленточкой вившейся среди тёмных полей.

* * *

Ночь оставила позади не один час, когда Лод привёл меня на пристань.

Айвентирри строили на реке, и сейчас та медленно несла свои воды во

тьму. Ветер нагнал облака, походившие на кружевную вуаль: в ажурные просветы выглядывал месяц, и его серебристые блики рыбками скользили по речной зяби. Мы прошли по пирсу, вдоль которого покачивались лодки. Велев мне подождать в сторонке, Лод подошёл к сторожу, в одиночку распивавшему что-то из объёмной бутылки; обменялся с ним парой слов, вручил пару монет и повёл меня к одной из лодок.

Судёнышко было простым, небольшим, безо всяких изысков. Светлое дерево, пара вёсел, посредине – одна узкая доска-сиденье. Ещё два сиденья, уже шире, у кормы и на носу. Колдун шагнул в лодку первым, потом снял меня с пирса и бережно поставил рядом с собой. Я ожидала, что, отвязав швартовы, он сядет на вёсла, но колдун прошёл мимо и, опустившись прямо на дно лодки, вытянул ноги, прислонившись спиной к сиденью на корме.

– Садись.

Осторожно, приноравливаясь к покачиванию, я приблизилась к нему. Стоило мне расположиться рядом, полужёжа бок о бок с колдуном, как тот лениво шевельнул кистью – и ведомая магией лодка, плавно развернувшись, двинулась к середине реки, рассекая лунную рябь. Замерла там, легла носом по течению, и Лод, опустив ладонь, позволил нам лечь в свободный дрейф.

Интересно, как Лод ей управляет? Ведь нет даже паруса, чтобы направить ветер... но да, логично было предположить, что грести он не будет.

Даже удивительно, как бойко Лод разобрался со швартовыми, для человека, никогда не имевшего дела с лодками.

– Всё-таки шум и толпа утомляют. – Заложив руки за голову, Лод откинул русую макушку на сиденье: так, чтобы смотреть в небо.

Сняв поднадоевший шёлковый покров вместе с серебряным обручем, я последовала его примеру. Слушая плеск воды, тихо лижущей борта лодки, и далёкие отзвуки праздника, приглушённые речной гладью, смотрела, как движутся облака – сейчас они казались льдинами, растрескавшимися по весне, плывущими по чёрному океану, в котором мерцают отражённые звёзды.

Никогда не любила смотреть на звёзды. В какой-то момент обязательно вспоминала, что вижу раскалённые газовые шары, бесконечно долго умирающие в вакууме, посреди бескрайней пустоты космоса, мёртвой и ледяной. А следом думала, что в сравнении с ними я – меньше, чем мотылёк, чем муха-однодневка. Бактерия. Ничто. И что все мои проблемы, все мои печали, вся моя жизнь – для вселенной? Она даже не

заметит, что меня уже нет, и звёзды всё так же будут светить тем, кто останется на этой земле после меня. Они будут светить даже тогда, когда на этой земле не останется ничего.

Да, созерцание звёзд, это чудесное романтическое занятие, для меня было сродни вглядыванию в бездну по Ницше. И обычно заставляло моё настроение падать куда-то до отметки «безысходность». Но сейчас я видела одно лишь небо, расцвеченное облаками и сияющей пылью. Прекрасное высокое небо – и ничего более.

Неужели просто оттого, что мои пальцы касаются его пальцев?

– А зачем нужны птицы? – спросила я, спасаясь от смущающих мыслей. – Я видела, многие несли игрушечных птиц...

– А, чуть не забыл. – Лод стремительно сел, и лодка плавно качнулась на воде. – Сейчас.

Поднял расправленную ладонь, и на ней появилась птица. Не больше мизинца, словно ожившая хрустальная фигурка, сотканная из нитей пастельно-синего света. Похожая на крохотного ястреба, любопытно клонившая набок маленькую головку.

Она живая?..

– Это твоя, – Лод улыбнулся, и я поняла, что мой восторг проявился на лице. – Подставляй руку.

Я вывернула ладонь внутренней стороной кверху, и, взмахнув крыльями, птичка перепорхнула на неё. Прикосновение миниатюрных лапок к коже даже не чувствовалось, светящееся чудо было не тяжелее пушинки.

– Птицы – посланники Солира. – Под взглядом Лода в его руке материализовалась вторая пичужка: точная копия моей, лишь чуточку крупнее. – В Солирдаг важно обзавестись игрушечной птицей. Особенно если сделаешь её своими руками. Весь праздник ты носишь её с собой, а ночью, когда праздник подходит к концу, загадываешь самое заветное желание и сжигаешь. Можно бросить в праздничный костёр, можно и просто дома. Тогда она вознесётся к Солиру, чтобы рассказать о твоём желании ему.

– Вот как...

Не удержавшись, я погладила птицу по спинке. Осторожно, одним пальцем, – но он просто прошёл сквозь сияющие крылья, не ощутив ничего.

– Это лишь воздух, не более, – Лод тихо засмеялся. – Загадывай желание.

Сожаление кольнуло душу, когда я осознала, что ночь подходит к

концу. Наша ночь. Мираж, эфемерный обман, хрупкая иллюзия... как и эта птица.

Я задумчиво созерцала окрылённый свет, мирно ждавший на моей ладони.

Что ж, пусть всё будет хорошо. И только. Всё равно я не верю в богов.

Но если моё желание действительно кто-то услышит, думаю, его не истолкуют неправильно.

– Загадала.

Синий свет обратился золотым, колдовские нити полыхнули огненными сполохами – и ястребы, вдруг обернувшись фениксами, расправили крылья, чтобы взмыть вверх. Мы с Лодом провожали их взглядами: две мерцающие медовые искры, кружившие по спирали, медленно тонушие во мраке, погружаясь в небесную высь навстречу звёздам и луне.

Призрачные, недолговечные создания волшебства и нашей мечты...

– Прости, – произнёс колдун. Даже потеряв птиц из виду, мы оба всё ещё смотрели туда, куда они улетели. – Я держал тебя в неведении всё это время, а ведь ты хочешь знать, что мы собираемся делать дальше.

Ну да. В конце концов, необязательно возвращаться под горы, чтобы снова поговорить о делах. Сомневаюсь, что под днищем лодки притаились шпионы светлых, да к тому же Лод наверняка позаботился о том, чтобы нас не услышали чужие уши. А я была не прочь побыть здесь немножко дольше.

Как, видимо, и он.

– Да. Хочу, – я опустила глаза, посмотрев на колдуна. – У тебя ведь был план на случай вторжения. Не мог не быть.

– Был. И есть. – Лод так и сидел, запрокинув голову на сиденье, глядя в небо. – Раз уж светлые ставят вопрос так, что либо мы, либо они, я выбираю нас. Об открытом столкновении не может быть и речи: у них семьдесят тысяч бойцов, у дроу едва наберётся десять. А когда против вас маги, узкие проходы вам не помогут. Так что... для начала дроу придётся покинуть Мьёркт.

Сдать столицу врагу? Без боя? Ладно, положим, это не ново, но зачем?..

– Видишь ли, все туннели снаружи приводят туда, – конечно, колдун расслышал мой немой вопрос. – Мы оставим Мьёркт. Уйдём в другой город дроу. Если ты помнишь, их всего три. Дождёмся, пока светлые проникнут под горы. Многие погибнут в наших ловушках, но они это сделают и займут опустевший город. Чтобы двинуться дальше, они обязаны пройти через

него, так что... в какой-то момент вся их армия окажется там.

Он замолчал, и какое-то время мы просто сидели рядом, в нашем маленьком мирке над тёмной водой.

– И что случится тогда? – всё-таки тихо спросила я.

Лод не шелохнулся. Всё ещё смотрел вслед улетевшим птицам. И я вдруг поняла, что боюсь тех слов, которые он сейчас произнесёт.

А потом ответил, прямо и просто:

– Тогда я обрушу на них гору, под которой стоит город. И уничтожу их. Все семьдесят тысяч.

Я не нашлась, что сказать.

Этого я и боялась. Ведь это было столь же страшно, сколь логично.

– Конечно, это будет чудовищно сложно. Один я ни за что не справлюсь, этого бы даже Навиния не смогла. Даже Ильхт. Прервать читку заклятия и восстановить силы невозможно, и у меня не хватит кристаллов, чтобы запастись необходимым количеством энергии впрок... но несколько дроу великодушно решили пожертвовать собой, дабы помочь мне довести это нелёгкое дело до конца. Эмер Айкатт, отец Лу и покойного Артэйза, один из них. – Лод равнодушно пощипывал двумя пальцами щетинистый подбородок. – Они будут рядом, когда я примусь творить заклинание, и отдадут мне свою энергию. Поскольку в тот момент мне будет немного не до того, чтобы разбираться, сколько энергии и откуда я беру, я просто выпью до дна всех, кто окажется поблизости. Весь их ореол силы. Они умрут, но я сотворю заклятие, и Мьёркт будет погребён вместе со всей армией светлых. – Эмоций в голосе колдуна было не больше, чем в плеске воды под нами. – Начнётся землетрясение, с соседних гор сойдут лавины, какие-то туннели наверняка обрушатся, но два других города дроу не должны пострадать. Я наложу защиту, чтобы никому не навредило то, что посыплется с потолка пещер... только, как ты понимаешь, о мире со светлыми после этого можно будет забыть.

– Да. – Я сжала в пальцах шуршащую ткань юбки. – Понимаю.

И достаточно хорошо знала Лода, чтобы понимать, что прячется за этой бесстрастной маской.

– Проще будет пойти до конца, – продолжил он. – Выйти из-под гор. В конце концов, большинство боеспособных светлых погибнет под горой, а дроу превосходные воины. Если привлечь ещё и иллюранди, полагаю, мы сумеем захватить Риджию. По крайней мере, королевства людей и эльфов... не думаю, что лепреканы будут нам препятствовать, если мы скажем, что ничего против них не имеем. Правда, наши светлые принцы и принцессы вряд ли отнесутся ко всему этому с пониманием, так что

придётся либо снова надеть на них ошейники, либо убить. Последнее, пожалуй, будет милосерднее первого. Но в конце концов Дети Луны наконец вернутся под небо, из-под которого их когда-то изгнали.

Он сидел рядом со мной. Смотрел на звёзды рассеянным взглядом. Наследник Ильхта, правая рука наследника Тэйранта... и я понимала: если ему не оставят выбора, он сделает то, о чём говорит. Окунётся в кровь с головой. Поможет Алье довершить дело их прадедов. Спасёт свой народ, возвеличит его – и уничтожит всех, кто встанет у него на пути, и светлые сами обрекут себя на гибель, собственной рукой подписав свой смертный приговор.

И тогда одним хорошим человеком в этом мире станет меньше. Как и многими хорошими дробу.

– Но это ведь не единственный план, – сглотнув, смочив пересохшее горло, проговорила я. – Я видела, ты работаешь над какой-то формулой...

– Это не план на случай вторжения. Это план, как его предотвратить.

– Ещё лучше. Расскажи мне.

Прикрыв глаза, Лод заговорил. И чем дальше он говорил, тем больше ширились мои глаза.

Нет, звучало оно здорово. Но мне трудно было поверить, что такое возможно. Не когда противников – семьдесят тысяч. С другой стороны...

Иных вариантов нам всё равно не оставили.

– Неужели это осуществимо? – недоверчиво спросила я, когда Лод замолчал.

– Вполне, если задействовать иллюранди и женщин. Я знаю, как обойти караул светлых. При правильной организации никто ничего не заметит. – Колдун скосил глаза на меня. – Думаю, теперь ты поняла, над какой формулой я работаю.

– Сокровищница лепреконов! – это и правда вмиг стало очевидным. – Нам нужны драконьи жемчужины, чёрные. А они там...

– Я пытался доработать формулу Ильхта, я пытался написать собственную, но не могу. Не могу, и всё. Мы предлагали лепреконам за жемчужины любые деньги, но они отказывались торговаться. Для них риск слишком велик, ты уже слышала их доводы. Раскрывать им наши планы, естественно, не выход, так что остаётся кража. А я не могу сделать так, чтобы...

Но я уже вытаскивала с ментальных полочек своего сознания всё, что мне рассказывали о жемчужинах, всё, что я успела узнать о лепреконах – и страницы книг, которые в своё время мне услужливо предоставил Акке.

Итак. Дано: снять защиту сокровищницы нельзя. Пускай это входит в

условия задачи. Если оно не вышло ни у Ильхта, ни у Лода... нет, если придётся, я попытаюсь, но для начала попробуем обойтись без этого.

Теперь следующие условия.

Из сокровищницы нельзя вынести ни один предмет, если ты не лепрекон. Если лепрекон будет понимать, что выносит предмет из сокровищницы незаконно, его тоже не выпустит. Ни изменение памяти, ни какие-либо манипуляции с сознанием лепрекона не помогут...

Ага.

Щёлк.

Первый кусочек пазла лёг на своё место. Но это было опасно, слишком опасно, и мысль двинулась дальше.

В книгах, рассказывавших о свойствах жемчужин, я вычитала, что их можно ненадолго трансформировать без всякого для них вреда. Правда, они излучают особую ойру. Следовательно, любой маг, перейдя на зрение Изнанки, сразу поймёт, что он видит на самом деле.

Щёлк.

Второй.

Мысль уже не бежала, летела – прочь из мрачных лабиринтов, цепляясь за Ариаднову нить решения.

Но в другой книге я прочла, что лепреконы ощущают ойру «на ощупь». Если возьмут предмет в руки и сосредоточатся. Потому что зрением Изнанки они не обладают. А это значит...

...щёлк.

Пазл сложился.

И заставил меня торжествующе расхохотаться.

– Я знаю, я знаю!

Лод, осёкшись, посмотрел на меня удивлённо, и я осознала: он ещё не успел завершить ту фразу, что я слышала от него последней.

Неужели всё так просто?..

– Ты мыслил слишком масштабно. Зациклился на том, чтобы сломать защиту. И вы, колдуны, привыкли решать проблемы с помощью магии, – у меня даже пальцы задрожали – от восторженного предвкушения, которое испытываешь, прежде чем развязать ленточку на долгожданном подарке. – А вся штука в том, что магия здесь ни при чём. Ну ладно, при чём, но не так уж сильно.

– Что...

– Я знаю, как нам достать жемчужины!

Он мигом смолк. Уставился на меня – и, вдохнув, словно перед прыжком в глубокую воду, плескавшуюся за бортом нашей лодки, я на

одном дыхании выдала свой план.

Когда, выпалив последнее слово, я наконец отдышалась, Лод всё ещё смотрел на меня.

Под этим немигающим, долгим, абсолютно непроницаемым взглядом я ощутила, как моя радость цепенеет под ледяной коркой неуверенности.

– Думаешь, не сработает? – я нервно поправила очки. – Но я вроде бы учла...

Жёсткие пальцы скользнули по моему затылку, зарылись мне в волосы, заставили замолчать и податься вперёд. И я ещё успела осознать, что наши лица оказались недозволительно близко, прежде чем губы клеймом обжёг поцелуй.

Он был неторопливым и нежным, глубоким и неотступным, выдав чувства не порывистого мальчика, но мужчины, точно знающего, чего хочет. Он ошеломил, подчинил, не оставил в сознании ни единой мысли, заставив просто раскрыть губы и отвечать – неумело, робко, жадно: закрыв глаза, забываясь и пьянея под ладонью, скользившей по спине, дразнившей сквозь тонкое платье медленной лаской...

И в тот миг, когда откуда-то выплыла короткая мысль «Морти», губы вновь обожгло – холодом ночного воздуха.

Лод отстранился как раз вовремя, чтобы волна алого пламени расплескалась по куполу магического щита. Догадаться, кого я увижу на берегу, когда поверну голову, труда не составило.

Течением лодку снесло довольно близко к берегу, и в ярком свете кровавых сполохов, полыхавших на лезвии огненного меча, я без труда разглядела перекошенное лицо Сусликовой. Рядом скалил острые белые клыки парнокопытный страх: огромный конь, чёрный, как чёрт, с жуткими глазницами, светившимися во мраке трупной желтизной. Та самая Лапочка? Да, скакун определённо стоит хозяйки.

А здесь-то вы откуда взялись?!

Я могла припомнить не так много случаев, когда меня захлёстывало лютое бешенство, но этот момент определённо был одним из них.

– Так у тебя теперь новый хахаль, я посмотрю! – опустив меч, ехидно пропела Машка. – Что, одного мало? Или с глаз долой, из сердца вон?

– Чего ты ко мне привязалась, убогая? – не выдержав, выкрикнула я. – Тебе в праздник заняться больше нечем, кроме как меня по всей Риджии выискивать?!

– Для тебя время всегда найдётся! – рыжая чума воздела руку к небесам. – Первый раз не утопила, теперь наверстаю!

В тот момент, когда я подумала, что лодка и правда делает нас

довольно уязвимыми, она уже выкрикивала заклинание. И я только потянулась за шнурком с кольцом, когда прямо за бортом поднялось нечто: водяной столб, пузырящийся и текучий, с длинными руками-щупальцами и безликой головой. Странная прозрачная кукла в два человеческих роста, без глаз, рта и носа, слепленная из речной толщи.

Водный элементаль?! Эта зараза уже и такое умеет?..

Щупальца рванули к бортам, толкнули – и, успев ладонью прижать очки к лицу, напоследок тоскливо подумав о дежавю, я полетела в воду.

Тёмная гладь реки сомкнулась над головой, принимая в свои удушающие холодные объятия, тяжёлый плащ, мигом намокнув, потянул ко дну. Я в панике взмахнула одной рукой, пытаюсь всплыть, ожидая прикосновения щупальца, которое обовьёт ногу и потащит в глубину, – но вместо этого что-то обвило талию.

Звенящее давление на уши и тело исчезло. Миг спустя я упала на что-то твёрдое и, осознав, что уже не под водой, жадно вдохнула. Открыла глаза: Лод перенёс нас на горный утёс, где когда-то мы обсуждали мой побег – ещё в ту пору, когда на мне был ошейник... а, может, этот утёс был просто очень похож на тот.

Незамедлительно отпустив меня, колдун сел. В одежде, липнущей к телу, с опущенными руками. Пряди мокрых волос скрывали его лицо. Лод молчал, и под тяжестью этого молчания на меня вдруг навалилось осознание, что произошло минуту назад.

Заставив ощутить себя последней сволочью.

Этот поцелуй, мой первый поцелуй – украден. Украден у другой. И несколько часов счастья – тоже.

И, если быть честной, холодный душ от Машки пришёлся как нельзя кстати.

Я приподнялась, дрожая в лёгком ознобе, опираясь на локоть, утопавший в траве.

– Лод...

– Прости, – глухо сказал он. Не поднимая головы, не глядя на меня. – Я поступил низко. Поступил, как подлец.

Все слова, которые я могла бы сказать, так и не сказались.

Падать было больно. Очень больно. Падать с неба, тёплого и солнечного, с заоблачных высот – на землю, веящую ледяным дыханием зимы. Туда, где мы не были и не будем вместе.

Туда, где наша близость – запрет.

– Ты не должна винить себя. Это моя вина, моя целиком и полностью. Сорвался, поддался безрассудству, сделал то, на что не имел ни малейшего

права. Я и на прогулку эту не имел права... не когда я принадлежу другой, – Лод стремительно поднялся на ноги. – Больше я себе подобного не позволю. Можешь не волноваться.

Голос его был холоднее воды, холоднее горного ветра. И я понимала, что холод этот направлен не на меня, что сейчас он презирает себя, и никого больше, но предпочла бы снова умирать от яда, чем ощущать то, что ощутила сейчас.

У всего есть цена, Белоснежка. Ты понимала, на что идёшь, когда соглашалась сбежать с ним. Неэтично, некрасиво, незаконно. Ты получила то, чего в глубине души так давно хотела – возможность на время занять чужое место.

Пришла пора платить.

Я молча приняла протянутую мне ладонь. Встав, позволила снова себя обнять: не так, как обычно, и тем более не так, как в той злополучной лодке – едва-едва касаясь, точно я была стеклянной. И, стоило нам переместиться под горы, приземлившись в лаборатории, почти вырвалась из его рук.

Дальше всё помнилось урывками. Вот я в ванной, с ненавистью срываю мокрое платье. Затем уже сижу в своей постели у камина, переодетая в сухое, закутавшись в одеяло с головой. В какой-то момент поняла, что рядом дрыхнет Бульдог, положив ушастую морду на мои колени, но это не вызывало в душе, медленно выгоравшей после падения, абсолютно никаких чувств.

Хотя, пожалуй, это было кстати: ощущать рядом что-то живое и тёплое. Немного спасало от мертвенного холода, пожиравшего меня изнутри.

...но надежда, так нежно мечтами маня, не подарит нирваны – лишь память огня...

Потом ко мне подошёл Лод; я не замечала и не знала, где он был до того.

– Спасибо за план, – ровно произнёс колдун. – Мы пойдём к лепреконам завтра. Ты со мной?

– Нет, – я так и не посмотрела на него. – Нет, я... пожалуй, на сей раз останусь тут. Думаю, вы и без меня справитесь.

Не знаю, ответил ли он что-нибудь. Может, и ответил. Но следующее, что я помнила, – себя, сидящую в одиночестве и темноте, которую рассеивало только пламя в камине. Умиравшее, как эта ночь, как всё то безумие, что она принесла.

Это не должно повториться. Этому надо положить конец.

И я уже знала, как.

А потом я просто сидела, глядя в огонь, чувствуя под пальцами бархатистую шёрстку Бульдога. Безнадёжно считая степени тройки, сбиваясь на миллиардах и начиная заново.

Да только ничто, ничто, ничто не помогало высохнуть моим слезам.

Глава восьмая

В полшаге стоя от любви [\[19\]](#)

Мортиара из рода Бллойвуг сидела с книгой за столом своего рабочего кабинета. В очаге над золотыми углями нежился котелок с прозрачным зельем цвета сиреневой луны, за узорчатым окном давно уже проснулась столица дреу. Пальцы принцессы размеренно листали одну страницу за другой – и замерли, когда в комнату без стука вошёл Лод.

Он аккуратно, тихо прикрыл за собой дверь. Явно успел поспать: ясный взгляд утратил измождённость, нездоровые тени под глазами почти исчезли. Помедлив, подошёл к столу.

– Морти...

Она повернула голову и посмотрела на колдуна, заставив его замереть.

Посмотрела красными, сухими глазами того, кто очень долго плакал.

– Так больше не может продолжаться, Лод.

Её голос тоже был сух, и колдун, не ответив, молча смотрел на неё. В лице его не проявилось ни стыда, ни вызова, ни растерянности, но по нему было видно: он прекрасно понял, о чём идёт речь.

– Я думала, что выдержу. Что смогу дождаться, когда воцарится мир, и тогда... но я не могу. Всё это заставляет меня чувствовать то, чего я никогда не хотела чувствовать, за что начинаю ненавидеть себя. И я измучилась носить маску, измучилась делать вид, что ничего не изменилось, а скоро это станет заметно всем, и Алье – тоже, – слова её были негромкими, и усталость раскрашивала их осенними, умирающими нотками. – Я приму твою горькую правду. Я поговорю с ним. Объясню ему, что это и моё желание, что по-другому нельзя. Ты его друг, он поймёт, не может не понять, – принцесса взяла колдуна за руку, и в этом жесте читалась мольба. – Я знаю, почему ты не говоришь со мной об этом, я знаю, что Алья не главная причина, но... освободись. Не мучай больше себя и меня. Легче станет всем.

Он не стал ни спрашивать, ни отпираться, ни возражать. Просто опустил на колени подле её кресла и, не отнимая руки, накрыл её ладонь, лежащую поверх его пальцев, своей.

Они оба прекрасно знали, что этот разговор когда-нибудь состоится. И оба были слишком близки, чтобы подбираться к нему окольными путями, пытаясь смягчить удар.

– Ты хочешь сказать, что не будешь мучиться, если я уйду? – мягко спросил Лод, пытаясь поймать взгляд её опущенных глаз. – Не лги. Я слишком хорошо тебя знаю.

Долгое молчание нарушало лишь тихое потрескивание углей да едва слышный звук, с каким лопались пузырьки на сиреневой ряби.

– Зря я допустила всё это, – едва слышно прошептала Морти. – Должна была с самого начала понять... Может, для кого-то это в порядке вещей: муж, с которым лишь делишь ложе, любовник, которому отдаёшь сердце. Но для меня – нет. – Она посмотрела на колдуна, и в этом взгляде наконец прорезалось то, что она чувствовала. – Я много думала, Лод. Ночью, вчера, все эти дни. И поняла, чего хочу. А хочу я исполнить наказ моей матери. Быть верной женой того, кому предназначили мою руку, делать то, что должно. И больше не заставлять никого страдать.

Печаль обесцветила его радужки, когда он разглядел в её глазах хлёсткую боль.

– Я часто думал, почему ты принимаешь игру с лентами... Хотела наказать себя? За то, что не можешь быть той, кем ты хочешь быть, за то, что не можешь разделить чувства того, кто так любит тебя? – он погладил тыльную сторону её ладони. Одним пальцем, коротким и нежным движением. – Тебе нет в этом нужды. Ни наказывать себя, ни винить – ни в чём. Ты прекрасная, ты удивительная, ты...

– О, Миркрихэйры. Вам стоило бы взять себе девизом «Верны до последнего». – Губы принцессы изогнула горькая усмешка. – Я всё время пытаюсь остановить тебя, Лод. Убереечь от падения.

– И я благодарен тебе. Мне это нужно.

– Нет, не говори мне то, что я хочу услышать. Не будь... тем, кто любит меня. А я знаю, что ты всё ещё меня любишь. – Она неотрывно смотрела на переплетение их рук. – Ты сам оберегаешь себя. Куда успешнее, чем я. А я вижу в тебе тень того, кого давно уже нет... но ты – не он. И если я не могу убедить себя в этом, все эти годы спустя, то я... *не та*. И ты это знаешь.

Лод не ответил. Просто вглядывался в её лицо, так внимательно, словно искал в нём что-то, чего никак не мог найти, – пока Морти осторожно и бережно высвобождала свои пальцы из его ладоней.

– Я люблю тебя. Я желаю тебя. Как и ты – меня. Но в душе, наверное, я давно уже поняла... мне нужен не ты. А тебе нужна не я. – Сидя ровно и прямо, она сложила руки на коленях, в простом кресле держась принцессой на троне. – Ты ведь тоже это понимаешь. Думаю, на самом деле ты понял это лучше и раньше меня.

– Ты делаешь это ради меня, – тихо проговорил он, – но не хочешь

этого. Не хочешь, чтобы я уходил.

На сей раз промолчала она.

Прикрыв глаза, на пару мгновений придержав ресницы книзу, Лод неторопливо поднялся на ноги.

– Прости меня, если сможешь. Я никогда не хотел делать тебе больно, – его ладонь сдержанно коснулась её волос. – Но сейчас не время тревожить Алью подобными разговорами, а твою печаль легко списать на тяжёлое положение нашего народа. Я не оставлю тебя, пока ты не будешь к тому готова.

– Лод...

– Я отправляюсь к лепреконам. У нас есть план, как достать жемчужины. И эту беседу лучше закончить, – голос его остался мягким, но в интонации скользнула непреклонность. – Пожелай мне удачи.

Не дождавшись в ответ ни слова, Первый Советник Повелителя дроу склонил голову. Без упрёка, без улыбки. Развернувшись, вышел; и когда дверь за ним закрылась, Морти уронила голову на руки. Слез уже не осталось, поэтому она просто сидела, закрыв лицо ладонями, и лишь плечи её порой судорожно вздрагивали... пока в дверь не постучали.

Морти замерла, не отвечая, но постучали снова. С отзвуком неуверенности.

Затем дверь всё же приоткрылась.

– А, так ты здесь, – увидев принцессу, Лу проскользнул внутрь. – Я искал тебя, Алья говорил... – взглядевшись в её глаза, дроу осёкся. – Что случилось? На тебе лица нет!

– Ты знаешь, что происходит. На нас надвигаются...

– Нет, здесь кроется нечто иное. – Стремительно приблизившись к ней, Лу коснулся её плеча: голос был требовательным, но жест – исполненным бережного трепета. – Кто посмел обидеть тебя?

Она просто смотрела на него. Тусклыми глазами, утратившими янтарный блеск.

– Моя принцесса, – порывисто опустившись на колени, дроу сжал её руку в своей, – одно слово, и тот, кто причинил тебе боль, не переживёт этой ночи.

У неё вырвался тихий, совершенно безысходный смешок. И только.

– Скажи мне, – он пересчитал поцелуями хрупкие косточки на её пальцах, и слова его звенели настойчивостью. – Если есть хоть что-то, что я могу для тебя сделать, скажи!

Она взирала на мужчину, чей взгляд жёг её обожанием и страстью, занимавшего то же место, что и другой – совсем недавно, так же

преклонившего колени, так же державшего её руку... бесконечно, безнадежно, невыносимо непохожего на него.

В глазах принцессы снова полыхнули живые отблески, а по лицу скользнула тень. Решительная.

Отчаянная.

– Да, – молвила Мортиара из рода Бллойвуг, негромко и обречённо. – Есть кое-что.

* * *

Захлопнув счётную книгу, казначей Повелителя лепреконов устало потёр переносицу. Поднявшись с кресла, снял со спинки камзол, который сбросил на время работы; надев его поверх рубашки, застегнувшись на все пуговицы, проследовал к выходу из своего кабинета.

И, ещё не выйдя за дверь, ощутил на шее нечто чужеродное – одновременно с тем, как просторную дворцовую комнату огласил тихий щелчок.

– Иди в сокровищницу, – негромко велела окружающая пустота, вдруг вздумавшая обзавестись приятным мужским голосом.

Казначей попытался удивлённо приоткрыть рот, но неведомая сила удержала его губы сомкнутыми. Она же вынудила его пальцы провернуть дверную ручку, а ноги – покорно зашагать в указанном направлении.

За высокими окнами дворцового коридора засыпал Ювелл. Столица королевства лепреконов утопала в зелени предгорных лесов, домишки с черепичными крышами, которые показались бы людям игрушечными, сияли россыпью золотых огней. Свет уличных фонарей, чьи пёстрые стёкла напоминали о леденцах, отражались в блестящей брусчатке. Королевский дворец возвышался на холме над всей этой красотой, и в нём тоже преобладали золотисто-зелёные тона: что во внешней отделке, где жёлтая яшма соседствовала с малахитом, что во внутренней, где по изумрудным панелям на стенах вились янтарём узоры затейливой росписи.

Как назло, на коротком пути в сокровищницу не встретилось ни одной живой души. Казначей всегда засиживался допоздна, когда все другие лепреконы давно уже расходились по своим покоям. Он шёл, чувствуя себя шарнирной куклой, слушая грузные шаги за спиной, явно принадлежавшие людям, – и, сопоставляя эти шаги с ошейником, заставляющим повиноваться, приходил лишь к одному выводу.

Если бы казначей мог, он покачал бы головой. Дивясь дерзкому

безумству тёмных, которое всё равно не могло никуда привести. Понятно, что они загнаны в тупик, и от отчаяния чего только не сделаешь; но на что им сдались эти треклятые жемчужины, в конце концов?..

В отличие от коридоров, которые делали с высокими потолками, двустворчатые двери в сокровищницу были ниже человеческого роста. Казначей подметил это с какой-то мелочной мстительностью – что незваным гостям, в отличие от него, наверняка пришлось согнуться, чтобы пройти внутрь. Огромный зал, вымощенный белым камнем, при их появлении озарили магические светильники, золотыми каплями вспыхнувшие под потолком. Он весь был заставлен сундуками, а к стенам жались стеллажи, хранившие многочисленные шкатулки и ларцы: лепреконы любили блеск золота, но аккуратность и порядок всё же любили больше, так что никак не могли позволить монетам и драгоценностям просто валяться неопрятными кучами.

Сокровищницу даже не запирали на ключ. В ключе не было нужды.

– Неплохо, – одобрил один из тёмных, наконец проявившись из воздуха рядом с казначеем: молодой мужчина в серой мантии колдуна, с узлом длинных русых волос. – Но для столь легендарного места... если честно, ожидал большего.

– Зато сила чар вполне оправдывает ожидания, – пробормотал другой, полноватый и темноволосый. Судя по мантии, тоже колдун.

В этой части дворца, строившейся лепреконами для лепреконов, не рассчитанной на рослых гостей, люди смотрелись... странно. Чужеродно. Рядом с мебелью и сундуками, которые разом стали выглядеть миниатюрными, они казались взрослыми, заглянувшими в кукольный домик. Пусть даже куклы были в рост человеческих детей.

– Ничего, справимся.

Русый аккуратно прикрыл двери в сокровищницу. Обратил взгляд на казначея.

– Ты ведь знаешь, за чем мы пришли, – сказал он.

– Догадываюсь. И ничего у вас не выйдет, – злорадно откликнулся лепреккон, даже не сразу сообразив, что к нему вернулся дар речи. – Ошейники вам не помогут. Ни ошейники, ни магия.

– Посмотрим, – колдун небрежно махнул рукой. – Отдавай нам жемчужины.

Серебряная полоска на шее сделалась горячее. Подчиняясь движениям невидимых нитей магии, протянувшихся от ошейника к его ногам, казначей покорно пошёл мимо сундуков к одному из стеллажей, где покоились шесть одинаковых ларцов чёрного дерева. Один за другим снял

их с полки, чтобы передать русому вору – в маленьких руках лепреконе шкатулки выглядели ящиками.

Колдун открывал крышки, удостовераясь, что внутри действительно жемчужины, и отдавал ларцы товарищу, громоздя один на другой.

– Золотые, белые, розовые, зелёные, чёрные, серые, – подвёл итог русский, когда в пальцах у него оказалась последняя шкатулка. Остальные пять уже перекочевали к его поделнику, который придерживал верхний ларчик подбородком, чтобы получившаяся пирамида не обвалилась. – Все на месте... вот теперь и проверим, помогут нам ошейники или нет.

И вернул ларец с серыми жемчужинами в руки каз-начея.

– Отнеси это в коридор.

Пока лепрекон, подчиняясь приказу, переставлял ноги по направлению к двери, он отчаянно напоминал себе, что не имеет никакого права выносить королевскую собственность в угоду дерзким вора. Помнил, что защита сработает и без этого, но решил помочь магии по мере своих скромных сил. Он подступил к порогу, где паркет коридора стыковался с белым камнем, которым отделали пол сокровищницы; толкнул одну из дверей, попытался выйти – но порог ожидаемо вспыхнул золотой полосой, и нога, обутая в щегольскую лакированную туфлю с острым носом, уткнулась в невидимую преграду.

Какое-то время казначей бодал лбом защитный барьер, раз за разом отлетая на шаг назад, куда его отбрасывал сгущённый воздух. Тоскливо гадая, когда же тёмным надоеет над ним измываться.

– Похоже, и правда не выйдет, – наконец вздохнул русский.

– А я что говорил? – буркнул его поделник.

– Но попробовать-то стоило. Ладно, иди сюда.

Последнее уже было обращено к казначею. Тот подчинился, с ненавистью сверля взглядом собственные ноги, вновь предавшие его.

– Присядь, отдохни.

Отобрав у лепреконе ларец, русский добавил его к пирамиде в руках поделника. Осев на пол, казначей беспомощно смотрел, как русский подходит к дверям в сокровищницу. Заперев их – чтобы скрыться от глаз случайных свидетелей, если бы таковые вдруг объявились, – поднимает руки к потолку.

И, вычерчивая кончиками пальцев рунную вязь, повисавшую в воздухе кружевами тёмного дыма, размыкает губы, сплетая паутину заклятия.

Казначей не знал, что это за заклятие. Но оно заставило светильники дрогнуть и почти померкнуть, воздух – стать холоднее, а пыль на крышках сундуков – подняться под порывами ветра, невесть откуда взявшегося в

запертой комнате. Казалось, сам пол вот-вот задрожит. Мурашки бежали по коже лепрекона, когда он понимал, какой мощи чары, творимые в нескольких шагах от него; а голос тёмного колдуна становился всё громче, и дыхание казначея уже обращалось облачками пара, и на крышках сундуков змеился иней и сверкали, рождаясь, льдистые кристаллы...

Колдун сомкнул ладони в финальном аккорде.

Лёд исчез, как не бывало. Воздух потеплел. Светильники мигнули, восстанавливая своё ровное сияние.

В руках русого, так и стоявшего в шаге от дверей, оказалась одна из шкатулок с жемчужинами.

Когда колдун двинулся вперёд, казначей затаил дыхание. Сердце лепрекона колотилось лихорадочно, недоверчиво, когда он понимал, что это невозможно – но, похоже, этот тёмный мог, мог сотворить сейчас то, что поможет ему...

Русый занёс ногу над порогом – и отлетел назад.

А казначей с облегчением понял: нет, не поможет.

Русый, донельзя удивлённый, шагнул вперёд снова. И снова. И снова.

Пока его раз за разом отбрасывало прочь от дверей, в лице его оставалось всё меньше удивления, зато прибавлялось злости.

– Нет! – он в ярости швырнул шкатулку на крышку ближайшего сундука.

– Неужели не получилось? – уныло спросил его поделник.

Он так и прижимал подбородком верхний ларец в пирамиде, высившейся у него в руках.

– Оно должно было сработать, не могло не сработать! – колдун в бешенстве воздел руки к потолку. – *Мёркер, йорт о луфф...*

Казначей злорадно, но уже без особого интереса наблюдал, как русый предпринимает вторую попытку сломить защиту сокровищницы. Потом, с ещё большим злорадством, – как колдун, дочитав заклятие до конца, снова бьётся лбом о невидимую стену.

– Хватит, – в конце концов проворчал его поделник. – Ничего у нас не выйдет. Мы облажались, признай уже.

Русый, тяжело дыша, застыл перед порогом. Отставив шкатулку на тот же сундук – уже спокойнее, – повернулся к казначею.

– Да, – колдун криво улыбнулся в густую щетину, покрывавшую его щёки. – Вы умеете хранить то, что принадлежит вам, маленький народец. – И сплюнул на пол. – Ладно. Подавитесь этими жемчужинами. Обойдёмся без них.

Казначей ещё успел улыбнуться, прежде чем русый махнул рукой,

сверкнувшей рунной насечкой серебряного кольца. И, падая в бессознательную тьму, куда его отправил треклятый колдун, лепрекон чувствовал лишь одно – глубочайшее удовлетворение.

Впрочем, нет. Было и ещё одно. Гордость.

За то, что их маленький народец в который раз оказался на высоте, обставив и превзойдя этих несносных громил.

Стоило лепрекону раскинуть руки по белому полу, похрапывая в блаженстве безмятежного сна, как с лица Лода мигом сползла злобная гримаса.

– По-моему, с эффектами ты всё-таки переборщил, – поморщился Восхт, когда наследник Ильхта принялся забирать шкатулки у него из рук. – Лёд был определённно лишним.

– Зато ты недобрал, – Лод усмехнулся, но усмешка эта была весёлой. – Актёр из тебя отвратительный, если честно.

– Не всем же быть великими лицедеями, как некоторые.

Лод оставил замечание без комментариев: мысли его явно были уже о другом. Составив все шкатулки на пол, опустил на колени подле одной из них. Откинув крышку, прищурил глаза – словно любуясь чёрным сиянием, красившим матовую поверхность крупных, в пол-ладони, жемчужин.

В ларце их было около дюжины.

– Что ж, – Лод взял одну из них, идеально круглую, безупречно красивую, – пора приступать.

Когда они с Восхтом одновременно потянулись за чем-то, припрятанным во внутренних карманах мантий, губы наследника Ильхта Миркрихэйра, навестившего эту самую сокровищницу триста лет назад, снова тронула усмешка.

Только теперь в этой усмешке отчётливо читалось предвкушение.

* * *

Когда казначей очнулся, в сокровищнице было прохладно, темно и тихо. Впрочем, стоило пошевелиться, как светильники вновь вспыхнули, ударив по глазам золотой яркостью, заставив сощуриться – и, в один миг вспомнив, что предшествовало этому пробуждению, лихорадочно подскочить.

Тёмные исчезли. Ошейник тоже. А вот шкатулки, за которыми они приходили, остались: пять стояли на полу, шестая – на сундуке, куда её положил русский. Казначей поочерёдно открыл крышку каждой и,

удостоверившись, что все жемчужины на месте, выдохнул. На всякий случай взял по паре драгоценностей из каждого ларца – жемчужины едва помещались в его руку – и поочерёдно сжал в пальцах, считывая ойру.

Ойры жемчужин разных цветов не отличались друг от друга. Нет, маги наверняка увидели бы отличие, однако лепреконы лишь чувствовали, что в их руках исключительной силы артефакты, чья ойра характерным образом «звучала» под пальцами. Раз за разом казначей получал подтверждение того, что из ларца он достал именно жемчужину – без примесей каких-либо подозрительных чар. Развевая все свои сомнения, в конце концов захлопнул ларцы и, взяв один, понёс на место.

Нет, конечно, его отключка ничего не решала. Кража тёмным не удалась, он видел это только что, своими глазами... но проверить было не лишним.

Вернув все шкатулки на полку, казначей любовно погладил одну по крышке. Весело насвистывая, оправил одежду.

Вдруг замер.

Да, это о жемчужинах тёмные то и дело заикались на переговорах. Но что, если в действительности колдуны приходили не за ними? Если это был обманный манёвр, спектакль, который устроили специально для казначей? А на самом деле...

Схватив одну жемчужину, лепрекон рванул к выходу так быстро, как позволяли его маленькие ноги. Отлетев от невидимой стены, благонадёжно преградившей выход, с облегчением отёр пот со лба.

Нет. Они не притворялись, чары остались целыми и невредимыми. За чем бы ни приходили воры, вынести это они не могли.

Вернув жемчужину в ларец, казначей подумал ещё об одной вещи. Подозрительно вывернул карманы, но в них было пусто. Ощупал собственные бока, ноги, зад; даже башмаки на всякий случай снял.

Ничего не обнаружив, нервно рассмеялся.

Что на него нашло? Он же не идиот. Как и тёмные. Припрятать драгоценность в одежду казначей, рассчитывая, что он вынесет её, сам того не зная, и таким образом обманет чары... это было бы попросту глупым. Да, некоторые уникамы, посягавшие на золото лепреконов, уже пытались такое проверить, но не так сложно заметить, что в твоём кармане есть нечто, чего там быть не должно. Особенно если это жемчужина размером с твой кулак. Одна из тех жемчужин, что лежат сейчас на своих местах, в целостности и сохранности – все до единой...

Нет, всё очевидно. Воры приходили за жемчужинами. Попытались осуществить кражу с помощью ошейника, но не вышло. Попытались

сломать защиту, но и это им не удалось. А значит, они остались с носом. И истерика русого была совершенно искренней.

То-то Его Величество посмеётся, когда услышит об этом инциденте...

Обувшись, казначей презрительно фыркнул и направился к выходу.

Всё же тёмные идиоты. Отчаянные, горделивые идиоты. Возомнили о себе слишком много, подумали, что справятся с чарами, которые никто и никогда не мог ни сломать, ни обмануть, ха! Хотя дроу стоит пожалеть – то, что собираются с ними сделать эльфы и люди, всё-таки...

Казначей толкнул тяжёлую дверь. Переступил порог: преспокойно, как и ожидалось.

Вдруг снова ощутив на шее чужеродную холодность серебра, несказанно изумился.

– Долго же ты там возился, – широко улыбнулся русский, тут же материализовавшийся из пустоты. – А Сноуи таки умница.

– И правда сработало, – уважительно произнёс его подельник.

Под взглядами тёмных, повинувшись ошейнику, казначей беспомощно привалился спиной к стене. Не понимая, зачем оба ещё здесь, зачем ждали его, зачем...

А затем русский вскинул руку. Чтобы, повинувшись этому движению, с камзола казначея отлетели все пуговицы – и миг спустя горсткой сложились в ладонь колдуна. Большие, тяжёлые пуговицы из чистого золота.

– Если тебе нужны настоящие пуговицы, они в одном из сундуков, – любезно проговорил русский, ссыпая блестящие кругляшки в бархатный мешочек. – Пятый ряд от двери, третий справа.

Казначей оторопело смотрел на колдуна.

Видимо, было в его взгляде нечто такое, что заставило тёмного сжалиться.

– Да жемчужины это, жемчужины, – услужливо пояснил русский. – Мы их преобразовали, прилепили к твоему камзолу и прикрыли маскировочными чарами. Поскольку при трансформации можно менять размер объекта в меньшую сторону, но не в большую, масса остаётся прежней, и желательно сохранять приблизительную форму... пуговицы подошли идеально.

– Но я проверил жемчужины! – слова с трудом продрались сквозь горло лепрекона, сжатое судорогой ужаса. – Я проверил! Они были на месте!

– Да. Поэтому я предлагаю считать это не кражей, а равноценным обменом, – русский насмешливо склонил голову. – Нам нужны были чёрные

жемчужин, но взамен мы принесли другие. Если заглянешь в шкатулку с чёрными пару часов спустя, найдёшь там золотые, розовые и белые. Их у дроу, к счастью, осталось в избытке. Сотворить простенькую иллюзию, придав им вид чёрных, труда не составило. Прикрыть чарами, маскирующими следы наших чар, чтобы ты не распознал обмана, – тоже.

Даже когда колдун, спрятав мешочек в складки мантии, махнул рукой, заставив ошейник разомкнуться, казначей не нашёл в себе сил кричать. Лишь молча смотрел, как русский, призвав серебряное кольцо с шеи лепрекона себе в руку, подхватывает подельника под локоток.

Казалось, за прошедшую минуту лепрекон постарел лет на двадцать.

– Надеюсь, ты правильно распорядишься информацией, что я тебе предоставил. А то, боюсь, у тебя могут возникнуть... небольшие проблемы. – Русский слегка поклонился. – Счастливо. Алья?..

И оба исчезли, будто и не было их, оставив казначея смотреть на место, где они только что стояли.

Шаркая по полу, как старик, лепрекон побрёл к выходу из дворца. Думая о том, что, пожалуй, насчёт этого инцидента Его Величеству всё же лучше остаться в блаженном неведении... по крайней мере, пока казначей не окажется достаточно далеко от Ювелла.

А своим отдалением от Ювелла казначей собирался заняться сразу же, как придёт домой и соберёт вещи.

* * *

Перебросив из руки в руку жемчужину, отливавшую в тон чёрному мрамору на полу, Алья расхохотался, как мальчишка.

– Сколько радости, – колко заметила Навиния, возлежавшая на кровати.

– И что, всё действительно вышло так просто? – Повелитель дроу проигнорировал её слова.

Лод кивнул.

– Не сказал бы, что совсем уж просто, – Восхт бережно укладывал жемчужины в новый ларец, очень похожий на тот, в котором их хранили лепреконы. – Я свою роль отыграл не особо, но спектакль и без того получился знатный.

Навиния усмехнулась, поглаживая Клемента, комочком свернувшегося у неё на груди: Фаник принёс ей паппея пару дней назад. Принцесса выглядела уже почти здоровой, но всё равно предпочитала отлёживаться в

спальне Алья. Не забывая, впрочем, презрительно и непокорно фыркать, когда Повелитель дроу приказывал ей то же.

– Я так и не поняла, как жемчужины помогут нам ликвидировать семидесятитысячную армию, – капризно заметила принцесса.

– Скоро поймёте. Вернее, узнаете. – Сжав жемчужину в ладони, Алья повернулся к своему придворному колдуну. Широко улыбнулся. – Пойдём. Уверен, Морти тоже не терпит слышать эту историю.

Невыразительно кивнув, Лод направился к двери следом за дроу.

Когда Алья постучался в покои сестры, располагавшиеся по соседству, два друга вместе долго вслушивались в тишину за дверью.

– Всё ещё не у себя? – Не дождавшись ответа, Алья заглянул в комнату. Убедившись, что та пуста, нахмурился. – Странно... Она и так всю ночь с этим зельем провозилась.

– Так ты не видел её? – медленно спросил Лод. – С тех пор как мы отправились в Ювелл?

– Нет, – на лицо Повелителя легла тень, впрочем, тут же рассеявшаяся. – Должно быть, за новое варево взялась, чтобы руки и мысли занять. Труженица... Пойдём.

А вот с лица Лода тень уходить не спешила. И чем ниже они спускались по витой лестнице, тем более напряжённым казался колдун.

Они подошли к рабочему кабинету принцессы, но стук Алья вновь остался без ответа. Тогда Лод прикрыл глаза, – но увидел перед внутренним взором что-то, что его успокоило, и лицо колдуна немного разгладилось.

Зато дроу, прежде чем толкнуть дверь, вновь нахмурился.

– Морти? – Не увидев принцессу за столом, он ступил внутрь. – Неужели и здесь...

Повернул голову – и застыл, где стоял.

Они лежали прямо на полу, на пушистой светлой шкуре, которую из-под стола оттащили к камину. Двое, явно едва успевшие разомкнуть переплетение тесных объятий, посреди наспех скинутой одежды.

Если Лу успел прикрыть наготу, то Морти – нет.

– Братик, – досадливо молвила принцесса, потянувшись за рубашкой, – тебе никогда не говорили, что без приглашения входить нехорошо?

Алья, так и сжимая жемчужину в кулаке, оторопело смотрел, как сестра набрасывает тонкую ткань на голое тело. Перевёл взгляд на Лу: тот вскочил, чтобы поклониться, – и, прижимая штаны к причинному месту, смотрел исподлобья, со странной смесью достоинства и смущения. Но не

на Повелителя, а на Лода, застывшего в дверях.

Колдун смотрел на принцессу, медленно поднимавшуюся с пола, и лицо его не выражало ровным счётом ничего.

– Как всё это не вовремя, – Морти вздохнула. – Я хотела придержать известие, пока светлые не... явно не тот момент, когда надо тебя расстраивать, отвлекать подобной ерундой... что ж, как вышло, так вышло. – Застёгивая одну пуговицу за другой, она шагнула вперёд, глядя только на колдуна. – Прости, Лод. Я давно это поняла, давно собиралась сказать тебе. Но ты сам должен понимать, почему я молчала.

– Молчала о чём?

Вопрос задал Алья. Лод так и не произнёс ни слова.

Ледяной тон Повелителя дроу не предвещал ничего хорошего, однако Морти он явно не испугал.

– Что эти отношения... наши отношения... пора заканчивать. – Она оправила полы рубашки, спустившиеся до середины бедра; дрожь в её пальцах была почти незаметной. Вновь подняла глаза на Лода. – Это были чудесные годы, и я благодарна тебе за них. Но то была первая любовь, детская любовь, а мы давно уже повзрослели... и в какой-то момент чувство ушло. Пусть я и не сразу это поняла.

Колдун продолжал молчать. И, пройдя мимо брата, Морти взяла Лода за руки – мягким, извиняющимся жестом.

– Прости. Я не хотела причинять тебе боль, но я выросла и разглядела, как чудесен тот, кто станет моим мужем. Я полюбила его и счастлива, что полюбила. Не каждому выпадает подобное счастье, выйти замуж за того, кто тебе действительно мил. Не нуждаться в хальдсе. – Она улыбнулась робко, почти заискивающе. – Ты ведь сможешь разделить мою радость, Лод? Не будучи больше моим хальдсом, останешься моим другом? Будешь рядом со мной, как был всегда?

Никто бы не разглядел отчаяния в её глазах. Никто, кроме того, в чьи глаза она смотрела. А Лод так ничего и не ответил. Лишь, склонив голову, прижался губами к её лбу: долгим, очень долгим поцелуем. Нежным.

Прощальным.

Затем она разжала пальцы, его ладони выскользнули из её ладоней – и Лод ушёл, не оглядываясь, оставляя позади троих дроу, провожавших взглядами его спину.

– Смотрю, вы достали жемчужины, – повернувшись к брату, Морти улыбнулась. – Даже не сомневалась.

Алья тоже повернулся к ней. Дыша тяжело и яростно, с холодным прищуром, с расширенными ноздрями, с губами, сжавшимися в нитку.

– Что? – принцесса повела плечами, и в жесте этом прорвалась злость. – Я хотела, чтобы этот разговор прошёл не так. И не сейчас. Но ты сам привёл его сюда.

Алья наконец смог чуть разжать пальцы, до сего момента сжимавшие жемчужину так, что, казалось, та вот-вот рассыплется в пыль. Криво улыбнулся.

– А я ведь даже не имею права в чём-то тебя винить. – Повелитель дроу помолчал. – Что ж, рад за тебя, сестрёнка. И за тебя, Лу, – его взгляд обжёг холодом того, кто так и стоял, прикрывая бёдра красным бархатом: наследник рода Рауфгата явно не хотел ронять своё достоинство стыдливым натягиванием штанов при посторонних. – Будем считать, что ты это заслужил.

Развернулся и тоже ушёл. Хлопнув дверью так, что та едва не слетела с петель.

Морти смотрела вслед брату всё время, пока Лу за её спиной приводил себя в пристойный вид. Не двинулась даже тогда, когда дроу коснулся её плеча.

– Это ведь неправда. То, о чём ты говорила. Ты не чувствуешь этого... на самом деле.

Он был полностью одет, застёгнут на все пуговицы. Почти спокойный. Почти сумевший скрыть надежду в голосе.

Но Морти промолчала, – и когда Лу заговорил вновь, надежды в его словах уже не было.

– Ты ведь знала, что это случится. Что они придут сюда, что застанут нас здесь. Потому и не заперла дверь. Верно?

Морти вновь промолчала.

– Если это был лишь спектакль для Лода... тебе не требовалось действительно... быть со мной. – Боль ему тоже почти удалось скрыть. – Могла просто сказать мне, что нужно сделать. Сказать честно. Для тебя я сыграл бы любую роль.

– Но я не лгала тебе. Не в этом. Мне было хорошо, я была счастлива... ненадолго, – слова принцессы едва можно было расслышать. – Ты помог мне забыть.

Он шагнул вперёд, встав перед ней.

– Значит, так всё и будет? Когда ты станешь моей женой? – он не касался её, не пытался поймать неподвижный взгляд, устремлённый прямо перед собой: просто изучал её лицо, мучительно и пылливо. – Недолгое счастье, недолгое забытьё – всё, что я смогу тебе дать?

– Нет, – её губы почти не шевелились. – Ещё дружбу. Поддержку. И

замечательного отца для наших детей.

– Но не то, чего ты действительно хочешь. Чего я хочу для тебя.

Она наконец подняла взгляд.

– Я очень постараюсь разделить твою любовь. Правда, – шёпот её был сухим, как и глаза. – Прости. И прости, что использовала тебя.

Лу повесил голову.

Когда он удалился – тихо, безмолвно, бережно прикрыв за собой дверь, – Морти какое-то время ещё оставалась на месте. Потом, двинувшись к столу, достала из ящика ключ: сдержанными, скупыми движениями. Пройдя к выходу, провернула медный стержень в замке, запирая комнату изнутри. Прислонилась спиной к двери.

На этом месте вся её выдержка кончилась.

Прижав ладони ко рту, кусая пальцы, глуша всхлипы, она сползла на пол. Рыдая глухо и страшно, чувствуя, как за спиной осыпаются пеплом мосты, которые она сожгла собственной рукой. Сама. По доброй воле.

И отчаянно хотела, но не могла ненавидеть за это кого-то, кроме себя самой.

* * *

– Почему я тебе помогаю, понятия не имею, – пробурчала Криста, под моим чутким руководством расчерчивая на столешнице гексаграмму.

– Ты же у нас на стороне ангелов, в отличие от меня, – иронично откликнулась я, поглядывая в книгу, лежавшую на столе между нами. – Тебе положено быть доброй и понимающей. И уметь прощать.

Ирония всегда помогала мне прятаться от того, что я действительно чувствую. В данный момент она отделяла меня от пустоты, а пустота – от того, о чём я предпочла бы забыть.

А лучше – никогда не знать.

– Неужели всё ещё по дому скупаешь? – выводя мелком руны, Криста покосилась на меня. – Что ты там забыла-то?

– Я же говорила. У меня там остался...

– Принц? Да брось, – бывшая сокамерница фыркнула. – Так за дурочку меня и держишь?

– Не понимаю, о чём ты.

– Да ладно тебе. Сейчас-то зачем скрывать, что ты в Лода влюбилась? Или ты реально думаешь, что это незаметно?

Пустота помогла мне почти не ощутить эмоций при этих словах.

Почти.

Он ушёл часа два назад. Ещё до того, как я проснулась. Вернее, встала – этой ночью я так и не спала.

Он отправился к лепреконам вместе с Восхтом, чтобы воплотить в жизнь мой план. Простой, как таблица умножения, план, который должен помочь дроу поставить точку в этой истории. Откровенно говоря, я удивлялась, что Лод не додумался до него сам, и одновременно понимала причины, по которым не додумался.

Как бы там ни было, по моим расчётам, вскоре он должен вернуться. И до его возвращения мне нужно сделать то, о чём я думала всё время, пока лежала без сна.

– Не отвлекайся, – равнодушно бросила я, взрезая себе большой палец. – Клади руку сверху моей и читай заклинание.

Мы с Кристой сидели в гостиной. За *тем самым* столом. Я уволокла всё необходимое для ритуала из лаборатории Лода; даже не притронувшись к завтраку, попросила Кристу помочь сразу, как встала, но она лишь сейчас соизволила согласиться. Не без участия Фаника, с очаровательной улыбкой поведавшего ей что-то об истинном свете, прощении и прочей ерунде.

Это сработало лучше моих напоминаний, что мы давно уже играем на одной стороне.

Я не знала, получится ли у бывшей сокамерницы провести ритуал, но очень надеялась. Конечно, Лод помог бы мне с этим без проблем, да и Восхт, думаю, тоже, – однако я должна кое-что проверить. До того, как оба они вновь окажутся под горами.

От этого зависело, смогу ли я действовать так, как хочу.

Криста, вздохнув, послушно накрыла мои пальцы своими. Уставившись в книгу, стала читать. В первый раз я даже не потрудилась сосредоточиться: знала, что всё равно бесполезно, а концентрации свойственно теряться. И лишь после третьей попытки, когда Криста наконец смогла прочесть заклятие без запинки, достала с ментальной полочки нужные воспоминания.

Первый класс. Смешной взъерошенный мальчишка угрюмо смотрит, как я, насмешливо фыркая, снисходительно правлю ошибки в его тетради по русскому.

Пятый класс. Лето. Мы несёмся по дороге мимо нашего загородного дома на велике. Сашка рулит, а я цепляюсь за его плечи, подскакивая на жёстком плетении металлического багажника.

Седьмой. Я кручу отвёрткой винт, закрепляя видеокарту на её законном месте в новом Сашкином компе – мы вдвоём собираем его с

нуля, – а он матерится, пытаюсь распутать провода, невесть каким образом успевшие завязаться узлом.

Девятый. Сашкино лицо выбелено светом монитора. Он зачитывает переписку с очередной дыхательницей – по ролям, оглашая её реплики тоненьким, жеманным, почти девчачьим голоском. И я начинаю кашлять, когда от хохота чай попадает не в то горло.

Выпускной. Мы вышагиваем по Гостиному Двору, перекрикивая музыку и галдёж подвыпивших медалистов, увлечённо обсуждая, можно ли действительно сделать варп-двигатель Алькубьерре^[20]. Сталкиваясь с очередной девицей в вечернем платье, прерываем разговор на короткое дружное «извиняюсь», чтобы немедленно продолжить.

Первый курс. Весна. Я стою на кладбище, слушая о преимуществах очередного участка, на котором можно похоронить маму. Отстранённо соглашаюсь, что здесь, под этой сосной, и правда красиво и сухо – даже сейчас, когда всё тонет в талом снегу; что рядом дорожка и другие высокие сосны, которые не будут спиливать, и здесь мама... нет, не мама, то пустое и чужое, что от неё осталось, – не будет лежать, зажатое другими могилами со всех сторон.

Я почти не чувствую, как Сашка обнимает меня за плечи, но его присутствие заставляет чувствовать себя хоть немножко живой.

...да. В нашей дружбе было много хорошего. Того, что не перечеркнёт его выбор. Того, что он никак не должен перечёркивать.

Потому что друзья не перестают быть друзьями из-за такой ерунды.

Глядя в зеркало, я слушала, как Криста в четвёртый раз выговаривает слова заклятия – ровно, уверенно, уже без ошибок, – и Сашкино лицо виделось почти отчётливо, почти близко, почти наяву...

Зеркало заволок знакомый бледный перламутр.

Когда он расступился, я почти улыбнулась.

Сашка ехал в метро. Один. Прислонившись к дверям вагона, невзирая на предупреждение, огрызок которого укоризненно белел на стекле полустёртыми буквами. Уткнувшись в планшет, рассеянно поправил светлое оголовье беспроводных наушников, чудесно контрастировавшее с его тёмной шевелюрой.

– Так он всё-таки работает, – недоверчиво протянула Криста. – Ритуал.

Я не ответила. Я смотрела прямо перед собой: на того, кто всё ещё связывал меня с миром, который я покинула.

Ощущая странную смесь грусти и удовлетворения от осознания, что мне абсолютно неинтересно, почему он едет один.

– А он красивый, – задумчиво признала Криста какое-то время

спустя. – И правда на принца похож.

– Да, – я медленно отняла палец от стекла, заставив картинку исчезнуть. – Правда. – Сбросив руку Кристи, откинулась на спинку кресла. – Спасибо за помощь. Можешь идти.

Сокамерница послушно встала, но в движениях её сквозила странная неуверенность. Шагнув к двери в покои светлых, тут же обернулась.

– Так я... получается... действительно не хотела увидеть родителей?

Я пожала плечами:

– Может, и хотела, только не так сильно.

– А ты, значит... сильно?

– По-моему, зеркало ответило лучше меня.

Качнув головой, Криста всё же отвернулась. Ушла, наконец оставив меня одну – и, забравшись в кресло с ногами, я подвинула к себе ту же книгу, что помогла мне увидеть Сашку.

Добавив в мой план последний недостающий штришок.

Конечно, для полного эффекта лучше было провести ритуал с Лодом. Однако я не могла знать, что после всего, что произошло, зеркало не останется пустым. Зато теперь, если колдуну не хватит одних моих слов, можно будет повторить – как доказательство. Если, конечно, Акке вдруг за нами не шпионил, в чём я сильно сомневалась.

Впрочем, пока мне в первую очередь требовались декорации, убедительно показывающие, чем я занималась в отсутствие колдуна. Декорации, среди которых Лод должен застать меня, когда вернётся. Поэтому, поджав ноги под себя, перевязав раненый палец заблаговременно приготовленным шёлковым лоскутом, я устремила взгляд в книгу.

И стала ждать.

Ждать пришлось на удивление долго. Время, на которое я рассчитывала, давно миновало, а Лода всё не было; и это заставляло меня листать страницы с некоторой нервозностью. Нет, ничего страшного случиться не могло, лепреконы им с Восхтом не противники, к тому же у Восхта кольцо... но доводы разума не помогали унять волнение.

Шаги на лестнице послышались тогда, когда я уже грызла губы – мигом напомнив о том, зачем я сижу здесь. Выдохнув, я принялась считать степени девятки, чувствуя, как выравниваются удары сердца, сбившегося на почти чёточный ритм.

Когда Лод вошёл в гостиную, я была спокойна.

Зато он, к моему удивлению, нет.

– Привет, – сказала я. Подняв голову, но не поднявшись с кресла. – Как всё прошло?

Он остановился. Поглядел на меня долгим, странным, сумрачным взглядом: словно не знал, что делать, что говорить, как себя вести. После вчерашнего – немудрено... я и сама этого не знала.

Вернее, не знала бы, если б решила оставить всё, как есть.

Лод перевёл взгляд на гексаграмму на столе – похоже, только сейчас её заметил, – и переносицу его прочертила хмурая морщинка.

– Всё в порядке. Жемчужины у нас. – Он всё же подошёл ближе. – Ты проводила ритуал?

– Значит, план сработал. Хорошо.

Откровенно говоря, новость меня даже не обрадовала. Может, потому что я не сомневалась в успехе. Или потому, что все мысли были о другом.

О степенях девятки, уже переваливших в сотни миллиардов, помогавших мне удерживать бесстрашие на лице.

– Ты проводила ритуал? – повторил Лод.

– Да. Проводила, – я устало захлопнула книгу. – И... нам надо поговорить.

Лод смотрел на меня. Выжидаяще. А я гнала трусливые мысли о том, что ничего у меня не выйдет, что мне никогда не обмануть своё отражение из зазеркалья, что я не могу...

Нет, Белоснежка. Ты *обязана* это сделать. Потому что так будет правильно.

Ты и так слишком долго гналась за несбыточным: занимая чужое место, мучая себя и других.

– Давай лучше не здесь, – я кинула быстрый взгляд на дверь в покои светлых. – Я бы предпочла это озвучить... в приватной обстановке.

– Неужели оно настолько страшно?

Что ж, как хочет.

Мне же лучше.

– Просто тебе будет не слишком приятно это слышать. И я хотела бы тебе солгать, наверное... да только всё равно не получится. А точки над «i» лучше расставлять сразу. – Я сцепила руки в замок, отчаянным усилием воли заставляя себя не опускать глаза. – Вчера... это был чудесный день. Вернее, чудесная ночь. И спасибо тебе за неё. Но то, что произошло потом... это помогло мне понять одну вещь. – Я вздохнула. – То, что на самом деле я хочу совсем не этого.

Лод разомкнул губы. Сомкнул, так ничего и не сказав. Его мучительный, недоверчивый прищур вызвал во мне отчаянное желание замолчать, повернуть назад, перестать говорить то, что...

Но я знала, что не имею на это права.

И поэтому продолжила:

– Что поделаешь... надеюсь, когда-нибудь я перестану наступать на одни и те же грабли, – наконец позволив себе отвести взгляд, я уставилась на собственные переплетённые пальцы. – Когда я попала в Риджию, я поняла, что путала любовь с дружбой. А вчера поняла, что путала с ней восхищение... и выплески аманта, чего уж там скрывать. Но теперь я разобралась в себе. В том, что чувствую. В том, чего хочу на самом деле. Задумывалась об этом давно, но поняла вчера. – И снова подняла взгляд. – Я хочу домой.

На этом месте он улыбнулся.

– Хватит, Сноуи, – голос его был усталым. – Это ведь игра, я знаю. И знаю, почему ты говоришь это, но...

– Игра? – я поднялась на ноги, позволив прозвучать в голосе отзвуку той пустоты, что холодела во мне. – Нет, Лод. В этом мне тебя не обыграть. Я никогда не притворялась перед тобой, ты же знаешь. Всё равно ведь бесполезно.

Я знала – не было ничего, что могло бы опровергнуть мои слова. Всё моё поведение, все мои поступки после возвращения из Айвентирри не противоречили тому, что я говорила. А многие из тех, что были до, подтверждали.

– Ну же. – Я шагнула вперёд, подступив к колдуну вплотную. Глядя на него прямо, спокойно. – Посмотри мне в глаза и скажи, что я лгу.

Он посмотрел. Уже без улыбки. Пока я стояла, не отводя взгляд, периодически заставляя себя моргать, по третьему кругу высчитывая степени девятки.

Глаза – зеркало души? Ха. Глаза – белые шарики с цветными кружками посередине. В них самих нет никаких эмоций, эмоции проявляются в том, что их окружает. Веки, брови, морщины в уголках. Можно делать выводы по сужению или расширению зрачков, но лишь в некоторых случаях, и это явно не он.

А я не позволю ничему другому выдать мою игру.

Я должна отыграть эту роль безупречно. Я должна отыграть её так, чтобы поверил Лод, который знает меня лучше, чем я сама. Потому что больше не собиралась вставать между ним и той, что действительно достойна владеть им. Безраздельно.

– Там мой дом. Там мой друг. Всё, что я любила, всё, к чему я привыкла. Понимаешь? – Когда молчание затянулось, я скрестила руки на груди, не опуская взгляда. – Я сделала для этого мира, что могла. Но там... там мне будет лучше. И там я нужна больше, чем здесь.

– А если ты нужна здесь? Если нужна мне?

Тихий, мягкий вопрос сбил и дыхание, и счёт. Я знала, что он будет задан, но всё равно сбилась. Вновь перемножая девять на девять, глубоко вздохнула, – заставляя себя снова дышать, унимая лихорадочное сердцебиение.

В конце концов, перед теми словами, что я собиралась сказать, этот вздох был вполне уместен.

– Спасибо, что дал мне поверить в себя. Спасибо за всё, через что мы вместе прошли. Что помог поверить – я достойна любви. Теперь я найду свой путь. Не упаду в пустоту и не потеряюсь. – Я наконец отвела глаза. Знала, что сейчас сделать это можно и нужно. – Да, я... у меня было... чувство к тебе. И есть. Но это чувство не перевесит остального. Не настолько сильно, чтобы я выбрала тебя. Особенно после того, как в силу некоторых обстоятельств перегорело почти вконец. И я ни в чём тебя не виню, но факт остаётся фактом. – Я помолчала. – Прости.

Какое-то время мы просто стояли в шаге друг от друга. Не двигаясь, не пересекаясь взглядами, ничего не говоря.

А потом Лод рассмеялся.

Это был даже не смех – хохот. Громкий, раскатистый, с горькими, какими-то слегка сумасшедшими нотками, заставивший меня недоумённо посмотреть на колдуна. И на миг растеряться.

Только на миг.

– Не вижу ничего смешного, – сказала я холодно. На сей раз – искренне.

Он хохотал, запрокинув голову, однако после моих слов смех резко оборвался.

– Зато я – очень даже. – Лод вновь посмотрел на меня: голос его был странно весел. – Молодец, наследник рода Миркрихэйр. Доигрался. И заслужил.

Что он несёт?

– О чём...

– Значит, прореха. – Он отступил на шаг. – Так это твой выбор? То, чего ты хочешь?

Он улыбался, и улыбка эта была почти безумной.

Странная реакция. Не такой я ждала. Не такой.

С другой стороны, странно судить о том, как ведут себя люди в подобных ситуациях, до того ни разу в них не бывав. А Лод уже не раз обманывал мои ожидания.

– Да, – мои пальцы, которыми я всё ещё сжимала предплечья, не

дрожали. – Этого.

Он отступил ещё на шаг.

– Что ж, как пожелаешь, – слова сопровождал ироничный поклон. – Снезжана.

Круто повернулся – и, взметнув полами мантии, стремительно удалился. Туда, откуда недавно пришёл, ясно дав понять, что мой спектакль удался. А я направилась к лестнице наверх, и пустота внутри поглотила удовлетворение, горечь и даже простое желание заплакать.

Вот и всё.

В оставшиеся до появления прорехи дни у меня было много времени, чтобы понять: в существовании без сердца, выжженном пустотой, определённо есть свои преимущества.

Башню и свою постель у камина я не покинула. Так что мы виделись с Лодом каждый день – ровно на то время, что необходимо для приветствия и вежливых вопросов, как обстоят дела у каждого из нас, и выслушивания неизменных ответов, что всё в полном порядке, а план по предотвращению войны благополучно воплощается в действие.

Через пару дней от дежурных улыбок – и его, и моей – начало немного тошнить.

Конечно, вместе мы больше не ели. И сказок друг другу не рассказывали. Мы вообще почти не разговаривали, если уж на то пошло. И он убегал по делам – в конце концов, в эти дни у него действительно было много дел, – а я медитировала на разноцветные отблески, игравшие на горлышках больших медных горшков, сменивших реторты на его столе. Писала новые заклятия, потихоньку усложняя формулы. Играла в шахматы с Фаником. Читала книги заклинаний, наблюдала за вознёй Бульдога.

Наверное, я бы радовалась, что боль так и не вернулась, если б могла чувствовать хоть что-то.

Хорошо хоть светлые после похищения жемчужин заметно приободрились. Их общество немного скрашивало мне обратный отсчёт. Поэтому канун того дня, когда нам с Лодом предстояло снова отправиться в Хьярту, я встречала с ними; и, подкрепляя практикой очередную порцию изложенной Фанику шахматной теории, – на сей раз о минусах и преимуществах закрытой игры, – рассеянно наблюдала за остальными, сидевшими за круглым столом вместе с нами.

– Как ты можешь это читать? – возмутилась Криста, глядя на Восхта. Колдун светлых листал толстый том, позаимствованный из библиотеки Лода. – Ты же вроде не одобряешь тёмную магию!

Облизнув палец, Восхт аккуратно перевернул очередную страницу

«Заклятий на крови»:

– Мои взгляды в связи с последними событиями несколько изменились.

– Только не говори, что окончательно в тёмные решил податься, – хмуро заметил Дэнимон.

Эльфийский принц все эти дни был неизменно хмур. Пусть похищение жемчужин смогло поправить прискорбную ситуацию, возникшую после смерти Авэндилль, но гордый наследник эльфийского престола явно не склонен был так просто прощать собственные промахи. Не говоря уже о том, что с момента побега Кристи произошло слишком много всего, чтобы сейчас его душевное состояние могло быть безмятежным.

– Я просто понял, что бежать от тьмы глупо. Лучше заглянуть в неё, познать её... и не падать в неё, но взять лучшее, что она может тебе дать. – Восхт слегка пожал плечами. – Врага надо знать в лицо, однако мы никогда не познаем того, чего боимся и что слепо себе запрещаем. А чтобы перестать бояться, для начала нужно это принять.

– Не говоря уже о том, что, если у нас всё получится, само понятие «тёмные» исчезнет, – заметил Фаник, забрав ладьёй моего слона. – Дэн, это глупо, всё ещё разделять их и нас. После всего, что мы видели и узнали. После всего, что случилось.

Дэнимон промолчал. Лишь проследил за моей рукой, двигающей чёрного ферзя.

А я, делая ход, покосилась на Кристу.

– Можешь уже спросить, – устало заметила я.

Сокамерница изумлённо вскинула идеальные брови:

– Что?

– Можешь уже спросить то, что хочешь спросить. – Я скучаяще подпёрла подбородок рукой. – Мы третий день тут собираемся, и ты третий день собираешься задать мне какой-то вопрос, который в последний момент так и не решаешься озвучить.

В тишине, вдруг воцарившейся вокруг, девушка отвела глаза. Наблюдать за её нерешительным смущением было почти весело.

Особенно учитывая, что я и так прекрасно знала, о чём будет её вопрос.

– Я... просто хотела уточнить, – не глядя на меня, наконец пробормотала Криста. – Ты что, правда... решила уйти?

Ну да, как я и думала. Представление для Лода не обошлось без других зрителей. И все эти зрители – к моему огромному удивлению – ждали

ответа как будто даже напряжённо.

– Да. Правда. – Я перевела взгляд на Фаника. – Вам подсказать, принц?

Тот, качнув головой, потянулся к белому коню.

Всё-таки попался в мою ловушку. Жаль.

– Но... неужели ты действительно готова оставить Риджию? Всё это? – проговорила Криста, так и не поворачиваясь ко мне. – Навсегда?

Жалоба в её голосе меня тоже удивила.

– Только не говори, что тебе будет меня не хватать, – колко заметила я, забирая коня, которого Фаник так неосторожно подставил. – Всё равно не поверю.

– Просто ты не сможешь нормально жить дальше, когда вернёшься, – буркнула девушка. – Не после всего, что тут увидела. Да ты там свихнёшься! От всей этой рутины и серых будней, от...

– Сомневаюсь. В отличие от некоторых, мне есть, чем заняться в любом из миров. – Дождавшись следующего ответа Фаника, я разочарованно забрала его ферзя. – В крайнем случае... вдруг когда-нибудь я наткнусь на ещё одну прореху? Кто знает...

– Но это же почти без шансов! Ты ведь понимаешь! А даже если так, ты говорила, что время в наших мирах идёт по-разному! К тому времени, как ты вернёшься, в Риджии пройдут годы, может, века, и мы...

– А, боишься, что когда я вернусь, ты будешь уже дряхлой старухой, и тогда даже моя сомнительная краса затмит твою?

Напоминать Кристе, что вообще-то это в нашем мире время идёт быстрее, я не стала. Перепутала, бывает. Сути дела это всё равно не меняет.

Как и того, чего я добиваюсь всем этим.

– Нет, с тобой совершенно невозможно разговаривать! – Криста раздражённо сцепила ладони в замок. – Вот хочешь по-хорошему, а в ответ...

– Это ты назвала меня ведьмой, не я. И, к слову, была совершенно права. – Я сделала последний ход. – Шах и мат, принц.

Фаник отреагировал на проигрыш довольно странно: никак. Даже не посмотрел на доску, когда я двинула свою ладью в финальном броске. Вместо этого он изучал моё лицо из-под задумчивого прищура тёмных ресниц.

Затем внезапно поднялся на ноги:

– Не удостоишь ли меня недолгой прогулкой, Белая Ведьма?

И правда внезапно.

– С чего вдруг такая честь, принц? – подозрительно уточнила я.

– Просто хочу ещё разок посидеть с тобой у дворцового пруда. Напоследок. – Фаник протянул мне руку. – Мы вместе коротали там минувшие невесёлые дни, но теперь, когда у нас появилась надежда... пусть последняя прогулка загладит печальные воспоминания о предыдущих.

Я сильно сомневалась, что всё обстоит так, как он говорит. И была почти уверена: у пруда я удостоюсь душещипательной проповеди, целью которой будет убедить меня, насколько фатально моё заблуждение касательно возвращения домой. Но руку всё-таки приняла. А почему нет?

Тем более что доля истины в его словах определённо была.

Дорогой мы разбирали его ошибки в последней партии и обсуждали, как следовало их избежать. Впрочем, Фаник откликнулся рассеянно, явно думая о другом. Встречные дреоу удостаивали нас приветливыми кивками, на которые мы не забывали отвечать.

Лишь сейчас, покинув башню впервые после возвращения из Айвентирри, я поняла, что успела соскучиться по прогулкам.

– Ладно, принц, – сказала я, когда мы сели на чёрный мраморный бортик: я – поджав ноги под себя, Фаник – опустив их в воду. – Будьте великодушны и скажите, зачем вы действительно вытащили меня сюда.

Он не стал отпираться. Помолчал, глядя на светящиеся кувшинки – и, скользнув взглядом по своим сброшенным туфлям, повернулся ко мне.

– Ты действительно так хочешь сбежать от него, что готова уйти даже в другой мир?

Я не удивилась, что он знает. Это было ожидаемо. И уже хотела ответить, что это не его дело или что я не понимаю, о чём речь... но, глядя в его глаза – цвета чая с корицей, – вдруг поняла, как сильно я устала.

Устала быть с пустотой один на один.

Помедлив, я скрутила с пальца кольцо. Сунула его в карман. Огляделась: вдруг где-то во тьме притаился Акке? С другой стороны, все эти дни я видела его, лишь когда мне приносили еду. Иллюранди не говорил со мной, не являлся во снах... и никак не комментировал ситуацию. То ли не знал о ней, в чём я сильно сомневалась, то ли не считал нужным.

У тёмных сейчас слишком много дел, чтобы Акке во-зился ещё и со мной. Разговаривал или шпионил, неважно. Думаю, по той же причине после возвращения из Айвентирри я не видела ни Морти, ни Алью: лишь Эсфориэль ненадолго заглядывал каждый день, рассказать светлым, как идут дела. Хотя, быть может, в действительности Повелитель дреоу и его сестра узнали обо всём, что произошло в Айвентирри, и теперь не желали

моего общества. Я не исключала и такой возможности.

Учитывая, что даже благодарность за помощь с жемчужинами мне передали через Лода.

– Дело даже не в том, чего я хочу. Дело в том, чтобы он поверил в то, что я этого хочу, – всё же ответила я. На всякий случай тихим, шелестящим шёпотом, зная, что острый эльфийский слух различит мои слова. – Я не думаю, что у меня получится уйти. Я не могу бросить всех вас. Все эти дни пытаюсь себя убедить, что мне нет до вас дела... но, думаю, Риджия меня не отпустит.

– Однако ты видела своего друга, – Фаник тоже понизил голос. – Что, если ты всё же сумеешь пройти сквозь прореху?

Я пожала плечами. Этот вариант я тоже предусматривала.

– Тогда всем будет ещё лучше.

– Кому «всем»? – уточнил принц. – Лоду – точно нет.

– Ему-то в первую очередь. Он любит свою принцессу. Они должны быть вместе. И будут, и я не собираюсь больше им мешать.

– Если б это действительно было так, он бы на тебя даже не посмотрел.

Я покачала головой.

Я тоже искала себе подобные оправдания. Так трусливо, так низко. Но факты оставались фактами и говорили сами за себя.

– Я понимаю, что тобой движет, – заговорил Фаник, когда молчание затянулось. Он больше не шептал. – Однако для этого вовсе не обязательно идти к прорехе. Если всё пройдёт благополучно... а я искренне надеюсь, что всё пройдёт благополучно... ты можешь уйти с нами. Со мной, Восхтом, дядей Эсфором. Будешь жить в Солэне, вдали от него.

– Рядом с невестой тэлы Фрайндина? – я усмехнулась. – При её-то буквально пламенной любви ко мне?

– Зато если она всё же спалит дворец дотла, будет прекрасный повод выслать её с глаз долой и спасти дядю Фрайна от самой ужасной ошибки за всю его трёхвековую жизнь.

Я тихо рассмеялась.

– Не знаю. Наверное, если с прорехой ничего не получится, я так и сделаю. Но... – я смотрела на рябь, кругами ползущую по чёрной воде, – проблема в том, что какая-то часть меня и правда хочет домой.

Я не лгала. Это и в самом деле было так. Часть меня всё ещё пребывала в восторге от того, что творится вокруг: от игр, полных риска, где на кону – судьбы государств, твоя жизнь, жизни других... только вот другая часть давно уже поняла, что это не игра. Та часть, которая устала

видеть смерти, кровь, пытки и чужую боль. А что-то мне подсказывало, что при текущем уровне развития этого мира, да с учётом запущенности дел с внешней политикой – война светлых и тёмных будет не последней бедой Риджии, которую придётся предотвращать.

Да, часть меня хотела вернуться. Хотела прожить тихую, мирную, обычную жизнь. Ту, где войну – или то, что ей предшествует, – я вновь буду видеть лишь на экране компа и телевизора. Малодушное желание? Да. Пожалуй.

Я никогда не отрицала, что рыцарь во мне умер с концами.

– Этот мир... тут было здорово. То, что я здесь пережила, было страшно, но я ни о чём не жалею. Только я... наигралась. – Я устало прикрыла глаза. – Я родилась там, я должна была прожить свою жизнь там. И если я смогу уйти, значит, так тому и быть.

– Мне казалось, ты не веришь в богов. Откуда же эта покорность предначертанию?

Насмешка в голосе Фаника была едва уловима, но я всё же её уловила.

– Просто я никогда не умела понимать себя, – не открывая глаз, сказала я. – А прореха – прекрасная возможность дать третьей стороне бесстрастно рассудить, чего я действительно хочу.

Это тоже было малодушно. И я это понимала. Но если когда-то я была уверена, что прекрасно умею анализировать свои мысли и чувства, – сейчас я знала, что ни черта этого не умею.

– Я не уверена, во что я верю, – зачем-то добавила я. – Если боги и есть, я никогда их не пойму. Но в то, что человек может провалиться в другой мир, я тоже когда-то не верила. И в магию. И в эльфов. И в благородство... и то, что я на него способна. – Наконец открыв глаза, я уставилась на белые лепестки, мерцающие в чёрной ряби отражённым светом. – Зачем-то нас привели сюда, верно? Меня, Кристу, Машку... тогда, когда наше вмешательство было необходимо. Случайность? Или за этим миром кто-то присматривает? Или у него есть собственная воля, и он пытается защитить себя от новой катастрофы... потому и призывает попаданцев как помощь извне. А если своя воля есть у Риджии, то почему бы ей не быть у других... хотя ладно, это действительно может оказаться простой случайностью. И дело даже не в этом. – Рассеянно поправив очки, я сложила руки на коленях, сплетя пальцы в замок. – Я была уверена: раз нет никаких доказательств существования загробного мира, значит, он не существует. Но есть много вещей, которые человеку пока постигнуть не суждено. И если существует этот мир, о котором наши ничего не знают, откуда никто ещё не возвращался... почему бы не существовать тому, куда

мы уходим после смерти?

Фаник молчал. Долго молчал.

Потом вдруг произнёс:

– Жаль.

Неожиданная реплика заставила меня повернуть голову, недоумённо взглянув на него.

Фаник понял мой вопрос без слов.

– Мне правда жаль, что я не влюбился в самую невероятную девушку из всех, что я встречал, – молвил эльфийский принц. – Тогда сейчас я имел бы полное право никуда её не отпустить.

Слова, полные искреннего сожаления, на мгновение заставили меня расширить глаза.

А после негромко, коротко рассмеяться.

– Как трогательно, – сказала я потом. – Вероятно, не зря Криста сватала мне вас. Я-то считала это верхом глупости, свойственной ей.

– Весьма великодушно с её стороны, – губы Фаника тронула усмешка. – Я этого недостоин.

– Скромность, принц – ещё одно ваше достоинство. Но, если это вас утешит, мне тоже жаль.

– Что я в тебя не влюбился?

– Что я не влюбилась в вас. Вернее, что я влюбилась не в вас. Тогда всё было бы намного проще.

Невероятно, как просто было говорить с ним о таких вещах. Так же просто, как обо всём остальном. А кто бы мне месяц назад сказал, что такой разговор между юношей и девушкой вообще возможен, особенно если в роли девушки выступаю я – я бы, наверное, только фыркнула снисходительно.

Впрочем, события последнего месяца уже научили меня, что ничего невозможного действительно не бывает.

Фаник задумчиво склонил голову.

– У тебя нет на примете причины, по которой нам было бы очень выгодно прямо сегодня пожениться по расчёту? – серьёзно спросил он. – Служителя Солэна здесь вряд ли отыщешь, но служитель Тунгх тоже сойдёт. Без всяких пышных церемоний, простой обмен клятвами, однако вряд ли эти церемонии тебе нужны. И пусть некоторые рвут на себе волосы в запоздалой досаде, что такая замечательная жена досталась мне.

Лукавство в его прищуре тоже было едва уловимо. Но я уловила и его.

Это заставило меня уже не смеяться, а хохотать – чтобы парой мгновений спустя Фаник присоединился ко мне.

– Вы эльфийский принц, – кое-как выдавила я, когда мы смолкли. – А я – человечка из другого мира, без роду без племени.

– Я опальный младший принц, – весело заметил Фаник. – Альянэл вообще дреу, однако хотел бы я посмотреть на того безумца, который попробует помешать Вيني выйти за него замуж.

– Да, я бы тоже не отказалась. Только, боюсь, задачку с нашим браком не решить даже мне. – Склонив голову, я постаралась убрать смешинки из голоса. – Ваше предложение – высочайшая честь, принц... но я считаю, вы заслужили того, чтобы ваши дети родились в союзе по любви.

– Человечка без роду без племени отвергает руку прекрасного эльфийского принца?

– Боюсь, что так.

– Куда катится мир?

Огорчение в голосе Фаника можно было даже счесть искренним, если б не тщетно подавляемая улыбка, подрагивавшая в углах губ.

– Хотя, если отставить шутки, – помолчав, добавил он, – из нас и правда могла бы выйти хорошая пара.

– Думаю, да, – легко согласилась я. – У нас замечательное взаимопонимание.

– И со временем мы полюбили бы друг друга. Построили отношения на дружбе и уважении. Я знаю много пар, которые вырастили на этом любовь, и их чувства были крепче и нежнее, чем те, что могут вырасти из страсти.

Я кивнула. На миг почти увидев это будущее: наши беседы, прогулки и шахматные партии, в одной из которых, быть может, Фанику однажды даже удастся победить...

Будущее, которого никогда не будет и не могло быть.

– Да, – после паузы сказал принц. – Всё же жаль, что сердце не поддается доводам разума.

– Жаль. С другой стороны, если б мы влюбились во всех, с кем можно просто дружить, – каким скучным и приторным был бы мир!

– Тоже верно. – Глаза Фаника сделались серьезными. – Можешь дать мне одно обещание, Белая Ведьма?

– Какое?

– Когда пригодишься сделать шаг, вспомни, что здесь найти другую прореху можно будет в любое время. А там – уже никогда.

В этих его словах тоже был резон. Я сама думала об этом. Только вот рвать с тем, с чем хочется порвать, лучше сразу: пока не успел пустить корни – помимо ростков, и так уже успевших привязать тебя к слишком

многим вещам.

Но этого я ему говорить не стала.

– Хорошо. Вспомню.

На сей раз его улыбка тоже была серьёзной. И какое-то время мы ещё сидели, разговаривая о пустяках и не только, а когда вернулись в башню и разошлись по своим покоям, отзвуки моего обещания ещё звучали в ушах.

Я подошла к медным горшкам на столе. Заглянув в один, уже наполнившийся почти до краёв, аккуратно зачерпнула горсть сверкающей пыли. Позволила ей ссыпаться обратно меж моими пальцами.

Отряхнув руки, отвернулась от стола – и нос к носу столкнулась с Лодом.

– Добрый вечер, – спокойно сказал колдун.

– Добрый, – я мгновенно взяла себя в руки. – Всё в порядке?

– Всё по плану. Как обычно, – Лод чуть склонил голову. – Завтра отправляемся в Хьярту довольно рано, так что времени на долгие прощания не будет.

Он произнёс это так же обыденно, как всё до этого.

– Ничего страшного, – равнодушно откликнулась я. – Мне... передай Алье, Морти и тэлье Эсфоризлю любые тёплые слова на твой выбор. Думаю, не ошибёшься.

– А лично попрощаться не хочешь?

– Нет. Не хочу.

Он кивнул как будто даже удовлетворённо.

– Как скажешь.

И, обойдя меня, направился к двери в спальню.

Я подошла к окну. Посмотрела на дроу, выполнявших какие-то военные маневры на площади перед дворцом; потом села в кресло, где меня уже ждал ужин.

Чувствуя, что мне всё-таки стало немножко больно – от того, с каким спокойствием Лод говорил о моём уходе.

Посчитав степени двойки, пока боль снова не утонула в пустоте, я взяла вилку и приступила к последней своей трапезе в Риджии.

Да, Фаник. Я исполню своё обещание.

Только вот сомневаюсь, что это хоть как-то повлияет на моё решение.

Спала я крепко и без снов. К своему удивлению. Я-то думала, что перед таким знаменательным событием глаз сомкнуть не смогу, но нет. Возможно, дело было в том, что свой уход я осознавала исключительно умом – ведь когда, проснувшись, я оглядела лабораторию и подумала, что, вполне вероятно, вижу её в последний раз, я поняла, что совершенно в это

не верю.

Лод застал меня сидящей над тарелкой с нетронутым завтраком.

– Нет аппетита?

– Нет. К тому же не хочу рисковать. Кто знает, какие у перемещения... побочные эффекты. – Подняв глаза на колдуна, я без особого удивления заметила у него в руках мои джинсы и футболку. – Пора?

Он кивнул.

Отобрав у него одежду, я удалилась в спальню, чтобы переодеться. Аккуратно складывая вещи Литы, снова думала о том, что будет, если всё получится. Придётся убедительно симулировать амнезию с того момента, как я упала в реку... Ни с квартирой, ни с Дэвидом случиться ничего не могло: если учесть разницу в беге времени, с момента моего исчезновения в нашем мире едва ли прошло полгода, а смерть при пропаже в подобных обстоятельствах устанавливают как раз через шесть месяцев. Добавим время на беготню по инстанциям и суд, который должен признать меня погибшей... наверняка пока моё имущество всё ещё остаётся моим.

Ещё один довод в пользу того, что если возвращаться, то сейчас.

Итак, проблем с жильём не возникнет. Надеюсь только, прореха выкинет меня в Россию, а не на другой континент. Хотя, судя по предыдущим попаданцам, по каким-то причинам чаще всего по ту сторону оказывается именно Россия. О том, что я сразу окажусь в Москве, мечтать не приходится, однако... Я уже думала, что по ту сторону прорехи может открыться глухой лес или ещё одна река, или горная вершина. Но Лод упоминал, что, когда он прочитает заклинание, та сторона станет видна – значит, неприятные сюрпризы исключены.

В неблагоприятную обстановку я, конечно, не полезу. И тогда придётся ждать следующей прорехи, и я до сих пор не могла сказать, чего эта мысль вызывала во мне больше: досады или облегчения.

Это уже начинало немного злить.

Поскольку кроссовки безнадежно расклеились сразу по прибытии в Риджию, на ногах пришлось оставить туфли. Впрочем, они вполне могли сойти за современные, так что это не являлось проблемой. Положив стопку с одеждой Литы на кровать, я оглядела комнату. Выйдя в библиотеку, скользнула ладонью по корешкам магических трактатов, с которыми так часто коротала досуг. Посмотрела на светящиеся цветы, грустно мерцавшие в полумраке.

Последний раз. Может случиться так, что ты видишь всё это в последний раз, Белоснежка. Смотри. Запоминай.

Если думать об этом я могла спокойно, то почувствовать – никак.

Я вернулась в лабораторию. Стянув кольцо с пальца, положила на стол. Посмотрела на свою сумку, лежавшую рядом; для достоверности легенды её придётся оставить тут вместе со всем содержимым. Под взглядом Лода, ждавшего поодаль, присела на корточки перед постелью.

Коротко потрепала за ухом Бульдога, лениво приоткрывшего глаза, – и, рывком поднявшись, повернулась к колдуну:

– Идём.

Я первой направилась к лестнице, ведущей вниз.

– Если хочешь попрощаться со светлыми, – произнёс Лод, когда мы спустились в пустую гостиную, – я...

– Нет, – отрезала я, прямым устремившись к следующей лестнице. – Не хочу.

К чёрту прощания и проводы. Если у меня ничего не получится, они просто ни к чему. Если получится, они всё равно не помогут умерить грядущую тоску.

Да, я буду скучать по тем, с кем сейчас не желала прощаться. Не только по Фанику: по Восхту, по Дэну, даже по овечке Кристе. Но это тоже не могло повлиять на моё решение, и поэтому я просто продолжила идти.

За всю дорогу до ворот дворца Лод так и не произнёс ни слова, хоть и шёл рядом. Его полная отстранённость от происходящего уже начинала удивлять. Неужели настолько заела гордость? Или пришёл к мысли, что невелика потеря? Или угадал, что я лгала, и знает, что в таком случае прореха меня не отпустит, – а раз так, то и бороться смысла нет? Ведь это было бы весьма... разумным решением. Какое и следовало от него ожидать.

Однако в этом случае его может ждать небольшой сюрприз.

На сей раз обнимать меня Лод не стал. Просто взял за руку. Даже не за пальцы – за запястье. Это я уже подметила без обиды, без боли, просто констатируя факт. И отпустил он меня сразу, как мы перенесли на один из зелёных островков Хьярты. Ночь была тихой, ясной, звёздной; серебристый свет листвы деревьев ньютт бликами мерцал в чёрных водах озера, очерчивал во тьме мраморные развалины столицы дреу, погребённые под плющом.

– Придётся немного подождать, – сказал Лод, прислонившись спиной к белому стволу ближайшего дерева.

– Ага.

Я присела чуть поодаль, прямо на траву: земля оказалась холодной, трава – влажной, но мне было всё равно. Обняв колени руками, зябшими в осенней прохладе, покосилась на колдуна.

Почему ты бездействуешь, Лод?..

Впрочем, неважно. Уже нет.

Тем более что долгого времени на размышления мне не оставили.

Вначале я увидела, как воздух неподалёку треснул. В самом прямом смысле: по хрустальному сумраку пролегли узкие извилистые полосы прозрачного марева, искривляющего пространство – словно по стеклу ударили молотком. Потом расширились, сливаясь в единый неровный овал с человеческий рост, дрожащий сантиметрах в десяти над травой. Лод оказалась подле него ещё раньше, чем я вскочила, и под кончиками пальцев колдуна в воздухе засияла бледным сапфиром рунная вязь.

Неуверенно приблизившись, делая шаги в такт неровному ритму колотящегося сердца, я смотрела на зелёные обломки колонн, видневшиеся по ту сторону прорехи. Синие линии рунных цепочек загорались и таяли, впитываясь в воздух, сплетаясь в нечто большее, – и в следующий миг прозрачность прорехи обернулась голубым сиянием. Неярким, но после мягкого полумрака Хьярты всё равно слепившим, заставив ненадолго прикрыть глаза рукой.

Когда я отняла ладонь от лица, то увидела уже совсем другие колонны.

В другом мире тоже была ночь. В этой ночи заснеженный город по ту сторону сиял неонам, от которого я успела отвыкнуть. Невский проспект вдали я узнала сразу – по стеклянному глобусу, венчавшему питерский Дом книги, – и тут же сообразила, что за ребристые серо-бежевые колонны вижу прямо перед собой. Колоннада Казанского собора: похоже, прореха выводила к его парадному северному входу.

Питер. Прекрасно, была там не раз. Проще всё вышло бы лишь с Москвой. И место, и время чрезвычайно удачные, свидетелей моего появления из ниоткуда не будет. Значит, по прибытии бегу на Невский и слёзно умоляю редких прохожих одолжить телефон на один звонок; после того как кто-нибудь из них сдаётся, набираю номер отца; сообщаю ему, что блудная дочь вернулась из небытия; когда он отказывается верить своим ушам, повторяю то же самое, только более убедительно. Затем коротаю несколько часов на вокзале или в ближайшем маке и жду, пока за мной приедут, чтобы с почестями сопроводить домой. Может, даже удастся выпросить у кого-нибудь рублей сто, дабы не голодать до отцовского приезда. Учítывая, как я одета, хотя на улице зима, – версия о побеге от злобного психопата, державшего меня в плену, которая наверняка возникнет у окружающих, будет выглядеть весьма правдоподобно... только вот я, конечно, благополучно «забуду» всё, что происходило со мной после купания в Москве-реке и до моего появления у колонн Казанского.

Посттравматический синдром, обычная вещь.

Я смотрела на пустующую площадь с оградами, лавочками и кустами сирени, выбеленными снегом. Мир по ту сторону был застывшим, неподвижным, словно картинка на экране монитора. Я вспомнила слова Лода о забавном парадоксе, в связи с которым в нашем мире прореха работает куда меньше, чем в Риджии, хотя время там идёт быстрее, – и поняла, что вижу всё сквозь многократное замедление. Неудивительно, что на той стороне никто не замечает прорех: если весь процесс появления, который я наблюдала только что, там укладывается в пару секунд, да ещё без колдовского сияния, которое вызвало заклятие Лода...

Я вгляделась в машины, остановившиеся на дороге, в яркую подсветку домов, в далёких прохожих в пуховиках, замерших, будто не в силах сделать следующий шаг. С изумлением ощутила, как ностальгически щемит в груди. Остро осознала: ещё чуть-чуть, и я смогу вернуться к прежней жизни. К Сашке, Дэвиду, Инету, компу, кино, игрушкам. К бежевому замку МГУ, витражам в метро и улочкам родной столицы. К созданию искусственного интеллекта. К отцу, которого простила даже мама и, пожалуй, теперь смогла бы простить и я... и после всего, что я пережила в Риджии, одиночество пустой квартиры больше не будет так меня пугать.

А следом я осознала, что и правда смогу это сделать. Этот шаг.

Потому что я действительно скучала по дому.

– Проход открыт. Дело за тобой, – Лод протянул мне руку. – Спасибо за всё, Снежана.

Пора прощаться.

Рукопожатие вышло коротким и сухим.

– И тебе, – я облизнула пересохшие губы. – Надеюсь, у вас всё получится.

– Надеюсь, – глаза колдуна оставались бесстрастными. – Иди. Времени мало.

Почти выдернув ладонь, он отошёл в сторону, выжидающе скрестив руки на груди, спокойно сложив пальцы на предплечье; и, отвернувшись от него, я ступила вперёд. К самой границе цветного марева, притормозив в шаге от прорехи.

Всего шаг...

...одно обещание, Белая Ведьма...

Я вспомнила слова Фаника. Честно вспомнила. И наконец поняла – всем сердцем, всей душой, – что если сделаю этот шаг, то навсегда оставлю всё это. Обращу просто ещё одним сном. Книги заклинаний, колдовские цветы, волшебные города. Эльфов, друу, магию. Всех, кого здесь

повстречала, и того, кто ждёт за моей спиной – тоже... но если не сделаю, искать другую прореху необходимости не возникнет. Потому что, отложив своё возвращение, я попрощаюсь с ним. По многим причинам.

Включая ту, что таких благоприятных обстоятельств, как сейчас, у меня больше не будет.

Я смотрела на неоновые огни по ту сторону, почти чувствуя, как их отблески играют на моём лице. Пауза между двумя ударами сердца, отсчитывавшими секунды, тянулась бесконечно.

Давай, Белоснежка. Ты ничего не теряешь. Если ты не готова оставить всё это, твой шаг закончится не у колонны Казанского, а на этой же зелёной травке этого же островка. Только и всего.

Я сжала кулаки.

Я напрягла мышцы, готовясь оторвать ногу от земли.

И не смогла.

Навсегда...

...давай. Давай! Ну же, тряпка! Собираешься всю свою недолгую жизнь коротать в мирке, полном распрей, грязи и крови, вдали от цивилизации и всех её благ? Выберешь мужчину, которому ты не нужна, компашку нелюдей, которые прекрасно обойдутся без тебя, и какую-то псину? Выберешь чудеса, на которые сможешь любоваться только со стороны, и магию, которой у тебя всё равно нет? Выберешь мифическую роль серого кардинала, на которую так мало шансов, полную риска, политики и неоднозначных решений – вместо гарантии тихой и сытой жизни в работе с твоими любимыми прогами, цифрами, кодом и железом?

Давай...

Мгновения растягивались в бесконечность. Ногти до боли вонзались в кожу.

...давай...

Я смотрела на дверь в зимний Питер, ждавший меня. На дверь домой.

Потом всё же оторвала ногу от бархатной зелени густой травы.

Всего один шаг. Всего один шанс. Всего один выбор.

Всего один.

Всего...

...ДАВАЙ.

Я зажмурилась.

И, отшатнувшись от прорехи, рухнула на траву. Упав на колени, зажав рот рукой – в судорожной попытке не рассмеяться.

Прикусила костяшку указательного пальца, считая степени девятки – в судорожной попытке не зарыдать.

За свою слабость. За плевков на свою гордость. За то, что в последний миг порушила всю игру, которую так тщательно выстраивала. За то, что даже не попыталась вернуться к тому, к чему хотела вернуться, за то, что не смогла отказаться от всего, к чему так быстро, так бессмысленно привязалась.

Когда я открыла глаза, прореха уже исчезла. Оставив мне любоваться мраморными развалинами трёхсотлетней давности – и отчаяние, заставившее вновь зажмуриться.

Прощай, дом, милый дом. Прощай, Сашка. Прощай, Дэвид.

Прости, что твоя мама оказалась слабовольной, сентиментальной, безнадёжной кретинкой...

Но истерика, готовая прорваться слезами или хохотом, растворилась в удивлении: в тот момент, когда тёплые руки заставили меня уткнуться носом в чужое плечо, пахнущее снегом, книгами и польнёю.

– Прости, – шёпот Лода согрел кожу на виске. – Прости, что заставил тебя пройти через это.

Он обнимал меня, опустившись на колени рядом со мной, и я моргнула, пытаюсь понять, что происходит.

Заставил? Пройти? О чём он?

Зачем?..

– Идём, Сноуи. – Подхватив меня на руки, Лод встал. – Пора домой.

Я не сопротивлялась. И ничего не сказала. Лишь обвила его шею руками, держась крепче.

Мне было ясно только одно: судя по лёгкой дрожи, которую я ощущала в его пальцах, моя потеря всё же не была бы для него невелика. А остальное вскоре выяснится. Либо расскажет он, либо догадаюсь я.

Как всегда.

По возвращении мы долго молча лежали в его постели. Просто лежали рядом, обнявшись. Я ничего не спрашивала, он ничего не объяснял; но пока он, касаясь губами моей макушки, легко и нежно перебирал мои волосы, ко мне потихоньку, понемножку возвращалось душевное равновесие. Даже мысли, что мы не имеем права на эти объятия, не могли его поколебать.

Не после всего, что я пережила у прорехи – и в предшествующие этому дни.

– И всё-таки, – проговорила я, ощутив, что наконец успокоилась. – Когда всё закончится, придётся как-то решать... вопрос с Морти. Может, Навиния и не против тройственных союзов, но я отношусь немножко к другому типу.

– Уже, – тихо откликнулся Лод.

– Что «уже»?

– Вопрос уже решён. Она разорвала отношения со мной. Устроила спектакль для Альи, объявив, что разлюбила меня и любит Лу.

Приподнявшись на локте, я уставилась в его лицо.

– А тебя не удивило, что за все эти дни она ни разу не заглянула в мою башню? – угадав мой немой вопрос, добавил Лод.

– Я думала... думала, она не хочет видеть меня.

– Это ещё одна причина, но не первая.

Информация разом расставила всё по местам. Ходить в башню к своему хальдсу после того, как ты объявила о разрыве отношений с ним, – лишнее. Смотреть на ту, что послужила причиной этого разрыва, – мучение.

Морти, Морти... прекрасная, восхитительная, самоотверженная Морти.

Я не достойна того, чтобы занимать твоё место. Не достойна.

– А Алья почему не приходил?

– Просто было не до того. У него в эти дни слишком мало свободного времени, чтобы делить его между Навинией и чем-то ещё.

Справедливо. Повелитель дроу, конечно, относится ко мне тепло, но не настолько, чтобы прыгать вокруг. Особенно при наличии капризной возлюбленной и семидесятитысячной вражеской армии, подступающей к горам.

Я снова попыталась осмыслить то, что услышала.

Вернее, поверить в то, что осмыслила.

– Морти разорвала... сама?

– Она взяла на себя смелость сделать это, и я бесконечно благодарен ей. Не вини себя. – Он снова угадал мои мысли. – Если б этот шаг не сделала она, после заключения мира его бы сделал я. Она это прекрасно понимала и просто ускорила неизбежное. Не могу сказать, что она выбрала для этого удачное время, но, учитывая все обстоятельства, я был бы последним... нехорошим человеком, если б поставил это ей в упрёк.

Ну да. Я тоже понимала, что сейчас явно не самая подходящая ситуация для выяснения отношений и распутывания любовных треугольников. Что не помешало мне в свою очередь попытаться разрубить этот гордиев узел поскорее.

Только вот...

– Но... почему ты... не сказал мне?

Лод не ответил. Лишь смотрел на меня прямо в глаза: без смущения,

без заискивания.

– Почему ты не пытался меня удержать? Почему не сделал ничего? Почему... это ведь ты сказал Акке не вмешиваться, да? – воспоминания о последних днях, которые я коротала в тумане пустоты, всплывали всё отчётливее, окрашиваясь новыми интересными подробностями. – И Морти с Альей наверняка не сказал, что я хочу уйти?

Конечно. Одно дело – передать свою благодарность через кого-то, если знаешь, что всегда успеешь ещё раз передать её лично. Другое – даже не попрощаться. А учитывая, как Акке пёкся о том, чтобы я доверяла Лоду...

Я сообразила бы это, если б все мои мысли не были о том, чтобы держать маску. И о том, что мне в принципе плевать, как ко мне относится вся эта «компашка нелюдей».

А если Морти уже сделала свой выбор, она не могла не отреагировать на мой уход, сводивший её жертву на нет.

– Я дал тебе возможность решить, чего ты действительно хочешь.

Когда колдун наконец ответил, в голосе его скользнула печаль.

В моём, когда я задала следующий вопрос, – возмущение.

– И при этом не облегчил мне выбор известием, что ты свободен? Знаешь, это жестоко.

– Это честно. – Лод по-прежнему не отводил взгляд. – Ты юная неопытная девочка. Ты знаешь меня меньше месяца. В такой ситуации говорить что-то о твоей вечной любви трудно, а обмануться, приняв за любовь нечто иное, легко. И безрассудно отречься от всего ради этого обмана – тоже. Я не хотел для тебя такой судьбы. – Он говорил спокойно, чуть устало; в глазах стыла тёмная серость. – Любовь – прекрасная вещь, но далеко не всегда и не для всех главная. Она может умерить боль потери всего остального в жизни, но не возместить эту потерю. И ты захотела домой, а я решил... не подогревать твоё увлечение мной. Чтобы ты могла взглянуть на вещи и взвесить всё достаточно трезво. Чтобы не я служил решающим фактором. Потому что это слишком серьёзное решение, чтобы принимать его, руководствуясь одной лишь страстью.

– То есть ты допустил мысль, что мои слова... что это правда?

– Разве хотя бы часть их не была правдой?

Я сжала губы, не найдя, что ответить.

Как я была глупа, если думала, что сумею его обыграть. И ещё глупее, если думала, что он не угадает моих сомнений и тоски по дому.

Он угадал их – и их правдивость – ещё раньше меня самой.

– А насчёт другой части узнаем со временем, – добавил Лод.

Не выдержав, я легонько, раздражённо ткнула его пальцем в предплечье, и колдун поморщился.

Моё чёртово отражение из зазеркалья, не боящееся взглянуть в лицо жестокой истине. Или хотя бы предположить, что это может быть истиной. Ничего, когда-нибудь я напомню ему об этом... и безжалостно посмеюсь.

Лет эдак через пятнадцать нашей счастливой совместной жизни.

– Ты знаешь, что крупно рисковал?

Он пожал плечами:

– Я редко играю по-другому.

Фраза, наверное, могла бы меня задеть, но в этот миг я вспомнила кое-что. Его слова, прозвучавшие только что, и слова, прозвучавшие несколько раньше.

Сопоставление этих слов заставило меня сощуриться.

...обещания ранят, что это всерьёз...

– Моей вечной любви... а твоей? Ты позволил мне сомневаться и выбирать, ты подыграл мне... но ты-то свой выбор давно уже сделал. И Морти сделала. – Я пристально всматривалась в его глаза. – Что бы ты делал, если б я действительно ушла? Если бы сделала шаг и исчезла в прорехе?

Молчание, предшествовавшее его ответу, было долгим.

– Смирился бы с тем, что значил для тебя так мало, что не имел никакого права удерживать тебя здесь. Что я этого заслужил. И что там тебе будет лучше. – Когда Лод заговорил, голос его был так же тих, как и до того. – Я сделал всё... и был уверен в тебе достаточно, чтобы знать: какое бы решение ты ни приняла, для тебя оно будет верным.

Я снова не нашлась, что ответить. Лишь вспомнила, как спокойно он отступил в сторону, скрестив руки на груди, освобождая мне путь к прорехе... а ещё – как минуту назад поморщился от моего тычка. Так, словно не сдержал боль.

Хотя тычок этот явно не был такой силы, чтобы причинить боль, которую Лод не смог бы сдержать.

Бесцеремонно ухватив его за рукав рубашки, я задрала его вверх. Лод не пытался меня остановить. Наверное, знал, что всё равно не выйдет. Поэтому я беспрепятственно воззрилась на четыре свежих синяка, выступивших на его бледной коже там, где колдун впивался пальцами в собственное предплечье.

Пока я, стоя в паре шагов от него, принимала решение, которое могло навсегда нас разлучить, – право на которое он сам же мне подарил.

– Значит, свобода выбора? – наконец отпустив его рубашку, я

отстранилась, кусая губы. – И честная игра?

– Она самая. – Лод опустил задранный рукав на место. – Я не Ильхт и не Тэйрант, чтобы не давать выбора тем, кого люблю. И решать, что для них будет лучше.

– Правда?

– Во всяком случае, не когда ставки настолько высоки. Ты не тот человек, который уходит лишь затем, чтобы его удержали. Для тебя свобода выбора значит действительно много.

Я понимала, что он прав. Может, кого-то брутальные книжные красавчики, которые в ответ на все попытки уйти безапелляционно возражали «не пущу», а то и вовсе с рычанием заваливали героиню в кровать, заставляли млеть, но у меня вызывали исключительно раздражение. Когда с твоими желаниями никто не намерен считаться, это эгоизм и собственничество, и ничего более. А ещё взрослой девочке действительно пора уметь разбираться в себе без подсказок со стороны: как от прорех, так и от кого-то почеловечнее. Не говоря уже о том, что при других обстоятельствах я бы действительно не задумалась всерьёз о возвращении домой... сейчас. Чтобы начать жалеть – потом.

И всё равно я злилась. Потому что была всего в одном шаге от того, чтобы больше никогда его не увидеть. Чтобы оставить тепло его рук, глаз и улыбки за точкой невозврата, так и не узнав всего, что знаю теперь. Чтобы так и не понять, как сильно он меня любит.

Злилась на себя – но наорать самым нелогичным образом хотелось на него.

Какой же ты дурак, Лод. Правая рука Повелителя дроу, наследник рода Миркрихэйр, гениальный дурак, великодушный идиот...

– Знаешь, – досадливо сказала я, желая хоть как-то выплеснуть эмоции; от злости даже угрызения совести отступили на второй план, – наверное, другая девушка на моём месте врезала бы тебе как следует.

Он улыбнулся. Коротко, едва заметно. Впервые за весь день.

Впервые за все последние дни – тепло.

– Другая не была бы на твоём месте.

И, несмотря на то, что мне правда очень хотелось его стукнуть, я сделала совсем другое.

На этот раз я сама потянулась к его губам. И наш третий поцелуй был далёк от совершенства: если он целовался восхитительно – на мой неискушённый взгляд уж точно, – то я по неопытности своей ужасно. Но, надеюсь, сотню поцелуев спустя эта разница сгладится.

В конце концов, мне достался чудесный учитель. Во всех смыслах.

А уж в своей способности хорошо учиться я была уверена целиком и полностью.

Чуть позже я спустилась в гостиную. В сопровождении Бульдога, радостно цокавшего следом. И обнаружила внизу компанию светлых в почти полном составе: Фаник пытался играть в шахматы с Восхтом, Криста пробовала робко напоминать правила, в которых и сама путалась, а Дэн снисходительно следил за их потугами.

Однако когда я как ни в чём не бывало прошла к круглому столу, все повернулись ко мне. Разом, как один.

– Претендую на следующую партию, – просто сказала я, присаживаясь в одно из кресел. – И нет, это не скаук и не шашки. Здесь через другие фигуры перепрыгивает только конь, но никак не слон.

Устроившись у ножки кресла, Бульдог блаженно положил морду на мою туфлю, Восхт усмехнулся, Дэнимон лишь хмыкнул как-то странно; и если причина широкой улыбки Фаника была мне ясна, то вот Кристи – не совсем. Хотя, если подумать, я в первый же день нашего знакомства поставила ей диагноз. Оpozнав болезнь, которую довольно трудно вылечить: ведь «добрая девочка» – это очень серьёзно.

И пусть я, как бы мне ни хотелось этого не признавать, явно подцепила эту заразу – я искренне надеялась, что переболею ей лишь в лёгкой форме.

Глава девятая

Маневр Рети ^[21]

Даже когда все уже разошлись по палаткам, укрываясь от ливня, Стайл стоял у входа в свой шатёр, в шаге от тяжёлых капель, барабанивших по вытоптанной траве. Просто не мог отвести взгляда от массива гор, черневшего на горизонте над полотняными крышами: он был темнее даже непроглядной дождливой черноты.

Через несколько дней закончится война, начавшаяся задолго до его рождения...

Поверить в это было почти невозможно.

– Не спится, принц?

Даже голос тэлы Фрайндина не заставил Стайла обернуться.

– Я не принц.

Встав рядом, брат Повелителя эльфов пожал плечами:

– Однако скоро станете королём.

Дождь зарядил с самого утра. Накануне на небе не было ни облачка, но за ночь его затянули тучи; и если эльфийским воинам вязкая глина размокших дорог идти не особо мешала, то людям – ещё как. В итоге сегодняшней переход вышел короче, чем планировалось.

Но до цели всё равно остался всего один.

Уже спустя день передовые отряды отправятся под горы. Расчищать путь через туннели друу – ценой своих жизней. Его, Стайла, будущие подданные. А он будет просто сидеть тут, сзади, и отдавать приказы. Как последний трус.

Нет, не годится он в Повелители. Он воин, не правитель. Не по душе ему отсиживаться за чьей-то спиной, пока другие умирают за него.

Потому-то он всегда и восхищался принцессой, которой это тоже было не по душе.

– Идите спать, принц, – устало заметил Фрайндин. – Ваши маги знают своё дело, защитный контур на месте. Да и наши часовые не пропустят врага, если тот вздумает появиться.

Стайл смотрел на спящий лагерь армии светлых: ту малую его часть, что открывалась ему. На штандарты и знамёна, под ливнем обвисшие мокрыми тряпками. В ночи все они казались траурными, живо заставив Стайла вспомнить похороны старого Советника – его погребли как раз

накануне дня, когда светлые выступили на войну. Безжизненное тело вирта Форредара всплыло перед глазами так ясно, будто он видел его вчера. Его... и обугленную дыру на белой мантии.

Принцесса сделала это, твердили все вокруг. Тёмные подчинили её своей воле. А дети Повелителя Хьовфина следом за дядей-изменником переметнулись на сторону дроу и убили невинную фрейлину; нет, они убили фрейлину и пару гвардейцев Повелителя, нет, они убили двадцать гвардейцев Повелителя и чуть не сожгли дворец, они хотели убить самого Повелителя...

Стайл с негодованием отвергал все эти слухи. Кто бы их ни распускал. Эльфийских принцев он видел лишь однажды и мельком, но на исчадий зла они никак не походили – наоборот, показались ему чересчур изнеженными. Хотя... младший был тихим и молчаливым парнем, но явно себе на уме. А вот старший, бывший жених принцессы, трусливо сбежавший из-под венца... Впрочем, непосредственное общение с эльфийскими владыками во время похода заставило Стайла – к печали своей – поверить: невинная фрейлина всё же погибла. Вначале о случившемся ему крайне эмоционально поведала леттэ Мэрисуэль, избранница тэлы Фрайндина. Стайл отклонялся, не выдержав в её обществе и пяти минут, и не был уверен, что её рассказу можно доверять; однако потом его подтвердил и сам Фрайндин – неохотно, с плохо скрываемой горечью, и Хьовфин – сухо, без намёка на переживания. И даже если принцев одурманили и одурачили, факт оставался фактом.

Эльфы говорили, что сделают всё, чтобы освободить сыновей Повелителя при штурме тёмных городов. Но разве те доживут до штурма? Вряд ли движение армии светлых осталось для дроу незамеченным. Тёмные наверняка поприветствуют захватчиков изувеченным трупом кого-то из заложников ещё подле входа в туннели – в качестве предупреждения, что случится с остальными, если светлые пойдут дальше.

Только вот если бы это действительно могло кого-то остановить.

Это Стайлу тоже было не по нраву. Хотя он понимал, что Хьовфин, покойный вирт Форредар и другие советники правы: когда дело заходит так далеко, для Повелителя все привязанности, симпатии и родственные связи обязаны отступить на второй план.

И это снова напоминало о том, что Стайл не годился в Повелители.

– Вы действительно верите в это, тэля Фрайндин? – негромко спросил Стайл. – В то, что дети вашего брата встали на сторону тьмы? И принцесса тоже?

Эльф долго не отвечал. Пряди его волос, выбивавшиеся из-под

глубокого капюшона, казалось, слегка светились в дождливой темноте.

– Пришлось поверить. – Фрайндин отвернулся. – Спите, пока есть возможность. Скоро всем нам будет не до сна.

Стайл проследил, как брат Повелителя эльфов неслышно растворяется в пелене чёрного дождя, удаляясь по направлению к своему шатру, что поставили рядом. Щурясь, вновь взгляделся в темноту, как будто мог увидеть там зорких эльфийских часовых, высматривающих лазутчиков.

Потом, тяжело вздохнув, всё же вернулся в свой шатёр. Задул единственную свечу, горевшую там, не раздеваясь, лёг в постель. Какое-то время слушал внезапную тишину, показавшуюся неестественной.

И, сообразив, что это просто закончился дождь, всё же уснул.

* * *

Когда Лод вошёл в спальню, я валялась на кровати, листая очередной магический трактат. Бульдог ворочался в ногах, умудрившись собрать одеяло в один большой ком; время от времени я воровато стягивала очередную печенюшку с серебряного блюдца, лежавшего на подушке, услужливо предоставленного Акке.

Конечно, крошки в постели – это нехорошо, но...

– Пора, – коротко бросил колдун.

Без лишних слов захлопнув книгу, я вскочила. Достала из шкафа сапоги и плащ. Переодеваться не было нужды – я ждала уже почти готовой.

Ждала часа, когда настанет пора выдвигаться туда, где ждали остальные.

Основные силы дроу двинулись навстречу вражеской армии давно: по одному из подземных туннелей, выходящих на поверхность тайными ходами уже на территории светлых, далеко от гор. Шли налегке, не отяжелив себя латами, но вооружившись. Даже если б вдруг что-то пошло не так – чтобы покончить со светлыми, латы не требовались.

Иллюранди с ними не было. Во всяком случае, всех. Поскольку они могли перемещаться мгновенно, отправились лишь те немногие, что разведывали путь. Другие – помимо тех, что шпионили за светлыми, – пока остались под горами, как и мы с Лодом. И Восхт с Навинией, и Дэн с Кристой, и Фаник с Эсфориэлем. А вот Алья и Морти лично повели свой народ на долгожданную встречу со светлыми собратьями.

Впрочем, Лоду было чем заняться, пока дроу продвигались к месту свидания с эльфами и людьми.

Ливень нам нужен был даже не по одной причине. Во-первых, замедлить движение вражеской армии днём, вынудив остановиться там, где нам нужно. Во-вторых, заставить её быстрее укрыться в палатках ночью: чем меньше светлых останется на открытом пространстве, тем проще будет осуществить план. А потому под утро Лод предпринял кратковременную вылазку на поверхность, чтобы нагнать на путь светлых дождевых туч – как я поняла, истратив на это немалую часть своего сидиса. Однако, учитывая, что у нас оставались Навиния, Криста и Восхт, свеженькие и отдохнувшие, недостатка в колдунах у нас не было.

И видимо, сейчас иллюранди наконец принесли колдуну долгожданную весточку о том, что светлые окончательно устроились на ночлег.

Пока я застёгивала серебряную пряжку, руки у меня слегка подрагивали. От внимания Лода это, конечно, не укрылось.

– Волнуешься?

– Немного.

Он молча обнял меня. Нежно, успокаивающе прижался губами к моему виску.

Как ни странно, мне действительно стало спокойнее.

– Всё будет хорошо, – отстранившись, Лод коротко поцеловал меня – уже в губы. Кивнул в сторону двери. – Идём.

Прошёл к выходу в библиотеку, предоставив мне следовать за ним, как обычно; а внизу, в гостиной, нас уже ждали.

– А, – изрёк Фаник, жизнерадостный, как всегда. – Вот и Белая Ведьма.

– Приветствую. Всех. – Слегка склонив голову, я обвела взглядом из-под очков трёх эльфов, колдуна, принцессу и невесту принца. «Наши светлые» в полном составе. – Раз все в сборе, не будем терять времени?

Вместо ответа Эсфориэль первым двинулся к лестнице, выводящей из башни.

На сей раз перемещающую гексаграмму на площади перед дворцом чертила Навиния.

– Добавьте координаты, – сказал она, повернувшись к Лоду, когда зеленоватые рунные линии осели на тёмный камень.

Лод молча воздел руку, начертил в воздухе парочку символов – это не были цифры, – и гексаграмма засияла во тьме призывным изумрудным светом.

– Готовы? – спросил колдун.

Кто-то сказал «да», кто-то кивнул. Все семь людей и нелюдей,

собиравшихся отправиться к дреу, кругом выстроившихся у светящейся границы.

– Вперёд.

Шаг к центру гексаграммы мы сделали одновременно. И когда бешеная круговерть окружающего пространства успокоилась, даже несмотря на то, что я ожидала увиденного, оно всё равно меня удивило.

Нас переместило под своды огромной пещеры, слабо освещённой свечными фонариками. Они стояли у ног дреу, ждавших вокруг: сотен Детей Луны, серокожих мужчин и женщин с золотыми глазами, с клинками, покоившимися в ножнах – у девушек тоже. Я не могла видеть картины целиком, но армия дреу явно заполонила собой всю пещеру. И, скорее всего, некоторым отрядам пришлось остаться в туннеле, приводившем в неё... а ведь это далеко не вся армия тёмных. Дреу должны были выбраться наверх и зайти с разных сторон, и сейчас все наверняка уже заняли позиции, ожидая сигнала в других пещерах, у других выходов из туннеля.

Что же тогда такое семьдесят тысяч?..

– Явились, – кивнул Алья. – Значит, можно начинать.

Повелитель ждал нас рядом с Морти и своими гвардейцами. Сумэйл, встретившись со мной взглядом, отвёл глаза, но больше никого из знакомых я не заметила. И Лу, и его отцу поручили возглавить другие отряды, которые займутся другими частями лагеря светлых, так что сейчас, должно быть, они ждали приказа выступать рядом со своими воинами.

На всякий случай я держалась от Лода в шаге, не меньше. Даже не пытаюсь посмотреть на Морти: боясь того, что могу увидеть. Пусть мы трое и выяснили отношения, но я прекрасно понимала, как больно сейчас принцессе, и афишировать нашу близость с Лодом не собиралась. Особенно перед Алей, у которого это наверняка вызовет... вопросы.

– Да, – согласился Лод. – Пора.

– Йон!

Слуга Повелителя, откликнувшись на зов господина, вынырнул из темноты.

– Как там дела? – спросил Алья.

– Как раз сменили караул, – почтительно ответил иллюранди.

– Тогда приступайте.

Безмолвно поклонившись, Йон снова исчез, и я, чувствуя подступление лёгкого мандража, принялась возводить в степень семёрку.

Мы *правда* начинаем...

– Мой черёд, – сказал Лод, прежде чем отвернуться. – Ждите моего

сигнала. Сноуи, ты со мной.

Призвав на ладонь язычок волшебного пламени, колдун направился к чёрному провалу туннеля, зиявшего впереди, и я поспешила следом.

– Здесь нет ловушек? – спросила я, когда мы ступили в каменный коридор: широкий, с высоким потолком, с грубыми, но добротными стенами, уходящий вверх под углом градусов в пятнадцать. Совсем не такой, как тот, по которому когда-то выбирались мы с Кристой. Там и вдвоём было тесновато, здесь легко могли бы пройти семеро в ряд.

– Здесь – уже нет. Остались в туннелях позади... и в соседних выходах, – откликнулся Лод. Его шаги звенели под каменными сводами гулким эхом, сливаясь с моими. – Этот односторонний, так что надобность в ловушках отпадает.

– Ясно. А соседние, значит, служат ещё и входами, и поэтому...

– Да. Но ловушки настроены так, что поражают только светлых, ни один дроу не может от них пострадать. И нейтрализовать их довольно легко. По крайней мере, для того, кто их сотворил.

– Значит, проблем с возвращением не возникнет.

– Никаких.

Я кивнула. Не удержавшись, взяла Лода за руку – для успокоения – и почувствовала, как он ободряюще сжал мои пальцы.

До самого выхода мы молчали. Впрочем, идти пришлось недолго. Меня немного удивило, когда мы замерли перед каменной стеной, вроде бы являвшей собой вполне благонадёжный тупик; однако Лод коснулся её ладонью, молвил пару слов на рандхейвском – и стена, бесследно исчезнув, наконец позволила услышать шелест ливня и увидеть непроглядную дождливую ночь.

– Стой здесь. – Накинув капюшон, Лод выпустил мою руку и шагнул вперёд. Выйдя из-под каменных сводов, протянул пальцы к чёрному небу.

Заклятие сплелось во мраке певучими словами и сияющей рунной филигранью. Закончив, Лод какое-то время просто стоял, опустив голову, пока ливень стремительно обращался мелкой моросью. Когда небо вконец перестало плакать, скинул капюшон и махнул мне рукой.

Я послушно вышла к нему.

Впереди расстилалась тёмная равнина. Огни лагеря светлых мерцали на прояснившемся горизонте – от нас их отделяло совсем немного. Оглянувшись, я увидела крутой склон высокого холма, поросшего густой травой, в ночи казавшейся бесцветной: просто склон, без намёка на какой-либо тайный ход.

Неудивительно, что светлые с таким трудом отыскивали туннели

дроу...

– Акке, – позвал Лод, и иллюранди мигом появился подле нас, – скажи Алье, что можно выходить.

Дождавшись, пока слуга исчезнет, колдун достал из-под плаща небольшой бархатный мешочек.

Я смотрела, как Лод ссыпает в ладонь щедрую горсть сияющей пыли.

Время переходить Рубикон...

– Готова?

Как говорится, *alea iacta est*^[22]. И будем надеяться, что нам выпадет не менее удачный жребий, чем выбросил на маленькой речушке будущий великий диктатор.

Кивнув, я шагнула ближе к Лоду.

В следующий миг мерцающие пылинки взметнулись вверх звёздным дождём.

* * *

Стайл проснулся от того, что кто-то бесцеремонно потряс его за плечо.

– Вставай.

Стайл даже не знал, чему удивиться больше: тому, что голос был женским, тому, что он бросил слово так, будто отдавал ему приказ, или тому, что голос этот даже спросонья показался ему знакомым.

Но когда, повернувшись, Стайл увидел над собой смуглое зеленоглазое лицо, неуловимо напоминавшее его собственное, все предыдущие причины удивиться отступили.

– Принцесса?!

– Повелительница, мальчик. – Навиния, нависшая над его постелью, оглядела его с головы до ног; её явно ничуть не смущало, что «мальчик» старше неё. – Это тебя, стало быть, подыскали на моё место? – и фыркнула. – Что ж, ты ещё не самый плохой вариант. Я ожидала худшего.

– Как...

– Иди, – жестом, не терпящим возражений, Навиния махнула рукой в сторону выхода из шатра. – Все остальные уже должны быть в сборе.

Снаружи послышались крики. Ничего не понимая, Стайл вскочил и, смутно подозревая, что он ещё спит – слишком уж невероятным казалось происходящее, – почти выбежал наружу.

В предрассветном сумраке, окутывавшем большой круг свободного

пространства перед его шатром, он различил своих генералов, командующих и советников. Не всех – человек шесть, тех, чьи палатки располагались рядом. Жавшихся друг к другу, словно перепуганные дети; кто-то кутался в одеяло прямо поверх исподнего, кто-то истошно вопил, призывая на помощь гвардию и воинов. Пять эльфов, приближённых Хьовфина, застыли поодаль, явно пытаясь поверить своим глазам.

А со всех сторон их обступили дроу.

Около двадцати кольцом стояли вокруг, держа ладони на рукоятках клинков. Они были в доспехах – как ни странно, только они: другие Дети Луны, ждавшие в проходах меж палаток, насколько хватало взгляда, были облачены в шелка и бархат. Но они тоже были вооружены, хоть мечи их покоились в ножнах, и глаза их горели во мраке жёлтыми звёздами. Сотнями жёлтых звёзд.

Их окружила целая армия. Незаметно.

Как?..

– К оружию! – надрывался командир копейщиков. – К бою, трусы, мерзавцы...

Но даже Стайл сразу понял: никто не откликнется на его зов. Если не откликнулись до сих пор – уже нет. Ведь крик командира был единственным, что разбивало окутывавшую лагерь мёртвую тишину. И Стайл понимал, что когда дроу всё же обнажат клинки, он увидит кровь, заливающую ядовитую сталь.

Эльфийские владыки тоже были тут. Хьовфин и Фрайндин стояли в круге гвардейцев-дроу, рядом со своими советниками. Если во взгляде Фрайндина сквозило удивлённое недоверие, то в глазах Хьовфина был лёд трёхвековой ненависти. И оба смотрели в центр круга, туда, где стоял дроу, чьё чело венчал серебряный венец Повелителя.

Которого преимущественно окружали совсем не дроу.

– А, вот и вирт Мирстайл, – русоволосый мужчина в серой мантии колдуна, стоявший по правую руку тёмного владыки, насмешливо поклонился. В воздухе над его головой вспыхнул язычок белого пламени, разгоняя сумрак. – Все в сборе.

Стайл присмотрелся к троим эльфам, молчавшим подле венценосного дроу. Оглянулся на Навинию, стоявшую у входа в шатёр.

Ни на ком из них – ни на принцессе, ни на эльфийских принцах – не было ошейников.

Всё-таки правда...

Стайл рванул было обратно к шатру, за мечом, намереваясь дорого продать свою жизнь тёмным ублюдкам, но не сумел даже двинуться с

места. Ноги словно приросли к земле, тело сковало невидимыми путами.

– Я тебя никуда не отпускала, – укоризненно заметила Навиния, опуская ладонь.

– Довольно, – процедил Хьовфин. Он не пытался бежать: владыка эльфов умел проигрывать достойно. – Вы вырезали всех моих воинов во сне, как скот, а для нас устраиваете эффектное представление с этой пародией на политес? Не хватило простой резни, вознамерились потешить свой народ нашими мольбами о пощаде? Что ж, доставайте свои мечи, но имейте хоть каплю чести и избавьте нас перед казнью от вашей ложной любезности.

За спиной русоволосого колдуна тихо кашлянула девчонка-подросток в белых одеждах, со странным приспособлением на носу – словно соединили два увеличительных стекла в тёмных оправках. У Стайла возникло неприятное ощущение, что кашлем она пыталась замаскировать смех.

– Вырезали? – король-дроу вскинул бровь; он был совсем молод, немногим старше Стайла. – О нет, Повелитель. Ваши воины не откликаются на зов вовсе не потому, что мертвы. Новая резня в наши планы не входила.

Хьовфин рассмеялся, высоко и холодно.

– И кого ты пытаешься обмануть, Альянэл из рода Бллойвуг, наследник Тэйранта Кровавого? Я не знаю, как вам удалось обойти нашу защиту и наших дозорных, не знаю, почему не вижу крови на ваших одеждах, но...

– Я никого не пытаюсь обмануть. Как не пытался мой отец. Но вам вот уже триста лет проще думать, что мы способны на один лишь обман, в отличие от чистых светлых вас. – Венценосный дроу устало махнул рукой. – Лод, Восхт, покажите им.

Русоволосый колдун покорно воздел ладони к небу. Вместе с другим колдуном, державшимся чуть поодаль. Подчиняясь этому жесту, шатры и палатки вокруг взмыли в воздух, вырывая из земли колья и растяжки: ближайшие тридцать по меньшей мере. И когда шатры открыли то, что скрывалось внутри, а сумрак рассеяло сияние непотушенных свечей, Стайл устоял на представшее его глазам с недоверием.

Они лежали неподвижно. Почти. Юноши и мужчины, люди и эльфы, одетые и нет. Кто-то – в постелях, кто-то – упав на землю. Чуть поодаль рыжели кудри избранницы тэлы Фрайндина, уронившей голову на стол. Кое-кто из людей был не один; на краешке сознания у Стайла некстати мелькнула возмущённая мысль, что он ведь предупреждал – никаких потаскух в его войске, особенно в резерве, которым он сам командует,

особенно в почти священном походе...

– Не может быть, – ошеломлённо вымолвил Фрайндин. – Невозможно! ...но крови не было. Ни капли.

Потому что...

– Они что, спят? Просто спят?

Стайл даже не сразу осознал, что последние два вопроса сорвались с его губ.

– Здоровым крепким сном. Ещё ближайšie часа два. Все семьдесят тысяч. – Отведя взгляд от светлых воинов, мирно похрапывавших и ворочавшихся, Повелитель дроу улыбнулся. Едва заметной, тонкой, изысканной в своей издёвке улыбкой. – Все, кроме вас.

И, встретившись взглядом с внимательными, почти пронзительными глазами девчонки в белом – Стайл понял, что ничего, совершенно ничего не понимает.

* * *

Все сработали точно, как часы.

К назначенному сроку – когда светлым осталось до гор два дневных перехода – и сумрачной, и сонной пыли у нас было в избытке. Жемчужины работали быстро, а иллюранди без устали опустошали полные горшки, чтобы они могли наполниться заново. В итоге на свидание со светлыми каждый дроу нёс при себе по два мешочка: в одном – пыльца волшебных маков, в другом – лилий.

И, прежде чем выйти из туннелей, каждый из Детей Луны осыпал себя последней.

Светлые полагались на свои защитные контуры и на зорких эльфийских часовых. Что ж, справедливо – они ведь не знали ни о близости наших туннелей, ни о сумрачной пыли, ни о том, что последней у нас хватит на целую армию. Маленькую, конечно, но армию. С женщинами и иллюранди вышло чуть больше десяти тысяч, следовательно, на каждого приходилось где-то по семь светлых.

Для того что мы собирались сделать, задача вполне посильная.

Даже с пылью оставались некоторые сложности. Да, пыль делала тебя невидимым и позволяла незаметно миновать контур, однако она не скрывала всего. Не делала нематериальным и неслышным. Дроу шли почти бесшумно, но зоркие эльфийские часовые могли что-то заметить: например, как мокрая трава всё же приминается под ногами Детей Луны...

если бы часовых не вырубили иллюранди. Их обезвредили незаметно, всех одновременно. Устроив спящих эльфов в таких позах, чтобы никто не усомнился – они просто присели, дабы не нести бдительную службу на ногах. Или прислонились к стволу дерева. Тех, кто должен был проверять посты, тоже усыпили и уволокли в темноту. Всё произошло слишком быстро, чтобы вышестоящие лица успели заметить их отсутствие и встревожиться.

Поэтому никто не заметил, как армия дроу окружила лагерь.

Конечно, координировать действия целых отрядов невидимок было не слишком просто, однако тонкий слух дроу – ловивший не только тихие приказы, но и шаги тех, кто шёл рядом с тобой, и шелест их одежд, – помогал Детям Луны оставаться организованным строем. К тому же ещё до успешного похищения жемчужин Алья отдал приказ муштроват всех, кому предстояло отправиться на дело, и сам принимал в муштре непосредственное участие, разыгрывая это рискованное предприятие в миниатюре... с завязанными глазами. Как, собственно, и все остальные.

Когда все отряды заняли свои позиции – с помощью иллюранди, мгновенно перемещавшихся от Алья к другим командирам, позволявших синхронизировать любое действие, – Повелитель дроу отдал приказ начинать.

Тут-то и началось веселье.

Они засыпали один за другим. Те, кто спал под открытым небом, и те, кто укрылся в палатках и шатрах. Воины и оруженосцы, возницы и скотники, конюхи и мальчишки-пажи на побегушках. Простолюдины и знать, слуги и господа, эльфы и люди, маги и нет: перед дроу и иллюранди, невидимками подкрадывавшимися из теней, все были равны. Наш отряд занимался резервом, но я знала, что по всему лагерю сейчас происходит то же.

Меня вёл за руку Лод. Я ведь не могла похвастаться ни сверхъестественной остротой слуха, как эльфы или дроу, ни зрением Изнанки, как Криста и Навиния. И мы с ним сохранили свою сонную пыль до шатров самых крупных рыб. Иллюранди дали нам исчерпывающее представление не только о расположении всех частей вражеского войска, но и о том, где именно остановились главнокомандующие: у светлых были чары, позволявшие защититься от демонов-сноходцев, однако чары эти не предназначались для походных условий. В подобных условиях накладывать их не было ни времени, ни возможности. Поэтому я точно знала, кого увижу в одном из шатров, к которому мы направились. И, несмотря на то что на мою помощь изначально не рассчитывали, Лод разрешил мне взять

на себя как минимум одного.

Вернее, одну.

Сначала разобрались с остальными шестью. Все были людьми: эльфов, с их-то реакцией, мы предоставили иллюранди и дроу. Кто-то настороженно оглядывался, когда мы проскальзывали внутрь, тревожа шёлковые двери шатра, один и вовсе вскочил в изумлении, – но все падали как подкошенные, когда невидимый Лод кидал им в лицо горсть сияющей пыли. Кто-то уже спал, и мы просто укрепили их сон. Кто-то, когда мы вошли, спал не один, несколько в другом смысле этого слова. Лоду хватило одной порции, чтобы усыпить и его, и девицу, с которой тот развлекался.

Затем настал мой черёд.

Машке выделили целый шатёр. Одной. Когда иллюранди доложили об этом, я немного удивилась, что она не спит вместе с Фрайном, особенно учитывая, что у эльфов не было пунктиков по поводу добрых отношений; с другой стороны, это лишь облегчало задачу. Так что, когда я тихо вошла во временную обитель Машки, та сидела за столом с книгой, одной рукой сосредоточенно вычерчивая в воздухе руны, изучая новое заклятие.

Трудолюбивая ты наша...

Я просто подошла сзади и, остановившись за спинкой её стула, зажала ей нос рукой. Она успела вострепнуться, вяло дёрнуться – и рухнула лицом в книгу. Страницы смягчили удар, не то бы ещё нос разбила.

Глядя на бывшую однокурсницу, безмятежно спящую, я удовлетворённо отряхнула руки.

Ничего, моя рыжая головная боль. Скоро всё закончится. Надеюсь, твой жених сможет убедить тебя, что ты заблуждалась насчёт тёмных: похоже, его-то ты слушаешь... как, собственно, и эльфы. На этом и строился весь наш план.

Правда, для начала нам придётся заново убедить в этом Фрайндина. А главное – его брата.

Но, думаю, тех фактов, с которыми мы сейчас их столкнём, хватит для убедительной аргументации.

– Идём.

Услышав голос Лода, я вышла наружу, в медленно светлеющую ночь. Позволив колдуну взять меня за руку, вместе с ним направилась к обусловленной точке сбора, отделённой от нас тремя-четырьмя шатрами. Пронаблюдала, как колдун творит чары, ограничивающие слышимость на той небольшой площади, где стояли шёлковые пристанища немногих эльфов и людей, что мы оставили бодрствовать.

Всё-таки Машке крупно повезло, что в Риджии я подхватила вирус доброты. Иначе многократные попытки моего убийства не сошли бы ей с рук. Впрочем, и так не сойдут; но я постараюсь отплатить максимально... мягко.

В конце концов, грех обижаться на убогих.

Действия сумрачной пыли хватило ровно до того момента, когда вынырнувший подле нас Акке тихо доложил, что всё кончено. Прекрасно: у каждого в запасе была вторая порция, но хорошо, что она не понадобилась. На то, чтобы плодить ещё и пыльцу проявления, жемчужин не хватило бы, а когда мы постучимся к тем немногим светлым, что оставили бодрствовать, нашей армии желательно уже выйти из сумрака. Для полноты картины.

Потом к месту грядущих переговоров со светлыми начали тихо стекаться остальные. Когда все оказались в сборе – Алья и его гвардейцы, Морти, светлые союзники, друу из нашего отряда и ещё двух ближайших, пока державшиеся немного поодаль, – можно было начинать следующий этап.

Пригласить высокопоставленных светлых к беседе.

Мне выпал визит к Фрайндину. Я смело вошла в шатёр, зная, что Акке уже ждёт меня там, пока скрываясь в тенях. Брат Повелителя эльфов не спал, и на шёлковый шелест, сопроводивший моё вторжение, отреагировал мгновенно.

– Что такое? – рывком привстав, Фрайндин нахмурился. – Что случилось? В такой час...

То, как резко он осёкся, ясно дало понять, что меня узнали.

– Тэлья Фрайндин, – вежливо произнесла я, чуть склонив голову, – рада новой встрече.

Секунду эльф просто сидел на постели. Спустя следующую уже оказался подле меня, но бледная рука, протянувшаяся, чтобы схватить меня, была остановлена другой рукой: между мной и Фрайндином, мягко улыбнувшись, встал иллюранди.

В дальнейшую беседу я вступать не стала. Всё, что от меня требовалось, я уже сделала. И когда Фрайндин отскочил назад, метнувшись туда, где оставил свой меч, я просто выбежала из шатра; а когда брат Повелителя эльфов выскочил следом за мной – безоружный, ведь Акке не стоило труда унести его клинок, предварив таким образом мой визит, – крик, которым он намеревался поднять тревогу, явно застрял у него в горле. Как мы и рассчитывали.

Гвардейцы Алья оцепили периметр между шатрами Повелителя

эльфов, его брата и того, кто в отсутствие Навинии возглавил людей. Их советники к тому времени тоже были здесь: наполовину выманенные, наполовину загнанные. Дроу уже подступили к месту переговоров вплотную, живыми стенами заполонив все проходы, способствуя мыслям о том, что сопротивление не особо поможет – даже если бы светлым оставили оружие. Впрочем, кто-то всё равно начал орать, запоздало призывая на помощь ту самую армию, которая сейчас мирно спала вокруг.

Хьовфин появился на месте действия буквально миг спустя. Замер, отойдя от входа в свой шатёр лишь на пару шагов. Обвёл взглядом сыновей, брата-изменника и тех, кто их окружал.

– Тэлья Фрайндин, – учтиво молвил Лод, стоя по правую руку от Альи. – Повелитель...

– Нам неловко нарушать ваш покой в столь поздний час, – певуче и церемонно проговорила Морти, держась слева от брата, бок о бок с ним. – Однако причины у нас более чем весомые.

Сам Алья молчал. Пока.

К тому моменту, когда из шатра, стены которого отливали золотом даже в сумраке, стремглав вылетел растрёпанный темноволосый парень, я уже заняла своё место за спиной у Лода.

– А, вот и вирт Мирстайл. – Поклонившись временному владыке людей, Лод зажёл над головой волшебное пламя. Освещения месту действия явно не хватало. – Все в сборе.

Я сочувственно проследила, как парень ошалело озирается, прежде чем тщетно дёрнуться по направлению к своему шатру. Магические пути Навинии держали крепко.

А родственник принцессы и правда чем-то похож на неё. Даром что «очень дальний», как говорил Хьовфин. Надеюсь, этот Мирстайл не вздумает потом предъявлять на принцессу никакие права... в связи с их несостоявшейся помолвкой.

Иначе они с Альей вряд ли поладят.

– Довольно, – выплюнул Хьовфин. – Вы вырезали всех моих воинов во сне, как скот, а для нас устраиваете эффектное представление с этой пародией на политес? Не хватило простой резни, вознамерились потешить свой народ нашими мольбами о пощаде? Что ж, доставайте свои мечи, но имейте хоть каплю чести и избавьте нас перед казнью от вашей ложной любезности.

Я на миг представила себе, как изменится лицо Повелителя эльфов, когда он поймёт, что произошло на самом деле, – и кашлянула, чтобы не хихикнуть.

Пусть даже это было совершенно неуместно, но на миг мне действительно стало смешно.

– Вырезали? – уточнил Алья, наконец лично вступив в диалог. – О нет, Повелитель. Ваши воины не откликаются на зов вовсе не потому, что мертвы. Новая резня в наши планы не входила.

Ответный смех Хьовфина был холодным.

– И кого ты пытаешься обмануть, Альянэл из рода Бллойвуг, наследник Тэйранта Кровавого? Я не знаю, как вам удалось обойти нашу защиту и наших дозорных, не знаю, почему не вижу крови на ваших одеждах, но...

– Я никого не пытаюсь обмануть, – сказал Алья. – Как не пытался мой отец. Но вам вот уже триста лет проще думать, что мы способны на один лишь обман, в отличие от чистых светлых вас.

Наши колдуны среагировали на его знак почти мгновенно. И пока шатры и палатки взлетали над землёй, я следила за лицом Хьовфина. Очень внимательно.

Поэтому всё-таки заметила, как по непроницаемому лицу эльфа скользнула тень изумления.

Фрайндин оказался менее сдержанным.

– Не может быть, – выдохнул брат Повелителя эльфов. – Невозможно!

– Они что, спят? – ошеломлённо осведомился владыка людей, взглядываясь в беспробудно спящее воинство. – Просто спят?

В голосе парня явно слышалось, что он не слишком-то доверяет собственным глазам. Как и здравости своего рассудка.

Пожалуй, я могла его понять.

– Здоровым крепким сном, – подтвердил Алья. – Ещё ближайšie часа два. Все семьдесят тысяч. Все, кроме вас.

Я обвела взглядом всех, кто собрался в круге. Мирстайла, совершенно растерявшегося. Хьовфина, созерцавшего свою поверженную, но не пострадавшую армию. Фрайндина, который только и мог что моргать. Их советников, замерших подобием каменных истуканчиков.

Все они молчали. И это молчание подтверждало: мы на правильном пути.

– Что за игру вы ведёте? – вымолвил Хьовфин. – Зачем?

В голосе эльфа тоже проявились эмоции, и я не могла понять, чего больше – недоверия или мучительного вопроса.

– Нет никакой игры. Как вы до сих пор не поймёте? – Алья шагнул вперёд. – Вы безоружны и беззащитны. Мы могли бы сейчас надеть на вас ошейники. На всех вас. Или... как вы там сказали... «вырезать, как скот». Мечи при нас, и два часа – более чем достаточно, чтобы убить всех. –

Повелитель дроу держал ладонь на рукояти клинка. Он не стал брать с собой твёфалдур, ограничился простым мечом, который можно демонстративно держать в ножнах. – Достаточно одного моего слова, и вы умрёте. Вы и всё ваше войско. И Риджия будет нашей, потому что у тех, кто останется, не хватит сил, чтобы защититься. Не теперь, когда у нас есть возможность незаметно подкрасться целой армией.

Замер. Посмотрел на Хьовфина так, будто впервые увидел.

И повторил:

– Одного моего слова...

Фаник, державшийся подле меня, настороженно вскинул голову.

Я не видела лица Альи – он стоял спиной ко мне, – но прекрасно слышала его голос. То, как он произнёс последние слова: задумчиво, точно пробуя их звучание на вкус.

Вдруг поняла, к какой тонкой грани я собственной рукой помогла его подтолкнуть.

Отплатить за трёхсотлетнее унижение. За свою семью. За убитого отца, за мать, сгоревшую от горя, за сестру, запятанную в темницах светлых. За всех умерших детей, за всех женщин, отправившихся следом за ними, и за их мужей, погибших от эльфийских клинков.

За всех, кто умер, потому что эльфы и люди не желали выслушивать просьбы о мире.

Я сжала кулаки. Оглянулась на дроу, безмолвно ждавших вокруг: мужчин и женщин, среброволосых и золотоглазых. Детей Луны, не живших под луной триста лет... по вине тех, кто стоял сейчас перед ними и спал сейчас вокруг.

Так заманчиво.

Если Алья прикажет своим подданным убить светлых, пойдут ли они на это? Хотят ли они этого сейчас – отомстить за века, проведённые под землёй, за три столетия без неба и звёзд? Наверняка хотят. Если не все, то очень, очень многие. Уж большая часть гвардейцев, бесстрашно наблюдавших за происходящим, так точно: я имела возможность в этом убедиться.

Если он прикажет...

...а потом Алья оглянулся. Назад. На Морти, которая ждала его следующих слов, и Лода, спокойно стоявшего передо мной. Перехватил удивлённый взгляд Навинии, не понимавшей, почему он медлит.

Когда Повелитель дроу вновь повернулся к тому, кто убил его семью, я уже знала – нет. Не прикажет.

Ведь стоят ли любимые мертвецы, которых уже не вернуть, того,

чтобы ради них жертвовать любимыми живыми? Или любовью этих живых?..

– Но мы не хотим войны, – ровно проговорил Алья, – мы хотим мира. Мы хотели его давно, и восемнадцать лет назад – тоже. – Его руки опустились. – Всё, что говорил вам ваш брат, всё, что говорили ему мы, – правда. Вашу жену убили не тёмные, а светлые. Один умелый манипулятор среди людей. Одна девочка среди эльфов, жаждавшая занять её место. Девочка, которая оказалась достаточно умна, чтобы выбрать идеальное время для своего преступления. Она же потом наняла людей, похитивших вашего младшего сына, чтобы лишить вас наследников и ещё на шаг приблизиться к короне, о которой она грезила с детства. Короне вашей жены.

– Фин, смерть Дилль была глупой случайностью. Попроси любого из наших магов просмотреть мою память, – тихо проговорил Эсфориэль. – Мою, Дэна, Фаника. Мы пойдём на это, мы вытерпим боль. И они сами всё увидят.

– Отец, пойми наконец! – Дэнимон тоже шагнул вперёд. – Мы в полной их власти! Мы с Фаником, и ты, и все... они хозяева положения, не мы! И как они этим воспользовались? Как пользуются сейчас? – наследник эльфийского престола встал бок о бок с владыкой дреу. – Скажи, какие ещё могут быть основания, чтобы не верить им?

– Ответь, отец, – негромко изрёк Фаник. – Выскажи хитрый план, частью которого это может быть. Всё это.

Повелитель эльфов не ответил. Лишь переводил взгляд с сыновей на брата и обратно. И я видела, как тихо шепчутся в сторонке эльфы и люди, и читала на иных лицах тоскливое сомнение, которого я так ждала.

Ну же...

– Знаете, Повелитель, – так и не дождавшись ответа, молвил Алья, – вы ведь убили не только моего отца, но и мою сестру. Ей было всего четырнадцать. – Повелитель дреу чуть склонил голову набок. – И вы даже представить не можете, сколько я мечтал о том, чтобы мои подданные проделали с вашим сыном всё то же, что на ваших глазах делали с ней.

К недоверию на лице Хьовфина примешалось что-то ещё. Некое странное... понимание. И на лицо эльфийского владыки, к моему удивлению, легла тень.

Он помнил девочку, которую пытали на его глазах. Помнил до сих пор. И воспоминания об этом явно не вызывали у него никакой радости.

– Но я прощаю вас. Я понимаю, во что вас превратили. Я сам превращался в то же. И теперь прошу вас простить меня. – Алья коротко

выдохнул. – За все эти триста лет. За то, что делал мой предок, за то, что делали мои подданные по моим приказам. За то, что делал я.

Я не сразу поняла, зачем он обнажил меч. И блеск стали, сверкнувшей белыми бликами, несколько расходился с его последними словами, заставив всех присутствующих застыть в напряжённой тишине.

Зрелище Альи, который, швырнув меч к ногам Повелителя эльфов, преклонил колено перед своим врагом, даже для меня оказалось чем-то на грани фантастики. Пусть – в отличие от эльфийского принца, в своё время сделавшего то же, – владыка дроу опустился лишь на одно.

– Я понимаю, что прощения не добиться в момент. Что одного лишь «простите» ничтожно мало. Что раны не заживут просто так, что шрамы сотрутся лишь через десятки лет. Но в наших силах сделать так, чтобы наши народы и дети жили в мире, где больше не льётся кровь. – Алья не согнул спины и не опустил головы: даже коленопреклонённый, он оставался королём. – И я прошу... нет, я умоляю – давайте наконец оставим это в прошлом. Вы и я. Навсегда.

Я услышала странный шелест, точно шум прибоя, невесть откуда возникшего за моей спиной. Обернувшись, увидела, как один за другим дроу опускаются на колени следом за своим Повелителем; посмотрела на Лода и Морти, сделавших то же рядом со мной.

После секундного раздумья аккуратно опустилась наземь, пачкая белые бриджи о мокрую траву.

Мне не за что было просить прощения. Я не была подданной Альи, и когда-то мне об этом говорили. Но это было до того, как я выбрала свой путь: стать частью мира, где каждый служил королю, тому или иному.

И я своего короля и свою сторону выбрала уже давно.

Хьовфин смотрел на это с тем же недоверием. Опустив глаза, пристальным взглядом изучил меч Альи, слабо поблескивающий на земле у его ног.

– Ты ведь понимаешь, что я могу сейчас взять этот клинок и снести тебе голову? – когда Повелитель эльфов заговорил, он почти шептал. – Прежде чем меня успеют остановить.

Алья не отвёл взгляда, когда Хьовфин посмотрел ему прямо в глаза. Сверху вниз, пристально и пронзительно... с той же нехорошей задумчивостью, что прозвучала в голосе дроу немногим ранее.

Да. У Альи были те, кто держит его здесь. Были и есть – те, ради кого он никогда не переступит грань, из-за которой возврата уже не будет. Грань, которую когда-то переступил его предок, грань, которую почти переступил Хьовфин. И у обоих Повелителей, смотревших сейчас друг на

друга, были причины зайти за неё.

Триста лет потерь и боли, крови и ненависти. У одного – за плечами, у другого – в памяти, рассказами и летописными строками. А месть – такая заманчивая, такая влекущая, так близко: возможность утолить свою жажду, возможность потоптаться на могиле того, кто разорвал твою душу в клочья, или того, кто к этому причастен. И смеяться над мыслью «простить», и думать: месть есть деяние, попытка сделать что-то, чтобы мир стал более справедливым, выбор сильных, а прощение – недеяние, смирение и пассивность, выбор слабых... Но сколько мудрецов уже писали о том, что месть, оплаченная кровью, – порочный круг, выхода из которого нет.

Нет, пока кто-то не найдёт в себе достаточно сил не для мести, а для прощения.

Когда Повелитель эльфов снова рассмеялся, в его смехе не было холода, одна лишь горечь.

– Неужели это правда? – его голос всё-таки сорвался, и не на шёпот – на хрип. – Я действительно был так слеп? Мог быть таким?

Хьовфин посмотрел на брата. Не на того, кто стоял за его спиной среди светлых, а на того, кто ждал среди тёмных. Не на Фрайндина, на Эсфора. И от увиденного в этом взгляде колючая лапа тревоги, сжимавшая сердце всё это время, чуть разжалась.

Получилось. У нас получилось, чёрт возьми!

Получилось...

– Дурак, ослеплённый собственным гневом. Слепой и глухой, гордившийся тем, что может переступить через свои чувства во благо своего народа. – Сине-сиреневые глаза Хьовфина казались почти чёрными, но из точёных черт ушёл тот холод, что леденил их обычно. – Дэн, Фаник, Эсфор, брат мой...

Осёкся, не договорив. Впрочем, те, к кому он обращался, и так поняли, что он хотел сказать.

Эльфы не улыбнулись. Хотя Дэн пытался, я это видела – пытался, но не смог. И ничего не сказали, однако взгляды их сказали всё, что нужно. Что они тоже прощают всё, что требовалось простить. И, вновь обратив взгляд на Алью, Хьовфин мягко, очень мягко – с интонацией, которой я никак не ожидала от него, – произнёс:

– Я прощаю тебя, Альянэл из рода Бллойвуг. Как ты простил меня. Мир тебе... тебе и твоему народу.

...получилось?..

Повелитель светлых протянул руку владыке тёмных.

Нехорошее предчувствие родилось у меня в момент, когда их пальцы

соприкоснулись.

Не поднимаясь с колен, я следила, как Хьовфин помогает Алье встать. Пытаясь убедить себя, что это бред: всё позади, и нельзя постоянно подозревать худшее. Но нечто внутри меня – наверное, та часть, которая привыкла не верить никому и ничему, – беспокоилось и шептало, что всё не может быть так просто, что будет ещё...

...что оно обязательно случится – что-то плохое, что-то...

...наверное, именно поэтому, когда голова Хьовфина резко повернулась – с мгновенным, противным, пугающим хрустом, – я не почувствовала ничего.

Мгновение, которое владыка эльфов падал наземь, длилось вечность. Следующее, которое я заворожённо вглядывалась в его мёртвое лицо, в глаза, даже не успевшие расшириться в удивлении, в беспомощно приоткрытые губы – ещё одну. Потом увидела его убийцу, бывшего в магических путах позади тела, под взглядом Восхта, воздевшего руки к тёмному небу: с ужасом смотревшего на того, кто свернул шею его Повелителю, кого колдун остановил всего миг спустя.

Один миг опоздания, решившего так много.

И я не сразу поверила в то, что увидела.

– Да как ты смеешь! – закричал Фрайн. – Как смеешь жать руку этой мрази!

Он рвался из невидимых веревок, опутавших его по рукам и ногам, не глядя ни на Восхта, ни на нас. Лишь на Фина, лежащего у его ног. Убитого его рукой.

Только вот у меня создалось смутное ощущение, что сам Фрайндин этого не понимает: того, что брат уже не может его услышать.

– Ты правда решил заключить с ними мир? С ними?! – ярость безжалостно искажала его юное красивое лицо. – С теми, из-за кого мы столько страдали? Ты страдал, весь наш народ страдал, и я страдал, я!

– Дядя... – прошептал Фаник.

Дэнимон рухнул на колени подле отца, лихорадочно пытаюсь отыскать отсутствующий пульс. Морти рядом со мной прижала ладонь ко рту, Эсфор стоял, будто обернувшись мраморной статуей. Эльфы, люди, дроу, колдуны – все смотрели на происходящее, застыв, лишившись дара речи.

Алья потрясённо отступил на шаг.

– За что? – вымолвил Повелитель дроу.

– А вы! Вы всё испортили, всё! – Фрайн, замерев, вскинул голову, и в зимней синеве его глаз полыхнула ненависть. – Что за жульничество с тем, чтобы всех усыпить? Это нечестно, нечестно, нечестно! Я победил, я уже

победил! Это была такая прекрасная игра, зачем вам понадобилось её портить?!

Он снова остро напомнил мальчика, маленького обиженного мальчишку... и вместо вопросов, метавшихся в сознании в первый момент, всплыли ответы. Вернее, воспоминания, – которые наша усыпленная бдительность благополучно отправила на задворки памяти.

О том, что лишь Фрайндин знал, куда отправились его племянники. Что только он мог предугадать их действия. Что он должен был проверять сигналы их маячков. Что его песня подсказала Авэндилль, как избавиться от соперницы, что он стоял рядом с Дэном, когда тот зарезал фрейлину-отравительницу... о том, в конце концов, что это Фрайн был рядом с Машкой, которой кто-то за считанные недели привил лютую ненависть к тёмным.

И после убийства Хьовфина всё это могло сводиться лишь к одному.

– Это вы, – ошеломлённо проговорила я. – Это вы! – и порывисто шагнула вперёд. – Вы толкнули Авэндилль на меч Дэнимона, вы спели ей песню, чтобы... но как? Неужели вы с Советником, не сговариваясь... или нет, постойте... вы подслушали, как Советник разговаривает с Дилль! Тот разговор, который подвёл её к мысли убить Повелительницу на переговорах. Конечно, ведь это наверняка случилось на каком-то приёме, где был весь эльфийский двор! – я мотнула головой, утверждаясь во внезапной догадке. – Если бы не это, вы бы устроили провокацию лично, но раз всё сложилось так, раз марионетка была уже готова, и ваши руки могли остаться чистыми... Советник дал ей идею, вы нашли невинный способ подсказать средство...

– Умница, девочка, – Фрайн весело, широко улыбнулся. – Не зря мне так захотелось с вами поиграть!

Боковым зрением я видела, как ширятся от ужаса глаза других эльфов.

Мы ведь подозревали его. Подозревали с самого начала. Но ему удалось нас обмануть.

Цена нашей ошибки оказалась непростительно высока.

– Я порой едва держался, чтобы не спросить, как можно быть такими глупцами. Да, я отлично притворялся, но ведь никто, никто за триста лет так ничего и не понял. Ни-че-го! Так... скучно. – Эльф презрительно фыркнул. – А потом мы всё же начали готовиться к войне, а потом ещё появились вы... и всё сразу стало куда веселее.

– Вы следили за Дэном и Фаником, когда они отправились за Кристой, вы видели, что след привёл их к горам дроу, вы скрыли это от Повелителя! Надеялись, что племянников убьют тёмные, и это спровоцирует вашего

брата скорее начать войну, наняли людей, чтобы следить за ними... а потом, дождавшись удобного момента, велели им схватить Фаника. – Я не верила тому, что говорила, но понимала, что это так. – Как? Как вы подослали Авэндилль к наёмникам? Или это снова было её решение, а вы подтолкнули её... или просто узнали об этом, а потом подыграли ей своим молчанием? И браслет для Фаника, который нейтрализовал действие маячка, – откуда вы его...

– Авэндилль тут ни при чём. На сей раз. Хотя она наверняка радовалась, что обстоятельства складываются в её пользу, ведь гибель принцев была ей на руку, – печально констатировал Лод, встав подле меня в тот миг, когда я запнулась, начиная догадываться об ответах. – Браслет Фрайндин получил у своей избранницы. Наверняка просто попросил её сделать его, не объясняя зачем. В качестве очередного эксперимента с магией, подкупив лестью, что лишь избранные могут сотворить эти заклятия... и к главарю наёмников он ходил сам. Только решил перестраховаться, подставив ту, что и без того виновна. Одеться в цвета Эльскиаров, ненадолго взять из комнаты Авэндилль фамильный браслет с гербом, чтобы «случайно» всё это показать... спрятать лицо под маской, изъясняться лишь записками, дабы не выдать себя голосом... это ведь было несложно.

– Это было возмутительно легко. – Фрайн поморщился. – Да она восемнадцать лет хранила тот перстень, это же надо быть настолько глупой! Не запирая дверь! А тут вы... подарок богов, не иначе. Те, с кем сыграть было действительно интересно. И я вдруг понял: а ведь это будет так уместно и остроумно, убрать её вашими руками! – Фрайн рассмеялся – задорно, с упоением, с лёгким оттенком безумия. – Это было так рискованно, так здорово, так... и я сделал это, сделал! Я выиграл, я победил вас! – улыбка резко сошла с его губ. – Почему вы не могли просто это признать?!

Воспоминания и догадки складывались в голове кусочками витража.

Конечно. Раз Фрайн бывал в комнате Авэндилль, раз он знал про перстень – он знал, что в шкапулке, помимо него, лежит ослепляющий кристалл. Может, даже видел, как Авэндилль им обзавелась: наверняка все эти восемнадцать лет шпионил за ней. Сначала – желая убедиться, что ему всё же не придётся устраивать провокацию лично, затем – приглядывая, чтобы глупая девчонка не выдала себя. Потому и потребовал от фрейлины-отравительницы отдать перстень, когда мы пришли к ней. Знал, что для этого она полезет в шкапулку, в которой так кстати лежит кристалл, что воспользуется им, попытавшись сбежать... и что после всего

произошедшего его импульсивный племянник не удержит меч в ножнах.

Заранее зажмуриться, избегнув ослепления, и толкнуть эльфийку, пока никто не видит, заставив напороться горлом на лезвие, труда не составило.

А ведь всё, что у нас было, это его слова. И тот факт, что Фрайн дал согласие надеть на себя ошейник, – непосредственно перед тем, как появилась Сусликова. Но что сказала Машка, когда возникла в его доме во время первого нашего визита туда? Нечто вроде «В этот раз там, где хотела»? Ну конечно... тогда она наверняка только начинала осваивать магические перемещения, а когда учишься подобному, сразу перемещаться на дальние расстояния весьма неразумно. Иначе рискуешь, промахнувшись, материализоваться в крайне неудачном месте: например, в стене, влипнув в древесину. А вот сократить путь с первого этажа до комнатки под крышей, чтобы не проделывать его по лестнице, – совсем другое дело.

Фрайн знал, что Сусликова рядом. Получил сигнал, когда та переступила границу контура, окружавшего дом, замкнутого на владельце. И мигом дал согласие на то, чего делать не собирался, зная, что буквально минуту спустя прибывшая Машка порушит все наши планы. Почему мы поверили ему? Почему не довели дело до конца?

Положились на отсутствие мотива и доказательств, на слова двух мальчишек, любивших его, на веру Эсфориэля, однажды уже обманувшегося...

– Зачем? – Дэнимон вскинул голову; в голосе принца звенела боль. – Зачем тебе эта война, дядя? Зачем моя смерть, смерть Фаника, заче...

– Ты ещё спрашиваешь? Ты, отродье смертной девки? Триста лет прошло, а все носятся с этими людьми! Только попробуй косо глянуть в их сторону – немедленно обвинят в презрении ко всей их расе, а то ещё тёмным заклеят! Получили защиту от всех притеснений после одной-единственной войны! Если б Тэйранта не было, людям стоило бы его придумать... но ведь Тэйрант был прав, хотя бы в этом. Люди недостойны того, чтобы существовать. Не рядом с нами, отбирая наши земли, наши ресурсы, наших мужчин и женщин! – зимний взгляд, в котором стыла убийственная смесь отвращения и насмешки, обратился на владыку людей, растерянно стоявшего в стороне. – Вы умираете с момента рождения, вы начинаете тлеть заживо, едва сделав первый вдох, вы даже не можете достойно разделить эйтлих, наш величайший дар! Меня едва не передёргивало, когда я видел Фина рядом с этой... А я даже не мог отговаривать родного брата жениться на ней, не навлекая подозрений! И пересилил себя, как всегда, и улыбался ей, и брал на руки её детей, ведь

иначе могли возникнуть ненужные вопросы... – Когда Фрайндин вновь посмотрел на Дэна, глаза его смягчила задумчивость. – Нет, к вам с Фаником я привязался, не буду отрицать. Вы ведь не совсем люди, в конце концов, и дети Фина тоже... но чтобы вы сидели на престоле и правили нами? И ваши потомки, в которых будет течь эта гнусная гнилая кровь?

– Тэлья Фрайндин, – выдавил кто-то из эльфов почти с мольбой, – что вы...

– А ведь наш народ, наши близкие умирали, защищая мясо, которое всё равно сгниёт за какой-то век! Разве это справедливо? Разве *это* – справедливо?! Что наши родители погибли за такое, что мои братья в итоге лишились всех, кого любили? Всё надо было сделать совсем не так! – Фрайн перевёл взгляд на дроу. – Эти звери не имели права на жизнь, не имели и не имеют, и мы обязаны были остановить их, убить, хотя бы из милосердия, – но не нужно было им мешать! Позволить дроу разобраться с людьми, а уже потом покончить с ними. Пока они не зализали раны. И тогда в Риджии наконец остались бы лишь достойные! Почему никто не смог этого понять?!

Я всматривалась в его лицо, казавшееся таким юным.

Я вспоминала всё, что мне рассказывали о младшем брате Повелителя эльфов. О маске, которую упоминал Фаник, о детстве маленького принца, про которое говорил Эсфор.

И только теперь понимала то, что могла понять давным-давно.

Он был ребёнком, когда началась война. Маленьким мальчиком. И его мама с папой ушли сражаться с дроу, чтобы защитить людей. Ушли – и не вернулись. А вернулись братья, которые больше не были теми, кого он знал... и старший сел на опустевший трон, пытаясь разобраться с разрушительными последствиями войны, а средний уединился со своими призраками.

До младшего никому не было дела.

Он потерял всю семью. Он остался один. И в одиночестве он плакал, в одиночестве думал и искал причины, которые в конце концов нашёл. Ведь они были так очевидны: дроу, которые отняли у него семью, и люди, из-за которых её отняли.

Возможно, не он один думал так. Почти наверняка. Наверняка были эльфы, которые не одобряли это решение Повелителя – встать на пути у Тэйранта, защищая чужой народ, жертвуя своим. Те же лепреконы долго не решались сделать то же. И наверное, кто-то из эльфов высказывал эти мысли вслух, и по окончании войны, в горе по всем, кого они потеряли – тоже. Да только стоило тебе их высказать, как тебя немедленно нарекали

последователем Тэйранта – ещё бы, когда раны так свежи, – и последствия были... неприятными. А маленький принц в своём нежном возрасте оказался достаточно умён, чтобы понять: людей надо любить, хочешь ты этого или нет. По крайней мере, внешне.

И спрятался под маской.

Если вначале это и давалось ему нелегко, всё равно никто не воспринимал его всерьёз. А к тому моменту, когда стали воспринимать, он уже владел собой достаточно хорошо, чтобы не выдать истинных чувств. Но тот яд, что таился за его улыбкой, за триста лет разъял его душу целиком: душу того, кто застрял в своём одиноком детстве, душу, которая так и осталась принадлежать обиженному ребёнку. Ребёнку, который использует в своих целях все игрушки, что требуется использовать, – даже те, к которым он привязался. Ребёнку, который не умел и не мог научиться проигрывать.

Как я не поняла этого раньше? Как не подумала, что это странно, что спустя триста лет он так похож на мальчишку, что есть в этом нечто ненормальное, противоестественное...

– А я ведь почти уже исправил эту ошибку! Почти сделал всё, как надо! – Фрайндин снова дёрнулся, пытаясь выпутаться. – Сделал всё, чтобы мясо использовали по прямому назначению, чтобы в туннелях дреу гибли они, не мы! Даже привлёк на нашу сторону эту рыжую мерзость, даже терпел её рядом с собой! Хотя наблюдать, как она коробит тонкие чувства этих придворных глупцов, было даже смешно, но избавиться от неё было бы куда смешнее... потом. Если б она пережила резню у дреу, конечно. – Он сердито зажмурился. – Я уже всё распланировал, всё! Подлые люди убивают мою прекрасную невесту, отважную спасительницу Риджии, в зависти и страхе перед её необычайной силой! Кто бы потом осмелился винить меня в том, что я потребовал развязать с ними войну?

Этому я уже даже не удивилась. Я этого ждала. И почти захотела расхохотаться.

Поверить, что брат Повелителя эльфов действительно влюбился в вульгарную малолетнюю девицу? В реальном мире, не в глупой сказочке про попаданку? Как мы могли быть так глупы?

Как я могла?..

– А вы испортили это, всё это! – эльф не оставлял попыток вырваться из магического плена. – И теперь вы мне надоели, и игра эта тоже надоела! Сколько можно? Я устал, я хочу закончить с тёмными и перейти к людям, а тут... я не дам вам победить, не дам!

Это казалось мне невозможным – трёхсотлетнее притворство. Но

триста лет под носом у светлых прятался истинный наследник Тэйранта. Прятался так хорошо, что никто не сумел его разглядеть. Однако все эти триста лет ему отчаянно не хватало того, что он наконец получал сейчас, того, что теперь заставляло его говорить.

Ведь в глубине души любой актёр жаждет признания.

Когда Эсфориэль приблизился к нему, ступая тихо и медленно, Фрайндин всё же затих. Посмотрел на старшего брата; глаза его вдруг сделались огромными и трогательно детскими.

– Фрайн. Малыш Фрайн. – Средний брат мёртвого Повелителя эльфов застыл в одном шаге от младшего. – Мой маленький брат...

Потом опустил голову.

– Прости меня. Прости, что бросил. Прости, что не уберёг.

Слова его едва можно было расслышать.

– Эсфор, ты ведь со мной, да? – в голосе Фрайна пробилась ослепительная надежда. – Ты сможешь разбудить наших? Давай! Мы убьём дроу и будем править! Когда все тёмные умрут, и люди тоже... ты и я, и Фин, мы приведём наш народ к величию, которого он заслужил. Да, Фин?

Он посмотрел на тело брата.

С недоумением.

– Фин, вставай, сейчас не время отдыхать!

Я не знала, что столкнуло Фрайна с той грани, на которой он балансировал триста лет. Что именно из случившегося этой ночью – или всё вместе: зрелище ненавистных тёмных, окруживших тебя со всех сторон, рукопожатие брата и мерзкого дроу, первый проигрыш в твоей жизни, сводящий на нет всю твою долгую игру... Но, как бы там ни было, теперь он окончательно и бесповоротно спятил.

Наверное, поэтому Эсфориэль шагнул вперёд с такой обречённостью. Взяв лицо брата в свои ладони – точной копией жеста, которым когда-то Ильхт прощался с мёртвым Тэйрантом, – прижался лбом к его лбу.

– Я с тобой, Фрайн, – тихо проговорил он. – Всё позади. Вся эта боль и ненависть, и ложь, и притворство... ты будешь свободен. Сейчас. Наконец.

В ответ тот улыбнулся. Светлой мальчишеской улыбкой, которая когда-то подкупила даже меня.

Когда Эсфориэль отнял одну руку от его лица, тускло блеснула сталь.

Лезвие эльфийского клинка, первого, что обнажили за эту ночь, вошло Фрайну точно в сердце. Почти беззвучно. Тот кашлянул – удивлённо; моргнул – уже без улыбки, и на губы его плеснулась кровь.

Остановить это никто не успел. И я не была уверена, что кто-либо имел право. Это действительно было последним, что Эсфориэль мог

сделать для своего брата: подарить ему эту смерть, от своей руки. Любящей руки.

Клинок выскользнул из груди Фрайна, брызнув багрянцем на траву – и младший брат Повелителя эльфов упал на неё же.

За миг до того, как в уши ввинтился отчаянный девичий вопль:

– ФРА-А-А-АЙН!!!

Ещё прежде, чем обернуться, я успела тоскливо подумать, что этого можно было ожидать. Того, что даже пыль не окажет на Сусликову должного воздействия, и проснётся она куда раньше положенного.

Обернулась я как раз вовремя, чтобы увидеть, как в руке Машки возникает огненный клинок.

Дроу, окружавших то место, где Машка блаженно спала до сего момента, расшвыряло в стороны, как котят. Сусликова рванула вперёд, в освободившийся проход, на ходу устремив кончик меча на Эсфориэля, но огненная струя ударилась о прозрачный купол магического щита, всплеснувшись в сизое небо.

В следующий миг Сусликова ловко отбила луч зелёного света, летевший ей в лицо. Скорость, с которой она размахивала здоровенным мечом, управляясь с ним одной рукой, вызвала у меня почти возмущение. Лучистая стрела беспомощно осыпалась наземь розовыми лепестками, но Криста уже вновь натягивала свой лук, приятно удивив мгновенной и уместной реакцией на этот форс-мажор. Некоторые дроу за Машкиной спиной обнажили клинки, однако не решались пустить их в ход, ведь последним приказом Альи было «чтобы с голов светлых и волоса не упало». Сусликовой не было до них никакого дела – она быстро и сосредоточенно била по магическому барьеру, без всякого напряжения отразив ещё две стрелы. Вокруг неё снопом рассыпались сияющие искры, синие и золотые: Восхт с Навинией тоже не остались в стороне, подсобив заклинаниями, однако перед атакой Машка озаботилась сотворить себе щит. Умная, зараза...

Удар. Прозрачная стена, отделявшая Сусликову от нас, уже вовсю шла трещинами. Очередная стрела Кристи обернулась безобидными лепестками, голубое пламя – чьё-то заклятие – окутало Машку коконом, но та даже внимания не обратила.

Удар. Лод рядом со мной пошатнулся. Я испуганно вцепилась в его предплечье, чтобы не дать упасть: воздушный щит, вспыхнувший на руке колдуна сжиженным призрачным светом, отчаянно дрожал, лицо Лода было бледнее мела.

Дождь, проклятый дождь! Лод потратил на него слишком много сил, а

купол, который ему приходится держать, слишком большой, и теперь...

– Леттэ Мэрисуэль! – крикнул кто-то из эльфов. Подданные Хьовфина, теперь уже бывшие, разумно держались в стороне вместе с людьми. – Успокойтесь! Вы сейчас совершаете огромную...

– Не зовите меня этой идиотской кликухой! – завизжала та, вновь рубанув по щиту. – Предатели! – ещё удар. – Позволили этим тварям убить и Фрайна, и короля!

– Леттэ Мэрисуэ...

Бесполезно. Она не хотела слушать. А ведь даже мне сейчас было её жаль.

Если б мы могли всё ей объяснить...

– Принц, – процедила я, взглянув на Фаника, – уведите брата в сторону. От тела. Куда-нибудь.

– Но...

– Пожалуйста!

Барьер на миг исчез, однако тут же вспыхнул вновь, и Сусликова не успела прорваться внутрь. Впрочем, гвардейцы Альи уже поняли, к чему идёт дело: не дожидаясь приказа Повелителя, они кинулись ей навстречу, застыв у границы щита, с внутренней его стороны.

– Девчонку вырубить! – крикнул Алья. – Не убивать!

Наконец вняв голосу разума, Фаник рванул к Дэнимону. Ухватив брата за локоть, поволок к шатрам, туда же, где стоял владыка людей. Наследник эльфийского престола, отныне вакантного, даже не сопротивлялся: глядя в пространство, сомнамбулой переставлял ноги, позволяя тащить себя.

Капелька крови, показавшись у Лода под носом, потерялась в русой щетине над губой – и барьер снова исчез. Теперь уже насовсем.

Но прежде, чем Сусликова успела кинуться вперёд, её клинок столкнулся с огненной рапирой.

– Да послушай, глупая! – в голосе Навинии, преградившей Машке путь, послышалось сострадание. – Твой Фрайн убил собственного брата! И племянников готов был убить, чтобы развязать войну!

– Ах, так теперь Фрайн хотел их убить?! То была какая-то фрейлина, теперь Фрайн?! – Сусликова выкрутила меч, попытавшись ударить принцессу, но Навиния танцующим движением ушла от удара. Я надеялась, что это отвлечёт Машку, и она не сможет отразить очередную стрелу Кристи, но тщетно. – Вы б хоть думали, что именно врётё, а то неувязочки выходят!

Гвардейцы молча скользнули в стороны, из-за спины Навинии, – в ровный круг: Алья успел отдать приказ окружить Сусликову. И ждать. Тоже

надеется, что Навинии всё же удастся достучаться до глупой девицы – в том или ином смысле этого слова. Я его понимала: магичка сможет вырубить нашу рыжую проблему, не причинив той особого вреда, а вот дроу с отравленными клинками – вряд ли. Учитывая, что стихийное оружие сильно отличается от настоящего, и его невозможно выбить у мага из рук...

– Он и тебя хотел убить! – принцесса вновь скрестила свой клинок с багровым мечом, не позволяя противнице продвинуться вперёд. Прозрачные очертания Машкиного щита подрагивали в воздухе у самой руки Навинии, огненная рапира пересекала его границу; в памяти услужливо всплыли строчки о том, что перед стихийным проявлением Дара бессильны любые щиты, кроме тех, что сами являются Даром. – Никогда не задавалась вопросом, почему он не стремится разделить с тобой свою постель?

– Это только шлюху вроде тебя каждый может сразу в кровать завалить! – выпалила Сусликова. – А я не из этих!

Она и сама побагровела – от гнева. Изумрудное пламя бессильно обожгло траву неподалёку от её ног. Стремительно отпрыгнув на шаг назад, Машка снова отбила атаку Кресты. Не спеша нападать, застыла на месте, окинув расчётливым взглядом окружившее её кольцо дроу, оценивая расстояние, отделявшее её от Эсфориэля.

И от меня.

– Он тебя просто использовал, – устало бросила Навиния. – Если б ты проснулась минутой раньше, сама бы слышала его милое...

– А даже если использовал, что такого?

Это заставило принцессу замолчать, а меня – удивлённо вскинуть голову.

– Думаешь, я в него была без памяти влюблена? – Ещё две магические стрелы Машка отбила, даже толком не глядя. – Да знаю я, чего он от меня хотел! Видела, как из кожи вон лез, чтоб меня на нужный лад настроить, чтоб я захотела на эту войну пойти! Думал, я ничего не пойму, наивный мой. Прелесть всё-таки был... – Сусликова горестно вздохнула. – Но я использовала его, а он – меня, и что? Всё честно! Это была выгодная сделка: ему – вой-на и победа над тёмными, мне – корону, положение, всё такое... А вы лишили меня этого, всего этого!

Она угрожающе махнула клинком, и я ощутила, как мой рот приоткрывается сам собой.

Да я тебя недооценивала, Сусликова. Думала, ты вторая Авэндилль, такая же бедная глупая девочка, которую использовали как могли. А ты...

– Он хотел тебя убить! – выплюнула Навиния. – Отправить в туннели дроу на смерть! А если бы ты вернулась оттуда, убить лично!

Машка фыркнула: даже это её не впечатлило.

– Обломался бы, – с убийственным хладнокровием откликнулась Сусликова. – Ну да, я его выбешивала периодически. И что? Я всех своих парней бесила, и специально в том числе. А уж Фрайн бы после официальной помолвки у меня по струнке ходить стал!

– Да как ты не поймёшь...

...а ты, оказывается, чем-то похожа на меня.

– Леттэ Мэрису... Мэрис, всё кончено! – кто-то из бывших советников Хьовфина вновь попытался урезонить его бывшую невестку. – Тэлья Фрайндин убил Повелителя на наших глазах, он признался, что устроил заговор с целью подставить тёмных! Я понимаю, вы сейчас себя не помните от горя, но опустите меч, про-шу вас!

– Леттэ Мэрис, – молодой владыка людей решил присоединиться к уговорам, – давайте просто дождёмся, пока проснётся наше войско, и...

– И объясним всем, что тёмные на самом деле белые и пушистые, а во всём виноват Фрайн, и эльфы с дроу должны сказать «миришь-миришь» и пожать друг другу мизинчики? – Сусликова расхохоталась. – И вы думаете, они вам... – её взгляд, обращённый на Мирстайла, сделался задумчивым. – Хотя вам... а ведь вам, да ещё после этого трюка... могут и поверить.

Когда Машка резко взметнула меч кверху, её глаза вспыхнули ведьминским огнём:

– Нет. Я не дам этой истории закончиться так.

Стайл растерянно качнул головой.

– Леттэ Мэрис, что...

– Свет победит тьму, свет должен победить тьму! Мне суждено привести его к победе, стать спасительницей Риджии! И вы думаете, я позволю всё это запороть? Чтоб все лавры достались этим грёбаным миротворцам, а я осталась никем? И этой достались, *этой!* – Машка снова сорвалась на крик; когда её взгляд обратился на меня, она даже не нашла достаточно ругательных слов. – Твой же трюк, да, Белоснежка? Ты это придумала, всех усыпить, оставить понятыми самых важных шишек? Ну да, конечно, такой клёвый способ показать, что вы милые лапочки! Только плаката не хватает, с надписью «Мы хорошие и добрые»! А мне плевать на все эти ваши показательные выступления, слышишь? Если гадюка родилась гадюкой, гадюкой она и останется!

– Ты говоришь теми словами, которые вложил в твою пустую голову Фрайн, – презрительно бросила Навиния. Она тоже держала рапиру на

изготовку. – А теперь попробуй задействовать собственные...

– Да при чём тут Фрайн? Я это сразу поняла, как в Риджию попала, сразу, как узнала про войну! Ещё до того, как его встретила! Что тёмные должны умереть, все, и даже если Фрайн правда устроил заговор, он был прав! Сейчас дроу беззубые, но потом-то зубки отрастут. И мы *обязаны* их победить, потому что так заканчиваются все сказки, всегда! Не просто же так! – В глазах Сусликовой стекленело то же выражение, что тогда, в доме Фрайна, когда она сказала, что бешеных животных надо усыплять. – А это моя сказка, моя, мне дали все эти силы, и эльфийского принца, и коня, вокруг меня всё это закурили, меня забросили к светлым накануне войны! Я здесь героиня, я главная, и правила устанавливаю тоже я! И у моей истории будет счастливый конец. – На кончике багрового клинка зародилось огненное марево. – Тот, которого я хочу.

Святые ёжики. Хотя этого можно было ожидать: подобной реакции человека, угодившего во всю эту историю с попаданчеством. Потому что каждый, стремясь сохранить свою психику, реагирует на это событие по-своему.

Она не понимает, просто не понимает, что всё это – всерьёз, что это не сказка, не книжка, не компьютерная игрушка...

Сусликова выбросила меч вперёд, Навиния вскинула рапиру, и волна кровавого пламени впиталась в золотое лезвие клинка принцессы. Но этого времени Машке хватило, чтобы прыгнуть к противнице – и, небрежно скользнув двуручником по рапире, которой Навиния всё же успела закрыться от удара, проскочить мимо.

Следующая огненная волна ударила уже по тёмным гвардейцам, тем двум, что стояли у Сусликовой на пути. Успев уклониться, они тут же вернулись на позиции, метнулись к Машке... и застыли как вкопанные, ведь та всё же успела начертать в воздухе парочку рун.

Но вместо того, чтобы просто пробежать между ними к цели, Сусликова взмахнула мечом.

Когда огненное лезвие снесло голову одному, в котором я успела узнать Сумэйла – легко, без крови, мгновенно прижегшейся волшебным пламенем, – сердце застыло у меня в груди.

Когда голова убитого покатила по траве, а багровый клинок понёсся к шее второго – он встретил меч Морти.

– Мерзавка, – выдохнула принцесса дроу, и я впервые видела её такой: с потрясением и яростью, пылавшими в глазах плавленным золотом. – За что?!

Естественно, Сусликова не ответила. Мигом оценила обстановку: её

успели окружить четыре копии Альи, чьё лицо исказила ненависть; сзади уже подлетала Навиния и подступали другие гвардейцы, горевшие жаждой мести за убитого товарища; по армии дроу, оставшейся за спиной, расходился опасный ропот...

И, выгнув пальцы свободной руки, вычертила рунную цепочку.

Лод рядом со мной дёрнулся, но окружить дроу защитным барьером не успел. Впрочем, и незачем было: Машка прекрасно понимала, что нечто замысловатое прокастовать ^[23] времени нет, а потому заклятие просто разошлось вокруг неё порывом ветра, сбившего с ног даже нас с Лодом.

Только вот к моменту, как я вскочила, в ушах звенела странная, неестественная, устрашающая тишина.

Я посмотрела на Машку, стоящую в паре шагов от меня – опустив меч, пристально разглядывая моё лицо. Потом – на просторный купол из белого, непроницаемого, слегка светящегося тумана, накрывший нас с Лодом и Эсфориэля, который так и стоял над телами своих братьев. Словно огромная чаша из молочного матового стекла... отрезавшая нас и от Морти, и от Альи, и от эльфов, и от дроу, и от наших колдунов.

Нужные страницы из магических трактатов всплыли с ментальной полочки сами собой.

Абсолютный Барьер. Тот самый, формулу которого Лод когда-то увлечённо обсуждал с Навинией. В ту давнюю, безумно давнюю пору, когда принцесса ещё была пленницей дроу.

Сейчас это казалось воспоминаниями из прошлой жизни.

Абсолютным барьер разумно прозвали по той причине, что он абсолютно отрезал от окружающего мира тех, кто оказывался внутри. От всего, включая заклятия, физическое воздействие, запахи и звуки. Чтобы поддерживать настолько мощную магию достаточно долго, требовалось чудовищное количество сидиса, но в этом у Сусликовой недостатка не было.

В отличие от Лода.

Я посмотрела на колдуна – белого как полотно, как раз слизнувшего с губ капельку крови. Оставалось лишь догадываться, каких усилий ему стоит держаться на ногах, причём прямо. Перевела взгляд на Эсфориэля: потерянного, всё ещё сжимавшего окровавленный меч в опущенной руке.

Он мог убить Сусликову. Прямо сейчас. Но даже я не была уверена, что желаю ей – бедной, запутавшейся, убогой – смерти. А этой ночью и так уже пролилось слишком много крови, которой мы так отчаянно желали избежать.

Я вновь посмотрела на Лода.

Он исчерпал весь запас энергии. У него не осталось сидиса вообще, а роторэ – ничтожно мало. Если Лод попытается сейчас защитить нас от атак Сусликовой, которые обязательно последуют, он умрёт. Просто умрёт.

Однако вечность назад мы говорили о том, что можно сделать, если мы попадём в подобную передрыгу. И когда Лод перехватил мой взгляд, по его обречённому прищурю я поняла, что он тоже это помнит.

– Привет, Белоснежка. – В глазах Машки зажглись нехорошие огоньки; лицо бывшей однокурсницы, подсвеченное кровавыми сполохами пламенного двуручника, сейчас почти пугало. – Ну вот и встретились.

Я вложила свои пальцы в ладонь Лода. Естественным жестом испуганной, ищущей защиты девчонки. Впрочем, часть этого не была притворством. Всё-таки не слишком комфортно оказаться запертой в одном барьере с двумя трупами, не считая человека, который очень хочет меня убить.

А вот Сусликову, похоже, мёртвые соседи не особо смущали.

– Смотрю, потрепала вся эта история твоего хахаля. – Машка не торопилась нападать, и кончик её меча дотла выжигал траву, которой касался. – В этот раз не убежишь, и помочь некому... и кто из нас теперь имеет право нос задирать? Поможет тебе твой хвалёный айкью, твоя хвалёная память? – она улыбнулась. – Но можешь попросить о пощаде. Разрешаю. Авось подобрею.

Лод пока бездействовал, и я знала, почему. Если Машка поймёт, что он делает, это мигом спровоцирует её на атаку, – но пока у нас ещё оставался мизерный шанс решить всё мирно.

– Маш, брось меч. Брось меч, и никто тебя не тронет. Пойми, мы хотим мира, а то, что делаешь ты... это неразумно. – Я очень постаралась сказать это спокойно и рассудительно, и мне даже удалось. – Если ты не любила Фрайна, зачем так хочешь за него отомстить?

– А ты думала, я дам тебе дважды отнять у меня то, что должно было принадлежать мне?

– Я не...

– Ты на стороне тьмы. План наверняка был твой. Значит, это сделала ты. – Её улыбка превратилась в усмешку. – И за это время ты так меня достала, что сил никаких уже нет.

На тело бывшего жениха она не смотрела. В лице – ни следа тоски или боли. Дело принципа, месть за отобранную вещь: даже не любимую, просто принадлежавшую ей.

Добрая девочка, ничего не скажешь.

– Предположим, ты убьёшь меня, девочка. Всех нас убьёшь. И что

дальше? – голос Эсфориэля был усталым, и я его понимала. Эта ночь оказалась слишком богата на события, которых никто из нас не ожидал. – Светлые слышали признание моего брата своими ушами. Видели, как он убил Фина, своими глазами.

– Прости, если разочарую, – добавила я, прекрасно понимая, к чему он клонит, – но эльфы и люди скорее поверят советникам своих владык, чем тебе.

Сусликова кивнула, легко соглашаясь с нашими словами.

– Да. Им могут и поверить. – Пожала плечами. – Но если их не станет, верить будет некому.

Я уставилась на неё во все глаза.

– Ты что... собираешься их...

Бывшая однокурсница даже не стала утруждать себя ответом. Действительно – зачем подтверждать очевидное.

Я покосилась на Эсфориэля. Потом на Лода. Если лицо второго не особо изменилось, то вот первого – очень даже.

Главная героиня сказки, в которой свет побеждает тьму. Прекрасная рыжая ведьма, несущая добро и справедливость верхом на демоническом коне: неважно, нужны они вам или нет. Ради добра и справедливости готовая прикончить всех, кто будет иметь что-то против её представлений о них.

Странно, но это пугало меня больше, чем несчастная Дилль, фанатик-Советник и бедняга Фрайн, вместе взятые. Потому что этот монстр таился в самом обычном человеке, которого я вроде бы хорошо знала. Думала, что знаю... довольно самоуверенно думала.

Сила – возможность делать то, что хочешь, и не считаться ни с чем – всегда была прекрасной лакмусовой бумажкой. Потому что вытаскивала из бездны человеческих душ на свет то, чему лучше было бы оставаться во мраке.

– Маш, ты ведь...

Я осеклась, не закончив фразу.

Не убийца? Смешно. Она только что на моих глазах хладнокровно снесла голову Сумэйлу. А до того не раз пыталась убить меня.

– Маш, мы не в игрушке. Не в сказке, не в книжке, не во сне. – Я попыталась зайти с другой стороны, сказав то, о чём думала раньше. – И те, кто вокруг тебя, – не картонки, не чернильные строчки, не цифры в коде. Это люди... и эльфы. Живые.

– И что?

Я ощутила себя так, словно бьюсь головой о стенку, пытаюсь пробить

лбом кирпич.

Она не понимает. Просто не понимает. Вернее, понимает, но прочувствовать, понять по-настоящему – не может.

И что-то мне подсказывало – не сможет.

– Ты всерьёз собираешься убить кучу живых... существ? Невинных?

– Тоже мне – невинных! К тому же они всё равно массовка. – Машка небрежно махнула свободной рукой в сторону эльфов и людей, оставшихся за гранью туманного купола. – Кто потом вспомнит каких-то безымянных советников?

– Светлые проснутся не скоро. А за границей барьера, кроме эльфов и людей, тебя ждёт целая армия дроу. – Я вновь попыталась воззвать к её разуму. – Ты не справишься со всеми.

– Я попробую. И справлюсь. – Она широко улыбнулась. – Это ж обязательная часть любой сказки, Белоснежка. Ты же сама книжки читала, фильмы смотрела... сама всё знаешь. Безвыходная ситуация. Когда кажется, что добро вот-вот проиграет, когда героя отпинали, обезоружили и повалили наземь и силы зла торжествуют и злорадно хохочут, прежде чем его добить. Но если герой найдёт в себе достаточно сил, чтобы подняться и бороться до конца, то обязательно победит. В последний момент достанет из ботинка припрятанный нож, или орлы прилетят, или птичка феникс поплачет и принесёт тебе волшебную шляпу... – Машка перехватила меч поудобнее. – Добро всегда побеждает. Свет уничтожает тьму, а не мирится с ней, чтобы уйти за ручку в закат.

Нет, они с Фрайном точно стояли друг друга. Двое поехавших, каждый на своём.

– Ты чокнутая, Сусликова. – Я прижалась к Лоду, и на этот раз – искренне. – Очнись наконец, включи мозги и пойми, что это реальность, чёрт возьми! И идея шапками врага закидать ещё в нашем мире провалилась, уже полтора века как! Нет здесь никакого добра и зла, нет никаких орлов и фениксов, есть только...

Но Машке уже надоело дискутировать, и она кинулась вперёд. На меня.

Золотое сияние, пробившееся сквозь переплетение наших с Лодом пальцев, я заметила на самой грани зрения. Эсфориэль оказался перед нами как раз вовремя, чтобы отразить Машкин удар, – однако ещё раньше огненный клинок отскочил, наткнувшись на невидимую преграду, заставив эльфа замереть у границы магического щита.

Поначалу Машку это не смутило. Фыркнув, она отвела меч и рубанула по барьеру Лода снова. И снова.

Ещё через три удара её рот изумлённо приоткрылся.

Когда после следующих двух барьер по-прежнему остался на месте, Сусликова непонимающе взглянула Лоду в лицо.

– Ты же пустой, – недоверчиво, даже будто с упрёком резюмировала Машка, – у тебя сил не осталось! Как тогда...

Запнулась, заметив светлую дымку, окутавшую наши соединённые руки; и я – не чувствуя, как Лод забирает мой амант, преобразовывая мою энергию, наполняя ею свой магический резерв и тут же расходуя – подумала, что не зря всегда была за неспешное развитие отношений.

Нет, я сильно сомневалась, что у нас будет «только после свадьбы», особенно учитывая мои взгляды на брак. Но то, что мы не торопились заходить слишком далеко, хотя я уже переселилась из лаборатории колдуна в его спальню, определённо пришлось кстати.

Лод вскинул свободную руку, и Сусликова едва успела принять алую молнию, змейкой ударившую из ниоткуда, на свой клинок. Следующее заклятие уже разбилось о её щит.

– Эсфор, – коротко бросил Лод, когда третье развеялось над травой синим туманом, – если достанешь её, режь сухожилия.

Эльф оглянулся. Секунду смотрел на нас, словно в раздумьях.

Вновь повернувшись к Машке, шагнул вперёд – из-под прикрытия барьера Лода.

Миг спустя его клинок выбил по щиту Сусликовой дробь частых ударов. Та выкрикнула заклятие, но эльф мгновенно нырнул обратно, под защиту колдуна, и багровые искры лишь осыпали траву там, где он только что был. В следующую секунду Эсфор вновь скользил вокруг окружившей Машку прозрачной стены; та пыталась отразить его атаку своим клинком, достать его мечом, но куда там – эльф просто уходил от ударов раньше, чем огненное лезвие приближалось к нему.

Очередное заклятие Лода, полыхнувшее синей вспышкой, не пробило её щит, однако отбросило Сусликову на пару шагов назад. Проявив на её лице растерянную ярость.

Даже её силы не были безграничными. Поддерживать одновременно Абсолютный Барьер, щит и огненный клинок, противостоять при этом замысловатым заклятиям Лода и такому мастеру меча, каким был Эсфор, – оказалось слишком даже для неё.

Игры кончились. Больше никто не собирался её щадить.

И она это поняла.

Огненный клинок вновь окутали сполохи кровавого пламени. Эсфориэль метнулся к нам с Лодом, и не зря – испепеляющая волна,

сорвавшаяся с Машкиного клинка, была такой мощной, что заполнила собой все пространство под туманным куполом. Жадный багровый огонь окутал барьер, защищавший нас: скрыв Машку из виду, заставив воздушный щит на руке Лода возмущённо, натужно замерцать, а меня – ощутить внезапную слабость в ногах... и погас, оставив нас на маленьком кусочке травы, уцелевшем в круге голой выжженной земли.

И вместо белого тумана я увидела обеспокоенную Морти, Алью и Фаника – с армией дроу за ними.

Абсолютный Барьер исчез. Вместе с той, что его создала.

– Где *это*? – коротко бросил Алья.

– Сбежала. – Лод поднял мрачные глаза к светлеющему небу. – Жаль.

– Но как ты...

– Сноуи поделилась энергией.

Под взглядом Повелителя дроу я первой выдернула пальцы из ладони колдуна, отступив на шаг. Ноги слегка подкашивались – Лод явно не ограничился одним амантом.

– Это к лучшему, – сказал Эсфоризель. – Поможет ей остыть. Хорошенько обдумать всё. Понять, что она заблуждается.

– А в одиночку она всё равно ничего не сделает, – добавил Фаник.

Я кивнула. Задумчиво, с некоторым сомнением. С Сусликовой станется наделать глупостей. И, учитывая её характер и нынешние... убеждения, – ещё каких.

С другой стороны, сейчас были проблемы и поважнее. Хотя бы та, что нам ещё только предстоит оставить Сусликову одинокой в своём стремлении воевать.

Как раз в этот момент молодой владыка людей подошёл к Навинии. Глаза Алии сузились, однако Мирстайл, застыв в шаге от принцессы, лишь смиренно склонил голову.

– Моя Повелительница, – произнёс он, – жду ваших распоряжений.

Когда Стайл оглянулся на советников принцессы, так и державшихся в стороне, трудно было понять, чего в его взгляде больше, нажима или вызова. Но, как бы там ни было, под этим взглядом люди тоже поспешно склонили головы.

Ознаменовав, что статус-кво восстановлен.

– Ждём, пока проснутся остальные, – сказала Навиния, кивнув юноше со смесью благодарности и лёгкого снисхождения. – Затем рассказываем им правду.

Один из советников Хьовфина тоже двинулся с места. Приблизившись к телу своего владыки, приложил одну ладонь ко лбу; ею же выплел в

воздухе какой-то замысловатый символ – знак прощания с мёртвыми. Повернулся к Эсфориэлю, стоявшему рядом, так и не выпустившему меч из руки.

Учтиво поклонился эльфу-изменнику – и, отвернувшись, прошествовал мимо него к Дэнимону, который стоял у одного из шатров с отсутствующим видом. Криста успокаивающе сжимала руку принца, Восхт что-то тихо говорил ему, однако оба притихли, когда эльф приблизился к ним.

Дэн бесстрастно смотрел, как бывший советник его отца опускается перед ним на колени.

– Повелитель Дэнимон, – молвил эльф, глядя на наследника престола снизу вверх.

Эсфориэль и Фаник первыми последовали его примеру. Восхт поторопился присоединиться, настойчиво дёрнув за руку Кресту, вынудив сделать то же; а там и остальные эльфы, стоявшие поодаль, тоже преклонили колени.

Хм... значит, у нас *действительно* может получиться.

– Да здравствует Повелитель, – негромко произнёс Алья.

Сарказм в его голосе был почти незаметен, но, услышав эти слова, Дэн вздрогнул. Перехватил взгляд владыки дроу, отсалютовавшего ему клинком с насмешливым уважением.

Выражение в глазах эльфийского принца наконец приобрело некую осмысленность.

– Да здравствует, – эхом откликнулся он.

Обвёл взглядом дроу, молчавших в рассветной тишине, эльфов, которые отныне были его подданными, и два тела на траве, благодаря щиту Лода уцелевших в багровом огне. Какое-то время смотрел на мёртвого отца, обманутого и убитого мёртвым братом, лежавшим рядом.

И, закрыв лицо руками – отчаянным, порывистым, мальчишеским жестом, – всё же позволил своим плечам судорожно вздрогнуть.

Глава десятая

Эксельсиор^[24] Белоснежки

На втором часу пиршества Алья, поднявшись со скамьи, знаком попросил тишины. Когда просторный чертог окутало молчание, вскинул свой кубок.

– Я хочу почтить этой чашей всех, кто не дожил до сего дня, – произнёс Повелитель дроу звучно и бархатно. – Всех, чья кровь пролилась в напрасных распрях, всех, кто не должен был умирать.

Повелители, сидевшие за высоким столом подле него, их Первые Советники и Криста, примостившаяся рядом с Дэном, молча поднялись следом. Мы с Фаником и Восхтом – тоже. Потом и остальные присутствующие встали на ноги, один за другим: будто волна, стремительно катившаяся от одного длинного стола к следующему.

Кубки к губам все поднесли почти одновременно. Эльфы, дроу, лепрекконы и люди.

И на сей раз я действительно пригубила своё вино.

Новое празднество в честь заключения мира, конечно, проводили не в том же замке, где свершилась резня. Тот, как я узнала, все эти восемнадцать лет стоял заброшенным – со дня рокового пира его окрестили проклятым местом. Сейчас мы восседали в чертоге королевского дворца Мирстофа, принадлежавшего Навинии. Те, кто не вместились в чертог, пировали в шатрах, разбитых в саду, а по всей столице людей пили и гуляли её ликующие жители.

Ликовали в первую очередь, конечно, из-за возвращения принцессы, а вовсе не из-за мира с тёмными. Но я надеялась, что хотя бы часть радуется и последнему.

План увенчался успехом. К тому времени, когда светлые проснулись, армия тёмных отступила обратно в свои туннели, предоставив объясняться с ошалевшими эльфами и людьми их главнокомандующим и «нашим» светлым. Конечно, поначалу им никто не верил, но очнувшиеся маги прямо на месте досмотрели память и всех командующих, и Фаника, и Дэна, и Эсфориэля, и даже Навинии, милостиво позволившей это сделать. И, поделившись увиденным со всеми остальными, с изумлением признали, что всё сказанное – правда. Злодеи – Фрайн, Авэндилль и вирт Форредар, ныне покойные. Последний сознался в своём преступлении принцессе,

попытавшись её отравить, а первый обезумел и высказал истину всем, кто остался бодрствовать, после убийства венценосного брата. Вся армия светлых находилась в полной власти дроу, получивших прекрасную возможность истребить их всех, но не воспользовавшихся этим.

В итоге доказательства нашей невинности и мирных намерений вышли более чем убедительными.

Конечно, светлые ещё не один час стонали по убитому Повелителю, бурлили и спорили, пытаясь поверить тому, что услышали, и принять, что в войне нет нужды. Но в конце концов, вняв увещаниям своей любимой принцессы и новоявленного Повелителя Дэнимона, – которого любили не меньше Навинии и больше его почившего отца, – успокоились.

И тогда, позвав Акке, Навиния и Дэнимон передали дроу приглашение на новый пир...

– Если дети Вины когда-нибудь попросят маму поведать трогательную историю их знакомства с папой, – задумчиво молвил Фаник, глядя на возвышение, где восседали Алья с Навинией, – мне хотелось бы при этом присутствовать.

Усмехнувшись, я проследила за взглядом принца. Четверо владык сидели за высоким столом бок о бок, и Навиния, скармливая Клементу какое-то лакомство со своей тарелки, беззаботно щебетала о чём-то с владыкой дроу. Рядом – Первые Советники: тот самый лепрекон, которого я уже лицезрела на давнишних переговорах во дворце тёмных, Лод, Эсфориэль... и Мирстайл. Конечно, другие советники Навинии роптали, что принцесса поставила над ними какую-то зелень, но та любезно напомнила им, что раньше они собирались сделать эту зелень своим королём, при этом оставив законную Повелительницу на растерзание врагам, и советники быстро умолкли. Народ же только обрадовался этому известию – Стайл успел им полюбовиться – и честил на все корки вероломного покойничка, занимавшего этот пост ранее.

Я понимала, что положение Мирстайла скорее фиктивное. Да и сам несостоявшийся владыка людей, как мне казалось, это понимал. Но зачем назначать действительно сильного Советника на то недолгое время, что осталось до свадьбы принцессы с Алей? Навиния и сейчас чутко прислушивается к мнению Повелителя дроу, которому советует Лод. А после свадьбы наследник рода Миркрихэйр займёт свой почётный пост подле того, кто будет править и дроу, и людьми.

Конечно, это случится не прямо сейчас. Надо, чтобы дроу окончательно вернулись в подлунный мир, чтобы люди привыкли к миру с теми, кого они приучились бояться, – тогда весть о помолвке не вызовет

возмущений. По этой же причине Навиния не стала разгонять всех своих предателей-советников сейчас, хотя очень хотела: смене органов власти лучше происходить постепенно, дабы не подбивать обиженных подданных на подстрекательства к бунту. Лод поручил иллюранди бдительно отслеживать опасные настроения среди эльфов и людей, и несколько человеческих индивидуумов, которых не устраивал ни мир с дроу, ни возвращение своевольной принцессы, уже сидел в дворцовых темницах. Вроде бы у остальных это отбило желание к разговорам на подобную тему... но, с другой стороны, и времени пока прошло всего ничего.

Лепреканы на этом пиру были единственными, кто смотрел на дроу без всякого напряжения. Сейчас их Повелитель, меднокудрый, казавшийся совсем юным, о чём-то смеялся с Альей: так же, как смеялся, когда Лод в начале пира с торжественным поклоном преподнёс ему ларец с чёрными жемчужинами. Принять артефакты обратно венценосный лепреконт отказался, а кражу из своей сокровищницы назвал восстановлением справедливости. Лишь сказал, что теперь ему ясна причина таинственного побега его казначея, над которым он ломал голову все эти дни, подозревая доселе честнейшего старика в хитроумных растратах, не обнаружившихся даже после тщательнейшей проверки бумаг.

А ещё с непреклонной улыбкой попросил Повелителя дроу как-нибудь по секрету поведать, как нам удалось это проверить: чтобы учесть ошибки на будущее.

– Если у нас с Лодом когда-нибудь дойдёт дело до подобного рассказа, – сказала я, – наша история будет не лучше.

– Насколько я знаю, он спас тебе жизнь, – заметил Восхт с ухмылкой. – Это романтично.

– А потом нацепил на меня ошейник и держал на коврике перед камином.

Колдун поперхнулся вином.

– Что, правда?

– Нет, конечно. К моменту, когда я поселилась на коврике у камина, с меня уже милостиво сняли ошейник. Так что я всего-навсего спала вместе с комнатной собачкой.

Улыбнувшись недоверчивому ужасу в глазах Восхта, я потянулась к блюду с фруктами: за время, проведённое у дроу, где меня не баловали свежими углеводами, я успела по ним соскучиться.

Забавно. А ведь сухое изложение фактов и правда звучит довольно страшно.

И насколько всё меняют маленькие детальки.

– Кто-то так и будет видеть в моей истории унижительную участь домашней зверюшки. Жалеть бедняжку... или презрительно морщиться от того, что меня, несчастную влюблённую дурочку, это не особо смущало. Видеть стокгольмский синд... извращённую привязанность жертвы к пленителю. И в истории Альи с Навинией – тоже. – Я с хрустом надкусила бочок большого красного яблока. – И попробуй докажи, что в обоих случаях всё либо совсем не так, либо куда сложнее.

– А надо ли доказывать, если кто-то не способен сам этого понять? – философски заметил Фаник, и я была с ним согласна.

Мы занимали места на скамье за почётным столом, ближайшим к королевскому возвышению. В душном воздухе мешались запахи специй и женских духов, жареного мяса и цветочного вина, мёда и свежесдобитого хлеба. На светлых каменных стенах висели знамёна: серое с серебром – Бллойвугов, жёлтое с чёрным – Сигюров, синее с белым – Бьортреасов, зелёное с золотом – владыки лепреконов. Пир обходился без танцев – хоть это и был праздник, но всё же печальный; лишь несколько музыкантов, сидя у подножия высокого стола, перебирали струны лютен, и мелодичные звуки взлетали под своды пиршественного чертога, словно сияющие птицы, которых когда-то мы с Лодом запускали в Айвентирри.

Доев яблоко, я сложила огрызок на краю серебряной тарелки с затейливыми вензелями. Окинула взглядом зал, увидев, как иные эльфы и люди любезно переговариваются с серокожими соседями по столу, и ощутила запоздалую гордость.

В Риджии наконец воцарился мир. А то недоверие, те раны, что ещё болят, рано или поздно уйдут. И всё наладится – не сразу, но обязательно...

Взгляд натолкнулся на Морти, сидевшую на другом конце стола, рядом с Лу. Улыбавшуюся своему жениху: улыбкой, в которой невозможно было различить боль.

Призрак хорошего настроения мигом растаял.

– Пойду немного подышу свежим воздухом, – сказала я, поднимаясь из-за стола.

Фаник кивнул, Восхт и вовсе не отреагировал – и, стремительно пройдя по бесконечному залу, я выскользнула в огромные двустворчатые двери.

Миновав анфилады, предшествующие выходу из дворца, я оказалась в саду. Здесь журчали фонтаны, мерцало стекло фонарей, благоухали осенними цветами пышные клумбы и шуршали на ветру ровные аллеи пёстрых крон, аккуратно подстриженных. Изящный, с чётко выдержанной композицией, этот сад напоминал о Петергофе – сильно отличаясь и от

эльфийских, и от того, к чему я привыкла у дроу. Шатры и павильоны с разноцветными шёлковыми стенами, подсвеченными изнутри, не скрывавшие отзвуков голосов и звона чаш, чудесно вписывались в обстановку: они казались огромными бумажными фонариками, вот-вот готовыми взлететь. Дождливая морось заставила меня укрыться под ближайшим деревом – и, прислонившись спиной к шершавому стволу, застыть, вглядываясь в ночь. Без куртки, в одной тонкой рубашке я уже замерзала, но мне было всё равно.

В особые дни, неизбежно наступавшие каждый месяц, моё настроение всегда металось синусоидой. Сейчас наступили именно они – пусть и с задержкой, явно вызванной скитаниями между мирами и просто нервами. И навели меня на мысль, что в Риджию надо решительным образом привносить некоторые недостающие средства гигиены. Если приличное мыло, зубной порошок и даже щётки здесь были, то более интимные вещи – увы, а тряпочки в качестве заменителя меня не особо устраивали. Хорошо хоть обошлось без крючащей боли внизу живота и обычного трёхдневного приступа мигрени: Лод дал лекарство, которое я пила каждое утро, бесследно снимавшее все неприятные симптомы... лекарство, наверняка позаимствованное у Морти.

И наверное, из-за всего этого у меня на душе теперь и было так скверно.

– Почему ты ушла?

Услышав голос колдуна, подкравшегося из темноты, я вздрогнула.

– И не говори, что подышать свежим воздухом, – добавил Лод, пристально вглядываясь в моё лицо.

– Нет. – Я отвела глаза, уставившись перед собой. – Просто... – тяжёлый вздох невольно сорвался с губ. – Глядя на Морти... наверное, я до конца жизни буду вспоминать, что счастлива за чужой счёт.

Лод, ничего не сказав, прижал меня к себе. По случаю пиршества поверх штанов и рубашки он набросил не обычную рабочую мантию, а другую, шёлковую, имевшую право зваться праздничным одеянием. Ткань, гладкая и тёплая, пахла ароматами, к которым я уже привыкла, – полынью, свежестью и книгами. Потом, взяв меня за подбородок, заставил вскинуть голову. Поцеловал: недолго, твёрдо, решительно.

– Мы не были бы счастливы. Ни я, ни Морти, – мягко произнёс Лод, когда наши губы разъединились. – Поверь. Только мучили бы ещё несколько лет и друг друга, и других.

Я не ответила. По крайней мере, не на это.

– Ты вышел сразу следом за мной. Не слишком ли красноречиво?

– Мы всё равно не можем прятаться вечно. Не можем и не должны, и я не хочу мучить тебя и дальше. – Лод коснулся моих волос. – Алья сам сказал мне, что разбитое сердце прекрасно лечится в женских объятиях, и чем скорее я в них упаду, тем лучше.

– Как мило с его стороны...

И правда. Удивлюсь, если Повелитель дроу не заметил моего интереса к Лоду, – но для Алии горюющий колдун просто воспользуется тем, что за ним хвостиком бегают влюблённая девочка. И не будет ничего удивительного в том, что поиск утешения перерастёт в нечто большее. Алью, наверное, ещё и порадует такой расклад.

Только вот боли Морти всё это не отменяет.

– Как думаешь... она сможет действительно быть счастливой с Лу? – тихо спросила я.

– Она сможет быть счастливой. И будет. Я уверен. – Лод вскинул голову. – Тэлья Эсфориэль, вас тоже утомила духота?

Я испуганно дёрнулась, но колдун не выпустил меня из объятий; и за приближением Эсфора я проследила, беспомощно повернув голову.

– Да. Есть немного. – Эльф смотрел на нас без любопытства, без осуждения. Пальцы Лода коротко погладили моё плечо, словно говоря «успокойся», и это правда успокоило. – Светлые оправдывают твои ожидания?

– Более чем.

– И мои. Я рад, что сердца моих братьев не поглотила ненависть... не вконец. – Эсфориэль вскинул голову, будто хотел сквозь мокрую листву разглядеть дождливое небо. – Надеюсь, на сей раз боги дозволят нам завершить пиршество без происшествий.

– Уповаю на то же.

Эльф, молча кивнув, прошёл мимо нас, и меня удивило внимание, с которым Лод смотрел ему в спину.

Вернее, удивляло, пока колдун не заговорил.

– А знаете, помолвка Первого Советника Повелителя эльфов и сестры Повелителя дроу немало поспособствует укреплению связей между примирёнными народами, – заметил Лод. Негромко, словно невзначай. – В вашем случае подобное предложение никого не возмутит... и не удивит. Даже если вы сделаете его в самое ближайшее время.

Эльф замер в паре шагов от нас, и я его понимала. Сама оторопела.

Помолвка между Морти и Эсфориэлем? Серьёзно?

С чего вдруг Лод об этом...

– Неужели это настолько очевидно? – не оборачиваясь, ровно спросил

Эсфориэль.

...хотя да, о чём это я.

Лод ведь ничего не делает без причины.

– Нет. Но вы знаете, что я неплохо просчитываю тех, с кем имею дело, – голос колдуна был мягким. – Я знаю, что заставляло вас скрывать свои чувства, однако теперь она свободна.

– Она не свободна. Она обручена.

– По расчёту. А Лундвинэл из дома Рауфгата не ровня Эсфориэлю из рода Бьортреас. Я говорил об этом с Альей... Его останавливают обещание матери и чувства Морти, но он признал, что это был бы хороший ход.

– Ты говорил с ним, не спросив ни меня, ни её? – Эсфор тихо, очень тихо рассмеялся. – Верен себе, Лод.

– Если я знаю, что так действительно будет лучше, мне нет нужды спрашивать.

Эльф долго стоял неподвижно. Его длинные волосы, гармонируя с мерцающей парчой одежд, отблескивали бледным золотом даже во тьме.

– Нет, – сказал он затем. – Ей не нужен старик, который навлекает проклятье на всех, кого любит.

Не оглядываясь, стремительно прошествовал вперёд, во тьму ночной аллеи. «Старик»... прекрасное, вечно юное Дитя Солнца, казавшееся младше Лода.

Трёхсотлетнее.

А ведь в сравнении с Морти – правда старик.

– Эсфориэль... и Морти? – когда эльф скрылся из виду, только и смогла вымолвить я.

– Неужели тебя это удивляет, учитывая его историю?

Я промолчала: сейчас это и правда вдруг показалось мне совершенно логичным. Как и то, что из этих двоих вышел бы хороший союз – ведь, пожалуй, только такой, как Эсфориэль, и достоин такой, как Морти. Несчастный Эсфориэль, потерявший слишком многое. Эсфориэль, два раза обманувшийся в любимых братьях.

Два раза вынужденный убить тех, кого любит, собственной рукой.

– Они были бы чудесной парой. Залечили душевные раны друг друга... пожалуй, только им двоим и под силу это сделать, – в словах Лода послышалась печаль. – Жаль, что Морти никак не разглядит его чувств. А если и разглядела, не придаёт этому никакого значения.

– Это же Морти, – пробормотала я.

Что ж, будем надеяться, воля царственного брата и общее благо двух народов всё же перевесят в её глазах обязательства перед женихом, о

котором она не просила. О её собственном счастье говорить бессмысленно – это для Морти всегда было на последнем месте.

– Но если она и Эсфориэль... то Лу...

– Из подобных ситуаций не бывает безболезненных выходов. Кто-то в любом случае останется со своей болью, и если выбирать, кто именно, я выбираю Лу. Он молод, умён и хорош собой, он ещё найдёт себе ту, что полюбит не меньше Морти. Ту, что станет его женой по любви. – Лод, отстранившись, распахнул полы мантии и обнял меня за плечи, укутывая в плотный нагретый шёлк. – Вернёмся? Здесь всё же довольно холодно.

Так в обнимку мы и дошли обратно до дворца. Уже в дверях отступили друг от друга на шаг – и в зал вошли просто бок о бок, спокойно разошедшись по своим местам.

Заняв своё место между Фаником и Восхтом, я стянула с ближайшего блюда кусок мясного пирога. И даже с удовольствием его уплела. На Морти, правда, смотреть всё равно было совестно... но мне определённо стало за неё немножко спокойнее. Наверное, поэтому у меня не вызвало особенных чувств то, что некоторое время спустя принцесса поднялась со скамьи, чтобы подойти к столу, за которым сидел её брат. Что-то сказала ему и другим Повелителям, улыбнулась в ответ на их улыбки; потом бросила некую короткую фразу Лоду и, не дожидаясь, пока колдун поднимется с места, направилась к выходу из чертога.

Алья следил, как Лод встаёт на ноги, с неким тоскливым неодобрением, но тот последовал за принцессой без особого волнения. Не забыв по пути мимо моего стола встретиться со мной глазами, коротко улыбнувшись. А я посмотрела на Лу, провожавшего глазами свою невесту с абсолютной безнадежностью во взгляде, и, не дожидаясь момента, когда оба скроются из виду, уткнулась в свою тарелку: не зная, что Морти хочет сказать своему бывшему хальдсу, но не ревнуя.

В конце концов, мне и самой хотелось, чтобы Лод каким-то образом донёс до Морти то, о чём мы говорили в саду. И эти двое имеют полное право на прощальную прогулку.

* * *

Колдун нагнал принцессу дроу уже у самых дверей в сад.

– Спасибо, – бросила Морти, когда Лод поравнялся с ней.

– За что?

– Что пошёл со мной.

– Ты думала, я могу тебе отказать?

Она не ответила, принимая руку, которую он не замедлил подать. Мерным шагом спустилась вниз по широким ступеням, изящными пальцами придерживая насыщенный фиолетовый бархат длинной юбки, и гравий садовой дорожки почти не зашуршал под её ногами.

– Помнишь, как когда-то мы мечтали, годы назад... что будет, если нам всё же удастся примириться со светлыми?

– Помню, – ответ Лода был печальным.

– И вот мы с тобой правда гуляем под небом. Ничего и никого не боюсь. – Морти неотрывно смотрела в тёмное небо, пока дождливые моросинки оседали на её щеках. – Даже не верится.

Колдун смотрел на неё из-под прищура русских ресниц.

Они шли мимо фонтанов, шёлковых павильонов и россыпей белых астр. Молча, пока принцесса не произнесла:

– Думаю, родители сейчас рады за нас.

– Думаю, даже гордятся.

– Мной вряд ли. А вот тобой – ещё как. – Улыбка Морти была грустной, едва заметной. – Я рада за тебя... и за неё. Хочу, чтобы эта девочка прожила самую светлую жизнь, которую только может.

– За Литу?

– За неё тоже.

Во взгляде Лода, почти тёмном в ночи, скользнул намёк на некие колебания, но колебания эти были недолгими.

– Ты тоже заслужила свою счастливую жизнь, – тихо произнёс он. – Лучше, чем ту, чем дал бы тебе я. И лучше, чем даст тебе Лу.

Улыбка Морти стала горькой.

– Участь дочери владыки, не наследующей престол, редко бывала счастливой. По крайней мере, в её собственном понимании счастья.

– Порой счастье совместимо с долгом и чужими ожиданиями.

Ровное замечание бывшего хальдса заставило Морти коротко рассмеяться:

– Только не говори, что у тебя и здесь припасён некий хитрый план.

– Не сказал бы, что особо хитрый, – Лод склонил голову, – однако...

Колдун и принцесса рука об руку прошли в деревянную арку, увитую плющом, под сень узкой древесной аллеи и почти смыкавшиеся шары-кроны. Шорох листвы приглушил их голоса, а тень – фигуры, скрывшиеся от света фонарей, оставшихся далеко в стороне.

Поэтому тэлья Эсфориэль, который шёл мимо арки, возвращаясь во дворец, вряд ли сумел бы их увидеть.

Зато вспышку ослепительной, пугающей синевы, пронзившую темноту под деревьями – вполне.

* * *

Я дегустировала уже третий пирог – с изюмом, корицей и, кажется, мёдом: распиливая его на мелкие кусочки, отправляя в рот неторопливо, без спешки, уже не потому, что была голодна, а потому, что было вкусно. Даже позволила себе ещё немного сладкого цветочного вина. Немного, потому что помнила свой предыдущий опыт употребления спиртного, и заснуть за столом не хотелось, – но, судя по дремотной расслабленности, тёплой волной окатившей кончики пальцев, мне и этого хватило.

А ещё я лениво думала о Машке.

Интересно, где она, как она... может, и правда возьмётся за ум? И в какой-то момент пойдёт на мировую? Хорошо бы. Иначе ведь придётся либо убивать убогую, либо калечить – учитывая, что ошейник исключается. Конечно, наилучшим вариантом было бы сунуть Сусликову в прореху и отправить домой: на обратном пути она наверняка растеряет всё, что получила при попадании в Риджию, и нам проблем больше не доставит... да только, боюсь, и это исключено. Не похоже, чтобы Машка по кому-то скучала, и покидать сказочку, которую она искренне считает своей, ей тоже явно не хочется.

Но с таким Даром в таких руках...

В какой-то момент я боковым зрением увидела, как резко вскакивает Алья. Не сразу придав этому значение. И лишь после того, как дроу, сорвавшись с места, побежал куда-то к дверям, а по залу начал расползаться странный ропот, догадалась посмотреть, что привлекло его внимание.

Увиденное заставило вилку выпасть у меня из руки.

– Я нашёл её в саду, – крикнул Эсфориэль, двигаясь навстречу Алье. Растерянный, непонимающий. – Увидел странную вспышку, решил посмотреть, а там...

На руках у эльфа лежала Морти. С закрытыми глазами, с кожей, выцветшей до пепельной бледности. Руки безвольно свешены, бархат широкой юбки почти подметает пол, лицо узкой ленточкой прочерчивает кровавый след, от складки под носом и по щеке.

Ропот уступил место мёртвой тишине, в которой Лу стремглав кинулся к невесте, пирующие один за другим стали вставать – а Эсфор,

опустившись на колени посреди зала, передал бесчувственное тело принцессы её брату, рухнувшему рядом.

– Лод! – закричал Алья хрипло и отчаянно, сидя на полу, прижав сестру к себе; Лу замер сбоку от него, не решившись сделать пару последних шагов. – Где Лод?

Восхт очнулся раньше меня. Вскочил и, с неожиданным проворством метнувшись вперёд, оказался рядом с Повелителем дроу ещё прежде, чем соседи Алья по высокому столу поспешили к месту действия.

Где же Лод? Они ушли вместе, но где он? И кто сделал это с Морти? Вспышка... заклятие? Но не он же, он не мог, зачем ему?! Кто-то из светлых в саду? Машка? Но тела Лода Эсфор не нашёл, значит, его не прокляли, значит, он скрылся, убежал – но почему бросил Морти, почему не вернулся в...

Когда Восхт сел рядом с Алей, я всё же нашла в себе силы подняться с места. На бегу смотрела, как колдун сканирует тело принцессы знакомым серебристым сиянием. И к тому времени, как я добежала, Восхт уже опустил руки.

Изменившись в лице.

– Что с ней? – отрывисто спросил Алья.

Мысли путала странная, отупелая растерянность, подогретая вином, сытостью и былой умиротворённостью. Я ничего не знала, ничего не понимала и осознавала лишь, что Морти плохо, очень плохо, а Лода почему-то нет рядом, нет, когда он так нужен...

– Повелитель, это... это *лёнгсам утхэрнин*, – произнёс Восхт со странной беспомощностью. – Проклятие медленного истощения.

Навиния рядом со мной прижала ладонь к губам. Я не поняла почему, но это явно был плохой знак. Перед глазами всплыл пергамент, освещённый робкой свечой, который я когда-то, безумно давно, читала в лаборатории Лода: в ту ночь, когда впервые увидела колдовские цветы в его библиотеке, в ночь, когда увидела чёрные шёлковые ленты в его спальне.

«*Лёнгсам утхэрнин*» – это рандхейвский. А на жёлтом шершавом листе было написано «*бёлвун хайегур риртнур*», то же «*проклятие медленного истощения*», но на риджийском. И дальше шла рунная формула, многократно перечёркнутая, так и не завершённая – то ли усовершенствование уже существующей, то ли поиск нейтрализующей...

– Очень редкое, – голос Восхта дрогнул, – требует огромного количества сил... его почти не используют, в бою это нерациональная трага...

– Хватит болтать! – Алья почти рычал. – Лечи её! Быстро!

– Повелитель, оно... неизлечимо.

И тут я поняла причину ужаса Навинии.

А вот Алья, молча глядевший на колдуна, – кажется, нет.

...взамен неисцелимых ран у нас появились неисцелимые проклятия...

Гадкий, предательский холод пополз по рукам. От кистей – выше. Нет, нет... когда я говорила, что до конца жизни буду... я не думала, что не хочу видеть Морти, не думала, что она должна исчезнуть, никогда не думала! Она должна жить, обязана, она... Морти не может умереть, Алья не может её потерять, Лод не може...

– *Лёнгсам утхэрнин* – одно из десяти проклятий, которые нельзя нейтрализовать, – бессильно бубнил Восхт, точно его вызвали к доске на уроке: чтобы сказать хоть что-то, чтобы попытаться хоть как-то успокоить огонь, вспыхнувший в глазах Повелителя дроу. – Очень сложно сотворить, да. Но нейтрализовать невозможно.

Я видела, как побледнел Лу – той же пепельной бледностью, так, будто прокляли его самого. Как потемнели глаза гвардейцев Алья, окруживших нас, как потемнели глаза всех дроу в зале. Иные девушки уже плакали; лоя на себе взгляды мужчин, светлые невольно сбивались ближе друг к другу.

Лод... Лод, где же ты? Ты смог бы её вылечить, ты работал над формулой, ты всё...

– Я же сказал – лечи её, – произнёс Алья наконец. Не крича, спокойно, почти любезно. – Это так сложно, понять короткий приказ?

Восхт потерянно разомкнул губы:

– Повелитель, вы не...

– Я всё понял. Но ты её вылечишь. – Алья уже почти шептал. – Немедленно.

– Повелите...

– Излечи её. Ты должен. Пожалуйста, прощу! – Алья крепче обнял умирающую сестру, и шёпот его сбился в хрип. – Прощу, она же... она же моя...

Навиния, подступив сзади, дрожащей рукой коснулась его плеча, но дроу словно не заметил этого. Опустив голову, закрыв глаза, он баюкал Морти, лежавшую в его руках – словно больного ребёнка, словно маленькую девочку, словно другую сестрёнку, когда-то сидевшую на его коленях, тоже потерянную, – и кровавую дорожку на щеке принцессы разбила прозрачная капля, упавшая сверху. Дыхание её уже было почти незаметным, лицо спокойным, точно во сне.

Мир обратился чёрной пустотой с маленьким куском реальности

прямо передо мной.

– Это... будет быстро. – Восхит тоже сбился на шёпот. – Она не очнётся, и ей... ей не больно.

Неправильно. Немыслимо. Всё не должно закончиться так.

Не должно, не должно, не...

Эсфориэль отстранил Алью одним решительным толчком. Безмолвно, непреклонно разжал руки Повелителя дроу. Тот даже не сопротивлялся, потерянно глядя, как эльф бережно прижимает к себе принцессу, сейчас казавшуюся такой хрупкой; и тонкие, почти стеклянные пальцы осторожно и ласково приподняли голову Морти, так, что губы Эсфориэля почти коснулись её губ – одновременно с тем, как в сиреневых глазах полыхнуло фиолетовое пламя.

– Клянусь хранить жизнь твою, душу и сердце, пока не испущу последний вздох, – Эльф заговорил, и в его словах звучала щемящая, беспредельная нежность и странная обречённость, – отдаю тебе моё сердце, мою душу и мою жизнь.

– Не может быть, – выдохнул Фаник за моим плечом.

– Прими мой дар. Прими меня, как я принимаю тебя. – Эсфориэль прикрыл глаза. – Мы едины. Отныне и навсегда.

В памяти эхом всплыло то, что когда-то говорил мне младший эльфийский принц.

...этим ритуалом эльф отдаст ей половину своей жизни...

...с женщиной, которую он любит всем сердцем...

...эйтлих исцеляет любое проклятие...

Неужели...

Когда Эсфориэль всё же коснулся губ Морти своими, слепящий фиолетовый свет, пробившийся невзвезд отсюда, ярким сполохом окутавший обоих, на несколько долгих секунд лишил меня возможности видеть что-либо.

Следом я услышала резкий, отчаянный вдох.

А потом увидела, как Морти, судорожно моргая, дыша часто и глубоко, смотрит на Эсфориэля снизу вверх. Теперь – не бледная.

Определённо живая.

– Что... – в голосе принцессы слышалось непонимание, – тэлья...

Эльф молча смотрел на Морти, вскинув голову, опустив глаза. Взглядом, в котором невероятным образом мешались усталость, опустошение и счастье.

Ты всё же сделал это, Эсфориэль. То, что не успел сделать триста лет назад, то, чего не мог сделать твой брат.

Эйтлих, ваш величайший дар...

– Морти! – Алья наконец позволил себе вдохнуть. Тут же яростно подался вперёд. – Морти, кто это сделал?

Окружающие застыли в угрожающей тишине. Принцесса повернула голову, глядя на брата обескураженным взглядом, словно очнувшись от кошмарного сна.

– Рыжая, – прошептала Морти. – Рыжая ведьма... Фрайна. – Глаза её расширились. – О боги, Лод...

Знакомый голосок послышался в тот самый миг, когда ко мне вернулось здравомыслие, вытеснив растерянное бездумье. В тот миг, когда облегчение вновь уступило место ужасу, заставив моментально протрезветь.

В тот миг, когда я поняла: конечно же, Лод вовсе не скрылся и не убежал.

– Ну вот, всё испортили. А я-то так надеялась, что она помрёт, и привет, новая заварушка...

Гвардейцы Алья во главе с Лу кинулись на несостоявшуюся убийцу принцессы ещё прежде, чем я посмотрела в сторону, откуда донеслись её слова. Посмотрела как раз вовремя, чтобы увидеть, как пальцы дроу проходят сквозь руку Сусликовой, словно та была призраком, а светлые вокруг испуганно расступаются.

Проекция. Ну конечно, стала бы она вот так приходить лично. Про это я тоже читала в одном из магических трактатов. Весьма непростая магия, нечто вроде волшебной голограммы или иллюзий, как у Алья, только иллюзии управлялись силой мысли, а проекция просто копировала движения оригинала. К тому же фантомы магов, в отличие от дроу, не обладали материальностью: их можно было использовать лишь в качестве отвлекающего манёвра или средства общения, но никак не для нападения. Зато маг мог заслать свою проекцию куда угодно – колдовской призраком обходил многие защитные чары так же ловко, как иллюранди... и, если хватало силёнок, с помощью проекции маг получал возможность поболтать даже с теми, кто находился в сотне километров от него.

Она была здесь. Воспользовалась тем, что в честь праздника защиту дворцовых ворот ослабили, и пролезла в сад. А потом, сделав своё чёрное дело, телепортировалась подальше и воспользовалась проекцией, спрятав её в каком-нибудь дальнем углу, пользуясь тем, что все отвлеклись, – чтобы досмотреть, чем кончится это самое дело...

– Болтун ты, Кроук. – Стоя в окружении дроу, которых бессилье лишь разгневало больше, призрачная Сусликова взглядом нашла кого-то в толпе

светлых. Презрительно сморщилась. – А говорил, эта штука не лечится... ладно, хоть посмотрела, как она работает.

И, повернув голову, встретилась глазами со мной.

– Да ты щас никак заплачешь, Белоснежка! – Сусликова театрально всплеснула руками. – Я-то думала, ты мне спасибо скажешь! Эта фифа с твоим хахалем так мило чирикала... а, к слову, о твоём хахале. Ты ведь хочешь его ещё когда-нибудь увидеть?

Ненависть сбила дыхание, глодая лёгкие холодным огнём.

– Что ты с ним сделала?

Хотелось кричать, но я сама удивилась, насколько тихим вышел мой голос.

– Ну, сейчас он рядом со мной. – Сусликова – настоящая Сусликова, где-то там, далеко от своей проекции, повторявшей каждый её жест – поглядела влево и вниз, на то, чего я видеть не могла. – Лежит, красивенький такой... у тебя неплохой вкус, да. И почти не пострадал. Если мне не веришь, можешь потом в зеркальце посмотреть. Правда, надо было сделать так, чтоб он не колданул ненароком, когда очнётся, а у меня нет таких крутых антимагических цацек, как у вас... пришлось сломать ему руки. – Сусликова насмешливо улыбнулась тому, что увидела в моём лице. – Да чего ты так бесишься! Не шею же, в конце концов. Пока.

Я смотрела в зелёное сияние её ведьмовских глаз, пока душу испепеляла ледяная преисподняя, вдруг разверзшаяся внутри.

Я убью тебя, тварь. Убью.

Убьюубьюубью...

– Верни его, Сусликова. Сейчас же. По-хорошему прошу.

Я сказала это очень, очень спокойно. И очень, очень тихо.

Я не дам ей услышать мой крик.

– И что тогда? – Сусликова расхохоталась. – Милостиво сохранишь мне жизнь?

– Нет. Постараюсь сделать так, чтобы твоя смерть была быстрой и почти безболезненной.

Да. Я знала, что прощение – правильно, что прощение – сила. Но я никогда не утверждала, что ямогу простить. Особенно того, кто ясно дал понять: прощение – не для него.

Того, кто только что заставил весь мой запас доброты сгореть в пламени моего персонального ада.

– Как страшно, – Сусликова фыркнула. – В общем, меняю твоего хахалю на тебя. Дарю полсуток на раздумье, может, гонору поубавится... Придётся завтра в полдень в тот замок, где была резня восемнадцать лет

назад – отпущу его. Туда, где я его держу, демонам вашим не пролезть, а я ещё свою защиту добавила. Волшебное колечко у него с шеи я на всякий пожарный выбросила, с пальца стянуть не смогла... ну ничего, со сломанными руками особо не развернёшься. И из этой гексаграммы всё равно не убежишь. А если б вы могли его вернуть, уже вернули бы. – Она вновь снисходительно покосилась на что-то у своих ног. – Я с него глаз не спущу, так что самим вам его никак не вытащить. Если замечу, что пытаетесь окружить замок или внутрь пролезть, убью. Тут же. А сама улечу, мне это раз плюнуть.

Волшебные колечки. На пальце – управляющее, на цепочке на шее – то, которое помогло бы Лоду сбежать из любого плена. Конечно, он на всякий случай носил его с собой.

Только вот на сей раз Сусликова оказалась недозволенно предусмотрительной.

– Зачем?! – на этом месте не выдержала даже Криста. – Зачем тебе это?!

– Восстанавливаю справедливость. – Сусликова даже не взглянула в её сторону: смотрела только на меня, как и я на неё. – Ты отняла моё, я отниму твоё... или тебя. Последнее даже честнее. Что, скажешь, не так? – она дёрнула головой в издевательской пародии на поклон. – В общем, решай, Белоснежка. Но опаздывать не советую.

И растворилась в воздухе, оставив меня сжимать кулаки. И думать.

Думать...

– Мы можем вытащить Лода оттуда?

Голос Альи, стоявшего прямо передо мной, слышался будто сквозь водяную толщу.

– Не знаю, – честно ответила Навиния. – Если она утянула его в замок Матхниз...

– Там ещё действуют старые защитные чары. Наши же чары, – уныло закончил Восхт. – Сторожевой контур на всей территории, в иные залы не могут проникнуть иллюранди...

– А к тем чарам она добавила свои и наверняка перенастроила контур на себя.

Последнее высказывание принадлежало незнакомому молодому человеку в мантии колдуна, смуглому и темноволосому, пробившемуся к нам сквозь толпу светлых.

Глядя на него, Навиния гневно шагнула вперёд.

– Кроук! – принцесса бесцеремонно ткнула бывшего любовника пальцем в грудь. – Это ты научил её лёнгсаму? И проекции? Идиот!

– Я знаю, – виновато произнёс тот. – Я ведь не думал, что она способна... а учить кого-то с такой силой... да, теперь она многое умеет. Благодаря мне – тоже. Но я знаю, что именно. – Кроук вскинул голову. – Мне известен предел её возможностей, а это...

– Я пойду туда.

Когда я произнесла это, все оглянулись на меня. Недоверчиво. Просто, наверное, для всех девочка-хвостик Лода успела проассоциироваться с тем, кто находит выход из безвыходных ситуаций.

Как раз такой, как эта.

– Девочка, – резко начал Алья, – ты...

– Я пойду туда. Потому что ей нужна я. – И медленно вскинула голову. – Значит... значит, дадим ей то, что ей нужно.

* * *

Мы с Восхтом, который помог мне телепортироваться, оказались перед замком за пять минут до полудня.

Матхниз купался в лазурных водах Долгого озера, раскинувшегося на границе королевств эльфов и людей, и казался воистину неприступным. К каменистому берегу вплотную подступал порыжевший лес; замок построили на небольшом острове, метрах в двадцати от берега, и над озёрными волнами к серым крепостным стенам, окружавшим зубчатые башни, тянулся надёжный каменный мост.

У входа на него нас и ждали.

– Явились, – проекция Сусликовой милостиво кивнула. Она не отбрасывала тени, и солнечный свет просвечивал сквозь неё. – Пунктуальные.

Рядом стояли два земляных элементаля: безликие пародии на людей, огромные и жуткие, слепленные из свежей земли, в которой проглядывали обрывки корешков и зелёной травы. На светлых камнях, которыми вымостили мост, виднелся грязный след, оставленный ими по пути сюда.

– Я здесь, – сказала я, прекрасно зная, что всё не будет так просто. – Отпусти Лода.

– Э, нет. Сначала ты приходишь ко мне, потом он уходит. – Сусликова кинула снисходительный взгляд на Восхта. – Жди здесь, скоро заберёшь своего дружка.

Она исчезла за миг до того, как элементали двинулись ко мне. Земляные руки-щупальца, толстые и длинные, обвили мои локти с двух

сторон, куклой оторвали от земли – и, даже не позволив попрощаться, бесцеремонно поволокли вперёд.

– Всё будет хорошо, – крикнула я, через плечо посмотрев на угрюмое лицо колдуна. Тот страдальчески кивнул.

Отвернувшись, я позволила элементам тащить себя к массивным стенам Матхнiza, пока ветер распускал по водам озера вокруг весёлую рябь.

Холодное прикосновение к моим рукам...

Контроль, Белоснежка.

Подъёмные ворота были опущены, так что меня беспрепятственно внесли во внутренний двор, сквозь брусчатку которого давно пробилась зелёная трава. Скелетов, к счастью, не было: тела всех светлых, погибших в этом дворе во время резни, с почётом похоронили, а тёмных – скинули в озеро. Сам замок был не слишком высоким, но впечатлял своей угрюмой массивностью. Его строители явно больше заботились о надёжности, чем о красоте.

Тяжелые двустворчатые двери, ведущие внутрь, отворились, когда меня подтащили к ним. Элементали грузно прошаркали в огромный холл. Свет, просачивавшийся сквозь узкие окна-бойницы, почти не рассеивал мрак, но я всё равно видела следы в густом слое пыли, скопившейся здесь за восемнадцать лет... и бурые пятна, которые эти следы явили на свет. Пятна, которые не были землёй.

Если снаружи кровь давным-давно смыл дождь, здесь смывать её было нечему.

Меня тащили вереницей узких коридоров и винтовых лестниц, мимо выцветших гобеленов, знамён и доспехов, ржавевших у стен. Я даже не пробовала брыкаться – зачем? Так что просто висела в лапах элементалей, покорных воле своей хозяйки, шаг за шагом приближавших меня к ней.

Остановились мы лишь перед другими двустворчатыми дверьми, и на этом месте меня всё же поставили на ноги, чтобы грубо втолкнуть в комнату. В ту короткую секунду, когда одна из дверей приоткрылась щёлочкой, прежде чем тут же закрыться вновь.

Никто не заметил тень, слившуюся с моей, скользнувшую в эту щель вместе со мной.

И с той стороны меня тоже ждали.

На сей раз щупальца элементаля подсекли мне ноги. Когда я упала в ключья пыли на каменном полу, обвили запястья, вздёрунув их вверх, заставив сесть; в итоге я оказалась на коленях, а два элементаля развели мои руки в стороны, точно цепями. Полная, абсолютная беспомощность.

– Надо же, и правда пришла. – Сусликова, сидевшая во главе длинного стола, скучаясь поднялась с места. То, как вокруг неё маревом замерцал щит, я заметила даже в окружавшей нас полутьме. – И что, неужто невидимых друзей не прихватила?

Предусмотрительная, гадина. Как я и думала.

– Нет, – тихо ответила я.

– Ну смотри, – Сусликова демонстративно, выжидающе скрестила руки на груди. – Если на меня сейчас кто-нибудь выпрыгнет, можешь с ним попрощаться.

Я смотрела на Лода, лежавшего в гексаграмме, слабо сиявшей на полу изумрудной вязью. Кроме стола, стульев и нескольких узких окон, даже не застеклённых, в комнате не было почти ничего, так что места для гексаграммы на полу осталось хоть отбавляй. Колдун был без сознания: ресницы на бледном лице подрагивают в беспокойном сне, руки беспомощно раскинуты по полу. При взгляде на его распухшие пальцы под сердцем вновь полыхнул огонь, яростное пламя ненависти...

Призрачное ощущение чужих ладоней, сжимающих мои. Очертания комнаты, на миг дрогнувшие.

Тихо... контроль, контроль.

– Я пришла одна. Не хотела подставлять его под удар.

Сусликова удовлетворённо склонила голову.

– Что, неужто у нашего Эйнштейна не нашлось хитрых трюков?

– Не нашлось.

Я уже шептала.

– А кто обещал мне медленную и мучительную смерть? Что, силёнки переоценила?

– Я... я у тебя, Сусликова. Ты победила. – Я опустила голову. – Теперь отпусти его. Пожалуйста.

Сусликова ухмыльнулась. Подступив к магической клетке, начертила в воздухе руны.

Когда она вновь повернулась ко мне, Лод открыл глаза. Миглом приподняв голову, судорожно огляделся, заметив меня, дёрнулся к краю гексаграммы. Подняться на ноги явно не мог, привстал на локтях – я старалась не думать о той боли, что причиняют ему переломы – и лишь стукнулся лбом о невидимую стену. Губы колдуна разомкнулись: он что-то прокричал, но я не расслышала, что. Та же стена, что не давала ему выйти, не давала мне услышать его.

Зато он слышал меня.

– Тише, Лод, – я сказала это спокойно, заставив его замереть,

мучительно вглядываясь в моё лицо. – Так надо. – Вновь посмотрела на Машку. – Я жду.

Тут она позволила себе рассмеяться.

– Ты что, правда поверила, что я его отпущу?

Я замерла, глядя на лицо под рыжими кудрями, которое озарили отблески огненного клинка, вспыхнувшего в её руке.

Ожидаемо.

– Я... не... – я шумно сглотнула, – зачем он тебе?!

– Как – зачем? Я так поняла, у тёмных он большая шишка. Внучок Ильхта Злобного... значит, не только тебя можно на него приманить. Если что, скажу, ты на меня с кулаками с ходу кинулась, а я малость психанула. Всё равно о тебе никто особо плакать не станет. – Она облизнула губы. – Конечно, в конце концов я его всё равно убью. Если б не ты, не вы двое... лезли и лезли всюду, каждой бочке затычки, мать вашу... у светлых бы всё получилось. Но когда вы исчезнете...

– Нет! – я отчаянно рванулась, извиваясь в щупальцах элементалей. Сердце драли огненные когти, когда я видела, как Лод бьётся в магической клетке, тщетно пытаясь вычертить руны сломанными руками, беззвучно выкрикивая что-то. – Нет, убей меня, но его отпусти! Это я тебе нужна, я твой...

– Не волнуйся, убью. У него на глазах. Сейчас. И даже мучить не буду. Сначала я думала убить его у тебя на глазах... потом передумала. Из-за всего этого. Ты ведь ценишь холодный расчёт, Белоснежка? – она подошла ближе, оставив гексаграмму с Лодом за спиной. – Это ты испортила мою сказку. Ты пролезла сюда вместе со мной, ты стала моим врагом, ты раз за разом вставала у меня на пути. Но убирать надо вас обоих... Да, главное – убрать вас. И всё пойдёт на лад.

Прости, Лод...

Я отвела взгляд от гексаграммы. Затихнув, смотрела, как бывшая однокурсница поднимает кровавый двуручник, занося его над моей головой: вид у неё был абсолютно, окончательно, бесповоротно безумный.

Наверное, мне стоило бы пожалеть бедную девочку, вместо типичной сказочки про попаданку угодившую совсем в другую историю. Спятившую в ней же.

Только вот всю жалость во мне уже выжгло.

– Я же говорила, Белоснежка, – прошептала Сусликова, и зелень в её глазах засияла торжеством. – Добро всегда побеждает.

Клинок опустился, – но за миг до того, как огненное лезвие коснулось моей шеи, за миг до того, как я наконец отпустила контроль, мои губы всё-

таки скривила предательская улыбка.

Мир поглотила чернота.

И я исчезла.

...а потом открыла глаза в полутьме винтовой лестницы и, убедившись, что полностью перехватила контроль, бойко побежала вниз по ступенькам.

Яростный женский вопль был слышен даже отсюда.

Лестница привела к арке в стене – совсем рядом с комнатой, в которой я оставила Сусликову. Вынырнув оттуда, я добежала до двустворчатых дверей. Посмотрела на две кучи земли, в которые за ненадобностью превратились элементали, немногим ранее притащившие меня сюда.

Постучав по дверному косяку, прислонилась спиной к стене напротив.

Должно быть, какое-то время Сусликова ещё таращилась на опустевшую гексаграмму. Я почти видела это: непонимание и отрицание в её глазах. То, как она смотрит на место, где только что был Лод, и место, где только что была я – не в силах поверить, что мы оба просто исчезли.

Бедняжка слишком увлеклась убиением меня. Поэтому не увидела, как за её спиной в гексаграмму скользнул Акке, чтобы, шепнув Лоду пару слов, стянуть с руки колдуна управляющее кольцо и заменить на другое. Акке, которого фантомная я протащила в собственной тени.

Как только на пальце Лода вместо управляющего кольца оказалось следящее, призвать его для Морти труда не составило.

Ждать пришлось, наверное, с минуту, но в конце концов двери резко распахнулись, и Сусликова предстала передо мной – тяжело дышащая, с мечом наготове. Увидев меня, остолбенела.

– Прости, но один хитрый трюк у меня в запасе всё-таки был. – Я спокойно встретила её взгляд. Поверх её плеча обозрела комнату, где остались лишь элементали, застывшие земляными истуканами, да ненужная больше гексаграмма. – А... мне кажется или твой рычаг давления на нас исчез?

Меч расчеркнул воздух кровавой зарницей.

На сей раз я не успела отпустить контроль. Поэтому вылетела сознанием из этой иллюзии, ощутив некие неприятные мурашки в области шеи. На миг вновь увидела перед собой черноту закрытых век, услышала негромкий изумлённый голос Лода, ощутила холод камня, на котором сидела, и ладони Альи, сжимающие мои руки – мои *реальные* руки...

По тонкой ментальной ниточке нащупав другую иллюзию, ждавшую своего часа, вновь вынырнула из собственного тела – и нырнула туда.

Сложно было только в самые первые разы. Те, что состоялись у меня пару часов назад в качестве тренировки, в Мирстофе, под чутким руководством Альи. Всё равно что в полной темноте пытаться перейти в одну из комнат по соседству с твоей, приветливо зазывающих отблесками путеводных маячков. Сначала теряешься, бредёшь медленно, на ощупь, боясь оступиться; но как только поймёшь, что путь свободен, набираешься смелости и бежишь. А с самоконтролем, необходимым, чтобы не вылететь из иллюзии раньше времени, у меня всегда было хорошо.

Пусть даже в данном случае контроль был не совсем «само».

Хорошо, что я не стала сразу пускать в расход ту иллюзию, которую оставила ближе всего к месту действия. В конце концов, подобная реакция Сусликовой на неприятное известие о моём воскрешении была вполне ожидаемой. Так что теперь, вселившись в новый фантом, я спокойно толкнула дверь, вышла из пыльной комнатки в длинный замковый коридор – и, увидев Сусликову, яростно озиравшуюся в его дальнем конце, помахала ей рукой.

– А я всё ещё здесь! – мой крик был почти весёлым.

На сей раз она уже не стала кидаться сломя голову. Приближалась медленно, с опаской. Явно ожидая подвоха.

– Как?! Ты не можешь быть проекцией, не можешь быть иллюзией! Их нельзя пощупать, нельзя схватить...

– Боюсь, мой юный падаван, ты всё ещё чертовски мало знаешь о местной магии. Особенно о магии презренных тёмных. – Я следила за её приближением, презрительно скрестив руки на груди. – Ты проиграла, Сусликова. Наши скоро будут здесь, так что советую уносить ноги, пока можешь.

– Чёрта с два, – прошипела та, оставляя позади шаг за шагом. – Вы не можете так быстро присылать новые фантомы издалека, вы уже здесь! Где-то в замке, как-то пролезли внутрь...

– Сусликова, уходи. Совет бывшей соотечественницы и сокурсницы. А то я вспомню про своё обещание касательно твоей мучительной смерти, – участие в моём голосе прозвучало почти искренне. – Ты, знаешь ли, пыталась отнять у меня самое дорогое, как только я это обрела. Да и бешеных животных, как ты сама говорила, надо усыплять.

На этот раз я уже увернулась от её меча – и припустила по пыльному коридору со всей лёгкостью, на которую способно было моё почти-материальное тело, не ограниченное усталостью, чувствительностью или приземлённой потребностью в воздухе. Вновь вспомнила вчерашний вечер.

Почти улыбнулась.

...я пойду туда. Потому что ей нужна я. – Я медленно вскинула голову. – Значит... значит, дадим ей то, что ей нужно.

Встретила изумление в глазах Альи, Дэнимона за его плечом, Кресты, прильнувшей к жениху. Всех других.

Нет, у меня ещё не было плана. Точного плана, по крайней мере. Но было много мелочей, уже сложившихся в его подобие. Осталось лишь прояснить детали. И хоть позже я обязательно проверю, жив Лод или нет, я знала, что жив: для вранья Сусликова изложила слишком много подробностей.

Весьма полезных.

– Не волнуйтесь, самоубийство в мои планы не входит. Но сначала о том, с кем и с чем нам предстоит иметь дело. Кстати, она больше за нами не шпионит? Не хотелось бы, чтобы нас услышали.

– Теперь точно не услышит, – сказал Восхт, опустив руку ещё прежде, чем в воздухе угасла рунная паутина.

– Хорошо. – Я повернулась к Кроуку. – Зрение Изнанки. Оно ей доступно?

Удачно, что бывший учитель Сусликовой оказался сегодня здесь. Впрочем, маг, занимавший высокое положение при дворе принцессы людей, обязан был присутствовать на столь важном мероприятии; а даже если бы вдруг не смог, я всё равно бы про него вспомнила. И достала из-под земли.

Не захотел бы сотрудничать добровольно, получил бы украшение в виде серебряного кольца на шею.

– Нет. – Колдун растерянно сплёл опущенные руки в замок. – Она пробовала его развить, с первого раза у неё не вышло... там нужно особое состояние души и сознания...

– И она не сочла нужным пробовать дальше, – заключила я, поставив галочку в ментальном листке перед глазами. – Хорошо. Как обстоят дела с защитными чарами? Не думаю, что она изучала много заклятий, связанных с защитой домов и помещений. Наверняка в основном сосредоточилась на боевых.

Всё вокруг – праздничный чертог, светлые, тревожные перешёптывания – перестало существовать. Все окружающие больше не имели значения – кроме тех, кто мог мне помочь, всё волнение ушло – сейчас я не имела на это права. Остались лишь мысли, отчаянно ясные, ниточками сплетавшие очередной хитрый пазл.

Ладно, Сусликова. Хочешь войны – будет тебе война.

Ты собственной рукой отрезала себе все пути, кроме одного.

– Я... учил её одной защите. Её можно быстро сотворить, если хочешь спрятаться от врагов в комнате. – Кроук пожевал губы; ему явно было ужасно неловко, что всё это случилось отчасти по его вине. – Суть в том, что помещение окружает сплошной контур, сквозь который никому не пробиться. Даже проекции или иллюранди. Пройти можно лишь через дверь, если ты её откроешь. Но защита действует, только пока ты внутри, и очень уязвима к магии... обычно её используют, чтобы выиграть время, не более.

– А, это же «брэйтлих вэйг»! – с надеждой воскликнул Восхт. – Так если ударить по ней парочкой сильных заклятий...

– Как только ударим, Лод покойник, – даже не повернувшись в его сторону, отрезала я. – Пройти в дверь может любой? Приглашение не нужно?

– Пока дверь открыта, да, – подтвердил Кроук. – Как только она закроется...

– Это уже неважно. Раз защита действует, лишь пока маг внутри, то она встретит Сноуи в той же комнате, где держит Лода. – Морти, которой Эсфориэль помог подняться с пола, понимающе взглянула на меня. – Ты хочешь, чтобы с тобой туда проник кто-то ещё? Кто-то, кто разберётся с ней и освободит его?

Молодец, Морти. Почти угадала.

– Я пойду, – заявила Навиния. – С сумеречной пылью я пройду через защитный контур незамеченной. Проскользну с нашей Белой Ведьмой и снесу этой твари...

– Вы мыслите в правильном направлении, но нет. Тварь учтёт этот момент и подстрахуется, и убить её исподтишка не получится. А как только она почувет, что дело нечисто, то убьёт Лода и удерёт, как она и сказала. Мы не можем так рисковать. – Я уже достаточно хорошо знала Сусликову, чтобы по достоинству оценить и её предусмотрительность, и её способность к убийству без лишних раздумий. – В первую очередь надо не устранять её, а вытаскивать Лода. Лучше скажите: эти чары, которые против иллюранди, – как они действуют?

– Они не дают иллюранди проникнуть в помещение, – услужливо ответил Кроук. – Прийти и уйти через тени, как они любят. Особая разновидность запрета на магические проникновения.

– А пройти обычным способом, через дверь?

– Нет, это им не помеха.

– Прячется потом в тени, если они уже внутри?

– Тоже нет, – признал колдун. – Но покинуть комнату через тени они

не...

– И не нужно. – Я нетерпеливо дёрнула головой. – Она обмолвилась о гексаграмме, из которой не убежишь. Что это может быть?

– Наверное, речь о «Клетке Сэйкехет». Я показывал ей... создаёт прозрачную стену вокруг того, кого положишь внутри. В итоге ни пленник не выйдет наружу, ни к нему никто не пробьётся. И магически переместиться из клетки не выйдет.

– Никто не пробьётся, говорите? Даже проекция?

– Нет, проекция пройдёт, но...

– Значит, и иллюранди сможет.

Я наконец повернулась к Алье. Тот не вмешивался, не отдавал приказов, но внимательно следил за мной.

Так же, как, должно быть, следил за Лодом, когда тот на его глазах составлял очередной план.

– Повелитель, – сказала я, – следящие кольца, связанные с вашим управляющим кольцом. Они призвут носителя откуда угодно?

Дроу кивнул.

– Даже несмотря на запрет магических перемещений?

– Кажется. – Алья с сомнением посмотрел на серебряный ободок, сидевший на его пальце.

– В эльфийском дворце действует этот самый запрет, – вмешался Восхт, – однако нас призывали оттуда.

– Прекрасно. – Я кивнула, неотрывно глядя на Повелителя дроу. – В одной книге я вычитала, что дроу с даром иллюзий могут творить не только свои иллюзии, но и чужие. Это правда?

– Да, – устало откликнулся тот, – но на практике это не применяют, потому что...

– Чтобы создать мою иллюзию, вы должны будете неотрывно держать меня за руки, а контролировать иллюзии будете не вы, а я, и это сделает беспомощными нас обоих, – нетерпеливо перечислила я: не было ни времени, ни сил для любезностей и соблюдения этикета. – Я помню. Но ваши иллюзии материальны, ведь так? В отличие от тех, что творят маги. Ощутимы, отбрасывают тень и навредить другому могут... полная копия оригинала. А исчезают, лишь если вы того захотите. Или от сильных повреждений.

– Фатальных, я бы сказал. Если им что-нибудь отрубить, к примеру, – в глазах Алья искрой мелькнула догадка. – Так ты хочешь...

– Чтобы вы сотворили мою иллюзию, и я отправила её в распростёртые объятия врага под видом себя. Да. Именно этого я и хочу.

Повелитель дроу качнул головой.

– Но иллюзии невозможно контролировать издали.

Он говорил со мной не как владыка дроу с иномирной девчонкой без роду без племени, не как Повелитель с подданным – а как один воин с другим воином. И это окончательно освобождало меня от необходимости соблюдать этикет.

По крайней мере, сейчас.

– Поэтому вы пошлёте иллюранди в Матхниз, чтобы они точно разведали, где наш враг и где он держит Лода. А завтра мы проникнем в замок под пылью. Разобьём маленький лагерь в одном из тамошних пустующих помещений. – Я излагала план ровно, сухо, невыразительно. – Там вы сотворите мою иллюзию, и не одну. Я хочу не просто отвлечь врага, я хочу заманить его в ловушку. После того, как освободим Лода. И пока вы будете помогать мне с иллюзиями, за нами обоими будут присматривать и охранять.

– Девочка, ты не понимаешь, о чём просишь. Контролировать иллюзии – это очень...

– Мне не будет нужды контролировать несколько сразу. Да, сотворим несколько, но я влезу в каждую по очереди, отведу куда надо и оставлю там до поры до времени. Сумрачная пыль ведь действует и на иллюзии тоже, верно? Под невидимостью спрятать их в нужных местах не составит труда, а потом я буду просто переключаться с одной на другую. Думать о своём собственном теле мне не придётся, а с одной-единственной иллюзией, полагаю, справиться просто. Всё равно как перелезть сознанием в другое тело.

Алья, поколебавшись, кивнул:

– Но тебе нужна тренировка. Чтобы ты вела себя естественно, чтобы она не заподозрила подвох. А времени мало.

– Времени – целая ночь. Больше, чем полдня. Нам хватит. – Я сдержанно склонила голову. – Одну иллюзию я отправлю на растерзание. Незадолго до полудня сделаем вид, что кто-то из наших колдунов только что перенёс меня к замку. Эта иллюзия отправится туда, где держат Лода, и вместе с ней внутрь пройдёт Акке. Спрячется в тени. Потому что Лода не отпустят, даже получив меня, ручаюсь. – Я помолчала, расставляя по местам последние фрагменты этой головоломки. – Акке ведь сможет пронести с собой следящее кольцо?

– Да.

– Значит, он подгадает момент, когда враг отвлечётся на меня... а она обязательно отвлечётся на меня... проникнет в клетку и наденет

кольцо Лоду на палец. Управляющее кольцо нельзя стянуть с руки против воли владельца, но если тот не против, вполне. Не так ли?

Алья снова кивнул, и в его злых, угрюмых глазах я прочла некий азартный огонёк.

Повелитель дроу тоже был не дурак поиграть. Учитывая, кто долгие годы служил и служит его Первым Советником, немудрено.

– Тогда – это план, как мы вытащим Лода. – Я коротко выдохнула. – И если сейчас вы предоставите мне один из ошейников и немного времени, а Акке принесёт пару книг из библиотеки Лода... и если я правильно оцениваю свои силы... то я знаю, как навсегда избавиться от нашей рыжей проблемы.

– Но ошейник против неё не поможет, – возразил Дэнимон.

Посмотрев на молодого Повелителя эльфов, я широко улыбнулась – и, судя по всему, эта улыбка испугала даже его.

Нет, Сусликова. Я тебя не убью. Но то, что я собираюсь с тобой сделать, далеко от гуманности.

Потому что ты не оставила себе других дорог.

– Ошейник – нет, – сказала я. – Зато рунная формула, которая на нём написана, очень пригодится...

Я бежала так быстро, как могла, но далеко всё равно не убежала. И когда огненная волна догнала меня, ударив в спину, – выскользнула из иллюзии прежде, чем успела что-либо ощутить, позволив и этому фантому рассыпаться в ничто. Нырнув в следующий, скрючившийся в укрытии уютной ниши в стене, шустро вскочила на ноги.

Почти на месте...

Добежав до изгиба каменного коридора, я насмешливо выглянула из-за угла.

– Попытай счастья ещё раз, – предложила я, убедившись, что Сусликова меня увидела. – Вдруг это действительно я.

И, прильнув спиной к стене, спряталась обратно как раз вовремя, чтобы кровавый огонь пролетел мимо цели, испепелив висевший напротив гобелен.

– Издеваешься, да? – голос Сусликовой, постепенно приближавшейся, зазвучал вкрадчиво. – Но я ведь найду тебя, Белоснежка. Найду и уничтожу и тебя, и твоих дружков... и ничего у тебя не выйдет.

Ага.

– Не выйдет чего? – осторожно высунув голову, поинтересовалась я.

Молодец, Сусликова. Оправдываешь мои ожидания.

Здравомыслие – то, на которое ты ещё способна, – вернулось к тебе

как раз вовремя.

– Думаешь, я ничего не понимаю? Ты ведь меня в западню ведёшь. Заманиваешь, как крысолов на дудочку. – Сусликова стояла, опустив меч, и смотрела на мою иллюзию с нехорошим прищуром. – У дроу ведь есть всякие крутые ловушки? Наслышана, наслышана... я за тобой дальше побегу, за этот угол заверну, а ты в конце концов нырнёшь в какую-нибудь комнатку... и привет.

Когда она прочла на моём лице некое изменение, то улыбнулась.

А я прочла в этой улыбке, что её подозрение переросло в уверенность.

– Может, мне просто доставляет удовольствие тебя троллить, – почти не дрогнувшим голосом заметила я.

– Может, может. Да только больше я ни шагу не ступлю... туда, куда ты хочешь, по крайней мере. – Пальцы Сусликовой, и без того крепко сжимавшие рукоять меча, сжались ещё крепче. – Лучше возьму зеркальце, проведу ритуал и...

Она осеклась: увидев – совсем неподалёку, как раз между ней и мной – то, что привлекло её внимание.

– Брось, – торопливо выкрикнула я, – не успеешь! Даже если б я была тут... хотя с чего ты вообще это взяла? – мой смешок прозвучал напряжённо. – Ты же понятия не имеешь, с чем столкнулась!

Сусликова не ответила, пристально вглядываясь в полукруглую дверь, видневшуюся в стене чуть поодаль.

– Эй! – я выскочила из-за угла, представ прекрасной мишенью, и в голосе моём отчётливо прозвучало беспокойство. – Я с тобой разговариваю, Мэрисуэль!

Не обратив на меня ни малейшего внимания, она шагнула вперёд. Не ко мне, всё к той же двери. Наклонилась, почти уткнувшись носом в зелёную медь массивной круглой ручки... с которой чьи-то пальцы совсем недавно стёрли пыль.

На чистой поверхности которой слегка мерцали сияющие пылинки.

Выпрямившись, Сусликова взглянула на меня, замершую столбом. Улыбнулась – наверное, так же широко и страшно, как вчера улыбалась я.

– Нет! – отчаянно завопила я. – Нет, *стой!*

Но Сусликова уже без лишних слов рванула дверь на себя.

Я знала, что она увидела там. Тёмную комнату, которую мы не рискнули освещать, чью-то спальню, давным-давно покинутую. Нас с Альей, сидящих прямо на полу – на коленях, друг против друга, с закрытыми глазами, неотрывно держащихся за руки. Морти – на кровати под посеребрившим балдахинном, с управляющим кольцом на пальце,

полученным от брата. Навинию, напряжённо замершую рядом, а подле неё Лода, которому как раз, должно быть, закончили лечить искалеченные руки. И когда дверь открылась, все, включая Алью, уставились на Сусликову, придав лицам подобающе испуганное выражение.

Немудрено, что она, вскинув меч, кинулась в комнату уже без всякой опаски.

Первым же шагом пересекая границу гексаграммы, багровым заревом ловушки проявившейся на полу.

Её вопль я начала слышать ещё до того, как выскользнула из иллюзии, в которой больше не было нужды. Продолжила, даже вернувшись разумом в настоящее тело. Наконец открыв глаза, морщась от боли в коленях, поднялась на ноги, когда ловушка уже завершила действие.

Под крик Сусликовой, всё длившийся, я неторопливо подошла к ней. Присев на корточки, смотрела, как она крючится на полу, хватаясь за шею, воя от боли.

Наверное, будь я добром, мне было бы её жаль. А будь я злом – тем злом, которым она меня считала, – отпустила бы какую-нибудь торжествующую фразочку. Но я не была ни тем, ни другим. И поэтому просто смотрела на неё, пока она не затихла и не опустила руки, явив хитрую вязь рунной цепочки, выжженную у неё на шее магической татуировкой.

Увидев моё лицо, Сусликова с ненавистью в глазах рванула ко мне – и, подчиняясь полыхнувшей золотом татуировке, замерла.

– Спокойно, – вскинув руку с управляющим кольцом, проговорила Морти.

А вот в лице принцессы жалость я всё же увидела. Несмотря ни на что.

Морти такая Морти...

– Что вы со мной сделали?!

Сусликова почти визжала, и в визге её даже сейчас слышалось больше возмущения, чем других чувств.

Глядя на неё, я не ощущала даже удовлетворения.

Ловушку по моей инструкции начертили совместными усилиями Восхт и Навиния. Ставить её прямо в коридоре мы не рискнули – в процессе заметить нас было проще простого. Однако я достаточно хорошо знала Сусликову, чтобы заманить её в нужную комнату, создав иллюзию того, что я этого не планировала. Поскольку принципы магических ловушек я изучила уже давно, дело было лишь за тем, чтобы вписать в эту ловушку нужную формулу. Ведь я справедливо рассудила: избавиться от

того, что стало частью тебя – совсем не то же, что от серебряного кольца на шее. И если ошейник мог лопнуть под напором Дара, то татуировка исчезнуть – едва ли.

На то, чтобы вывести правильную формулу, у меня ушло три местных часа. Большая часть того времени, что Сусликова милостиво мне подарила. Преобразовывать заклятие Ильхта, усовершенствованное Лодом, оказалось тем ещё занятием. Чтобы оно подействовало так, как подействовало, да ещё будучи заключённым в ловушку, требовалось изменить довольно многое, не порушив филигранной гармонии формул; но когда я закончила, я знала, что справилась. И, предусматривая риск того, что ловушка не сработает, вынудив нас вступить в банальный бой, была уверена – сработает.

– Надо же, – равнодушно заметила я, – правда подействовало. – Обернувшись через плечо, снизу вверх посмотрела на Алью. – Она ваша, Повелитель.

В золотых, почти кошачьих глазах дроу, неотрывно глядевших на Сусликову, отчётливо сквозила брезгливость.

– Попади она в мои руки ещё летом... – Алья задумчиво, многообещающе помолчал. – Но, думаю, мои гвардейцы не откажутся от развлечения... последнего. Им не терпится повстречаться с девкой, которая убила Сумэйла и едва не убила их любимую принцессу. – Дроу рассеянно повёл рукой. – Правда, боюсь, долго она у них не протянет.

– Что поделаешь. – Навиния за его спиной невинно пожалала плечами. – Проявим милосердие. Праздник, в конце концов.

Ну да. Глупо было ожидать другого приговора от Алии. И на сей раз Морти промолчала: зная её – не из-за злобы на Сусликову, а потому что в голосе венценосного брата она ясно расслышала – этот приговор обжалованию не подлежит.

Жестоко? Определённо.

Но, пожалуй, в данном случае жестокость Повелителя дроу вполне можно было понять.

– Нет! Нет! – визг Сусликовой окрасил хрип. – Бред какой-то! Вы не можете! Всё не закончится так, не может закончиться...

– Нет, Маш. Оно закончится именно так.

Голос мой был усталым – и заставил её затихнуть, удивлённо глядя на меня.

– Оно закончится так, – повторила я. Не злорадствуя, просто подводя черту. – Потому что ты своими руками выкопала себе могилу. Потому что ты ясно дала понять, что ты такое. Потому что это не глупая сказка для

глупых девочек. – Я неторопливо поднялась на ноги. – И потому что мы давали тебе шанс прожить здесь долгую счастливую жизнь, но ты им не воспользовалась.

Оставляя Сусликову позади, я шагнула к Лоду. Сидя на кровати, он крутил кистью левой руки, проверяя чувствительность после исцеления.

Пристально наблюдая за мной.

– Прости, что тебе пришлось смотреть на... то, что ты увидел, – мягко произнесла я. – Но неужели ты правда поверил, что я просто приду к ней на заклятие?

– Конечно, нет. – Его улыбка была спокойной. – Однако, согласишься, было бы немножко странно, если б я просто смотрел, как тебя убивают.

Его взгляд сказал мне больше. В нём я прочла и «спасибо», и тень облегчения, и то же, что когда-то прочла за шахматной доской. Мой милый, пронизательный, все-знающий Лод... как приятно, что иногда мне всё же удаётся удивить даже тебя.

Когда я нашла в себе силы улыбнуться в ответ, я знала: то, что началось в этом самом замке восемнадцать лет назад, наконец закончилось.

Теперь уже точно.

Эпилог

Вечер накануне свадьбы Дэна и Кристи выдался пасмурным. Ветер, стывший на губах холодным привкусом грядущей зимы, уносил с ветвей эльфийского дворца золотые листья, обнажал деревья в саду, но не смущал двух мальчишек, фехтовавших на поляне среди этих самых деревьев.

Отсюда, да ещё в неверных отблесках волшебных светильников, сиявших внизу, рассеивая осенние сумерки, Аля и Дэн действительно казались мальчишками.

– Всё же Дэнимону стоило немного повременить со свадьбой, – произнёс Лод, наблюдавший за ними из-за моего плеча: мы стояли у окна дворцовых покоев, которые эльфы любезно нам выделили. – Траур по его отцу...

– Наверное, боится, что Криста опять убежит. С неё станется. – Я пожала плечами. – Да ладно, не думаю, что эльфы будут роптать.

С пиршества в Мирстофе минуло уже две недели. Все, кто собирался воевать с нами, вернулись к прежней мирной жизни, а дроу с помощью человеческих магов заново отстраивали разрушенную Хьярту. На свадьбу нас пригласили пять дней назад: прежнюю дату Криста и Дэн благополучно скоротали в нашем плену, а новую назначили довольно спонтанно, но, как обмолвился Эсфориэль, «они и так откладывали это слишком долго». Впрочем, поскольку пышное торжество по многим причинам никто затевать не собирался, скрупулёзной организации не требовалось, а помимо эльфийского двора обещали присутствовать очень немногие.

Днём я наблюдала, как по этому же саду прогуливаются Морти с Эсфориэлем. Об их помолвке объявили только вчера. После того что эльф сделал для принцессы дроу, Лу сам пришёл к Алье, отказываясь от притязаний на невесту, и, поговорив с сестрой, Повелитель скрепя сердце решил нарушить старую клятву. Впрочем, если эйтлих однозначно заявил о чувствах Эсфориэля, то вот о чувствах Морти – ничего... да и откуда бы им взяться, этим чувствам? Так что принцесса только привыкала к мысли, что место рядом с ней отныне занимает Эсфориэль, и об особых нежностях между ними пока не было и речи; но сегодня пару раз до меня донеслись отзвуки её смеха, а один раз – даже его. Учитывая, что после смерти братьев я ни разу не видела улыбки Эсфориэля, это был хороший знак.

И по ноткам, звучавшим в их смехе, я понимала: у этих двоих всё будет

хорошо.

Лу только жаль. Очень жаль. Но Лод прав, он найдёт себе другую. Ещё вопрос, чего больше было в его чувстве: любви – или чувства долга да детской влюблённости, переросшей в иллюзию чего-то большего.

Я смотрела на эльфа и дроу, сошедшихся в дружеском поединке внизу – так похожих на других принцев, когда-то фехтовавших перед другим дворцом, – и краски эльфийского сада, яркого даже в увядании и наползающей тьме, заставили меня вспомнить кое о чём.

– Я сегодня себя как-то чувствую... необыкновенно, – произнесла я. – Будто мир стал ярче, и ощущаешь всё... чётче.

Это преследовало меня с самого утра. И немного тревожило. Я никогда не принимала веществ, от которых со всех сторон предостерегали социальные рекламы, но почему-то была уверена, что после принятия чувствуешь себя так же.

– Да? – внимательный взгляд Лода я почувствовала спиной. – С чего бы?

– Не знаю. Конечно, кто-то мог подсыпать отраву мне в еду, но тогда они ошиблись адресом.

– Думаешь? – голос колдуна был странно задумчивым.

– Конечно. В первую очередь травить надо не меня, а тебя... ладно, не обращай внимания. – Я махнула рукой, наблюдая, как внизу Алья, делая показательный выпад, что-то объясняет Дэну. – А наш Повелитель, смотрю, наконец нашёл себе младшенького.

Мне почудилось, что Лод тряхнул головой, прежде чем переспросить:

– Младшенького?

– Ему ведь не хватало кого-то... младшего. С тех пор как он потерял Литу. – Я позволила себе откинуться назад, ощутив затылком тёплое плечо колдуна. – Ты был для него старшим братом, Морти держалась на равных... но Дэна, похоже, полностью устраивает такая роль.

– А, вот ты о чём. – Прежде чем Лод обнял меня, я услышала его усмешку. – Да, пожалуй. Ведь Дэну всю жизнь как раз не хватало кого-то старшего.

Если Алья взял под крылышко осиротевшего Дэна, то Лод сделал то же самое с Восхтом. Мы гостили в эльфийском дворце уже три дня, передавая советникам распоряжения через иллюранди, и львиную долю этого времени два колдуна проводили вместе: Восхт явно избрал Лода себе в учителя, так что использовал эту возможность, дабы выпытать у него ещё капельку темномагической премудрости. Я не возражала – мне тоже было чем заняться. Начиная от шахматных партий с Фаником, который уже

вполне мог продержаться против меня пятнадцать ходов, и прогулок с Бульдогом, которого мы взяли с собой – ошалело носившимся по эльфийскому саду, заливаясь лаем на всё, чего он прежде не видел, – и заканчивая выведением формулы для заклятия, которое позволило бы анализировать строение любого объекта и в точности его копировать. Всерьёз планами технического прогресса я пока не занималась, но теперь, когда у нас наступила относительно спокойная жизнь, вспомнила об утопленном планшете и смартфоне, долго лежавших в моей сумке под горами.

И вдруг подумала: если как-нибудь удастся магией выявить и починить неполадки, а потом создать копии деталей и микросхем...

Мысли о планшете потянули за собой мысли о Дэвиде, Сашке и всём остальном, чего я больше никогда не увижу. Снова заставив немного взгрустнуть.

Да, я сделала свой выбор и выбрала новую жизнь, а не возвращение к прежней. Но забыть прежнюю всё же не могла. Да и нужно ли? Ведь грусть в конце концов уйдёт, а память о хороших вещах и людях – останется.

На этом месте я ощутила, как губы Лода легко коснулись моей макушки.

– Скажи, – произнёс он, – а ты не думала, что вместо того, чтобы запереть дар Мэрис... ты могла бы попробовать его отобрать?

Вопрос был неожиданным. И немного неприятным.

Я не видела Сусликову с того самого дня в Матхнизе – и предпочитала о ней не вспоминать.

– Нет. Не думала. – Я ответила честно, но интонация вышла немного резковатой. – А даже если б подумала, у меня было слишком мало времени, чтобы выводить с нуля формулу, которая вполне может не заработать.

– Тоже верно.

– Лучше никому не владеть такими силами. Представляю, что бы я могла с ними натворить, – с оттенком горечи добавила я.

Иногда я всё же размышляла о том, что было бы, если б прореха качнула чашу весов в другую сторону. Не в Машкину, а в мою. И спрашивала себя, не вышло бы в итоге так, что это я с безумным видом заносила над головами врагов огненный меч. Потому что испытание силой – страшная вещь.

Пожалуй, мне и так хватило в жизни испытаний, чтобы прибавлять к ним ещё и это.

– Конечно, мне немного жаль, что я не маг, – подумав, всё же тихо сказала я. – Потому что маги живут дольше обычных людей. А я в итоге

умру, оставив тебя одного.

Это действительно было единственным, о чём я жалела, и на этих словах пальцы Лода дрогнули.

– До этого ещё очень далеко. В любом случае. – Он помолчал. Вдруг отстранился и, отпустив меня, отошёл. – Жаль будет тебя разочаровывать.

Я недоумённо обернулась:

– Разочаровывать в...

И увидела книгу, летящую прямо мне в лоб.

Что за...

Не успевая увернуться, я резко вскинула руки к лицу. Почему-то ощутив в ладони нечто чужеродное.

Когда толстый талмуд упал к моим ногам, разрезанный пополам – уставилась на то, что невесть каким образом очутилось у меня в пальцах.

Шпага. С изысканной дужкой гарды, с длинным изящным лезвием... из чистейшего, прозрачного как слеза, мерцающего белым светом льда. Сама собой материализовавшаяся в моей руке, абсолютно не ощущавшей холода.

Ещё мгновение я смотрела на неё, осознавая, что это значит.

Подняв взгляд, встретила широкую улыбку Лода.

Не может быть.

– Это... – кое-как выдавила я, – я что...

– Значит, силы мага с его смертью и правда не уходят в пустоту. – Лод провёл пальцем по губам: жестом, в котором читалось предвкушение. – Видишь ли, у меня давно сложилась занятная теория... что силы мага не берутся из ниоткуда, а переходят от мага к магу. От умирающего – к новорождённому. Но поскольку часть сил нашей иномирной гостьи изначально предназначалась тебе... видимо, после освобождения они устремились не к постороннему младенцу, а туда, куда и следовало изначально.

– Силы... мне?

Я ошарашенно смотрела на ледяную шпагу. Честно попытавшись, но не найдя в себе сил опустить руку.

Мир, вдруг ставший ярче. Странное ощущение обострённых чувств: будто к прежним пяти добавилось шестое.

Неужели...

– Ко мне что... перешли силы Сусликовой?

– Да, – весело подтвердил Лод.

– Все?!

– Ну, преобразования, которые совершает прореха... внешность,

знание языка... это явно можно получить лишь непосредственно при переходе. Но её Дар – определённо, и твой запас сидиса... весьма впечатляет.

Вид у него был донельзя довольный.

Он посмотрел на мой ореол силы – только что, после моих слов, – и увидел в нём... изменения. Недолго думая, решил спровоцировать проявление моего свежеприобретённого Дара, продемонстрировать его себе и мне...

А потом я окончательно поняла, что это значит.

– Значит... Машка...

Лод перестал улыбаться, но особого расстройства в его лице я не заметила.

– Ты ведь знала, чем всё закончится.

На душе сделалось пакостно.

Знала, конечно. И вроде даже не особо жалела. Но всё-таки...

– Так ты это предполагал? – спросила я, отвлекаясь от невесёлых мыслей. – Предполагал, что если Сусликова... то её силы перейдут к кому-то ещё?

– Это была только теория. Моя теория, подкрепить которую не было никакой возможности. И я не хотел, чтобы из-за неё у кого-то, включая меня самого, возник соблазн убить её. Не потому, что она заслужила смерти, а лишь для того, чтобы её силы, возможно, перешли к тебе. – Лод опустил руку. – Но она сделала всё, чтобы это заслужить.

Я грустно смотрела на ледяное оружие. Изящное, холодное, определённо смертоносное; стихийное проявление Дара, отныне принадлежавшего мне...

Потом вспомнила отрубленную голову Сумэйла на траве, Морти, умирающую на руках у брата, сломанные руки Лода и пламенный клинок, несущийся к моей шее.

– Да. – Я разжала пальцы, пытаюсь выпустить шпагу из руки, но вместо этого она исчезла. – Пожалуй.

Что ж... справилась с предыдущими испытаниями, справлюсь и с этим. А что ещё остаётся? К тому же других изменений, кроме обострившихся чувств, я в себе не заметила. Даже странно: никакого тебе ощущения всемогущества и опьянения силой, никаких эффектных вспышек ослепительного света, сопровождающих переход Дара от одного к другому. Всё оказалось до смешного обыденно.

Просто была я – и осталась я. Только теперь, как выяснилось, колдунья.

Теперь и правда Белая Ведьма.

– Надеюсь, это поможет тебе не беспокоиться хотя бы за мою старость, – заключил Лод.

Наверное, мне следовало тут же начать экспериментировать. Самой сотворить заклинание – наконец-то. Попробовать вздёрнуть Лода верх тормашками, попробовать, на что хватит моих немаленьких сил. Но желания делать всё это почему-то не было. Ни желания, ни азарта, ни любопытства. Одни лишь растерянные попытки уложить в сознании свершившийся факт да печаль, так и не оставившая меня.

Поэтому я просто отвернулась, чтобы вновь посмотреть вниз.

Алья и Дэн больше не сражались. Стояли друг против друга, опустив клинки, о чём-то разговаривая. И я не сразу поняла, зачем юный Повелитель эльфов проводит лезвием меча над своей ладонью... вернее, это я подумала, что над ней, ведь резать её вроде было незачем. Но когда Алья, взяв у него клинок, повторил его движение и, вернув меч владельцу, протянул Дэну руку, начала смутно догадываться, к чему всё это.

Слов, которые произнёс эльф, когда их ладони соединились, я услышать не могла. А вот увидеть золотистый свет, окутавший пальцы обоих, – прекрасно.

Отныне – братьев по крови.

Блойв брайевур, ритуал, когда-то связавший Тэйранта и Эсфориэля... Значит, трёхсотлетний круг действительно замкнулся: чтобы, не повторяя ошибок прошлого, выйти на новый виток.

– Хороший выйдет подарок Кристе. – Лод снова обнял меня, и в голосе его слышалась умиротворённая усмешка. – Алью – в почти родственники.

Наша близость растворяла растерянность и беспокойство, успокаивала, согревала, растапливала ледяные осколки, после известия о Сусликовой и мыслей о прежней жизни вновь заколовшиеся внутри... но эти осколки заставили меня в который раз подумать о том, о чём я не раз вспоминала в эти дни, предшествовавшие чужой свадьбе.

И на сей раз – не только подумать.

– А как в Риджии проходят свадьбы? – негромко спросила я. – Церемония ведь состоится в храме?

– Да. Кристу и Дэна поженит верховный жрец, глава служителей Солира, но и у дроу молодожёны приносят клятвы в храме. Только не Солира, а Тунгх.

Интересно. Если дроу поклоняются Тунгх, то люди – Четверым, богам стихий. И чей же жрец в итоге будет венчать Алью с Навинией? Ох уж эти вопросы вероисповедания... Впрочем, думаю, Повелитель дроу и его

светлейшая возлюбленная как-нибудь разберутся.

Выходит, всё-таки клятвы. Как я и думала.

– Клятвы? – повторила я. – Быть вместе в болезни и здравии, горе и радости?

– Что-то вроде этого.

– И любить друг друга до самой смерти тоже клянутся?

– Конечно.

Пару секунд я колебалась. Затем всё-таки спросила:

– Можешь пообещать мне кое-что?

– Смотря, что именно.

Какой предусмотрительный. Впрочем, от него я иного и не ждала.

– То, что мы с тобой не поженимся.

Лод замер, – и я поняла, что мне снова удалось его удивить.

Есть две вещи, о которых мечтает, наверное, каждая девушка. Прекрасный принц и обручальное колечко.

Какая ирония, что мне никогда не было нужно ни то ни другое.

– И почему же? – голос колдуна обесцветила бесстрастность.

Я прикрыла глаза.

– Когда люди женятся, то дают друг другу клятвы, которые легко могут не сдержать. И в этом не будет их вины. – В словах послышалась обречённость, однако я должна была их произнести. – Можно клясться в поступках, в действиях, в том, что сделаешь или не сделаешь чего-то, ведь это в твоей власти – делать или не делать, но нельзя клясться в эмоциях. В том, за что не можешь поручиться, в том, в чём не можешь быть уверен. Нельзя клясться, что будешь любить всегда, потому что это не зависит от тебя. И если ты серьёзно относишься к клятвам... а ты серьёзно относишься к клятвам... – мои руки невольно дрогнули. – Я не хочу этого. Вот и всё.

Я много думала об этом. Ещё в своём мире, когда размышляла о браке и венчании. И здесь, в Риджии, лишь укрепились в своих мыслях.

Но ответом мне был тяжёлый, очень тяжёлый вздох.

– Сноуи, Сноуи, – моё новое имя Лод почти прошептал. – Какая же ты ещё... Сноуи. – И взяв меня за плечи, решительно развернул лицом к себе. – Нет, я не буду обещать тебе этого. Того, что ты хочешь. Но я сделаю всё, чтобы ты забыла все свои страхи. – Взгляд колдуна окрасила светлая, почти болезненная нежность. – И в этом я могу поклясться прямо сейчас.

Он коснулся моей щеки, склонился вперёд, – и я вдруг поняла, что верю в это. И ему, и его обещаниям, и тому, что он действительно заставит меня забыть обо всём плохом, что осталось от той маленькой колючей

девочки, которую учили не верить никому и ничему. Обо всём, о чём следовало забыть, чтобы наконец быть счастливой.

...да. Если б моя история всё же была сказкой, то какой-то неправильной. Добро и зло слились воедино, тьма и свет объединились, а Белоснежка отвергла принца, который в неё не влюбился, не умерла, съев яблочко, и сама спасла того, кого любит, от злой колдуньи.

Но, в конце концов, оригинальный вариант всегда казался мне ужасно скучным.

А моё «долго и счастливо» – я уверена – будет ничуть не хуже.

29 апреля 2016 г.

Москва

notes

СНОСКИ

1

Отсылка к знаменитой шахматной задаче «Мат Диларам». Диларам – жена арабского визиря, который однажды едва не проиграл её в шахматы, но Диларам помогла мужу выпутаться из безвыходного положения и победить в той партии.

2

От *англ.* cheat code (cheat – «жульничество», «обман»): код, который может быть введён в программу, чтобы изменить ход её работы.

Наиболее близкий по смыслу цензурный перевод – «сын вредной самки собаки» (*ридж.*).

Задачи тысячелетия – семь математических проблем, решение которых до сих пор не найдено; гипотеза Пуанкаре – математическая гипотеза, которую внесли в список задач тысячелетия, но в конце концов её решил российский математик Григорий Перельман.

Некрепкий спиртной напиток на основе цветов (*ридж.*).

Уважительное обращение к эльфийским женщинам знатного рода (ридж.).

Уважительное обращение к мужчине, распространённое среди эльфов и людей (*ридж.*).

Придворная дама (*ридж.*).

Риджийский аналог лютни.

Слова Зигберта Тарраша, одного из крупнейших шахматистов и шахматных теоретиков в истории.

11

Мат за четыре хода, который довольно часто встречается среди новичков.

В шахматах – ритм игры, развитие событий; в более узком значении – ход.

Джордж Данциг – американский математик. Однажды, будучи аспирантом университета, он опоздал на урок и принял написанные на доске уравнения за домашнее задание. Задание показалось ему сложнее обычного, но через несколько дней он смог его выполнить; после оказалось, что он решил две «нерешаемые» проблемы в статистике, с которыми маститые учёные не могли справиться в течение многих лет.

Стихи Марка Шейдона.

Капкан – шахматная ловушка, приводящая «попавшуюся» сторону к неизбежной потере фигуры.

Игровой термин, от *англ.* carry – «нести, тащить»: герои, которые «принесут» команде победу, но их потенциал зависит от предметов, купленных в процессе игры.

Игровой термин, от *англ.* farm – «фермерство»: в данном случае – многократное нападение на тех или иных существ с целью собрать определённое количество ресурсов.

Игровой термин, от *англ.* resurrect – «воскрешение».

Цитата из песни Канцлера Ги.

Мексиканский физик-теоретик. Более всего известен тем, что разработал математическую модель, которая позволяет путешествовать быстрее света, не нарушая физического принципа Эйнштейна.

Маневр короля из знаменитого шахматного этюда, названный в честь чехословацкого гроссмейстера Рихарда Рети, позволяющий свести вроде бы гарантированный проигрыш к ничьей.

«Жребий брошен» (*лат.*); фраза, которую, как считается, произнёс Юлий Цезарь при переходе через Рубикон.

В компьютерных играх – творить заклинание.

От *лат. excelsior* – «всё выше»; разновидность шахматной задачи, когда пешка из первоначального положения ход за ходом движется в ферзи.